

**СЛАВЯНЕ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
РЕГИОНА**

г. Оренбург

Министерство культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Филологический факультет Оренбургского государственного педагогического
университета

СЛАВЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Материалы межрегиональных
научно-практических конференций,
посвященных Дню славянской письменности
и культуры в Оренбуржье

Серия «Многонациональный мир Оренбуржья»

Выпуск 25

Оренбург, 2011

УДК 9027
ББК 63.521 (=41) (235.557)
С 47

Под общей редакцией:

Амелина В.В. – доктора исторических наук, профессора

Ответственный за выпуск:

Моргунов К.А. – кандидат исторических наук

Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы межрегиональных научно-практических конференций / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ГУП Оренбургской области «Бузулукская типография», 2011. – 242 с.

Серия «Многонациональный мир Оренбуржья» Выпуск 25

В сборнике объединены материалы прошедших в рамках Дней славянской письменности и культуры в г. Оренбурге межрегиональных научно-практических конференций: «Вначале было слово ...» (22-23 мая 2009 г.) и «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона» (22-24 мая 2010 г.).

В представленных в сборнике материалах рассматриваются этапы этнокультурного развития и духовные традиции славянских народов Южного Урала, характеризуется положение русского языка и литературы в системе славянской духовности.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специалистов, занимающихся культурологическими и лингвистическими исследованиями.

© Коллектив авторов, 2011

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ И ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ОРЕНБУРЖЬЯ

Так сложилось исторически, что объединяющими факторами, играющими большую роль в сохранении и развитии государства, являются язык и культура. Русский язык и русская культура являются основой государства Российского, тем, что сплачивают нашу большую, многонациональную страну в единое целое.

16 марта 2010 г. президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал Указ «О праздновании Дня славянской письменности и культуры». В этом указе говорится об особой значимости Дня славянской письменности и культуры в консолидации российского общества и укреплении связей с братскими славянскими народами на основе исторических, духовно-нравственных традиций.

Празднование в Оренбуржье Дня славянской письменности и культуры, посвященного основателям славянской письменности, равноапостольным Кириллу и Мефодию стало доброй традицией. На протяжении шести последних лет этот праздник сопровождается проведением научно-практических мероприятий, по итогам проведения которых изданы уже три книги: «Мир славянской письменности и культуры» (2006 г.), «Традиции славянской письменности и культуры в Оренбуржье» (2007 г.) и «Слава Вам братья, славян просветители» (2008 г.). Презентация последнего сборника состоялась в январе 2009 г. в областной библиотеке им. Н.К. Крупской. Авторы сборника, библиотечные работники, активисты славянских

национально-культурных общественных объединений, действующих в области, высказывались о важности изучения культуры и традиций славянских народов, говорили добрые слова о новом издании и о традиции проведения научных конференций, посвященных славянской культуре, письменности, литературе и русскому языку.

В 2009 г. Дню славянской письменности и культуры была посвящена межрегиональная научно-практическая конференция «Вначале было слово...». В мае 2010 г. в рамках традиционного областного праздника состоялась еще одна межрегиональная научно-практическая конференция «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона». Материалы двух последних конференций объединены в данном сборнике.

Распространение славянского этноса на территорию Южного Урала, ставшего зоной контакта различных культур, языков и религий, имеет глубокие корни. Оренбургский исследователь Ю.С. Зобов приводит данные о том, что русское население появилось на территории, которую занимает современная Оренбургская область, еще в XVI веке, когда в ходе длительной, мощной, мирной земледельческой колонизации русскими переселенцами были освоены гигантские пространства Евразии от Урала до Тихого океана и создано одно из крупнейших государств мира – Россия. В ходе этой колонизации сложилось и славянское

население Оренбургского края. Русскими первопоселенцами в нашем крае были вольные казаки, перешедшие с Волги на Яик и основавшие в 1586 году в устье реки Илек казачий городок Кош-Яик. Это было первое русское поселение в пределах современной Оренбургской области, положившее начало переселению русских в Заволжье и на Южный Урал и складыванию здесь славянского этнокультурного мира.

Переход волжских казаков на Яик и основание ими здесь укрепленных городков положили начало Яицкому казачьему войску, преимущественно русскому по своему составу.

После того, как в 1743 году на высоком берегу Яика, недалеко от впадения в него Сакмары, был заложен город Оренбург, ставший главным городом обширного края и важным центром торговли со странами Востока, поток переселенцев усилился.

В середине XVIII века в крае появились первые украинские поселения. Выходцы с Украины были в числе первопоселенцев в Илекском городке, основанном в 1737 г. на левом берегу Яика. Добровольцы из Малой России начиная с 1742 г. селились в оренбургских крепостях: Татищевой, Чернореченской и Рассыпной, в Нежинском редуте.

Ко второй половине XVIII века относится появление в пределах губернии депортированных польских конфедератов. Оренбургская губерния была местом ссылки участников польских восстаний 1831-1863 годов.

В первой половине XIX века переселенческое движение приняло массовый характер. Русские и украинские крестьяне-переселенцы (белорусы не выделялись как отдельная группа) играли ведущую роль в земледельческом освоении Оренбургского края. Они принесли веками сложившуюся

культуру земледелия. Своим упорным трудом поднимали целину, с каждым годом расширяя площади посевов, способствуя превращению края в район крупного производства хлеба.

Ныне в составе многонационального населения Оренбуржья славянское население имеет наибольшую численность и удельный вес составляя около 78 процентов от общей численности населения. Это более 1 млн. 680 тыс. человек.

Сегодня наш регион является одним из самых благоприятных в стране с точки зрения своего экономического развития и общественно-политической стабильности. Люди едут сюда из стран СНГ, обустроиваются на долгие годы, многие навсегда. В основной своей массе это наши соотечественники, и, прежде всего, русские, украинцы, белорусы. Во многом за счет миграционных процессов демографическая ситуация в области имеет положительную динамику. За межпереписной период, в самые тяжелые 90-е годы, численность русского населения в Оренбургской области не только не уменьшилась, а наоборот, выросла (на 2 процента или 43 тыс. человек).

С Оренбуржьем тесно связаны жизненный путь и творчество многих деятелей литературы и искусства. Оренбургскому краю посвятили свою творческую деятельность первый член-корреспондент Академии наук замечательный исследователь П.И. Рычков, великий русский писатель С.Т. Аксаков, художник-передвижник академик Л.В. Попов. С Оренбуржьем тесно связана судьба выдающегося государственного деятеля и ученого В.Н. Татищева. Здесь Жил и собирал свой толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даль. С Оренбуржьем связано литературное творчество

А.С. Пушкина. Почти десять лет в различных местах обширного степного края провел украинский kobzarь Т.Г. Шевченко.

Широкую известность и признание общественности получили произведения русских писателей-оренбуржцев Ю.В. Бондарева, В.В. Карпова, И.С. Уханова, П.Н. Краснова, Н.Ф. Корсунова и других, художников Н.П. Ерышева, Ф.И. Козелкова, скульпторов Г.А. Петина и Н.Г. Петинной.

Славянские этнокультурные традиции в Оренбургской области бережно сохраняются и развиваются. Ничто так не устойчиво и не близко к истокам самобытной национальной культуры, как народные песни, музыка, танцы, ремесла. Они аккумулируют в себе вековую мудрость, духовный опыт, языковое и мелодическое своеобразие национального самосознания, всю красоту и богатство жизни. Сохранить это достояние для последующих поколений – задача насущная и чрезвычайно важная.

В области функционируют около 6 тыс. русских творческих коллективов различной жанровой направленности, общее количество участников в которых составляет порядка 62 тыс. человек. Действуют около 200 русских фольклорных коллективов в которых участвуют почти 2 тыс. человек.

Общероссийское и мировое признание получило творчество Оренбургского государственного академического русского народного хора и Народного хора русской песни.

Традиционным стало проведение Всероссийского фестиваля «Оренбургский пуховый платок». Ежегодно проводятся областной праздник русского фольклора «Зеленые святки», областной фестиваль «Русская песня», межрегиональный фестиваль казачьей культуры «Оренбург – фор-

пост России». С большим размахом во всех городах и районах области отмечается День славянской письменности и культуры.

Возрождающееся Оренбургское казачество начинает играть заметную роль в возрождении исторических традиций и культуры казачества.

Сохранение этнической культуры славянских народов является важнейшим условием успешного развития нашего общества. Славянское гостеприимство, доброта и широта души сыграли важную роль в том, что Оренбургский край сохраняет стабильность в системе межнациональных отношений. На удовлетворение этнокультурных потребностей представителей всех этнических общностей, проживающих в области, в том числе русского населения, направлена областная целевая программа реализации модели региональной национальной политики.

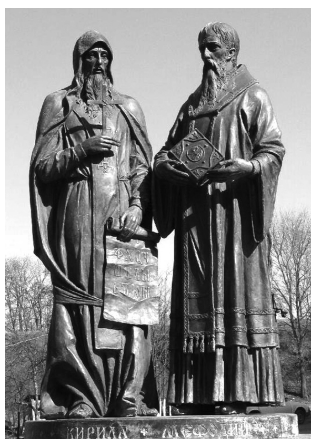
Успешное развитие русского народа является неперенным условием благополучия всех других народов России. Талантливость и мощь русского народа, его способность преодолевать трудности и двигаться по пути прогресса, являются залогом успешного развития российского общества и государственности.

Проведение в рамках Дня славянской письменности и культуры научных конференций и издание по их итогам сборников материалов призвано служить популяризации русского языка и культуры славянских народов, изучению различных аспектов современной русистики и литературоведения, а также расширению исследовательской базы по славянской культурологии. Уверен, что сборники материалов этих конференций найдут своего заинтересованного читателя.

В. В. АМЕЛИН

«ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...»

Межрегиональная научно-практическая конференция,
посвященная Дню славянской письменности
и культуры в Оренбуржье

г. Оренбург, 22-23 мая 2009 года

РУССКИЙ ГОРОД В ИЗОБРАЖЕНИИ В.И. ДАЛЯ

Д.С. Лихачев в «Заметках о русском» отмечал, что Россия – «это грандиозный культурный ансамбль». Ученый писал: «...если вы возьмете всю нашу страну, вы удивитесь разнообразию и своеобразию городов и хранящейся в них культуры: в музеях и частных собраниях, да и просто на улицах, ведь почти каждый старый дом – драгоценность. Одни дома и целые города дороги своей деревянной резьбой, другие – удивительной планировкой, набережными, бульварами (Кострома, Ярославль), третьи – каменными особняками, четвертые – затейливыми церквями, пятые – «небрежно» наброшенной на холмы сетью улиц» [1, с. 27].

Но все эти города многое объединяет. Лихачев подчеркивает, что «одна из самых типичных черт русских городов – их расположение на высоком берегу реки. Город виден издалека и как бы втянут в движение реки: Великий Устюг, волжские города, города на Оке. Есть такие города и на Украине: Киев, Новгород-Северский, Путивль. Это традиция Древней Руси – Руси, от которой пошли Россия, Украина, Белоруссия, а потом и Сибирь с Тобольском и Красноярском... Город на высоком берегу реки в вечном движении. Он «проплывает» мимо реки. И это тоже присущее Руси ощущение родных просторов» [1, с. 27].

В прозе В.И. Даля изображены города столичные, губернские, уездные. Обращаясь к антитезе *столица – провинция*, писатель подчеркивает интеллектуальный потенциал последней: «Чем дальше

от столиц наших на юг и восток, тем простор становится шире, и еще много, много видится тут умственно впереди...» («Обмиранье») [2, с. 128].

Его «физиологические» очерки и рассказы отличаются достоверностью деталей и обостренным вниманием к географическим, историческим, этнографическим приметам. Описания русского города даны писателем в соответствии с принятыми в «натуральной школе» правилами подхода к изображению действительности: исследованием внутренних процессов общественной жизни, вниманием к «нравоописательной» проблематике, к быту «маленького человека». Видимо, поэтому наряду с «градообразующими элементами» (описания соборов, гостиного двора, губернаторского дома) в произведениях писателя мы находим зарисовку полуразвалившегося *домика* («Домик на Водяной улице»): «...в переулке Водяной улицы стоял сильно развалившийся домишко; половина крыши упала на подволоку... труба торчит высоко, и будто другая половина крыши об нее уперлась и ею держится; домик сильно перекошило, он одним углом ушел в землю; наружных дверей или затвора при них не было вовсе, а вместо крыльца подставлен был под порог старый ящик; огорожки, забора никаких, один заглохший пустырь, а два столба служили представителями ворот. Но когда проходящий с удивлением взглядывал на окна, не чая, чтобы хижина эта могла быть жилою, то он встречал уютные окошечки,

с оконницами радужных цветов, за коими сквозили белые занавесочки и цветы, хоть это и были только герань, капуцины и бальзамины» [2, с. 103-104].

Иногда В.И. Даль в описании городской жизни бывает ироничен. Вот какой курьезный случай приведен в произведении «Вахх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье за первую половину жизни своей»: «Я жил в низеньком домике без палисадника; улицы в этой части города так широки, что бабы летом через улицу друг другу в окно горшки на ухвате передают; перед окнами моими нанесло огромный сугроб снега, а его прикрыли еще пластом навоза; весна пришла, я растворил рано окна, а между тем по улицам не было еще проезда на колесах. Семейство Калюжиных, маменька с четырьмя дочками, сели в огромный возок и отправились по этой распутице с визитами. Едут они по моей улице, взобрались на знаменитый сугроб мой, а оттуда кучер возьми да и вывали их прямо ко мне в окно. Я сидел в халате за работой в соседней комнате, но, услышав страшный крик в окне своем, успел еще вовремя подскочить, чтобы принять под руки незваных и неожиданных гостей...» [3, с. 191].

Город, как и природа, является предметом изображения для многих русских писателей. По мнению Д.С. Лихачева, «город не противостоит природе. Он идет к природе через пригород. «Пригород» – это слово, как нарочно созданное, чтобы соединить представление о городе и природе. Пригород – при городе, но он и при природе. Пригород – это деревня с деревьями, с деревянными полудеревенскими домами. Он прильнул огородами и садами к стенам города, к валу и рву,

но прильнул и к окружающим полям и лесам, отобрав от них немного деревьев, немного огородов, немного воды в свои пруды и колодцы. И все это в приливах и отливах скрытых и явных ритмов – грядок, улиц, домов, бревнышек, плах мостовых и мостиков» [1, с. 18].

Многие произведения В.И. Даля могут быть художественным подтверждением этих размышлений ученого. Полугород-полудеревню описывает Даль в рассказе «Обмиранье»: «Дымок по ясному небу издали указал жилье, и это был городок, населенный казаками, мещанами, торгашами, немногими татарами и должностными по управлению лицами, окруженный хорошими селами, скопом переселенцев из десятка малоземельных губерний, даже из Украины... у въезда стоит застава, хотя огорожи нет никакой, и въезд во все улицы вольный, оцеп высоко приподнял журавлинный нос свой, расписанная клетками будка пуста; из нее торчит солома, вокруг бродят телята и гуси, а резвая коза, вскочив на оцеп, осторожно пробирается по нему в гору, сама не зная, зачем: вероятно, как англичанин, чтобы побывать там, где еще никто не бывал» [2, с. 129].

Связь города и деревни, по мнению писателя, проявляется в том, что многие крестьяне ходят в города на заработки. В очерке «Хмель, сон и явь» Даль отмечает, что «...и из дальних губерний работники уходят на два, на три и более года не только в столицы, но и во все концы царства; симбирцы, владимирцы, ярославцы строят дома в Уральске, Оренбурге, Омске и Тобольске. Тысячи плотников, столяров, каменщиков, штукатуров, печников, кровельщиков рассыпаются оттуда ежегодно по всей России» [3, с. 206].

По-современному звучит далевское сопоставление замкнутости жизни города и бесконечности сельских просторов (оппозиция город/село): «Грудь на просторе широко дышит, суетные заботы на время там, далеко, в душном городе; в этом муравейнике мелочных страстишек, дрязг и сует человек на время отрешился от всего, что гнетет и томит, он один с природою, глаз на глаз, и будто ему ни до чего в мире нужды нет... Но и это не надолго: он рассыпает избыток телесных сил своих по полям и горам, он освежает дух свой, пригнетенный одною умственной деятельностью, он будто в знойный, удушливый день выкупался в безграничном море, кинувшись беззаботно, торчмя головой, в бездну его; и освежась и укрепясь живительною силой природы, бодро возвращается опять к своему долгу. Работе время, досугу час» [2, с. 112-113].

Жизнь в далеком от столицы Оренбургском крае, впечатления, полученные Далем во время многочисленных служебных поездок, дали писателю богатейший материал для размышлений о российских городах. Будучи чиновником особых поручений при оренбургском губернаторе В.А. Перовском, Даль достаточно хорошо узнал не только Оренбург, но и другие города края и близлежащих губерний. В его прозе упоминаются Казань, Чебоксары, Уральск, Пермь, Троицк, Челябинск, Екатеринбург, Пенза, Саратов, Саранск, Красноуфимск и др. Среди этих городов Оренбург привлекает внимание писателя прежде всего географической особенностью – расположением на границе Европы и Азии. Различное понимание этой границы дает основание для ироничных размышлений героя рассказа «Европа и Азия»: «Да где

же, скажите, начинается Азия, то есть где, собственно, оканчивается Европа? Неужели это такая вещь, которая, как бы сказать, покрыта мраком неизвестности, или это, наконец, тайна природы, до которой люди еще не дошли, несмотря на ученость свою... Вот, посмотрите, в одной немецкой географии Волга принимается за настоящую границу, и Казань любовной сделкой передана Азии; в другой граница эта: Уральский Кряж, Общий сырт и низовье Волги; в третьей – Уральский хребет и река Урал; другие толкуют, что вся Оренбургская и Пермская губернии принадлежат Европейской России, а следовательно, и Европе...» [2, с. 17].

Оренбург изображен Далем европейским городом как антитеза прежде всего жизни кайсаков.

В повести «Бикей и Мауляна» писатель особенно часто прибегает к сопоставлению жизни, быта, нравов жителей востока и запада, столичного Петербурга и провинциального Оренбурга. Сравняются не только жилища, но и одежда, прическа, украшения. С улыбкой обращается автор-рассказчик к читателям повести: «...не знаю, приглянулась ли бы вам моя степная красавица с первого раза, особенно если бы вы пожаловали в зауральскую степь прямо с партера Александринского театра, из филармонической залы, с пышного придворного бала...» [2, 248]. Самому же автору облик кайсачки кажется приятным: «свежее, дикое, яркое и смуглое лицо, в котором брови, ресницы, очи, губы и подборные, скатного жемчуга зубы украсили бы любую из московских и питерских красавиц...» [2, с. 248].

По прозаическим произведениям Даля можно представить Оренбург 1830-х годов, его географическую специфику, историю

основания, архитектуру, особенности жизни, быта оренбуржцев, развитие торговли лесной и дровяной, торговые связи со Средней Азией и многое другое.

Оренбург Даля – «это город степной, где дынь и арбузов много, а орехов нет» («Обмиранье») [2, с. 131]. В повести «Бикей и Мауляна» Даль пишет: «Оренбург, по уверению книжников, стоит выше океана, здесь-то и степь наша сама принимает вид сухого моря. Выше – места разнообразные, частью гористы и лесисты; но бедный Оренбург, перенесенный с места на место до трех раз, судьбы своей не миновал: он наконец-таки расположился в безлесной и голой пустыне» [2, с. 216]. В примечании к этой повести писатель сообщает: «Оренбург был первоначально заложен на месте Орской крепости, потом перенесен туда, где ныне Красногорская, а наконец уже основан там, где стоит и поныне».

Иногда писатель не называет имени города, но по каким-то особым приметам можно определить, что речь идет об Оренбурге. Вот, например, рассказывая об истории закладки Оренбурга, Даль пишет: «В опрятном, новом городке елизаветинских времен, перенесенном трижды с места на место... («Серенькая») [2, с. 103]. Объясняя причины основания Оренбурга, Даль продолжает: «Закладка города началась глубоким окопом его для защиты от внезапных набегов, и один только окоп этот удержал в свое время и Пугачева: разбойники берут распахом и на приступ не ходят...» [2, с. 104].

Писателем неоднократно подчеркиваются две особенности Оренбурга – его военный и торговый характер. Во времена Даля Оренбург еще оставался городом-крепостью, о чем и свидетельствует пи-

сатель: «Оренбург, в котором с каждого перекрестка во все четыре стороны виден крепостной вал...» («Бикей и Мауляна») [2, с. 217]. Вспоминая славное прошлое, историю появления Оренбурга прежде всего как пограничного города, защиты от набегов кочевников, киргиз-кайсаков, Даль устами одного из своих героев говорит: «Здравствуй, трижды зачатая, единожды рожденная твердыня, русский город: век стоять тебе покровом и оплотом и ширить могучие крылья свои!» («Серенькая») [2, с. 105].

Торговый характер города передан Далем через описание двух зданий – менового и гостиного дворов. В начале повести «Бикей и Мауляна» нарисована яркая картина прихода к Оренбургу, на меновой двор, торгового каравана:

«– Идет, идет! – раздалось в пестрой толпе, стоявшей отдельными кучками, смотря по званию и сословию, знакомству и связям зрителей. – Караван идет!

И толпа, многоязычная, многоглавая и разнообразная, как сама молва, зашевелилась... тут были торгаши, мыльные и сальные, в долгополых сюртуках и в пестрых шейных платочках; были и приписные и беглые мещане, отбивающие у первых меновой торг с кайсаками, коим отсыпают нередко щедрою рукой за барана несколько помадных банок нюхательного табаку, да мерочку муки, пополам с золою, с известью и песком; были и татары, промышленяющие шубами, тулупами, яргаками и шурами, такие же пройдохи, как и те; было и несколько человек так называемых конфетчиков, т.е. просто лавочников, содержащих в городе, в частных домах, плохие лавки под названием магазинов. В Оренбурге есть и гостиный двор, но это огромное здание

более походит на арестантский двор или на монастырь: лавки все обращены внутрь, а снаружи видны одни только стены; все глухо, пусто, мертво, и покупщики неохотно туда заходят... В тылу у зрителей был огромный каменный меновой двор, коего стены бесконечного протяжения, казалось бы, готовы заключить в себе всех верблюдов Средней Азии...» [2, с. 213].

Изображая Оренбург, Даль описывает многие здания города: гостинный двор, церкви, собор, губернаторский дом, наиболее известные места, расположенные вблизи города, – меновой двор, Форштадт, Зауральную рощу, поселок Берды. Описания, отражающие специфику пограничного города, имеющего черты как европейские, русские, так и азиатские, нередко сопровождаются историческими экскурсами, воспоминаниями жителей, рассказами о разных случаях. Вот отрывок из повести «Бикей и Мауляна»: «Позади менового двора, верстах в двух, на том же левом, пологом берегу Урала, зеленилась рощица, одна-одинехонька в обширной степи; на противоположном, крутом, европейском берегу реки, высилось несколько зданий, разрушающийся губернаторский дом, собор – а повыше, в форштадте, церковь Георгиевская, знаменитая тем, что Пугачев, во время приступа к Оренбургу, употребил колокольню Георгиевскую вместо барбета: он втащил на нее пушку, из которой стрелял, за неимением снарядов, пятаками» [2, с. 215].

С известной долей иронии отмечает писатель и некоторые особенности городской жизни оренбуржцев – например, любовь к транспорту, нежелание ходить пешком: «Оренбург... вмещает в себе почти столько же рыдванов и колымаг, сколько числится в городе малых и больших домов.

Куда на них ездят? – спросите вы. – Да мало ли куда: то за угол, то за другой, – визит, дамский визит, сами вы знаете, дело великое, а с визитом не ходить же пешком, да и не ездить же, упаси бог, и на дрожках! Ей-ей, иногда бедному вершнику – фалетору по-вашему – некуда деваться – так колымага напирает, так крут поворот от ворот до ворот – нужды нет: пошел четверкой! но зато, браниться бранись, а на мир слово покидай – зато оренбургский карандас, или по-симбирски тарантас, а также разлюли-долгуша – повозка на долгих, зыбких дрогах, самый удобный и выгодный снаряд для езды в поле и в дороге, ломки мало и опрокинуть его почти нельзя вовсе» [2, с. 217].

В «Гофманской капле», которая современному читателю мало известна, так как публиковалась только в XIX веке, губернаторский город назван уже вымышленным именем (хотя и напоминает Оренбург): «Зала благородного собрания старинного удельного, а ныне губернского города Тугарина освещена была, как щит на потешных огнях. Свет падал сквозь цельные зеркальные стекла, недавно выписанные дворянством в честь нового губернатора и на прощанье со старым; яркая полоса ложилась во всю ширину здания поперек улицы, загроможденной каретами, колясками, дрожками: кучера и выносные расхаживали в толпе любопытного народа и заглядывали в окна...» [2, с. 338].

В прозе Даля мы находим обобщенное описание российского города, в изображении которого ярко проявилась особенность таланта писателя, отмеченная еще И.С. Тургеневым: «Быт, обычаи, города и селения, разнообразную природу нашей Руси рисует он мастерски, немногими, но

меткими чертами... Разве не талант – умение одним взглядом подметить характеристические черты края, народонаселения, уловить малейшие выражения разных – говоря высоким слогом – личностей и среди всякого рода дрязгов и мелких хлопот сохранить неизменную, непринужденную веселость?» [4, с. 102].

А.Г. ПРОКОФЬЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Лихачев Д.С. Заметки о русском. – М., 1984.
2. Даль В.И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя/Сост.А.Г. Прокофьева, Г.П. Матвиевская, В.Ю. Прокофьева, И.К. Зубова. – Оренбург, 2001.
3. Даль В.И. Избранные произведения/Сост. Н.Н. Аكوпова. – М., 1983.
4. Тургенев И.С. Собр. соч. в 12 т. – Т. 11. – М., 1958. – С. 102.

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В ОРЕНБУРГЕ В НАЧАЛЕ XX в.

(по материалам местной периодической печати)

Хроникер общественно-литературно-политической «Оренбургской газеты» весной 1901 года сообщал: «По определению Святейшего Синода день просветителей славянских Кирилла и Мефодия включен в число неприсутственных дней по духовно-учебному ведомству. В этот день предписано совершать торжественные Богослужения с участием всех учащихся и учащихся в духовно-учебных заведениях и церковных школах духовного ведомства. Кроме того, рекомендовано производить чтение учащимся о жизни и значении святых Кирилла и Мефодия.

Его преосвященством, преосвященнейшим Владимиром накануне 11 мая (24 мая по новому стилю – Т.С.) совершено было в Кафедральном соборе торжественное всенощное бдение, а в самый день 11 мая – литургия с молебным пением в

сослужении городского духовенства. К участию в Богослужении по распоряжению его преосвященства призваны были все учащие и учащиеся в духовно-учебных заведениях и церковных школах.

Для учащихся в церковных школах 11 мая с нынешнего года делается праздником вдвойне, так как по распоряжению Святейшего Синода к этому дню велено приурочивать торжественные годовичные акты в церковных школах.

После богослужения, в конце которого, между прочим, Его преосвященством произнесено было слово о просветительных трудах святых Кирилла и Мефодия, все учащиеся в церковных школах Оренбурга собраны были в регентской школе (находилась напротив Тополевого сада по современной ул. Постникова – Т.С.). Здесь уездным наблюдателем отцом Ми-

хаилом Филоловым произнесена перед собранием речь с рассказом о жизни, деятельности и значении святых Кирилла и Мефодия. Затем торжественный акт сопровождался исполнением хором архиерейских певчих гимна Кириллу и Мефодию и пением «Боже, Царя храни!» с раздачей подарков учащимся» [1].

С благословения Его преосвященства, Преосвященнейшего Владимира Епископа Оренбургского и Уральского учебный год в 1903 году в церковных школах Оренбурга «закончился празднованием дня памяти святых первоучителей славянских Кирилла и Мефодия.

Накануне в Иоанно-Богословской двухклассной церковно-приходской школе в присутствии учащихся и учащихся церковных школ было отслужено всенощное бдение, в самый день праздника – Божественная литургия, которую совершал епархиальный наблюдатель священник М.М. Немечек. Во время богослужения на правом клиросе пел хор воспитанниц Ивановской второклассной школы, на левом – хор учениц Иоанно-Богословской церкви-школы. Стройное и мелодичное пение второклассниц в светлом храме, залитом лучами солнца, производило на души молящихся сильное впечатление. Умилительно было слышать исполнение некоторых песнопений Литургии всеми учащимися, когда сотни детских голосов сливались в один общий стройный хор.

В конце Литургии епархиальным наблюдателем было сказано слово о жизни и трудах святых Кирилла и Мефодия, о том великом значении, какое имела деятельность просветителей для всего славянского мира и в особенности для русской земли. По окончании Литургии был отслу-

жен молебен с возгласием многолетия Их Императорским Величествам и всему Царствующему Дому, Святейшему Синоду, Преосвященнейшему Владимиру и всем учащим и учащимся.

После богослужения был акт, в начале которого епархиальный наблюдатель, поздравив учащихся с окончанием курса, в кратких чертах сказал о школьных успехах этого учебного года, поблагодарил учащихся за усердное отношение к делу.

По окончании речи хор второклассниц исполнил гимн просветителям славян «Слава вам, братья». Русский народный гимн «Боже, Царя храни!» был величественно пропет всеми учащими и учащимися. После этого был прочитан список окончивших курс и розданы свидетельства. На память о школе розданы святы евангелия и молитвенники, а оказавшим отличные успехи были розданы похвальные листы и ценные книги религиозно-нравственного содержания.

На прощание хор второклассниц исполнил «Многие лета», и дети с сияющими лицами разошлись по домам» [2, с. 408-410].

Как следует из корреспонденции сотрудника «Оренбургских епархиальных ведомостей», в 1904 году «день памяти первоучителей славянских святых Кирилла и Мефодия был отпразднован городскими церковными школами очень торжественно.

Согласно синодальному распоряжению во всех одноклассных школах были закончены к этому дню выпускные экзамены и вечером 10 мая (23 мая по новому стилю – Т.С.) учащиеся всех школ в сопровождении учителей и учительниц собрались в Иоанно-Богословскую церковь-школу ко

всенощному бдению, а в самый праздник к Божественной литургии. Богослужение совершал председатель епархиального училищного совета ректор семинарии протоиерей Ф. А. Дмитриевский. На правом клиросе прекрасно пел хор женской второклассной школы, а на левом клиросе хор Иоанно-Богословской церкви. Обширный храм был полон учащимися и посторонними богомольцами. После «Буди имя Господне» ректор семинарии произнес слово о дорогой и любезной родине».

Речь Дмитриевского была довольно пространной, и потому позволим себе небольшую цитату из нее: « Наше Отечество – святая Русь от того святая, что держит православную христианскую веру. Эта святая вера многих благочестивых людей сделала святыми после их смерти и отменила даром чудотворения. Эти святые чудотворцы сделались для народа русского святым корнем, а народ русский на все времена стал деревом, растущим из святого корня. С деревом могут произойти различные бедствия, например, листья и ветви могут отломиться, но от этих утрат все дерево страдает, но не уничтожится. Если у дерева корень жив, а наш святой корень народный – русские праведники и угодники Божии вечно живут у Бога и предстательствуют за народ, то вместо высохших листьев и ветвей вырастут новые ветви и листья.

Мы и вы составляем листья и ветви в народном дереве. Если будем ревностно сохранять святую веру, если усердно будем соблюдать в своей жизни христианское благочестие, то дерево народное и весь народ будет жить, процветать, плодоносить, будет тенью своей осенять и охранять мелкие растения, т.е. мелкие

народы, живущие с русскими, будет приютом для прохожих, т.е. иностранцев, будет обителью многих певучих птиц, которым можно уподобить людей ученых, художников и певцов.

Мы стареем, а вы еще только растете. Поэтому моя искренняя и горячая молитва к Богу за вас – та, чтобы Бог милости, и щедрот, и человеколюбия, по предстательству святых Кирилла и Мефодия возрастил вас в людей силы и крепости, утвердил вас в вере и благочестии, окрылил вас мудростью и сострадательностью, ополчил вас правдой и мужеством, украсил вас между другими народами своим благословением, коротко: сделал вас достойными и славными сынами Богоизбранного православно-христианского народа русского во славу Божию и на процветание церкви Христовой» [3, с. 413-420].

В 1911 году согласно публикации в «Оренбургских епархиальных ведомостях» празднование в честь просветителей славян «началось с вечера 10 мая, когда в Кафедральном соборе было совершено торжественное всенощное бдение. Службу совершал оренбургский епархиальный наблюдатель церковных школ протоиерей А. Холмогоров при участии уездного наблюдателя священника Пинегина и исполняющего должность заведующего Ивановской второклассной школой протоиерея П. Райского. За торжественной службой, с литией и величанием пел хор воспитанниц Ивановской второклассной школы. И нельзя не сказать здесь, что пение воспитанниц отличалось воодушевлением и стройностью, умиляло и трогало молящихся.

Утром 11 мая в 9 часов началась божественная литургия, которую совершал Его Преосвященство Преосвященнейший

Дионисий, Епископ Челябинский, председатель Оренбургского Епархиального училищного совета в сослужении председателя оренбургского отделения Епархиального училищного совета священника В. Белоконова и протоиерея П. Райского.

За богослужением слово о значении трудов святых Кирилла и Мефодия для русской церкви сказал кафедральный протоиерей П. Сысуев. На молебствие святым первосвятителям славянским выходили все заведующие и законоучители церковно-приходских школ. Весь храм был наполнен учащимися, которые во главе со своими учащими стройными рядами выстроились в церкви. Было достаточно и посторонних богомольцев.

По окончании литургии все начальствующие, учащие и учащиеся церковных школ отправились в помещение сергиевской двухклассной церковно-приходской школы. Здесь после пения «Христос Воскресе» и «Днесь благодать Святого Духа нас собра» епархиальный наблюдатель сказал учащимся краткое приветствие, выясняя смысл празднования. После речи прочитан журнал заседания оренбургского отделения Епархиального училищного совета о результатах выпускных экзаменов в городских церковно-приходских школах. Из прочитанного журнала видно, что 10 церковно-приходских школ города окончило всего 98 человек (из 101 дер-

жавшего экзамен), из них 30 мальчиков и 68 девочек, 37 человек получили похвальные листы.

По прочтении журнала воспитанницы Ивановской второклассной школы спели гимн святым братьям Кириллу и Мефодию, во время которого началась раздача свидетельств окончившим курс учащимся, похвальных листов достойнейшим из них и Евангелий. Выдавал их Владыка Дионисий. Всем прочим воспитанникам и воспитанницам были выданы молитвословы с толкованием.

Акт закончился пением гимна «Боже, Царя храни!» и многократным «Ура!» во славу возлюбленного Монарха, высочайшего Покровителя церковной школы, государя императора Николая Второго.

На акте присутствовало много городского духовенства, члены Епархиального совета и его отделения, были также родители и родственники учащихся детей...» [4, с. 493-494].

Т.В. СУДОРГИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Оренбургская газета. – 1901. – 13 мая.
2. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1903. – №8-9. – С. 408-410.
3. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – №11. – С. 413-420.
4. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1911. – №21. – С. 493-494.

ЧИН, ЧИНОВНИКИ И ЧИНОПОЧИТАНИЕ В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

(на примере пословиц
и поговорок русского народа)

Люди, создавшие пословицы, не знали грамоты, и не было у простого народа иного способа хранить свой жизненный опыт и свои наблюдения.

В.П. Жуков

Как семейства связываются узами крови, так и государство скрепляется узами веры, традиций, народности, которыми выражается жизнь человечества. Это заметно и в истории нашего государства.

По мнению известного лингвиста, этнографа И.М. Снегирева, «...как народные обычаи или способы руководства издревле соединялись с мнениями о руководителях и руководстве, утвержденные общим согласием, то впоследствии служили правилами, по которым решались разные вопросы управления, в том числе и государством, были, в обличии пиитическом, как изречения опыта и разума, они обращались в общенародные пословицы [1, с. 381].

Прежде чем мы попытаемся определить роль пословиц и поговорок о чинах, чиновниках, начальниках в целом, необходимо уточнить, что следует считать пословицами и поговорками, как определять и разграничивать их. Известно, что наряду с термином и понятием «пословица» существует еще ряд понятий, определяющих смежные явления: поговорка, афоризм, крылатые слова и

выражения, фразеологизмы, присловия, приговорка, пустоговорка, молвушка, присказка и т.д.

Со времен Аристотеля пословица определяется как суждение, поучение, имеющее обучающую семантику и выраженное иносказательно. Великий знаток русского народного творчества и замечательный собиратель русских пословиц В.И. Даль так определил пословицу: «...коротенькая притча; сама же она говорит, что голая речь не пословица. Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми... Полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины общего суждения, и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, представляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличить от поговорки» [2, с.18].

Поговорка же, по В.И. Далю, «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ вы-

ражения, но без притчи, без суждения, применения; это **одна первая половина пословицы**» [2, с. 20].

Эти высказывания дают основание считать, что под пословицей и поговоркой понимаются выражения, имеющие переносный характер («речь обиняком»), но различающиеся тем, что первая имеет характер суждения, привязана к определенной ситуации, а вторая – нет. Иначе говоря, пословица в отличие от поговорки имеет форму предложения. Такое понимание пословиц и поговорок существовало довольно долго.

Заслуживающее внимания решение проблемы предложил автор «Словаря русских пословиц и поговорок» В.П. Жуков. «Под пословицами в широком смысле, – пишет он, – мы понимаем краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный «образный» план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение». Соответственно под поговорками понимаются «краткие изречения, нередко назидательного характера, имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой законченное предложение: *Коса – девичья краса; Деньги – дело наживное*» [3, с. 11].

Трудность составляет также и ограничение пословиц от так называемых крылатых слов, крылатых выражений. Под ними обычно понимаются изречения, имеющие авторов, т.е. пришедшие из книг или являющиеся высказываниями выдающихся людей [4, с. 13]. Они могут переходить в пословицы и поговорки, если забывается автор, утрачивается связь с произведениями, из которых они пришли.

Таким образом, на основе некоторых мнений известных ученых о пословицах и поговорках в настоящей статье под *пословицами* в широком смысле мы понимаем, вслед за В.П. Жуковым, краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение [3, с. 11].

Под *поговорками* понимаются краткие народные изречения (нередко назидательного характера), имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой законченное предложение [3, с. 11].

Известный лингвист Г.Л. Пермяков относил пословицы и поговорки к паремиям.

Известно, что слово *чин* первоначально обозначало элемент свадебного, похоронного и т.п. ритуала. Распорядитель *чинов* назывался *чиновником*. Потом *чиновником* стали называть *должностное руководящее лицо, начальника*. По мнению известного современного фразеографа и паремиографа В.И. Зимина, по привычке усекать слова *чиновника* превратили в чин. Таким образом, в таком старом коротком слове совместились два понятия – *элемент ритуала и начальник* [5, с. 214].

В настоящее время первоначальное значение этого слова сохранилось только в выражениях *чин по чину, чин чином*. Во втором значении чиновником называют лишь бюрократа и т.п., чем-то напоминающего чиновника прежних времен [5, с. 216]. Следовательно, В.И. Зимин ведет речь, по нашему мнению, вообще о руководителях, о начальниках.

Энциклопедический словарь дает понятие *чина* как «...служебный разряд военных и гражданских служащих, с которыми связаны определенные права и обязанности» [6, с. 1488]. Соответственно, чиновники – «имеющие определенный классовый чин» [6, с. 1489].

Паремиологический фонд русского народа о чиновниках, руководителей имеет довольно старую историю. Собрание пословичного материала о чинах, начальниках, руководителях, пришли к нам из различных документов: Указов, летописей и законов Владимира Мономаха, Указов Петра I, Табели о рангах, «Наказов» Екатерины II и др. Как уже отмечалось, многие современные пословицы берут начало в истории народной. Пословицы, будучи живыми отголосками старинных обычаев, служили нередко основанием метких выражений или входили в состав оных, и доныне те и другие остаются гласными свидетельницами государственной и народной жизни.

Целью настоящей статьи является выявление и исследование пословиц и поговорок русского народа о руководителях, чинах, чиновниках и чиновопочитании.

Из многочисленных исторических документов России известно, что каждая волость имела свои правила, а между княжествами было разъединение, следовательно, между жителями было и различие в традициях и обычаях. Значит, и в Уставах, и обрядах для разных членов общества были своеобразные различия, обусловленные различными предпосылками. Эти следы отражаются в следующих пословицах, бытующих до сих пор: *Без пастуха не стадо; Сноп без перевясла – солома; Без столбов и забор не стоит; И мир без начальства*

не бывает. По этим пословицам русского народа оправдывается существование следующих пословиц: У семи пастухов не стадо; Когда нянек много – дитя хромоного; На большом месте сидеть – надо ум иметь; Руководить – не руками водить; Чтобы руководить, надо уметь предвидеть; Выше станешь – дальше видишь; На вожжах и лошадь умна; Куда один баран, туда и все стадо; Столбы в заборе наперед подгнивают; Кто в чин вошел лисой, тот в чине станет волком; Кто умеет, тот делает, кто не умеет – руководит; При верном псе и сторож спит; Голова у ног ума не просит; Излишние порядки – те же беспорядки; Лестницу метут сверху, а не снизу; Где любовь, там угождение, а где страх, там принуждение и другие.

Современное российское общество живет по уже известным русским законам и привычкам. Как нам кажется, отношение к чинам, начальникам в обществе в основном почтительное. И все же изредка можно слышать жалобы на начальников, чиновников, на их действия. И это естественно: на всех не угодишь, и нет одинаковых начальников и чиновников.

Это дает возможность говорить о выделении нескольких типов пословиц и поговорок о чинах, чиновниках и вообще о руководителях и об отношении к ним. По нашему мнению, одна из многочисленных групп русских пословиц – это пословицы и поговорки, оценивающие труд руководителя. К этой группе можно отнести следующие пословицы: *Руководить – не руками водить; Легче стадом ходить, чем стадо водить; Чтобы руководить, надо уметь предвидеть; Легче работать руками, чем головой; Лучший чин – не быть никем; Начальнику – первая чарка и первая палка;*

Гроза бьет по высокому дереву; Добрый пастух не о себе печется, а о стаде; Без запевалы и песня не поется; Без матки рой не держится; Начальник – за всех печальник; Не всем казакам в атаманах быть; Выше встанешь – дальше видишь и другие.

Среди большого количества паремиологических единиц, положительно оценивающих труд начальников и чиновников, встречаются и такие, которые говорят о равнодушном отношении к качеству начальника либо оценивают труд начальника иронически. Это такие пословицы, как *Что ни поп, то батька; На большом месте сидеть – надо ум иметь; Руководить – не руками водить; Начальству виднее: оно газеты читает и чай с сахаром пьет; С высокого места больно падать; Некоторый начальник – чемпион по прыжкам с высоты; Тяжела ты, шапка Мономаха; Тяжел крест, но надо несть; Горе тому селу, где дурак в старостах; У дурака пастуха и собаки дуры; У дурака пастуха все стадо погибает; Чин по чину: кому ветчину, а кому ржавчину; Не наше дело попов учить, на то есть черти и другие.*

Как показывают наблюдения, пословицы о руководителях, чиновниках, начальниках с негативно оценивающей семантикой гораздо чаще используются в различных сферах речевой практики.

Как нам видится, из русского паремиологического фонда о начальниках достаточно в большом количестве можно выделить такие, которые говорят о вреде от многоначалия: *У семи пастухов не стадо; Где много пастухов, там овцыдохнут; Семеро плотников прямо столб не поставят; Когда нянек много – дитя хромоногое. Встречаются и такие пословицы у русского*

народа, которые говорят о начальниках, враждующих между собой: Не знаешь, какому святому молиться; Начальства много, и некого к черту послать; Наказал много, и некого к черту послать; Наказал бог народ – нагнал воевод; У одной овечки семь пастухов; Семеро капралов на одного рядового; На одного солдата – три капрала; На одного исполнителя – три повелителя; Не велик городок, а семь воевод; Куда ни плюнешь – в начальство попадешь; Семеро с пером – один с топором и другие.

Замечено, что эти выражения могут иметь отношение не только к начальникам и чиновникам, но и к какой-нибудь ситуации, связанной с качествами людей и коллектива. В этих случаях уместно, по нашему мнению, использование и таких пословиц, как, например, *Лошадь везет, а на чай кучеру дают; Не наше дело попов учить, на то есть черти; Худо овцам, где волк пастух; Сноп без перевясла – солома; Кто умеет, тот делает, кто не умеет, тот руководит; Горе тому селу, где дурак в старостах; Каков поп, таков и приход; Наш чин не любит овчин; Пусть начальник думает: у него голова большая; Генерал без армии – сам сирота; Держи с народом связь – не ударишь лицом в грязь и другие.*

Мы никогда не поняли бы пословицы, если бы не приняли во внимание их особую связь с речью, с текстом. Это можно проследить и на примерах функционирования подобных пословичных единиц. Так, в тексте художественной литературы такие варианты довольно часто служат и средством социализации действующих лиц, и отражают своеобразие речевого колорита героев, являясь ярким образным средством специфики языка художественной литературы. Проследим на следующих примерах:

«– А дисциплина в отряде крепкая? – спросил Лазо.

– Пожаловаться не могу. Дай бог каждому отряду.

Лазо усмехнулся и спросил:

– Знаешь старую поговорку «*Каков поп, таков и приход?*»

– У тебя батько часом не поп?

– Нет, Гаврила Иванович, только я не зря эту поговорку тебе напомнил.

– Значит, я никуда негодный – и отряд дерьмовый?

– Из тебя командир может хороший получиться, но пока этого нет, и я докажу это». (Ф. Гарин. Командующий фронтом);

«– Гляди, что с войском сотворил наш батюшка (Суворов)! Были на поле солдатушки, а войска не было. Явился родной наш – и войско стало!

– Эх, ты, пермский, соленые уши! – насмешливо вздохнул капрал. – Разумей всегда так: *сноп без перевясла – солома!*» (Е. Федоров. Каменный пояс);

«– Тятенька всю святую прохворал, – оправдывался Алексей. – Опять же такой одежи нет у него, чтоб гостить у вашей милости...

– Нешто ты, парень, думаешь, что *наш чин не любит овчин?* – добродушно улыбаясь, сказал Потап Максимыч.

– Полно-ка ты. Сами-то мы каких великих боярских родов?

– *Все одной глины горшки!*» (Мельников-Печерский. В лесах).

Но все-таки мы до сих пор убеждены, что *На службе нет отговорок; Просьба начальника – все равно, что приказ; В гнилом болоте черти водятся; У кривой палки не бывает прямой тени* и другие.

Как в старой России бытовали, так и до нашего времени сохранились поговорки о начальниках и руководителях, которые являются мелкими чиновными лицами. Таких начальников и чиновников, кто не делает погоды на службе, от кого практически ничего не зависит, по мнению известного лингвиста В.И. Зимина, пренебрежительно называли *мелкая сошка, шишка на ровном месте, туз, да не козырной, старший помощник младшего дворника, не велика птица* и др. [5, с. 216]. Сохранились и продолжают бытовать русские поговорки о таких начальниках и руководителях. Про них говорят: *Веник в бане всем господин; Кочерга в печи хозяйка; Седло ниже собаки, но выше лошади; На горе и коза выше, чем корова в поле; Всякий кулик в своем болоте велик; Каждая козявка хочет быть букашкой; Всякая козявка лезет в букашки; Каждый кочет кукарекать хочет*. А если еще и молодой начальник, но очень хочет показать, что он начальник, то про них говорят: *Из молодых, да ранний: петухом поет; Щенок щенком, а лает по-псиному* и другие.

Но, как показывает анализ паремиологического материала, в столь недалекие времена обстоятельства вынуждали выдвигать на руководящие посты людей без соответствующего образования, опыта, даже малограмотных. Мы убеждены, что в этом случае уместно вспомнить известные русские поговорки и поговорки: *На безрыбье и рак рыба; На безлюдье и Фома дворянин; Промеж слепых и кривой поводырь; Меж слепых и кривой пророк; Овец не стало, так и на коз честь пала; Пришла честь и на свиную шерсть; В темноте и гнилушка светит; Хоть лыком шит, а начальник; Вчера грядки копал, а нынче в воеводы попал; Из грязи, да сразу в*

князи; Не дай бог свинье рога, а мужику барства; Дай бог быть тебе полковником, только не в нашем полку, Много дыму, да мало пыли; У кого больше прав, тот и прав; Наверху голова кружится; Пустой колос выше голову держит и другие.

Не секрет, что некоторые начальники любят подхалимов и ябедников, да и подарки тоже любят взять. Известно, что с древних времен всякого рода государственные и должностные чиновники тоже брали взятки и подарки. Об этом свидетельствуют пословицы, дошедшие до нас с самых древних времен: *Воеводой быть – без меду не жить. Пчелка, и та взятку берет; Кто в чин вошел лисой, тот в чине станет волком; Будет дахарь, будет и взяхарь; Хочешь жить – умей вертеться; Без поджога и дрова не горят; Осина не горит без керосина; Неподмазанная телега скрипит; Не подмажешь – не поедешь; Сухая ложка рот дерет.* Эта пословица первоначально имела отношение только к угощению водкой нужного человека с целью его подкупа. А некоторые не пили с ним вместе водку, а давали ему деньги – на чай.

Много времени прошло с тех пор, как родились эти пословицы. Изменились времена, изменились люди, изменились условия жизни. Но старые пословицы нет – нет, да и вспоминаются в разных случаях жизни. Это также можно проследить на примерах использования пословиц в текстах художественной литературы.

Например:

«– Я говорила, что на сухую в такие места не ходят. Знаю я таких начальников. *Не подмажешь – не поедешь*, – шептала в коридоре Долинская Фетисовой.

– Да, но как это сделать? И потом – сколько дать? А вдруг... Ведь он ясно предупредил, что за это судят.

– Что-о? Как это сделать? Нужда ставит – сделаешь, и сделаешь не хуже других, – нараспев причитала Долинская». (И. Лазутин. Сержант милиции);

«– Мы ему деликатно подсуем подарочек.

– Это пахнет взяткой.

– Ну и что... *Даже и пчелы, и те взятки берут*». (Г. Рыклин. Старый хрыч);

– Дорого обошлось жужельским Прошкино дело?! Ведь кто по суду наехал, всякому *припасай к чаю с сахаром*, и вина, и всяких харчей...

– Да что тут говорить – известное дело: *вор ворует, мир горюет*». (Мельников-Печерский. Дедушка Поликарп) и др.

Очень активны и в наше время такие пословицы и поговорки.

Заслуживают особого внимания и пословицы, которые повествуют о способах «добывания» чинов и получении власти. Не секрет, что многие чиновники и руководителя любой ценой хотят оказаться у власти, стать руководителем. Известно, что для достижения своей цели карьеристы не брезгуют ничем: используют родственные связи, подхалимничают, раболепствуют перед начальником, дают взятку. О подобных людях говорят русские пословицы: *Хорошо тому жить, кому бабушка ворожит; С неба звезды хватает; Было время, целовали в темя, а теперь – в уста, да и то ради Христа; Теперь ему и черт не брат; Кто в чин вошел лисой, тот в чине станет волком; Дай бог быть тебе полковником, только не в нашем полку; Хочешь человека узнать – дай ему власть* и другие. Об этом говорит и практика речевого использования таких пословиц. Например: «Чувствительно рад случаю принести вам

искреннее мое поздравление в получении чина. И тем более рад, что нынче *«вывелись бабушки, которые ворожат»*. (Ф. Достоевский. Двойник).

Но если он показывает себя хорошо, то о них говорят: *Новая метла чисто метет; Свято место пусто не бывает; По когтям зверя узнают; Правит, как черт болотом; Как медведь в лесу дуги гнет: гнет – не парит, переломит – не правит; Много движений, а все без достижений; От больших порядков бывают большие беспорядки* и другие. Известно, что значение художественной литературы – надежного источника для толкования пословиц и поговорок – трудно переоценить. Попытаемся рассмотреть только один вариант известной пословицы на примерах художественных текстов.

«– Вы секретарь директора?

– Не знаю, – ответила она с улыбкой.

– Может быть, вы меня уволите.

– Почему же?

– *Новая метла чисто метет*. И вообще новые начальники любят приводить с собой своих прежних секретарей, помощников, референтов. Так повелось». (А. Кочетов. Молодость с нами);

«Боголепов бережно взял руку молодого агронома.

– Рад познакомиться. Все поджидал. Думаю, свежий человек. А известно, *новая метла чисто метет*». (Е. Пермитин. Ручьи весенние);

«– Ты что, батюшка, сумасшедшими глазами на меня смотришь? Знаю, что *новая метла чисто метет*. А все-таки ты носа не задирай». (А. Виноградов. Повесть о братьях Тургеневых).

Как видно из этих примеров, использование пословиц придает тексту оценивающий характер, иронический оттенок. По справедливому замечанию В.П. Жукова, «пословицы не спорят, не доказывают – они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное – твердая истина» [3, с. 3].

Как уже неоднократно отмечалось многими исследователями, пословица не простое изречение, она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума и мудрости. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей, – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. Достаточно прислушаться к пословицам, которые говорят и о смерти начальников и руководителей. Как определенно и категорично звучат они: *Был полковник – стал покойник; Смерть чинов не выбирает; Смерть не разбирает чина. А косит и мужика и дворянина и другие. Поэтому иному чиновнику при его жизни полезно напомнить: Нынче полковник, а завтра покойник; Чиж пел, пел, да на мель сел* и другие.

Как уже неоднократно отмечалось, пословицы – это пласт культуры народа. Бесценное богатство каждого народа – его язык. Своеобразие русских пословиц во многом обусловлено эмоциональной выразительностью пословичных изречений, которая достигается языковыми средствами: выбором тех или иных языковых единиц всех уровней (фонетического, лексического, морфемного, морфологического, синтаксического) и экспрессивностью интонации.

Как показали наблюдения, структурно-поэтическая организация изучаемых нами пословиц и поговорок имеет свои собственные, присущие только ей языковые признаки. В основном устойчивые выражения делятся на двухчастные и одночастные. В двухчастных одна половина дает образ для сравнения, другая называет непосредственно суть дела. К подобным выражениям можно отнести следующие пословицы: *Каков пастух, таково и стадо; Горе тому селу, где дурак в старостах; Пастухи воруют, а на волков поклеп; Чин чину: кому ветчину, а кому ржавчину; Не наше дело попов учить, на то есть черти; Не так страшен сам, как страшен зам; Держи с народом связь, не ударишь лицом в грязь; Вчера грядки копал, а сегодня в воеводы попал; Овец не стало, так и на коз честь пала; Хорошо тому жить, кому бабушка ворожит; Кто в чин вошел лисой, тот в чине станет волком; С начальством спорить – плевать против ветра: все на тебя полетит; Бумага без души – что угодно пиши; Когда нянек много – дитя хромоногое; Руководить – не руками водить; Чтобы руководить, надо уметь предвидеть; На большом месте сидеть – надо ум иметь; Легче стадом ходить, чем стадо водить* и другие.

Встречаются и одночастные пословицы, представляющие собой просто образ, соотносимый с видом, действием или поведением начальника, а также с определенной ситуацией: *Без пастуха не стадо; Без матки рой не держится; И мир без начальства не бывает; Артель атаманом красна; На вожжах и лошадь умна; Рать крепка воеводу; Гроза бьет по высокому дереву; С высокого места больно падать; Не всем казакам в атаманах быть; Бог любит праведника, а начальник –*

ябедника; На службе нет отговорок; У одной овечки семь пастухов; Семеро капралов на одного рядового; У хорошего полководца нет плохих солдат; Из молодых, да ранний; Не очень велика спица в колеснице; Веник в бане всем господин; Кочерга в печи хозяйка; Каждый кочет кукарекать хочет; Щенок щенком, а лает по-псиному; Каждая козявка лезет в букашки; Стоячему с сидячим трудно спорить; Лбом стену не прошибешь; Бюрократ любой бумажке рад и другие.

Из рассмотренного и проанализированного нами пословичного материала можно сделать выводы, что в основе таких образных пословиц лежат обычно метафоры. Например: С высокого места падать больно; Без запевалы и песня не поется; Без матки пчелки – пропащие детки и другие.

В основе других пословиц могут лежать метонимии, например: *Начальнику первая чарка и первая палка; Тюрьма крепка оградой, а рать – воеводу; За нас начальство думает, не наше дело – думать; Удурака пастуха и собаки дуры; Нога выше головы не лезет; На горе и коза выше, чем корова в поле* и другие.

В основе многих пословиц лежит гипербола. К таким образованиям можно отнести: *Каков поп, таков и приход; Семеро капралов на одного рядового; Пусть начальник думает: у него голова большая; На высоте голова кружится; Совсем уж в попах, да навозом пропах; Золото и в грязи видать; Лбом стену не перешибешь; Барской лаской не хвастай; Подальше от царей – голова целей* и другие.

Такая структурно-поэтическая классификация имеет лишь общий характер, она не охватывает всего многообразия изученных нами пословиц и поговорок.

Итак, рассмотренный нами паремиологический материал, а именно около трехсот пословиц и поговорок русского народа о чине, чиновниках, руководителях, начальниках в целом, представляет удивительное сходство между собой через повторение мнений одного века в другом или разительную противоположность суждений одной эпохи и другой при перемене духа времени, нравов, обычаев и традиций.

Л.С. ПАНИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц

и поговорок; Русские в своих пословицах. – Н. Новгород: «Три богатыря», «Братья славяне», 1997.

2. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. – М., 1957.

3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 3-е изд. – М., 1966.

4. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – М., 1960.

5. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. – М., 2005.

6. Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1983.

ШАГ ВПЕРЕД ИЛИ НАЗАД?

(Об одной синтаксической «эволюции»

в академических грамматиках русского языка)

Академик В.В. Виноградов в своем теоретическом Введении ко II тому Академической грамматики русского языка, изданном в 1954 году, подводя итоги изучения предложения в отечественной науке о языке, констатировал, что «разграничение двух основных типов предложения – двусоставных и односоставных – прочно вошло в синтаксис русского языка» [1, с. 73-74]. То есть он брал за основу в этом вопросе учение академика А.А Шахматова, изложенное в его книге «Синтаксис русского языка».

Не случайно в Грамматике-54, изданной под редакцией В.В. Виноградова и Е.С. Истриной, односоставным предложениям посвящен большой самостоятельный раздел. В этой грамматике подробно опи-

саны пять типов односоставных предложений: неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные и номинативные (не считая параграфа под названием «слова-предложения», которые впоследствии были выведены из системы односоставных предложений и стали квалифицироваться как особый структурно-семантический тип предложения – как предложения «нечленимые»). Что касается определено-личных предложений, то они в этой грамматике трактуются как разновидность неполных предложений.

В 1966 году в издательстве «Наука» вышли «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка» под редакцией профессора Н.Ю. Шведовой, в которых

за основу классификации простых предложений также было взято шахматовское синтаксическое учение о двусоставности/односоставности предложения. В этом академическом издании читаем: «Предложения, структурной основой которых является предикативное соединение двух главных членов, называются **двусоставными**; предложения, структурной основой которых является один главный член, называются **односоставными**» [2, с. 147].

В своей теоретической работе «Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии)» Н.Ю. Шведова констатировала: «В современном русском литературном языке существуют два класса структурных схем простого предложения: подлежащно-сказуемые схемы (двусоставные предложения) и односоставные схемы (односоставные предложения)» [3, с. 15].

В вышедшей в 1970 году под редакцией Н.Ю. Шведовой «Грамматике современного русского литературного языка», которую принято считать экспериментальной, в ее синтаксической части есть самостоятельный раздел, посвященный односоставным предложениям и их структурным схемам. В этой книге выделены и описаны четыре класса структурных схем односоставных предложений:

1. Именной класс типа *Ночь; Много дел; На небе ни облачка.*
2. Спрягаемо-глагольный класс типа *На улице шумят; Дел хватает; Светает.*
3. Наречный класс типа *Холодно; Надо ехать; С болезнью покончено.*
4. Инфинитивный класс типа *Молчать!; Сына не узнать; Ему идти в армию* [4, с. 560-570].

Как видим, в основу этой новой классификации односоставных предложений был положен не синтаксический критерий, как в «Синтаксисе русского языка» А.А. Шахматова, как в виноградовской академической «Грамматике» 1954 года, а чисто **морфологический**. Как отмечают сами авторы «Грамматики»-70, эти классы «выделяются на основе категориальной принадлежности того слова, которым организуется главный член предложения» [4, 560]. Это было явным проявлением морфологизма в синтаксисе, против чего, как известно, всегда выступал В.В. Виноградов. Образно выражаясь, это была первая ступень синтаксической «эволюции» авторов «Грамматики»-70, в частности, Н.Ю. Шведовой.

Однако понятие синтаксической двусоставности/односоставности в «Грамматике»-70 все-таки было сохранено, что нашло свое отражение и в предметном указателе на стр. 742 и 743.

Что же касается академической «Русской грамматики», изданной в 1980 году, то авторы ее отказались от самого понятия двусоставности/односоставности простого предложения.

В «Грамматике»-80 эта шахматовская синтаксическая оппозиция фактически полностью разрушена и подменена Н.Ю. Шведовой, автором раздела «Простое предложение» (во II томе), простым перечнем однокомпонентных и двухкомпонентных структурных схем предложений. А это совершенно иной принцип классификации, принцип чисто **формальный**. В предметном указателе этой грамматики такие понятия, как двусоставное предложение и односоставное предложение, отсутствуют.

Что касается примеров однокомпонентных структурных схем, которые приводятся в «Грамматике»-80, то они формально все-таки совпадают с односоставными предложениями. Например: *Кричат; Стучат; Светает; Знобит; Холодно; Грустно; Цвести садам; Ночь; Тишина*. А вот что касается примеров двухкомпонентных структурных схем, то в большинстве случаев они с двусоставными предложениями не совпадают. Так, наряду с такими двухкомпонентными структурными схемами, как *Ученик читает; Дерево растет*, к этой группе структурных схем Н.Ю. Шведова относит и такие, как *Пора ехать; Хочется есть; Не видно следов; Некому работать; Нет времени; Ни облачка; Ни звука* [5, с. 95-96].

Эти предложения, конечно же, двусоставным не соответствуют. В наших вузовских и школьных грамматиках их принято однозначно квалифицировать как односоставные безличные предложения.

Так было необоснованно, по нашим оценкам, отвергнуто шахматовское синтаксическое учение о двусоставности/односоставности предложения, произошла явно негативная синтаксическая «эволюция» в нашем академическом «Синтаксисе». В этом плане экспериментальная «Грамматика»-70 оказалась все же более «синтаксичной» по сравнению с «Грамматикой»-80. Спустя 10 лет авторы почему-то решили отказаться от этого «синтаксического эксперимента». Видимо, отдавая дань моде.

Что можно сказать по этому поводу? Не следует забывать, что в каждой науке, в том числе и в грамматической, которая относится к наукам древнейшим, есть свои аксиомы, не подвластные времени,

не подвластные никаким модным научным течениям. И одной из таких аксиом является введенное в синтаксическую науку академиком А.А. Шахматовым понятие двусоставности/односоставности простого предложения.

Нельзя не согласиться с той критической оценкой профессора И.Г. Добродомова академических «Грамматик»-70 и «Грамматик»-80, которую встречаем в юбилейном сборнике статей «Структурно-семантическое описание единиц языка и речи», посвященном 80-летию со дня рождения профессора В.В. Бабайцевой.

И.Г. Добродомов отметил, что последующие русские грамматики (после Академических грамматик 1952 и 1954 годов) отошли от сформулированных Л.В. Щербой и В.В. Виноградовым принципов и были созданы с опорой «на не всегда правильно понятые модные теории, что было реализовано в экспериментальных по своему духу «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. и «Русской грамматике» 1980 г., выпущенных академическим Институтом русского языка Академии наук СССР», и которые, по его оценкам, «не могут считаться академическими, являясь плодом наукообразной эклектики» [6, с. 184]. Возможно, профессор несколько сгустил краски, но по существу затронутого вопроса, считаем, что он прав.

В защиту шахматовского синтаксического учения была направлена наша научная монография «Вопросы теории односоставного предложения (на материале русского языка)» [7], а также статьи в журнале «Русский язык в школе» [8].

Хочется надеяться, что авторами новой академической «Русской грамматики», которая будет издана в XXI веке,

понятие синтаксической двусоставности/односоставности простого предложения будет восстановлено, так как это тот фундамент, на котором, по нашим оценкам, держится синтаксическая система русского языка.

Ю.Т. ДОЛИН

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. М.: АН СССР, 1954.
2. Основы описательной грамматики современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1966.
3. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). – М.: Наука, 1967.
4. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: АН СССР, 1970.
5. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. – М.: АН СССР, 1980.
6. Добродомов И.Г. Еще раз о среднем залоге в русском языке. // Структурно-семантическое описание единиц языка и речи. – М.: Прометей, 2006.
7. Долин Ю.Т. Вопросы теории односоставного предложения (на материале русского языка). Изд. 2. – Оренбург: ОГУ, 2008.
8. Долин Ю.Т. Есть ли в русском языке односоставные предложения? (Синтаксическая теория и школьный синтаксис). – Русский язык в школе. – 2000. – № 3. Он же. «Синтаксис русского языка» А.А. Шахматова и современная синтаксическая наука. – Русский язык в школе. – 2004. – № 6.

ПРИКАСАЯСЬ К ИСТОРИИ ЯЗЫКА РУССКОГО НАРОДА...

Языковая культура каждого народа, письменные традиции языка составляют народную историю и привлекают внимание изучающих тот или иной язык в качестве иностранного. Носители языка являются и носителями культуры и истории своей страны.

24 мая отмечают в России государственный праздник – День славянской письменности. Иностранцы, получающие в России образование на русском языке, тоже готовятся к этому дню, прикасаясь к истории языка. Преподаватели русского языка как иностранного знают, что информация о славянских просветителях Кирилле и Мефодии, создателях славянского алфавита, всегда

вызывает интерес у учащихся. Алфавит, широко распространившийся у восточных и южных славян, получил впоследствии название «кириллицы» – в честь Кирилла (Константина).

24 мая 863 года в граде Плиске, тогдашней столице Болгарии, Кирилл и Мефодий огласили изобретение славянского алфавита. Первоучители старательно отбирали *краснейшие* слова у разных славянских народов. Часть букв создана специально для передачи звуков славянского языка, которых не было в греческом языке, а значит, и в алфавите. Это буквы: Б, Ж, Ц, Ч, Ш, У, Ю, Я. Современный русский алфавит является продолжателем кириллицы. Письменностью, построен-

ной на основе кириллицы, пользуются народы, которые разговаривают на 60 языках.

Вызывает уважение у студентов историческая память россиян, интерес к истории родного языка. Национальная гордость, основанная на знании собственной истории, свойственна всем народам. Так называемые «арабские цифры», заимствованные европейцами в XIII в. у арабов, которые сами заимствовали их ранее у индийцев, получили широкое распространение со второй половины XV в. Именно арабы распространяли десятичную позиционную систему счисления. Этим всегда гордятся студенты из арабских стран.

Велико значение обретения письменности народом. Примитивное рисуночное письмо, узелковое письмо, бирки с зарубками существовали в древнейший период, доказывая необходимость письменной формы обмена информацией. Одна из самых главных загадок русской письменности – так называемые «черты и резы», которыми, по некоторым версиям, писали в Древней Руси.

День славянской письменности – праздник, возведенный в ранг государственного, – вызывает желание приблизиться не только к истории изучаемого русского языка, но и понять историю родного языка.

Египет неразрывно связан с появлением астрономии, математики, строительством таких монументальных сооружений, как пирамиды, ставшие одним из чудес света. Страна, которая внесла фундаментальный вклад в историю всего человечества, явилась также и носительницей языка (арабского), который многим обязан этой стране.

Интересна история основных диалектов арабского языка в Египте. Диалект Верхнего Египта распространен в южной его части и очень похож на разговорный арабский язык, но более близок к литературному. Диалект Нижнего Египта – это развитый и широко применяемый, никак не измененный разговорный арабский язык. Он значительно отличается от языка литературного.

В основу письменного языка лег литературный арабский язык, однако он содержит все лексические и фонетические особенности диалекта, что значительно отличает его от литературного языка. Как и во многих языках, в египетском диалекте множество слов имеют иностранное происхождение. Практически все технические термины, связанные с деталями оборудования, – заимствованные, но произносятся на диалектный манер. Это не значит, что в словаре нижеегипетского диалекта не было ни одного технического понятия. Однако египтяне их не используют в своей речи по привычке, а услышав их, порой даже не могут понять.

В отличие от литературного арабского языка в диалекте Египта существует ряд особенностей фонетических, лексических, грамматических, благодаря которым он приобретает оттенок колоритности, присущий только ему. Именно в этом и заключается своеобразие диалекта. Но если арабы наряду с разговорным языком применяют литературную речь, в том числе в печатных изданиях и в СМИ, то в Египте диалект служит не только средством общения, но он еще имеет письменное отражение в печати, в СМИ и даже в речи президента. Он вездесущ, на нем говорят, пишут, поют, он обеспечивает общение по

всем направлениям жизнедеятельности. В письменном же деловом языке существуют нормы, как и в русском языке.

Сам диалект не очень богат на терминологию, которая применяется в современном мире при ведении переговоров, в отраслях науки, экономики, политологии. В таком случае египтяне используют слова литературного арабского языка, автоматически переходя на привычный диалект. При этом происходит смешение языков, что совершенно исключено в нормах литературного русского языка.

В арабском алфавите всего 28 букв (также имеются три дополнительных знака, которые не являются отдельными буквами: хамза, та-марбуа, алиф-максура) и 29 звуков. Как говорит известный арабист В.С. Шагаль, «...арабская книга начинается там, где русская кончается. Поэтому тетрадь надо начинать с «последней страницы».

В арабском письме нет заглавных, прописных букв. Все слова пишутся с маленькой буквы: имена собственные, названия арабских городов и сел, буквы в начале текста или предложения, слова-аббревиатуры. Все слова без исключения. Разницы между печатным и рукописным письмом в арабском языке нет. В отличие от русского языка, в котором рукописные буквы присоединяются друг к другу, а в книжных текстах каждая буква пишется отдельно друг от друга, арабское письмо связное как в печатном варианте, так и в рукописном. Арабская каллиграфия завораживает своей красотой.

До перехода к индийским («арабским») цифрам для обозначения чисел использовались буквы, и их числовое значение соответствовало их порядку в абджади (алфавите). Первые девять букв имеют значения единиц (от 1 до 9), вторая девятка букв обозначает целые десятки (от 10 до 90), третья – сотни (от 100 до 900) и последняя буква имеет числовое значение 1000. Буквы использовались в качестве цифр при нумерации абзацев или параграфов текста.

Народный диалект Египта легко понимают и используют жители Сирии, Ливана, Ирака, Иордании, Ливии, Туниса, Судана, Палестины. А причиной тому служат влияние древних культур, отношения между странами в различных сферах влияния, а особенно популярность египетских фильмов, музыки, литературы, танцев, песен. Так язык является отражением древних процессов сосуществования народов.

Вероятно, каждый человек, где бы он не родился, не просто овладевает родным языком, но и старается проникнуть в историю его рождения. Русский язык для иностранных учащихся не может оставаться только языком получаемой специальности: он открывает страницы жизни народа. Русский язык – результат многовекового творчества и труда всех народов, составляющих великую Россию, поэтому майский День славянской письменности важен для иностранцев, изучающих русский язык.

**Л.К. АЛЛАХВЕРДИЕВА,
Собхи Абдель-Монем
Абдель-Гавад Юнис**

В.И. ДАЛЬ В ЖУРНАЛЕ «МОСКВИТЯНИН» 1840-х ГОДОВ

В 1840-е годы В.И. Даль (Казак Луганский) – известный писатель, фольклорист, знаток народного быта и языка, знаменитый лексикограф, являлся активным сотрудником журнала «Москвитянин».

С 1841 по 1848 год под его именем вышло в свет 15 публикаций – 30 оригинальных художественно-публицистических произведений и научных статей: в 1841 году – 4; 1842 – 1; 1843 – 2; 1845 – 2; 1848 – 3. Из них три сказки: «О купце с купчихою и о выкраденном их сыне» (1842. – Ч. IV. – № 11. – С. 1-12); «восточная сказка» «Бараны» (1845. – Т. II. – № 2. – Отд. I. – С. 109-114); «болгарская сказка» «Карай-царевич и Булат-молодец» (1845. – Ч. I. – № 1. – С. 43-54), три повести (две этнографические и одна социально-психологическая): «Майна» (1841. – Ч. V. – № 10. – С. 340-404); «Башкирская русалка» (1843. – Ч. I. – № 1. – С. 97-119); «Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту» (1843. – Ч. I. – № 2. – С. 360-391), рассказ из народного быта «Хмель, сон и явь» (1843. – Ч. II. – № 3. – С. 6-29); очерк «Записка полковника Пекарского (современная) о бунтах яицких, что ныне уральские, казаков и о самозванце Емельяне, донском казаке Пугачеве» (1841. – Ч. III. – № 6. – С. 438-468), три подборки рассказов «Картины из народного быта» (1848. – Ч. I. – № 2. – С. 129-142; Ч. IV. – № 8. – С. 49-76; Ч. V. – № 10. – С. 30-45); 12 рассказов из сборника для народного чтения «Солдатские досуги» (1841. – Ч. 2. – № 3. – С. 97-109;

Ч. 6. – № 12. – С. 353-369); две лексикографические работы: «Полтора слова о нынешнем русском языке» (1842. – Ч. I. – № 2. – С. 532-556), «Недовесок к статье: Полтора слова о нынешнем русском языке» (1842. – Ч. 5. – № 9. – С. 81-103).

Таким образом, за 7 лет участия В.И. Даля в данном издании было опубликовано значительное количество разножанровых произведений. В миниатюре они представляют всю жанровую палитру писателя.

Несколько слов о самом «Москвитянине». Этот «учено-литературный» журнал выходил в Москве с 1841 по 1856 год. Его главным редактором был М.П. Погодин (1800-1875) – известный историк, публицист, академик, собиратель материалов по истории России и славянских народов [1 – 2].

В учебниках и справочных изданиях советского периода журнал «Москвитянин» оценивается как печатный орган, который придерживался «официальной народности», являлся выражением русского консерватизма. Вначале «Москвитянин» боролся с «торговым направлением» Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча, О.И. Сенковского, затем против писателей «натуральной школы» и западничества. Здесь также отмечается сотрудничество со славянофилами. В «Краткой литературной энциклопедии» непопулярность «Москвитянина» объяснялась консерватизмом, архаичностью литературных позиций М.П. Погодина и С.П. Шевырева [3-4; 5, с. 65, 175-176, 178].

В современных статьях российских и украинских литературоведов оценка журнала несколько смягчена (о консервативности и архаизме) или информация подана нейтрально [6, с. 123; 7, с. 114; 8].

Как приверженность В.И. Даля к «Москвитянину» согласуется с его активным участием в 1840-х годах в изданиях «натуральной школы»? Насколько правомерно причисление писателя к славянофилам?

Несколько слов об отношении В.И. Даля со славянофилами. Вопрос является дискуссионным. Так, В.И. Порудоминский считает, что «разговоры о «славянофильстве» Даля глухи и неосновательны – в серьезных источниках их не обнаружишь» [9, 100]. В научных трудах, посвященных изучению влияния славянофильства на русскую литературу, отмечается, что подобные настроения проявляются в лингвистических трудах В.И. Даля, в некоторых художественных произведениях. Славянофильское противопоставление самобытной Руси и чуждого враждебного западного уклада встречается и в одном из первых сказочных циклов В.И. Даля «Пяток первый», и в публицистических выступлениях 1856 – начала 1860-х годов – полемике о народной грамотности, статьях о русском языке [10, с. 178-184; 11, с. 468-472]. В монографии А.Л. Голубенко и Н.А. Евдокимова с этой точки зрения более глубоко проанализированы далевские публицистические выступления 1860-х годов [12, с. 214-229]. Н.И. Цимбаев отмечает, что участие В.И. Даля в газете славянофильской направленности «День» носило случайный характер [13, с. 88], в 1840-е годы взгляды писателя были отчасти близки В.В. Пассеку [14, с. 21].

Н.А. Колодина в своей статье исследовала жизненные и творческие связи В.И. Даля со славянофилом старшего поколения С.Т. Аксаковым [15].

Казак Луганский дружил с выдающимися писателями, учеными, общественными деятелями-славянофилами (семьей Аксаковых, И. Киреевским, А. Кошелевым, Ю. Самариним и др.). В московский период жизни В.И. Даля его дочери коротко знакомятся с С.Т. Аксаковым и его семьей, а затем и с остальным славянофильским кружком. А.Н. Аксаков занимался с дочерьми писателя изучением иностранной литературы. Ольга увлеклась славянофильством, ездила к Аксаковым в Абрамцево. А.Н. Аксаков высоко ценил В.И. Даля как знатока русского языка, читал ему свои произведения перед отдачей в печать [16, с. 28-29, 31-35]. В последний период жизни автора ощущается связь со славянофилами, их взаимная поддержка в отдельных сложных жизненных ситуациях. Например, В.И. Даль принимает участие в издании песен П.В. Киреевского после его смерти, А.И. Кошелев дает деньги на издание первого тома далевского «Толкового словаря».

Анализ выбора журналов для издания своих произведений, проведенный в статье Е.И. Анненковой и монографии А.Л. Голубенко и Н.А. Евдокимова, свидетельствует о том, что В.И. Даля в 1840-х годах удалось занять позицию «вне партий» [17; 12, с. 68-69, 146-159]. В.И. Даль одинаково относился к разным общественно-политическим силам – его произведения органично «вписывались» в сборники и журналы славянофилов и западников.

Ученым вторит в своих воспоминаниях внучка В.И. Даля О.П. Демидова: «Его любовь к русскому быту и русскому языку непременно должна была увлечь его в сторону славянофилов, хотя датско-немецкая кровь и традиции помогли ему удержаться от их крайностей» [16, с. 28-29].

Возвращаясь к участию писателя в журнале «Москвитянин» в 1840-х годах можно сказать, что одним из факторов, повлиявших на выбор журнала для активной его поддержки, была дружба В.И. Даля с М.П. Погодиным. Их соединяла многолетняя дружба и переписка. М.П. Погодин познакомился с В.И. Далем в мае 1833 года, об этом говорит его запись в дневнике. Первое известное нам письмо М.П. Погодина к В.И. Далю датировано 2 сентября 1837 года. Очень скоро завязывается переписка, в которой обе стороны обсуждают широкий круг актуальных общественно-политических и культурных проблем того времени, а также не избегают и глубоко личных тем. Судя по сохранившимся письмам, начало активных эпистолярных отношений относится к 1840 году, когда М.П. Погодин ищет постоянных авторов для «Москвитянина», обращается к служившему в Оренбурге В.И. Далю и находит в нем сочувствие и поддержку. Вскоре автор занимает почетное место в кругу друзей-литераторов М.П. Погодина, и это становится известно широким литературным кругам. Их дружба продолжается до конца жизни В.И. Даля, 25 сентября 1872 года М.П. Погодин присутствует на его погребении.

Дружба этих двух людей очень долгое время питалась только перепиской. Их личные контакты были минимальны.

До осени 1841 года В.И. Даль служил в Оренбурге, затем в Петербурге, с июля 1849 года – в Нижнем Новгороде; в Москву он приезжал нечасто. В свою очередь М.П. Погодин всего лишь несколько раз был в Петербурге и Нижнем в то время, как там находился В.И. Даль. Только после переезда писателя с семьей в Москву в конце 1859 года начинается их близкое личное знакомство. О посещениях В.И. Даля М.П. Погодиным в Москве в 1860-х годах пишет в своих воспоминаниях О.П. Демидова: «Неряшливая, нечесаная фигура и грубый крик производили на меня отталкивающее впечатление. Мне всегда казалось, что он бранится, и я не понимала, как он смеет кричать на дедушку» [16, с. 39].

За время сорокалетней дружбы двух известных общественных и литературных деятелей XIX века они не только постоянно бескорыстно помогали друг другу (В. И. Даль давал ценные практические советы, присылал материалы в «Москвитянин», М.П. Погодин поддерживал «Словарь» В.И. Даля и защищал интересы его автора в Академии наук [18, с. 272-279]), но и смогли сохранить искренний интерес и глубокую духовную привязанность.

«Москвитянин» постоянно помнит о В.И. Дале и поощряет его как литератора. Помимо публикаций художественно-публицистического наследия автора на страницах журнала в период с 1841 по 1849 год его имя часто упоминается в литературных новостях, разбору его сборников и отдельных произведений посвящаются статьи критического и библиографического характера.

Так, «Москвитянин» сообщает о занятиях В.И. Даля и его местонахождении (1841. – Ч. 1. – № 1. – С. 325; 1850. –

Ч. 1. – № 1. – Отд. 6. – С. 9; 1855. – Т. 1. – № 1. – С. 189), ставит его в первый ряд русских литераторов (1844. – Ч. 1. – № 2. – С. 588; 1846. – Ч. 3. – № 5. – С. 177), говорит о его участии в журнале (1849. – Ч. 6. – Отд. «Смесь». – С. 13), объясняет, почему он не смог прислать обещанные материалы (1849. – Ч. 1. – № 4. – Отд. 6. – С. 92). Критики «Москвитянина» (С.П. Шевырев, М.П. Погодин) анализируют сборники Казака Луганского (1847. – Ч. 1. – № 1. – С. 154), его отдельные произведения – «Находчивое поколение», «Русский мужик», «Мичман Поцелуев», «Чернобровая русая коса» (1842. – № 1. – С. 296-299; 1844. – Ч. 1. – № 2. – С. 588-589; 1846. – Ч. 3. – № 5. – С. 145-176; 1848. – Ч. 3. – № 5. – С. 20). Другие критики (Н. Гаврилов, М.А. Максимович), статьи которых помещены в журнале, в своих литературно-критических обзорах неизменно высоко оценивают творчество писателя (1845. – Ч. 4. – № 7-8. – С. 47-57; 1848. – Ч. 3. – № 5. – Отд. «Критика». – С. 20-26).

Материалом личного характера, который приоткрывает завесу, обнажает внутренние мотивы поступков редактора «Москвитянина» и одного из его активных авторов, является переписка В.И. Даля с М.П. Погодиным. На сегодняшний день известно 15 писем, в которых обсуждаются «Москвитянин», его насущные проблемы, ход дел и перспективные планы. Первое из них датировано 19 ноября 1840 года и отправлено из Оренбурга, последнее – 28 января 1849 года из Санкт-Петербурга. По этим письмам можно судить о судьбе «Москвитянина», о закулисных интригах литературного общества Москвы и Санкт-Петербурга 1840-х годов, о личности переписывающихся.

Все названные письма В.И. Даля к М.П. Погодину пронизывает мысль о необходимости оказать помощь нуждающемуся в большом количестве материала изданию. Из письма в письмо Казак Луганский обсуждает вопрос, что и когда он может послать другу. Здесь обнаруживается несколько проблем, характерных для положения чиновника по особым поручениям В.И. Даля: часто он просто завален общественной работой, ему некогда дописывать начатые произведения, иногда автору трудно в Оренбурге найти хорошего переписчика, а почерк у него неразборчивый, также бывает, что по цензурным соображениям нельзя присылать тот или иной научно-публицистический материал, связанный с общественно-политической жизнью уральского края (№1 от 19 ноября 1840, №4 от 30 декабря 1840, №9 от 1 июня 1841, №12 от 23 декабря 1841, №17 от 13 ноября 1842 [17, с. 293, 305, 316, 322, 334-335]).

Постепенно данная тема денежных расчетов за авторские материалы. Из письма №9 от 1 июня 1841 года мы узнаем, что М.П. Погодин прислал обещанный гонорар [19, с. 316]. В письме №12 от 23 декабря 1841 года В.И. Даль еще раз благодарит издателя за деньги, при этом повторяет, что не любит подобных хозяйственных дел, а если бы у друга дела пошли бы не так хорошо, то писал бы «за спасибо» [19, с. 322].

После переезда в Петербург настроение автора несколько изменяется. В письме №17 от 13 ноября 1842 года В.И. Даль рассказывает о ситуации в петербургском литературном мире, где произведение можно достать только за

наличные, причем новый издатель «Библиотеки для чтения» М.Д. Ольхин все скупает, «как ветошник», ходит по домам, «при этом случае никто и ничего даром не даст». В.И. Даль замечает: «Что же вы тут станете делать? Они говорят: на что же мне **считаться** (выделено автором. – Н. Ю.) с Москвой, когда мне тут на дом несут готовые деньги? и правы» [19, с. 335]. В письме от 21 января 1845 года писатель с симпатией говорит о Москве, где еще есть «истинно родное, теплое, верующее и добросовестное чувство», а в Петербурге даже для приятелей только «приход – расход – баланс», т.е. возобладали торговое направление в литературе [19, с. 352].

В следующем письме (16 ноября 1847) писатель оправдывается за свое малое участие в «Москвитянине». Заметим, что в 1846 и 1847 годы в журнале не появилось ни одного его произведения. Оказывается, он все написанное роздал вперед («люди, которым **товар** (выд. авт. – Н. Ю.) нужен, давно уже обивают пороги»), продал произведения в «Отечественные записки» и «Современник»: «Не пеняйте также, что мы ценим труд свой на рубли, когда за него платят наличными рублями; повесть – та же ассигнация, и лучше я отдам половину, цена ее наличными деньгами, чем подарить целую. Вы бы сами назвали меня дураком, если б я, отец большого семейства – у меня за стол садится 11 душ, – отдавал бы работу свою даром, когда за нее дают порядочные деньги». Далее автор называет расценки «Библиотеки для чтения» и «Отечественных записок», оставляет за редактором право оценить его работу в «Москвитянине» [19, с. 359-362]. В письме от

26 ноября 1847 года В.И. Даль пытается смягчить свою позицию, он извиняется за то, что выразился «крутенько и пряменько». Но тут же ссылается на слова самого М.П. Погодина на обложке «Москвитянина», что литературный труд будет оплачен. «Прибавлю к этому, – пишет Казак Луганский, – не перечитывая статей, что я с давнего времени не совсем мало переслал в Москву, в журналы и сборники, бесплатно, собственно потому, что мне бы хотелось участвовать в тамошних изданиях, тогда как я тут ни одной строки не печатаю иначе, как за наличный почет, – и не вижу никакой причины, почему бы этого не делать. У меня за стол садится 11 душ, а надолго ли сил моих хватит – не знаю» [19, с. 362]. Автор не отказывается от дальнейшего сотрудничества, но не хочет навязываться, если неуютен. В.И. Даль называет произошедший серьезный разговор с редактором – «открытое, прямое объяснение с рукопожатием» [19, с. 362]. О том, что мысли писателя о достойной оплате труда литератора не высказаны походя, свидетельствует письмо №33 от 19 августа 1848 года. Здесь В.И. Даль дает М.П. Погодину много дельных советов по организации издания. Он считает, что журнал «требуется капитала, как всякое торговое, оборотливое предприятие», а «умственные капиталы – такие же наличные деньги» [19, с. 370]. Нужно несколько лет жить себе в убыток, но деньги выплачивать «с купеческою точностью» [19, с. 370], тогда, по мнению В.И. Даля, «Вы в 1850 году зашибете копейку, а в 1860 будете миллионщиком!» [19, с. 371].

Таким образом, далевские письма прекрасно характеризуют царящую в литературных кругах второй половины

1840-х годов атмосферу. Они показывают, что не всегда лишь идейность, прогрессивность программы журнала определяет его жизнеспособность, часто полезными оказываются предприимчивость издателя и хороший менеджмент (по современной терминологии).

Но, конечно, не только и не столько денежные расчеты связывают авторов переписки. Основа их взаимоотношений – близость взглядов, дружеская поддержка.

В письме от 19 нояб. 1840 г. В.И. Даль приветствует выход в свет первого номера «Москвитянина»: «Да здравствует Москвитянин с руками, с ногами и с головою. Никто из добропорядочных людей не сомневается теперь, что у нас журнала нет, и что недостаток этот убивает словесность, нет сообщительного звена ея» [19, с. 292]. Он подчеркивает актуальность данного издания, необходимость для литературы здоровой критики, предупреждает о сложности реализации в условиях современной авторам действительности (цензуры) раздела «Смесь» [19, с. 293].

В письме от 30 декабря 1840 г. писатель дает издателю дельные советы по организации работы журнала, в частности указывает на то, что при современном положении словесности нельзя быть независимым, нужно следить «живой ход современного слова», заявить свою программу «во всеуслышанье» [19, с. 305-306]. Он очень высоко оценивает критику С. П. Шевырева и особенно отмечает его выступление в журнале «Московский наблюдатель» против коммерческого направления «Библиотеки для чтения». В. И. Даль предупреждает, что нужно выяснить с самого начала свои отношения

с другими журналами и, если разгорится война, придерживаться определенной позиции [19, с. 306].

К марту 1841 года Казак Луганский познакомился с первыми двумя номерами «Москвитянина», он дает им высокую оценку: «В нем есть цвет, краска, <...> издатель держится цели, маяка, – знаешь, чего искать и ожидать, словом, это завлекает. <...> В двух первых номерах нет ни **одной строки** (выд. автором. – Н. Ю.) пустой, кроме, может быть, некоторых статей смеси. Знакомить Русских с Русью, это предмет, это цель, это задача – и задача достойная» [19, с. 312]. Далее он хвалит критические статьи С.П. Шевырева, в его обзорах нет самолюбия, «личности», в центре только произведение [19, с. 312-313]. В.И. Даль находит теплые слова и для М.П. Погодина, он разделяет его славянофильские установки: «<...> для нас не годится Запад, нам пора собрать разметанные, сонные члены свои и встать и протереть глаза, на чужом пиру с похмелья, и приняться на свой пай за работу <...>» [19, с. 313].

В следующих письмах автор продолжает расточать похвалы первым четырем книжкам «Москвитянина»: «И у нас все люди с головою отзываются хорошо, и ожидания их обманываются только, когда они ищут обычной **повести** (выд. авт. – Н. Ю.). Другой жалобы я не слышал» (1 июня 1841, Оренбург); «[Мнение о Москвитянине] вообще хорошее, говорят, что он **благороднее** (выд. авт. – Н. Ю.) всех других, желают ему держаться и не сбиваться с этого пути, уважают критику Шевырева. Видаясь очень часто со всеми словесниками, я заводил нарочно об этом речь и, кроме людей, от которых вы и сами

справедливости не ожидаете, похвал не пожелаете, все отдадут Вам справедливость <...>» (23 декабря 1841, СПб.); «Первый № ваш хорош, здесь журналисты, конечно, все более или менее против Москв[итянина], но несмотря на это об нем поговаривают все больше и больше и завидуют, что у вас **проходят** (выд. авт. – Н. Ю.) такие статьи, которых нельзя здесь печатать» (21 января 1842, СПб.) [17, с. 316, 322, 324].

В следующих двух письмах за 1842 год (январь, ноябрь), в которых обсуждается «Москвитянин», с тревогой звучат вопросы о цензурных гонениях [19, с. 325-326, 335]. Заметим здесь, что цензурные проблемы, которые доводили издателя-редактора до отчаяния и вызывали желание немедленно закрыть журнал, плохо согласуются с представлением энциклопедических изданий советского периода «Москвитянина» как проправительственного печатного органа, проповедовавшего «официальную народность» [3, с. 990; 4]. В.И. Даль старается «вербовать сотрудников» для издания, советует поговорить с А.Ф. Вельтманом [19, с. 335]. Впоследствии данный совет очень пригодился редактору журнала: с 1849 года Погодин издавал журнал в соредакторстве с А.Ф. Вельтманом.

В двух письмах за 1845 год мы видим далековскую интерпретацию событий, связанных с передачей издания в руки славянофилов, а именно И.В. Киреевского. Она немного отличается от версий, изложенных в «Краткой литературной энциклопедии» и «Литературном энциклопедическом словаре»: было только внешнее сходство позиций «Москвитянина» со взглядами славянофилов, им претил его

официозный характер, поэтому славянофилы принимали в нем незначительное участие, и период редактирования журнала И.В. Киреевским был короток; или: славянофилы выступали в журнале только иногда, т.к. были далеки от консервативно-охранительного лагеря [3, с. 990; 4]. В.И. Даль не верит в успех данного предприятия по другим причинам, более «приземленным»: «я крепко сомневаюсь в успехе <...>, цензура – запятая и порог; барская лень – другая; кто не привык к постоянным срочным занятиям, того трудно заставить работать для журнала, а тем более издавать журнал. Высокому и жаркому полету эти два обстоятельства скоро подсекут крылья – и сядут, как мокрые куры. Дай Бог, чтобы я напророчил ложно <...>» [19, с. 352]. Прогноз В.И. Даля был верен: И.В. Киреевский сумел выпустить лишь три номера журнала и собрать материалы для четвертого. Через четыре месяца, в следующем письме писатель уже жалеет нового редактора – его неуспехи, приостановка издания «Москвитянина» становятся радостью для лагеря западников [19, с. 353]. В.И. Даль и в дальнейшем продолжает интересоваться славянофильскими изданиями, например, в апреле 1847 года спрашивает М.П. Погодина о судьбе альманаха «Московский литературный и ученый сборник» (М., 1846), в котором он участвовал («Где потеряешь, не чаешь, где найдешь, не знаешь») [19, с. 357]. В указанных письмах писатель демонстрирует глубокую симпатию идеям славянофилов, здесь нет явного указания на какое-либо отчуждение от них «Москвитянина». Возможно, вопрос о связях славянофилов с журналом нуждается в дополнительных исследованиях.

Видя значительные затруднения в издании «Москвитянина», понимая их причины и желая помочь другу, Казак Луганский дает М.П. Погодину ценные практические советы. Так, в письме от 26 ноября 1847 года он выражает пожелание для привлечения новых читателей сделать журнал «поживее», включить рубрику «народописание», не злоупотреблять географией и статистикой [19, с. 363]. Наконец, обстоятельные расширенные рекомендации писатель дает в письме, датированном августом 1848 года. Он считает, что нужно не говорить, а делать, читатели разуверились в словах. Журнал требует «**жизни** (выд. авт. – Н. Ю.), живых споров, бойкости и беглости». Выбор статей нужно предоставить кому-то другому, чтобы не было субъективности, требуются хорошие повести, обзоры литературы, может быть, обзоры губернских ведомостей. Издатель должен всем исправно и хорошо платить. Также необходимо заботиться о репутации журнала, создать 4 образцовых журнала и их рекламировать, причем рассылать во все губернские города, чтобы ознакомить общественность. В.И. Даль предлагает привлечь к изданию исполнительного и талантливого чиновника, который искал литературного труда, – В.М. Лазаревского. Он советует покупать все романы М. Загоскина, все произведения А.Ф. Вельтмана, Н.Ф. Павлова и К.К. Павловой. В конце письма автор призывает М.П. Погодина еще раз к серьезности, собранности, ответственности: « <...> коли одна (курсив авт. – Н. Ю.) книжка в году выйдет не в срок, опоздает хоть двумя днями – Вы потеряли сто подписчиков. Помните это <...>» [19, с. 369-371].

Окончание активного сотрудничества писателя в «Москвитянин» закреплено в письме В.И. Даля к издателю журнала от 28 января 1849 года: «Не соблагovolите ли также объявить, поставив меня чуть не в редакторы (выд. авт. – Н. Ю.), что я вовсе не буду участвовать? Пожалуйста, удостойте, это необходимо; я не хочу слышать справедливых, хотя и вовсе незаслуженных попреков. Напишите, что недосуг (выд. авт. – Н. Ю.), и потому не обещайте ничего» [19, с. 386].

Редактор выполнил просьбу, он написал: «В.И. Даль не мог, за недосугом, доставить редакции обещанных им рассказов. Пожелаем, чтоб наш любимый повествователь не оставлял литературы, которая ему обязана столько» (1849. – Ч. 1. – № 4. – Отд. VI. – С. 92). Однако издатель «Москвитянина» продолжал надеяться, что писатель изменит решение, и спрашивал у А.Ф. Вельтмана: «Отчего Даль писать не намерен – теперь-то ему и раздолье [20, 123-123 об.]. А.Ф. Вельтман переадресовывал (30 апреля 1849 года) вопрос самому В.И. Далю: «Да неужели ты совсем отрекся писать? Уведомь, пожалуйста, я не понимаю причины» [21, с. 529]. Получив ответ, А.Ф. Вельтман рассказывал в письме к М.П. Погодину от 3 июля 1849 года: «Вчера проезжал Даль; он завернул ко мне на минутку и тотчас отправился в путь в Нижний. Писать он не намерен. В отношении хода Москвитянина мнения его те же, что и прежде – большой уже успех, если первый год окупится» [22, с. 309].

Причиной подобного резкого отхода от литературы в целом и от «Москвитянина» в частности стали цензурные неурядицы с рассказами «Ворожейка» и «Непра-

ведно нажитое», опубликованными в №10 «Москвитянина» за 1848 год. Негласный комитет отправил министру Л.А. Перовскому запрос об авторстве чиновника В.И. Даля. Это вынудило писателя отказать от литературного творчества, проведения «четвергов», уничтожить записки о России тех лет, а вскоре оставить службу в столице и переехать в Нижний Новгород [23, с. 159-161].

Подводя итог нашему анализу взаимоотношений В.И. Даля и М.П. Погодина, можно сказать, что в их переписке изложена как бы «внутренняя» история создания и развития журнала «Москвитянин». Необходимо отметить, что она во многом является альтернативной по отношению к интерпретации происходившего советскими справочниками и учебниками по литературной критике, а также дополняет и углубляет современные представления о журнале.

При этом нельзя не учитывать личностный характер анализируемого источника. Из него можно судить о близости идейных посылов редактора М.П. Погодина и ведущего критика С.П. Шевырева самому В.И. Далю. Он симпатизирует заданному направлению журнала – на изучение Руси, поддерживает славянофильские мысли о враждебности влияния Запада. Критический отдел «Москвитянина» кажется ему высокопрофессиональным, он восхищается личностью С.П. Шевырева, его принципиальностью (в частности выступлениями против коммерческого направления «Библиотеки для чтения»). Писатель стремится объективно оценить журнал и работу редактора. Он выясняет мнение, которое сложилось о «Москвитянине» в широких

общественно-литературных кругах. В его письмах нет ни одной строчки «пошлой лести» другу. В.И. Даль указывает на достоинства детища М.П. Погодина, но и называет многочисленные недостатки. В 1847 году, по его мнению, журнал уже не такой «живой», не всегда удачны выбор материалов и рубрикация, обнаруживается некоторая небрежность редактора в исполнении своих обязанностей – много дается обещаний, не много выполняется. В.И. Даль как всегда искренен в своих суждениях, им движет стремление помочь журналу и его издателю и словом и делом. Наверное, поэтому М.П. Погодин высоко ценит работу и мнение писателя и глубоко сожалеет в 1849 году о его отходе от литературы и окончании сотрудничества с «Москвитянином».

Н.Л. ЮГАН

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бернштейн Д.И. Погодин М.П.//Краткая литературная энциклопедия/Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1968. – Т. 5. Мурари – Припев. – Стб. 822.
2. Некрасов В.Н. Погодин М.П.//Русские писатели: Биобиблиографический словарь: В 2 ч./Под ред. П.А. Николаева. – М.: «Просвещение», 1990. – Т. II. М – Я. – С. 147-149.
3. Чертков Л.Н. «Москвитянин»//Краткая литературная энциклопедия/Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1967. – Т. 4. Лакшин – Мураново. – Стб. 989-990.
4. Ивлев Д.Д. «Москвитянин»//Литературный энциклопедический словарь/Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: «Советская энциклопедия», 1987. – С. 229.
5. Кулешов В.И. История русской критики XVII – XX веков: Учеб. для студ. пед. ин-тов. – 4-е изд.,

- дораб. – М.: «Просвещение», 1991. – 432 с.
6. Крупчанов Л.М. История русской литературной критики XIX века: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 2005. – 383 с.
7. Якушин Н.И., Овчинникова Л.В. Русская литературная критика XVIII – начала XX века: Учеб. пособие и хрестоматия. – М.: ИД «Камерон», 2005. – 816 с.
8. «Москвитянин»//Літературознавча енциклопедія: У 2 т./Авт.-укл. Ю. І. Ковалів. – К.: Видавн. центр «Академія», 2007. – Т. 2. М – Я. – С. 77.
9. Порудоминский В.И. Даль. – М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ, 1971. – 384 с. (Серия ЖЗЛ).
10. Курилов А.С. Теоретико-литературные взгляды славянофилов//Литературные взгляды и творчество славянофилов (1830-1850-е годы). – М.: Изд-во «Наука», 1978. – С. 168-237.
11. Курилов А.С., Сахаров В.И., Мещеряков В.П. Проза славянофилов и писателей славянофильской ориентации//Литературные взгляды и творчество славянофилов(1830-1850-е годы). – М.: Изд-во «Наука», 1978. – С. 449-490.
12. Голубенко А.Л., Евдокимов Н.А. Владимир Даль как публицист: особенности и мотивы творчества: Монография. – Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля. 2007. – 416 с.
13. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1978. – 264 с.
14. Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 274 с.
15. Колодина Н.А. С.Т. Аксаков и В.И. Даль: современники. Жизненные и творческие связи//В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура: Матер. конф. – Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2001. – Ч. 1. – С. 248-255.
16. Дали в Москве/Публ. подг. В.Ф. Молчанов//Русская речь. – 2001. – № 6. – С. 27-46.
17. Анненкова Е.И. Творчество Даля 40-х годов в контексте идейно-эстетических споров эпохи//Творческое наследие В.И. Даля в идейно-нравственном формировании личности: Тезисы докл. и сообщ. Четвертых Далевских чтений. – Ворошиловград, 1988. – С. 37-40.
18. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. – Кн. 21. – 463 с.
19. Переписка В.И. Даля и М.П. Погодина. Часть I./Публ. А.А. Ильина-Томича//Лица: Биографический альманах. 2. – М.; СПб.: Феникс: Attheunum, 1993. – С. 287-388.
20. ОР РГБ. – Ф. 47/II. – Карт. 5. – Ед. хр. 7. – Л. 123-123 об.
21. Переписка В.И. Даля с А.Ф. Вельтманом//Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1976. – Т. 35. – № 6. – С. 287-388.
22. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1906. – Кн. 20. – 389 с.
23. Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. – СПб.; Луганск: Альма-матер, 1999. – 262 с.

ОБЛАЧЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА КАК НЕВЕРБАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (на материале православной культуры)

Неотъемлемой частью религиозного дискурса, отличающей его от других типов общения и создающей его индивидуальность, является ритуал – «совокупность и установленный порядок обрядовых действий при совершении какого-либо религиозного акта; выработанный обычаем порядок совершения чего-либо, церемониал; стандартный сигнальный поведенческий акт» [6, с. 446]. В любом типе дискурса – например, педагогическом, политическом, научном, художественном – на первое место выступает речевая деятельность, а конкретные действия, закрепленный, установленный ритуал лишь подкрепляют ее. В религиозном же дискурсе, по замечанию Е.В. Бобыревой, ритуал, доведенный до своей высшей ступени, возводится в абсолют, являясь основой, базой религиозного общения [1, с. 83].

В религиозном дискурсе существует как вербальный, так и поведенческий (невербальный) ритуал, причем трудно определить, что является первоосновой, а что дополняет ее – невербальный ритуал дополняет речевые действия или речевые действия сопровождают ритуал. «Лишение» религиозного дискурса вербального наполнения не прекращает его существования, а лишь переводит данное общение в несколько иную ипостась – безмолвное

(основанное на жестах и телодвижениях) общение с Высшим началом. Е.В. Бобырева отмечает, «что в любом другом виде дискурса ритуал накладывается на речевую ткань, тогда как в религиозном дискурсе вербальный компонент лишь дополняет ритуал, сам ритуал значим уже сам по себе» [1, с. 84].

Одной из составляющих невербально-го религиозного ритуала является облачение духовенства, которое уже с древних времен приобрело особые признаки и до сих пор отличает служителей церкви от мирских людей, а также свидетельствует об определенном священном сане или монашеском звании.

Каждая деталь облачения имеет свой смысл, является своеобразным символом, который как средство выражения религиозного сознания становится своего рода посредником между реальным и ирреальным мирами, между миром земным и сверхъестественным.

Кроме того, символ совмещает в себе религиозное и обыденно-языковое сознания, которые изначально находятся в генетической взаимосвязи, перерастая затем в самостоятельные знаковые образования. По утверждению Э. Кассирера, «они являются различными побегими одной и той же ветви символического формообразования, происходящими от

одного и того же акта духовной обработки, концентрации и возвышения простого представления» [3, с. 36].

Рассмотрим облачение духовенства с точки зрения христианского символа как способа выражения национального религиозного сознания.

Проведенный анализ словарных дефиниций показал, что слово *облачение* высокого стиля и в основном используется для обозначения одежды священнослужителей христианской церкви при богослужении (словари Ушакова, Даля, Ожегова и Шведовой), реже для обозначения одеяния царя (Даль). По своему назначению облачение бывает внебогослужбным, богослужбным и монашеским, также оно различается и по принадлежности определенному церковному сану.

В православной церкви употребляют подрясник, поручи, пояс, епитрахиль, набедренник, палица, фелонь (священника), стихарь, орарь (диакона), саккос, омофор и митра (архиерея). Большинство названий одеяний духовенства было заимствовано во время принятия христианства из греческого языка. Время появления облачения в точности не установлено, но еще в IV-VI вв. клирики надевали при богослужении только новые и лучшие одежды обыкновенного покроя.

Длиннополая одежда с узкими рукавами имела широкое распространение в жизни восточных и западных народов. Свободная длинная одежда с широкими рукавами – восточного происхождения. Древность одежды этого типа косвенно подтверждается тем, что и поныне у многих восточных народов в качестве традиционной национальной одежды употребляется широкое длинное раз-

резное и неразрезное спереди одеяние с широкими длинными рукавами, очень похожее на рясу [5].

Сегодня основными повседневными одеяниями духовенства и монашества всех степеней являются подрясник и ряса. *Подрясник* представляет собою нижнее одеяние – длинное, до пят, с наглухо застегнутым воротом и узкими рукавами. *Ряса* – верхнее одеяние с длинными, ниже ладоней, широкими рукавами. Слово *ряса* происходит от греческого прилагательного, означающего «оскребанная, вытертая, лишенная ворса, поношенная» [7]. Именно такую почти нищенскую одежду полагалось носить в прошлом монашествующим. Из монашеской среды ряса вошла в обиход всего духовенства.

Все богослужения, кроме литургии, совершаются священником в подряснике и рясе, поверх которых надеваются особые богослужбные одеяния (ризы). Общее символическое значение подрясника и рясы – свидетельство отрешенности от мирской суеты, символ духовного покоя [5].

Епископы Православной Церкви помимо богослужбных священнических одеяний имеют особые архиерейские одеяния. Самым древним из них является *омофор*, представляющий собой широкую длинную полосу материи с изображением крестов. Он возлагается на плечи епископа так, что, охватывая кругом шею, одним концом спускается спереди, а другим сзади. Омофор – слово греческое и означает «наплечник». Без омофора епископ, как священник без епитрахили, не может совершать никакой службы. Омофор напоминает епископу, что он должен заботиться о спасении заблуждающихся подобно евангельскому

доброму пастырю, который, отыскав пропавшую овцу, несет ее домой на своих плечах [5].

Духовенство и монашество в повседневном употреблении имеют особые головные уборы. Белое духовенство может носить *скуфии*, в древности представлявшие собой небольшие круглые шапочки, похожие на чашу без подставки. Такой шапочкой издревле в Западной Церкви и на Руси покрывалась у священнослужителей выбритая сверху часть головы. После рукоположения в священный сан ставленники немедленно выбривали себе волосы на голове в виде круга, получившего на Руси название *гуменцо*, что означало знамение тернового венца. Выбритая часть покрывалась небольшой шапочкой, получившей также славянское название *гуменцо* (или греческое – *скуфия*). Обычай духовенства брить волосы сохранялся в России вплоть до середины XVII в., но *скуфия* до сих пор осталась в качестве головного убора духовных лиц всех званий и степеней. Указом императора Павла I от 18 декабря 1797 года в церковное употребление были введены фиолетовые *скуфии* и *камилавки* как награды белому духовенству. *Камилавка* – головной убор цилиндрической формы, слегка расширенный кверху, на твердой основе, обтянутый обычно фиолетовым бархатом. Само слово «*камилавка*» заимствовано из греческого языка, где *kamilauka* < *kamilos* – «верблюд». Таким образом, первоначально *камилавка* – «шапка из верблюжьей шерсти» [4].

Современная *митра* – это богато украшенная парчовым шитьем, бархатом, бисером, драгоценными камнями и иконами высокая твердая шапка, плавно сужающаяся к ободу вокруг головы. Такие

очертания митра приобрела в XVIII – XIX вв. До этого русские митры были похожи на разных форм короны византийских царей последнего периода империи [5].

Общим одеянием для всех степеней священства является *стихарь*. Это и по времени происхождения самое древнее одеяние. На левом плече поверх *стихаря* диаконы имеют *орарь* – длинную полосу из парчовой или другой цветной материи, нисходящую с передней и спинной частей почти до пола. *Орарь* укрепляется петлей на пуговице на левом плече *стихаря*, так что концы его свободно свисают вниз. Готовя себя к принятию Святых Таин, диакон опоясывается *орарем* по груди крестообразно, после же причащения распоясывает *орарь* и вешает его на левом плече [8].

Феодор Валсамон (XII в.), патриарх Антиохийский, говорит, что *орарь* есть принадлежность только диаконов и название свое получил от греческого глагола «*оро*», что значит *смотрю, стерегу, наблюдаю*. Второе значение слова *орарь* – *полотенце, лентион* (от лат. *orarium*) или – *молиться* (от лат. глагола «*оро*»). Итак, *орарь* соединяет в себе следующие духовные значения. Он знаменует ангельские крыла, готовность к исполнению воли Божией, силу и крепость, отсутствие греховных влечений; благое бремя служения Христу и крестную ношу; Божию благодать священного сана; Ветхий и Новый Заветы, их нераздельность во Христе; двойственный характер служения диакона: Богу и людям [5].

Концы *ораря* часто бывают украшены бахромой, которая свидетельствует о том, что *орарь* есть образ ангельских крыл. Заметим, что в церковной символике бахромы и кисти, напоминая оперение птиц,

всегда являются свидетельством того, что данное облачение – образ невещественных, небесных, духовных одежд.

Начиная с XV в. архиерей при посвящении диакона в сан священника огibal его шею орарем, так что оба конца равномерно спускались по груди вниз, до подола, и при этом соединялись один с другим. Получалась *епитрахиль* – предмет одевания священников и епископов. Слово *епитрахиль* в греческом языке мужского рода, но в русских книгах употреблялось в женском роде.

Образованная из орая *епитрахиль* означала, что священник, не теряя благодати диаконского сана, приобретает по сравнению с диаконом двойную, сугубую благодать, дающую ему право и обязанность быть не только служителем, но и совершителем Таинств Церкви и всего дела священства. Таким образом, *епитрахиль* соединяет в себе два основных символа: благодати Божией, щедро изливаемой Богом на служителей своих, и благого ига священства как крестной ноши. Священник поэтому является подражателем Господа и в своем служении Богу и людям, и в духовном крестоношении [5].

Фелонь (в обиходе – *риза*) представляет собой верхнее богослужбное одевание священников и в некоторых случаях епископов. Во множественном числе слово *риза* означает все вообще облачение, но форма единственного числа подразумевает *фелонь*. *Фелонь* в древности была белого цвета и представляла собой плащ-накидку из длинного прямоугольного куска шерстяной материи и служила для защиты от холода и непогоды. Блаженный Симеон, архиепископ Солунский, дает самое полное и глубокое объяснение сим-

волического значения *фелони*: «Белизна этой одежды означает чистоту, святую и сияние славы Божией, ибо Бог есть свет и одеяйся светом, яко ризою... Священная *фелонь* означает высшую и свыше подаваемую силу и просвещение Святого Духа. Эта одежда означает и светлость первейших Горних чинов, и силу Божию, все содержащую, промыслительную, вседетельную, благотворную, которою Слово снизошло даже до нас и чрез воплощение, распятие и восстание соединило все горнее с дольным» [5].

Набедренник представляет собой продолговатый прямоугольный плат на длинной ленте – первая по очереди награда за ревностное служение Церкви, которой награждаются архимандриты, игумены и священники. Символически прямоугольная форма *набедренника* означает Четвероевангелие, что согласуется с понятием меча духовного – слова Божия. Этим оружием священник и епископ должны вооружаться против нечестия, ереси и вообще против всего греховного и порочного. *Набедренник* надевают через левое плечо, и он спускается с правого бока ниже пояса, на бедро. По краям *набедренник* отделан нашитой полосой из иной материи, чем он сам, в центре имеет крест, нижний край обычно украшается бахромой [8].

Ромбовидная форма *палицы* – тоже символ Четвероевангелия, но с уподоблением острому мечу. Одновременное ношение *набедренника* и *палицы* духовно означает двоякого рода попечение архиерея, архимандрита или протоиерея как о проповеди слова Божия и борьбе за правду и истину во всем, так и о служении младшим по сану духовным братьям [8].

На рукава подрясника, а при полном облачении – на рукава подризника надеваются *поручи*, или *нарукавники*. Поручь представляет собою слегка выгнутую полосу плотной материи с изображением креста в середине, обшитую по краям лентой иного оттенка, чем сама поручь. Поручи надеваются на оба рукава и знаменуют собою Божию силу, крепость и мудрость, даваемые священнослужителям для свершения Божественных таинств. Знамением креста поручи означают, что не человеческие руки священнослужителей, а Сам Господь через них совершает таинства Своею Божественной силой. Кроме того, поручи как знамение силы Божией защищают священнослужителя от демонских козней при совершении таинств [5].

Богослужебные облачения бывают разных цветов, которые символизируют духовные значения празднуемых священных событий. В сложившемся каноне церковных богослужебных облачений мы по существу имеем два явления – белый цвет и все семь основных цветов спектра, из которого он состоит (или на которые он разлагается), и черный цвет как отсутствие света, символ небытия, смерти, траура или отречения от мирской суеты и богатства [8].

Таким образом, общее символическое значение церковных служебных облачений – это «выражение в видимых веществен-

ных одеждах духовных одежд правдивости и чистоты, в которые должны быть облачены души верующих людей для участия в вечной радости сочетаванием Христа с Церковью избранных Своих» [5].

У.С. БАЙМУРАТОВА

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бобырева Е.В. Содержательный план и ритуал религиозного дискурса//Десятые Ефремовские чтения: Концепция современного мировоззрения (к 100-летию со дня рождения И.А. Ефремова): материалы 10-й юбилейной междунар. науч. конф. «Ефремовские чтения», (21 апреля 2007 г.) – СПб.: ЛЕМА, 2007. – С. 80-84.
2. Закон Божий. – Московская Патриархия, 1991.
3. Кассирер Э. Философия символических форм//Культурология. XX век: антология/Сост. С.Я. Левит – М.: Юрист, 1995. – С. 163-213.
4. Кашкадамов А. 2000 лет от Рождества. – М.: Интербук, 2000.
5. Настольная книга священнослужителя. Т.4. – Русская православная церковь. Издательство Московской патриархии, 2001.
6. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс; Культура, 1995. – 446 с.
7. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: «Просвещение», 1971.
8. Электронный ресурс: <http://www.magister.msk.ru>

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ШКОЛЕ КАК СПОСОБ ПОСТИЖЕНИЯ УЧАЩИМИСЯ СЛОВЕСНОГО ИСКУССТВА

К концу XIX – началу XX вв. в отечественной методике преподавания литературы исторически сложился идейно-нравственный подход к анализу художественного произведения в школе, который воплотился в методических системах В.Я.Стоюнина, В.И.Водовозова, В.П.Острогорского, учительской практике.

И.Ф. Анненский в отличие от своих предшественников и современников подошел к изучению художественного произведения в школе прежде всего как явления искусства, эстетически воздействующего на ученика-читателя и развивающего в нем способность видеть и ценить прекрасное не только в литературе, но и в окружающей жизни.

«Родная поэзия, – писал он в статье «Образовательное значение родного языка» (1890), – есть для учеников нашей школы единственная область, где они развиваются эстетически... есть наша школа красоты» [1, с. 33].

Впервые в методике преподавания литературы И.Ф. Анненский предложил в поисках приемов работы над текстом исходить из словесно-образной и эстетической природы литературы, положив начало эстетическому направлению в изучении литературы в школе. Учитывая, что литература – прежде всего ис-

кусство, он рекомендовал при изучении словесности в школе органично сочетать педагогические задачи с эстетическими: постижение своеобразия поэзии как творческого процесса; развитие языкового чутья, эстетического вкуса; собственное литературное творчество и др.

Сближая искусство и методику, поэт-педагог И.Ф. Анненский школьное преподавание литературы впервые подчинил законам художественного мышления, акцентировав внимание на эстетической деятельности учащихся, на усилении «творческого элемента» в преподавании словесности. Не случайно в его методической системе центральное место занимают эстетический анализ художественного произведения, письменные и устные работы, в том числе литературно-творческого характера, театральная деятельность учащихся.

И.Ф. Анненский дал учителю-словеснику блестящие образцы эстетического разбора литературных произведений в работах «Стихотворения А.К. Толстого как педагогический материал», «Стихотворения Я.П. Полонского как педагогический материал», «Об эстетическом отношении Лермонтова к природе», «О формах фантастического у Гоголя», «А.Н. Майков и педагогическое значение его поэзии» и других, публиковавшихся на страницах журналов

«Воспитание и обучение», «Русская школа» в 1880-1890-е годы, убедительно показав, что воспитывающей функцией искусство обладает в первую очередь благодаря своей эстетической природе.

И. Анненский одним из первых в школьной практике обратился к сравнительному анализу стихотворений разных поэтов, чтобы ученики ощутили индивидуальность художественного мира каждого из них, неповторимость переживаемых эстетических эмоций, которые передаются через особые средства звуковой, изобразительной выразительности.

«Интересную эстетическую задачу» он видит в сопоставлении «Осени» А.С. Пушкина и стихотворения А.К. Толстого «Когда природа вся трепещет и сияет...» (См. ст. «Стихотворения А.К. Толстого как педагогический материал»).

В методических работах Анненского присутствует и такой прием, как сравнение перевода стихотворения с оригиналом, сопоставление разных переводов одного поэтического произведения (см. сравнительный анализ баллады Гете «Mignon» и перевода А.Н. Майкова; сонета А. Мицкевича «Алушта днем» и перевод А.Н. Майкова; сравнительный анализ переводов стихотворения Гейне «Buch der Lieder» А.Н. Майковым и А.К. Толстым и др.).

Сопоставляя разные переводы одного стихотворения, сравнивая их с оригиналом, И. Анненский утверждал мысль о невозможности абсолютной адекватности перевода поэтического произведения с одного языка на другой, вместе с тем подчеркивал право перевода на жизнь и даже возможность разных переводов, которые в состоянии приблизить читателя к подлиннику, если не разрушают его художественной ткани.

Приемы эстетического анализа, используемые Анненским, прежде всего стихотворений, посвященных природе; сравнительный анализ разных стихотворений, переводов с оригиналом и разных переводов друг с другом, по убеждению методиста, поэта, переводчика, способны обогатить не только эстетическое чувство природы у учащихся, но и активно развивать эстетическое отношение к искусству как к источнику красоты. В эстетический анализ поэтического произведения И. Анненский органично вплетает обращение к живописным полотнам и музыкальным фрагментам, которые, с одной стороны, дают своеобразную «установку» на восприятие и анализ литературных произведений, с другой – убедительно показывают общие и отличительные свойства словесного, изобразительного музыкального искусства (см. сравнения поэтического описания степи у Гоголя и степи на картине Куинджи; «Валькирий» А.Н. Майкова и «Полета Валькирий» Вагнера и др.).

Погружаясь в художественную ткань произведения, ученики учатся давать эстетическую оценку как всему произведению в целом, так и отдельным его элементам. Восхищаясь совершенством одних образов и отмечая несовершенство других, учащиеся в методической системе И.Ф. Анненского становятся участниками творческого процесса, прикасаются к таинству рождения поэзии. И задачу эстетического анализа в школе И. Анненский видел, на наш взгляд, прежде всего в том, чтобы не только раскрыть перед учащимися мир эстетической деятельности, но и ввести их в этот мир. Не случайно значи-

тельное место в его методике занимает литературно-творческая, театральная деятельность учащихся.

Ю.Ю. Поринец справедливо называет эстетический анализ, предложенный и разработанный И.Ф. Анненским, и в целом его методическую систему уникальным явлением в методике конца XIX – начала XX веков [2, с. 16].

Несомненно, методическое наследие И.Ф. Анненского представляет собой концептуально выстроенную систему литературного и эстетического развития учащихся, составляющие элементы которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. Методическая система И. Анненского получила реализацию в его учительском опыте преподавания словесности, нашла воплощение в содержании и структуре программы по литературе 1905 года, составлявшейся под его председательством.

Методические взгляды И.Ф. Анненского на преподавание литературы были новы, свежи, далеки от сложившегося традиционного подхода и, несомненно, открывали перспективы для развития методической науки, поисков методов и приемов, учитывающих законы художественного творчества, по которым живет литература как искусство слова, способствующих бережному отношению к литературному произведению и помогающих глубококому проникновению учащихся в сложный и неповторимый мир художника-поэта, прозаика, драматурга.

Неслучайно Анненский неоднократно критически высказывался о получившем массовое распространение в современной ему школе методе эвристической беседы, ее «грубо планированном харак-

тере», излишней «дробности вопросов», которые «усыпляют мысль»; о несовместимости литературы и катехизации, не учитывающей эстетической природы поэзии и творческой природы речи, фактически превращающей разбираемое на уроке произведение в схему и убивающей природную живость и любознательность ребенка, превращая учение в «скучнейшее занятие и для учителя и для учащихся» [3, с. 33].

Несмотря на явный прорыв в методике, взгляды И.Ф. Анненского на преподавание словесности и его собственный успешный учительский опыт не нашли отклика у современников, однако уже совсем скоро, через какие-то 10-15 лет, они вызовут пристальный интерес со стороны методистов психологического направления В. Голубева, В. Мурзаева, А.Флерова, Н.Соколова, М. Рыбниковой и других, так как будут близки исканиям по «оздоровлению» школьного преподавания литературы.

Так, В. Голубев, выступая противником словотолковательного, объяснительного чтения, в работах 1910-х годов неоднократно подчеркивает мысль о том, что важно не только научить понимать поэтическое произведение, но «довести ребенка до возможно-интенсивного и полного наслаждения произведением искусства» [4, с. 58]. Он вслед за И.Ф. Анненским, отмечая односторонность логического подхода к чтению и изучению художественных произведений, говорит о необходимости искать новый путь, «когда душа поэта окажется с душой его (читателя) в сношении» [4, с. 32].

Этот «новый» путь, по его мнению, должен опираться на особенности эстетического восприятия и творческое

чтение учащихся. В. Голубев, В. Мурзаев, И. Трояновский, А. Флеров, А. Налимов, С. Абакумов и другие методисты и учителя-практики предложат метод объяснительного чтения в школе заменить чтением творческим.

Созвучные взглядам И. Анненского на преподавание словесности в школе мысли выскажет Н.М. Соколов в работе «На уроках родного языка» (1917): «Внимание учителя должно направляться на общую культуру здорового детского воображения, на общее эстетическое воспитание детей, которое преобразит их из пассивных «воспринимателей» литературных образов в живых, активных деятелей, читателей– творцов» [5, с. 8]. Вслед за И. Анненским он станет активным пропагандистом использования смежных искусств на уроках литературы, в частности произведений живописи, призванных углубить эстетическое восприятие учащимися пейзажной лирики, составит тематический указатель картин русских художников, к которым уместно обращаться при изучении словесности.

Преемниками И. Анненского в методике выступают и теоретики психологической школы В.В. Данилов и И.П. Плотников, методические системы которых, как показал анализ, были направлены на пробуждение творческого потенциала как учащихся, так и учителей, на развитие образного мышления, воображения, художественного вкуса учащихся, защищали «литературную точку зрения» на школьную словесность, раскрывали психологию эмоционально-образных процессов чтения и восприятия, отстаивали эстетические принципы изучения литературы, воспитывали творческого читателя.

В 1910-е годы над проблемой развития эстетического понимания искусства, эстетического отношения учащихся к природе работает М.А. Рыбникова. Ее статья «Эстетическое восприятие природы учащимися» (1917) написана под очевидным влиянием идей И. Анненского, которые получают в работе Рыбниковой осмысление и методическое развитие: о беседах по личным впечатлениям учащихся, предваряющих разбор произведений пейзажной лирики; о привлечении картин художников, рисунков учащихся, дневников наблюдений за жизнью природы; о взаимосвязи развития эстетического отношения к природе и искусству и др. «Чувство природы нужно воспитывать, культивировать, взращивать. И нужно при этом иметь в виду цель двоякую: нужно, чтобы человек научился находить красоту в самой природе и также в художественном ее изображении; иначе – чтобы он видел и чувствовал поэзию в природе и природу в поэзии, т.е. в искусстве», – пишет она [6, с. 34].

Примечательно, что статьи Н.М. Соколова, М.А. Рыбниковой, развивающие идеи И.Ф. Анненского, публикуются на страницах тех же педагогических журналов «Русская школа» и «Вестник воспитания».

Решение одной из важных проблем литературного образования школьников – развития эстетического чувства «поэзии в природе и природы в поэзии» – получит продолжение в работах М.А. Рыбниковой 1920-1930-х годов, несмотря на то, что радикально изменятся цели и задачи литературы как учебной дисциплины в школе, и станет неотъемлемой составной частью ее методической системы, которая в наи-

более завершенной форме предстанет в фундаментальном труде «Очерки по методике литературного чтения» (1941).

В главе «Уроки» М.А. Рыбникова приводит стенограмму одного из уроков, посвященных теме «Осень», где присутствуют и реальная осень за окном, что создает особый настрой на восприятие, и сравнительный анализ стихотворений Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» и А.С.Пушкина «Унылая пора, очей очарованье...». В классе стоят ветки красной рябины, калины, черемухи и клена, вносящие особый, неповторимый аромат осеннего леса... Выразительное чтение и анализ стихотворений предварены живой беседой учителя с учащимися по личным наблюдениям за изменениями в природе осенью, поисками таких образных средств, которые в полной мере могли бы передать эстетическое отношение школьников к природе.

Осенняя природа за окном, ветки деревьев в классе, беседа с ребятами, работа над эстетическим анализом произведений Тютчева и Пушкина, выразительное чтение учащимися стихотворений, задание на дом творческого характера – написать сочинение с описанием прогулки по осеннему лесу или «сопоставить два различных осенних дня», выстроенные в систему, где каждый последующий этап органически связан с предыдущим, где нет ничего случайного, лишнего, приводят к успешной реализации цели урока: «Стихи Тютчева и Пушкина, ко времени прочитанные, слились с жизнью, сделали окружающую природу богаче, усложнили и насытили восприятие школьника. Никто из шестиклассников не повторил механически классного материала, каждый из

них старался его обогатить и обработать. Свободная формулировка темы каждым из пишущих требовала от ученика живого и индивидуального решения задачи» [7, с. 289].

Интерес к литературе с художественно-эстетической точки зрения, к эстетическому восприятию природы учащимися в методике обострится в 1960-е годы в связи с широкой постановкой проблемы эстетического воспитания школьников в процессе обучения в работах В.А. Никольского, Н.Д. Молдавской, Т.Ф. Курдюмовой, З.Я. Рез, Т.Г. Браже, Т.В. Зверс, М.Г. Качурина, В.Г. Маранцмана, Р.Ф. Брандесова и других ученых-методистов преимущественно ленинградской школы.

В работах В.Г. Маранцмана этих лет, посвященных роли произведений искусства о природе в эстетическом воспитании школьников, особенно отчетливо ощутима связь с выдающимися предшественниками И.Ф. Анненским, Н.М. Соколовым, М.А. Рыбниковой.

«Первая наша задача – помочь ребятам увидеть в поэтическом, живописном, музыкальном пейзаже не только картину природы, но и восприятие этой природы человеком, создавшим произведение искусства», – пишет В.Г. Маранцман [8, с. 32].

Анализ стихотворения он рекомендует предварить сочинением учащихся по личным впечатлениям. При изучении лирики, посвященной осени, проводятся очная экскурсия на природу, беседа о впечатлениях на уроке, сравнительный анализ стихотворений Пушкина и Тютчева с привлечением произведений живописи, музыкальных отрывков.

Все эти приемы, используемые В.Г. Маранцманом в комплексе, обостряют эстетическое чувство природы у

учащихся, формируют их художественный вкус, способность «увидеть природу в ее многообразии», почувствовать «настроение пейзажа» [8, с. 42].

В работах последующих десятилетий В.Г. Маранцман будет активно использовать многие элементы методической системы И.Ф. Анненского, в том числе сравнительный анализ разных редакций одного произведения, поэтического перевода с подстрочником оригинала; разных переводов одного произведения, в частности сонетов Шекспира, Петрарки, баллад Гете и Шиллера.

Методическая система В.Г. Маранцмана «вберет» в себя и опыт использования экскурсионного метода, предложенного М.А. Рыбниковой. В ней получают развитие как на теоретическом, так и на экспериментальном уровне проблемы восприятия и анализа художественного произведения, использования смежных искусств при изучении литературы, связи литературного и речевого развития школьников, литературного творчества и другие, которые решались И.Ф. Анненским, Н.М. Соколовым, М.А. Рыбниковой.

В.Г. Маранцман не просто «возродит» забытый опыт предшественников и сделает его достоянием современной методической науки и практики, но поставит его на научную основу.

Эстетический анализ художественного произведения в школе будет теоретически обоснован ученым и займет достойное место в его методической системе, в исследованиях учеников, найдет реальное воплощение в школьных программах по литературе и учебно-методических материалах, созданных под его руководством.

В учебниках 5-11 классов под редакцией В.Г. Маранцмана анализ художественного произведения строится согласно выдвинутому И.Ф. Анненским принципу – по законам искусства. Творческие интерпретации текстов разных родов и жанров «с языковой, музыкальной и живописной стороны» не только раскрывают перед учащимися заложенные в них возможности, но способствуют пробуждению читательской активности, побуждают учеников к созданию своих собственных интерпретаций.

Исследования В.Г. Маранцмана и его учеников актуализируют внимание и интерес методики 1990 – начала 2000-х годов к проблеме эстетического анализа художественного произведения в школе, о чем свидетельствует сделанный нами библиографический срез публикаций на страницах педагогических журналов, в том числе «Из опыта работы» методистов и учителей-словесников из разных регионов страны. Образцы эстетического разбора представлены в статьях Т.Н. Распоповой ««Море» Жуковского как романтическая элегия» (1992), П.А. Гапоненко «Что с нею, что с моей душой?»: Читаем с шестиклассниками стихи русских поэтов о природе» (1995); Н.С. Коршуновой «Стихи о первом снеге. Урок в 6 классе» (1996); Н.П. Суховой «Чувство природы у Майкова, Фета и А. Толстого» (1996); С. Воронковой «Пейзаж (времена года) в литературе, музыке и живописи: Интегрированный урок в 5 классе» (1997); Е.Н. Колокольцева «Стихотворения о родной природе в 5 классе» (1998); Т.В. Берченко «Трепет жизни»: Импрессионизм в лирике А. Фета» (1998); Е. Ерохиной «Сопоставительный анализ на уроках изучения лирики Ф. Тютчева и

А. Фета в 10 классе» (1999); Г.А. Фроловой «Пейзажная лирика Я.П. Полонского. 6 класс» (2000); Е. Рушевой «Сопоставительный анализ стихотворений А. Майкова «Летний дождь» и «Под дождем». Урок в 5-6 классе» (2000) и др. [9].

Вместе с тем библиографический срез показал, что не ослабевает интерес и к идейно-нравственному, нравственно-этическому анализу, выделению социально значимых проблем в художественном творчестве, что наиболее последовательно и рельефно выразилось в опыте учителей-словесников Л.С. Айзермана и Е.Н. Ильина.

Т.Е. БЕНЬКОВСКАЯ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Анненский И.Ф. Образовательное значение родного языка. – Русская школа. – 1890. – №1. – С. 21-44.
2. Поринец Ю.Ю. Методическое наследие И.Ф. Анненского: автореф. дис.... канд. пед. наук. –

СПб., 2001. – 20 с.

3. Анненский И.Ф. Образовательное значение родного языка. Русская школа. – 1890. – №1. – С. 21-44.
4. Голубев В. Из методики родного языка. Объяснительное чтение художественных произведений. Ч.1. – Киев, 1912. – 236 с.
5. Соколов Н.М. На уроках родного языка. – СПб.: Тип А.С. Суворина, 1917. – 400 с.
6. Рыбникова М.А. Эстетическое восприятие природы учащимися. Вестник воспитания. – 1917. – №8-9. – С. 32-61.
7. Рыбникова М.А. Очерки по методике литературного чтения. Глава IV. Уроки//Беньковская Т.Е. Развитие методики преподавания литературы в русской школе. XX век. Ч.1. 1900-1940-е годы: учеб. – метод. пособие и хрестоматия. – Оренбург: ОГПУ, 1999. – С. 274-313.
8. Маранцман В.Г. Роль произведений искусства о природе. -Литература в школе. – 1962. – №2. – С. 32-42.
9. Терентьева Н.П. Методика преподавания литературы (1980-2000 гг.): библиографический указатель. – М.: БМЦ, 2002. – 240 с.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ В РОМАНЕ «МЕДЕЯ И ЕЕ ДЕТИ»

Одной из особенностей современного литературного процесса, развивающегося по законам постмодернизма, является интертекстуальное взаимодействие текстов. Сегодня среди писателей модно обращаться к реминисценциям и аллюзиям – интертекстуальным свя-

зям с классическими произведениями предыдущих эпох, к античным мифам и легендам, библейским сказаниям и пр. Литературный постмодернизм использует «вечные» тексты, на наш взгляд, чтобы, *во-первых*, создать определенное игровое пространство между текстом и читателем,

и, во-вторых, использование прозрачных намеков и угадываемых отсылок к предыдущим произведениям позволяет и самому читателю вступить в диалог с культурой и таким образом убедиться в своей начитанности и интеллектуальной компетентности. Эта своеобразная игра с «претекстами» обеспечивает популярность и востребованность современных произведений.

В трудах по лингвистике текста последних лет термины «интертекст», «интертекстуальность» получили очень широкое распространение (работы Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Деррида, М. Риффатера, Г. Блума, И. Смирнова, И. Ильина, Р. Тименчика, С. Золяна; М.М.Бахтина, Ю.М. Лотмана, М.А. Гаспарова и др.).

Интертекстуальность – фр. *inter-textualite*, англ. *intertextuality* – термин, введенный в 1967 году теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой, стал одним из основных в анализе художественных произведений постмодернизма. Интертекстуальность чаще всего трактуется как связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний. Каноническую формулировку понятия «интертекстуальность» и «интертекст» получили в работах Р. Барта: «Каждый текст является интертекстом («между-текстом»); другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах <...>. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. <...> Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет

собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных и автоматических цитат, даваемых без кавычек» [1, с. 417-418]. Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение определенных элементов дает новые комбинации.

Интертекстуальный метод создания произведений не нов в мировой литературе. К нему обращались и реалисты, и модернисты и другие писатели, ибо обращение к предшествующей культуре позволяет взглянуть на мир с нового, нетрадиционного ракурса, сравнить современные и исторические ценности. Об этом Ю. Лотман сказал: «Текст – это не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах» [3, с. 63]. Таким образом, современная мировая литература представляет для писателя и читателя неисчерпаемую шкатулку с сюжетами, образами и проблематикой, и особая популярность и востребованность здесь принадлежит мифу.

У понятия «миф» (от лат. *Mythos*) в науке есть несколько значений: «слово», «сказ», «сказание», «разговор», «указание», «замысел», «речь», «беседа», «план», «известие», «басня», «вымысел» [4, с. 13]. Нам ближе всего толкование В. Хализева, утверждающего, что в современной науке понятие мифа значительно расширилось от сказаний о богах и героях, о происхождении мира до «трансгисторической формы сознания», «константы жизни человечества», существующей «всегда и везде» [10, с. 128].

Среди российских писателей в своем творчестве к мифу обращались М. Цветаева, В. Набоков, Б. Пастернак и др. Современные исследователи (Т. Ровенская [2001], Н. Егорова [2005], Ю. Сергеева [2007], Т. Прохорова [2001] и др.) отмечают элементы мифологизма и в творчестве Л. Улицкой. Интертекстуальность в прозе писателя объясняется исследователями тем, что автор работает «на стыке» реалистической и постмодернистской поэтики, сделавшей узнаваемость и повторяемость предшествующих текстов своим основным художественным приемом.

Наиболее ярко поэтика древних сказаний и интертекстуальные связи в творчестве Л. Улицкой проявляются в романе «Медея и ее дети» (1996), который полностью ориентирован на миф, и мифологизм является основной чертой его поэтики. Об этом в одном из предисловий к книге автор сказала: «Это вывернутый наизнанку миф о неистовой колхидской царевне Медее, это роман не о страсти, а о тихой любви, не об огненной мести, а о великодушии и милосердии, которые совершаются в тех же самых декорациях на крымском берегу...» [8] Нам представляется важным выявить интертекстуальные связи с мифом в создании образа главной героини.

Уже в заглавии произведения обнаруживается отсылка к древнегреческому мифу о Медее и Ясоне. Дочери царя Колхиды Медее, помогавшей аргонавтам преодолеть испытания, Афродита внушила любовь к Ясону. Чувство это носило роковой характер: Медея бежала из Колхиды, предала своего отца, убила родного брата и разбросала «куски его тела по морю, понимая, что пораженный горем отец прекратит погоню, чтобы со-

брать куски тела сына для погребения». Когда же Ясон решил жениться на дочери коринфского царя Креонта Главке, Медея, ослепленная безумной ревностью, послала ей пропитанный ядом пеплос (одеяние), а после этого убила и своих детей.

В героине, изображенной Улицкой, одновременно видятся и сходства, и различия с античной Медеей. Так, в создании портрета и описании характера Медеи есть античные черты. Медея Мендес с рождения носит греческое имя, а в ее внешности есть общие детали с обликом античной богини: высокая статная фигура, рыжие, словно воинственный шлем, густые волосы, «античные складки шали», «горделивая осанка», легкий шаг, классические черты сурового лица, многословность, величавость. Она будто бы свысока и с интересом наблюдает за происходящим внизу, оставаясь от всего этого в стороне.

Медея является «последней чистопородной гречанкой в семье, поселившейся в незапамятные времена на родственных Элладе таврических берегах, <...> сохранившей приблизительно греческий язык» [9, с. 5]. В истории всей семьи Медеи заложен мифологический сюжет. Мать Медеи Матильда, будто возрождая события коринфского мифа, бежала из родного дома в Батуми ради грека Георгия Синопли.

Итак, в имени, в описании внешности и в создании характера героини обнаруживается интертекстуальность как открытая апелляция к античной истории. Остальные же характеристики Медеи Мендес только намекают на интертекстуальную связь с мифом в создании образа главной героини.

Окружающим Медея кажется божеством. И не случайно. Она выполняет все соответствующие этому образу функции: охранительные (помогает людям, работая в больнице) и представительские – уже много лет является «частью местного пейзажа». Так, ее именем названы скалы при входе в бухту: «...и бухточки, и морские камни пережили множество имен, но в последние десятилетия их все чаще называли Медеиными» [9, с. 82]. Как и античные герои, Медея Мендес живет в единстве и гармонии с природой. Она тонко чувствует окружающий мир. Медея знает море, как «деревенский житель знает свой лес: все повадки воды, ее переменчивость и постоянство, цвет, меняющийся с утра до вечера, с осени до весны, все ветры и течения вместе с их календарными сроками» [9, с. 75]. Она способна вступать в контакт с природой и основными ее материями, приобретая тем самым свойства античных героев, обладающих волшебным даром. Этот дар и описывается автором в романе.

У обеих героинь есть чудесные способности: античная Медея была волшебницей, а Медея Улицкой способна видеть ночью, и у нее есть дар «всеведения»: «вся округа, ближняя и дальняя, была известна ей, как содержимое собственного буфета. Она не только помнила, где и когда можно взять нужное растение, но и отмечала про себя, как с десятилетиями медленно меняется зеленая одежда» [9, с. 7]. Еще маленькой девочкой она нашла «ведьино кольцо» из девятнадцати некрупных, совершенно одинаковых по размеру грибов с бледновато-зелеными шляпками <...> Венцом же ее находок <...> был плоский золотой перстень с помутневшим аквамаринном, выброшенный к ее ногам

после шторма морем на маленьком пляже возле Коктебеля двадцатого августа шестнадцатого года, в день ее шестнадцатилетия» [9, с. 7]. Упоминание о «ведьином кольце» и чудесном подарке ко дню рождения от самой природы подтверждает магическую основу образа Медеи. Если учесть, что в мифе чудо – это один из главных сюжетобразующих элементов, то сходства современной и античной Медеи очевидны.

Помимо внешнего сходства с античным персонажем Медее Мендес свойственно и мифологическое мышление. Это проследживается в строгом соблюдении семейных традиций: прием пищи взрослыми и детьми за разными столами, запрет ходить к колодцу после заката. Жизнь Медеи организована циклично. Это проявляется в повторяющемся зимнем одиночестве и «наплывах родни» весной. Итак, внешность, греческое происхождение, некоторые черты характера, необычные способности, мифологическое мышление сближают образ Медеи Мендес с античной героиней.

Однако современная Медея в отличие от мифологической несет своими поступками не разрушительное, а, наоборот, созидательное начало: каждый год она собирает вокруг себя многочисленную семью с братьями, сестрами и их детьми, являясь центром их жизни. (И каждый из семьи втайне желает пожить некоторое время вдвоем с Медеей, чтобы насладиться разговорами с родственницей). Таким способом «сезонного» общения с родными автор пытается вывести героиню из экзистенциального одиночества и полного непонимания окружающими, что так мучительно преследовало древнегреческую Медею. Кроме того, уже в названии «Медея и ее дети» Л. Улицкой указывается на ее «не-одиночество» и связь с семьей и детьми.

Тем не менее заглавие романа можно истолковать двояко. В первом значении названия указывается на причастность Медеи к семье, детям: Медея Мендес, работая фельдшером в местной больнице, уже много лет помогает женщинам в родах, способствуя появлению на свет новой жизни. Она также воспитывает, заботится о детях своих братьев и сестер, испытывая к ним «живой интерес, который к старости даже усиливался» [9, с. 10]. Во втором значении заглавия союз «и» можно определить как своеобразную границу, отделяющую женщину от нового поколения. Медея Улицкой в отличие от античной бесплодна, а значит, уже заранее лишена возможности совершить грех детоубийства, как в мифе. Она выполняет функцию матери по отношению ко всей семье, являясь своеобразным семейным центром. «Медея как центр семейного мира – символ ее прочности, вечности, непоколебимости чужим миром» [7, с. 138]. Воплощением же этого символа семейственности является сопоставление Медеи с могучим деревом, деревом жизни: «... жизнь, которая сама по себе стремительно и бурно менялась, <...> придала в конце концов Медее прочность дерева, вплетшего корни в каменистую почву, под неизменным солнцем...» [9, с. 206].

Назначение Медеи Мендес – помогать людям. Для каждого из членов семьи (Самуил, братья и сестры, оставшиеся на ее попечении после смерти родителей, их дети) и друзей (Елена) она является «чудесным помощником», «своевременной помощью», способствующей разрешению духовных, бытовых и прочих вопросов. Однако если в античной истории помощь Медеи Ясону привела к разрушению семьи, в романе Улицкой забота женщины становится созидающим началом, объединяющим огромную семью.

Основной функцией современной Медеи является приведение всего к порядку, цельности и благополучию. Это – так называемая гармонизация хаоса. Героиня отрицает вселенский и, как его разновидность, житейский хаос, где человек испытывает неуверенность в своем существовании и одиночество, через объединяющую христианскую любовь к ближнему.

Современная Медея обращена к добру и свету. В ней в отличие от героини мифа нет варварства, мстительности, безумной страсти. Медея Мендес «прожила всю жизнь женой одного мужа и продолжала жить его вдовой» [9, с. 56]. Идея любви-страсти чужда ей: «она никогда не могла понять этого недостижимого для нее закона <...> сиюминутного желания, каприза или страсти» [9, с. 188-189]. Может, именно поэтому кульминационный момент в античном мифе – измена Ясона – не стал причиной слома всей жизни современной героини и последующего убийства. Измена мужа с родной сестрой Сандрочкой стала известна ей лишь много лет спустя после его смерти. И осознание двойного предательства – мужа и любимой сестры – воспринималось вдвойне больней: Медея «мужем <...> была оскорблена, сестрой предана, поругана даже самой судьбой» [9, с. 218]. Однако женщина нашла в себе силы простить их и наполнить сердце Божественным светом в ташкентской церкви. Так, христианская, гуманистическая концепция всего романа Л. Улицкой о любви к ближнему и помощи страждущему отличается от концепции любви-страсти и мести античного мифа.

Медея Мендес по-христиански заботилась не только о семье, но и помогала окружающим. Однажды, например, она укрывала татарина Равиля Юсупова от мест-

ных властей. Всю жизнь женщина жила, строго соблюдая церковные законы никого не обижать и самой не держать обиды, молиться, соблюдать посты. Она каждый день «бормотала коротенькое утреннее правило из совершенно стершихся молитвенных слов, которые, невзирая на их изношенность, неведомым образом помогали ей в том, о чем она просила: принять новый день с его трудами, огорчениями, чужими пустыми разговорами и вечерней усталостью, дожить до вечера радостно, ни на кого не гневаясь и не обижаясь» [9, с. 40-41]. Итак, жизнь, судьба Медеи Мендес воплощает образ анти-Медеи. Интертекстуальность образа героини позволяет Улицкой вступить в своеобразный диалог с античной историей о Медее.

Таким образом, интертекстуальность в романе Людмилы Улицкой «Медея и ее дети» является средством создания образа главной героини и проявляется в имени, описании внешности, повествовании о характере и поведении Медеи Мендес, в сопоставлении героини с античной богиней, обнаружении в ней чудесных способностей, мифологического мышления и восприятию Медеи своими родственниками как «чудесного помощника».

Обращение Л. Улицкой к мифу и использование интертекстуальных связей с античными сказаниями в создании образа Медеи, на наш взгляд, позволяют автору размышлять на страницах своего произведения о вечных человеческих ценностях, повторяющихся образах, мотивах и сюжетах в мировой литературе. В своем романе писатель утверждает незыблемость моральных канонов и этических норм, одинаково значимых для каждой исторической эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 615 с.
2. Егорова Н.А. Жанровое своеобразие романов Л.Е. Улицкой «Медея и ее дети» и «Казус Кукоцкого»//Русский язык и литература рубежа XX – XXI веков: Специфика функционирования: Всерос. науч. конф. языковедов и литературоведов. Самара, 2005. – С. 506–509.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человечество – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
4. Осадченко Ю.С., Дмитриева Л.В. Введение в философию мифа. – М.: Интерпакс, 1994.
5. Прохорова Т.Г. Особенности проявления мифологического сознания в художественной структуре романа Л.Улицкой «Медея и ее дети»//Русский роман XX века: духовный мир и поэтика жанра: сб. науч. тр. Саратов, 2001. – С. 288–292.
6. Ровенская Т.А. Роман Л. Улицкой «Медея и ее дети» и повесть Л. Петрушевской «Маленькая Грозная»: опыт нового женского мифотворчества//Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – М., 2001. – №2. – С. 137-163.
7. Сергеева Ю.А. Феномен диалога в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети»//Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: материалы международной научно-практической конференции. Оренбург, 2007. – С. 133–141.
8. Улицкая Л. Медея и ее дети. – М.: Эксмо, 2007. URL: <http://www.bookline.ru/book2390665.htm> (дата обращения: 25.04.2009).
9. Улицкая Л. Медея и ее дети. – М.: Вагриус, 2001. – 320 с.
10. Хализев В.Е. Теория литературы. Учебн. – М.: Высш. школа, 1999. – 398 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Проблема формирования духовной культуры учащихся в школе и вузе в современном образовании рассматривается неоднозначно. С одной стороны, она решается в связи с новой педагогической парадигмой гуманистического развития личности, с другой стороны, обуславливается возвратом к традициям дореволюционного образования, связанного с христианской парадигмой обучения и воспитания, православными ценностями. Согласно второй точке зрения вопрос о гуманизации, привнесенный в отечественную педагогику из западноевропейской, не согласуется с православной идеей соборности, с пониманием русской ментальности и не способствует ликвидации проблемы духовного кризиса общества.

«С точки зрения православной педагогики, в процессе воспитания должно происходить освоение духовных ценностей, ориентиров, исторических традиций конкретной культуры, а не абстрактного культурно-исторического опыта. Они черпаются в религиозной нравственности, за счет опоры на которую только и возможно полноценное культуросообразное воспитание ребенка» [4, с. 34].

В методике преподавания литературы постсоветского периода делаются первые попытки возвращения к изучению литературы в духовном аспекте. Изучение основного пласта литературы в школе должно вестись в контексте православных традиций, что напрямую обуславливает как верное понимание самой литературы, так и формирование духовной культуры учащихся, поскольку именно классическая отечественная литература является источником культуросообразующих представлений.

Положительным является уже тот факт, что в ряде программ по литературе предлагается обращение к библейским текстам, к духовной литературе (хотя и на фрагментарном уровне), присутствуют элементы рассмотрения библейских реминисценций в классической отечественной литературе, в литературе XX века, в тех произведениях советского периода, где нравственный закон жизни тождествен православному (произведения В. Распутина, В. Белова, А. Солженицына, Н. Рубцова и др.)

Однако при ряде положительных явлений можно констатировать неподготовленность школьников к восприятию духовного содержания классики. Истина,

красота, добро, любовь, объясняемые как общефилософские отвлеченные категории, без учета православного их объяснения понимаются учениками абстрактно. В школьной среде вследствие неразвитости духовной культуры растет тенденция неумения понимать литературу, самостоятельно мыслить, читать. Классическая литература, по мнению современных школьников, часто приобретает статус скучной, однообразной, морализаторской, не дает рецептов счастья, показывая, что цель жизни состоит в выполнении бесконечных обязанностей.

Таким образом, причины непонимания и негативного отношения подростков к школьной литературе можно усмотреть не только в системе ее преподавания, которое часто осуществляется в духе советского времени или с позиций «евроориентированной» педагогики, но и в неподготовленности самих школьников к осмыслению классической отечественной литературы.

Как показывает опыт, в ходе уроков по творчеству писателя-«деревенщика» В.Г. Распутина («Живи и помни», «Прощание с Матерой»), одиннадцатиклассники нередко не понимают значимости некоторых мировоззренческих проблем, поставленных писателем. Не всем учащимся доступен смысл переживаний стариков – героев повести «Прощание с Матерой» – по поводу затопления родного острова, кладбища; духовный вопрос ответственности перед памятью предков, по мнению школьников, не является существенным, высказываются мнения, что «Распутин против прогресса» и что «прогрессу нельзя противостоять». Современные школьники, имея ложное представление о прогрессе,

оправдывают обстоятельства, приведшие к уничтожению русской деревни, как явления общественной жизни.

После изучения повести «Живи и помни» учащимся 11 класса одной из оренбургских школ было предложено ответить на вопросы о смысле семьи, супружеской верности, развода. Верно понимая, что смысл семьи заключается в продолжении рода, ученики вносят в него еще один компонент – обретение счастья. И если счастье отсутствует, а супруги не ладят друг с другом, то развод, по мнению школьников, становится единственным верным решением.

В христианском вероучении основная задача семьи действительно состоит в продолжении рода, однако вопрос о счастье рассматривается иначе. Члены семьи, часто испытывающие серьезные трудности во взаимоотношениях, должны нести до конца крест супружества, помогая друг другу в различных ситуациях, терпя друг друга, что помогает им стяжать венец, обрести счастье в вечной жизни [2, с. 57-58].

Не умаляя темы гражданского долга, основной в повести «Живи и помни», можно сказать, что немаловажную роль в данном произведении играет и тема супружеского долга. Узнав, что ее муж – дезертир, понимая его неправоту, Настена остается верной Андрею; как настоящая русская героиня, она относится к нему как к человеку, которому требуется помощь, жертвуя собой и своей надеждой на счастье и спокойствие. Настена подсознательно понимает, что нет такой вины, которую нельзя простить при условии искреннего раскаяния. По меркам человеческого закона Гуськов должен быть

наказан как предатель, но по-христиански он уже наказан муками совести. И если человеческий суд вершит справедливость, то Божий суд – милосердие. Учащимся не просто понять сотериологический смысл векового уклада русской жизни, противостоящий эвдемоническому [5], и поэтому вопросом первостепенной важности является формирование духовной культуры современных школьников.

Как показывает опыт, даже тексты, ставшие уже хрестоматийными, при каждом новом прочтении открываются по-новому в духовном плане. Это обусловлено тем, что произведения классической литературы часто основываются на христианской традиции. Важно уже в младших классах обращать на это внимание школьников, формируя таким образом их духовную культуру. Так, изучая рассказ «Муму» И.С. Тургенева в 5 классе, мы обращаемся к портрету барыни, где встречается следующее описание: «День ее, нерадостный и ненастный, давно прошел, но и вечер был чернее ночи». Фраза эта имеет общее со словами из Псалма 89 («Молитва Моисея, Человека Божия»): «Не отврати человека во смирение, и рекл еси: обратитесь, сынове человечестии. Яко тысяща лет пред очима Твоима, Господи, яко день вчерашний, иже мимоиде, и стража ночная. Уничужения их лета будут: утро яко трава мимоидет, утро процветет и прейдет: на вечер отпадет, ожестеет и изсхнет». Знакомство пятиклассников со словами из Псалма поможет им понять, что автор «Муму», чье отношение к религии сложно, как любой русский человек XIX века, воспитывался в атмосфере духовного чтения. Сравнение жизни человека со временем суток, временами года – давняя

литературная традиция, и оно не случайно вкрапляется в портретную характеристику барыни-крепостницы. Строки Псалма повествуют о кратковременности человеческой жизни. Пророк Моисей говорит о грехах людей и о милости Бога, который не отвращался от грешников, а призывал их на путь спасения. Все люди, создания бранные и слабые, без милости и помощи Божией существовать не могут, поэтому жизнь человеческая в Псалме сравнивается с травой, которая утром свежа и красива, но к вечеру засыхает.

Таким образом, вчитавшись в текст, можно понять, что трагедия жизни барыни показана в одной фразе, это самый несчастливый герой в повести. Пятиклассники, не одобряя поступки барыни, могут посочувствовать ей – беда этой женщины в том, что никто не наставлял ее духовно, в православной вере, что не было в ее жизни добрых, любящих людей, поэтому она и стала черствой и лицемерной. Барыню, подобно стоящим на краю духовной пропасти гоголевским Чичикову и Плюшкину, могло бы спасти прозрение, искреннее раскаяние.

Своеобразие воздействия искусства на личность заключается в том, что оно не имеет явного воспитательного предписания, человек волен интерпретировать искусство по-своему. Искусство «моделирует воздействия, которые мы испытываем в повседневной жизни, и подобно ей ставит нас в разные положения, вызывает сходные с жизненными наблюдения, переживания, раздумья, чтобы таким путем привести нас к определенным выводам» [7, с. 121]. Однако, по словам Ю. Борева, «в обществе действуют многие силы, и красота, искусство – лишь одна из них.

Красота способна «спасти мир», но тогда, когда общественно-разрушительные действия других сил не уничтожат на корню все, что создает искусство» [3, с. 483]. Предмет «История искусства» в вузе, как и все культурологические дисциплины (включая и литературу), обладает большими воспитательными возможностями.

Особенно актуальными на занятиях культурологических дисциплин в вузах в связи с проблемой формирования духовной культуры студентов нам представляется обращение к лучшим образцам отечественного искусства, начиная с древнерусской иконописи. Как показывают результаты интервьюирования первокурсников профессионально-педагогического вуза, студенты не всегда понимают символизма иконописи; им, обладающим математически развитым мышлением, трудно постичь принципы плоскостного изображения, в то время как внешняя статика иконы имеет глубинный смысл, а сама икона, как справедливо утверждает Н.Н. Третьяков [6], в духовном отношении превосходит картину, в том числе шедевры западноевропейских мастеров на библейские сюжеты, которые нередко проникнуты экзотичностью – внешней динамикой, экспрессией, – натуралистичны, отличаются разорванной композицией. «Невольно вспоминаются слова И.В. Киреевского о том, как во время молитвы в церкви и дома ведет себя человек Запада. Это очень похоже на экстаз персонажей Грюневальда. «Не так человек русский, – продолжает свою мысль Киреевский. – Молясь в церкви, он не кричит от восторга, не бьет себя в грудь, не падает без чувств от умиления; напротив, во время подвига молитвенного он особенно старается сохранить трезвый

ум и цельность духа... Слезы его льются незаметно, и никакое страстное движение не смущает глубокой тишины его внутреннего состояния» [6, с. 27-28].

Безусловно, в искусствоведении существуют разные взгляды на отечественную живопись, лучшие ее образцы. Например, художник «Мира искусств» А. Бенуа называет подражателями знаменитых пейзажистов И.И. Шишкина, А.К. Саврасова, не отказывая им при этом в определенной доле таланта [1], в то время как православный искусствовед Н.Н. Третьяков называет творчество этих художников истинно русским, духовным. Для того чтобы студент определил, какая точка зрения ему ближе, сделал выбор (в принятии какой-либо позиции особенно важен вопрос свободного выбора) и аргументировал его, он должен обладать определенной духовной культурой, основанной на понимании онтологической сущности векового уклада русской жизни.

Изучение дисциплин культурологического цикла, уяснение закономерностей развития искусства, знакомство с его величайшими памятниками – необходимая предпосылка для серьезной, осмысленной работы преподавателя и студентов. Понимание художественного произведения на глубинном уровне духовного смысла с позиций обращения к нравственным ценностям русской православной культуры способствует формированию духовной культуры, зрелых эстетических вкусов и убеждений учащегося.

Е.К. ДУБЦОВА

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенуа, А.Н. История живописи [электронный

- ресурс]//История искусства: классические труды. – М.: «Директ-Медиа Паблишинг», 2003. www.direktmedia.ru.
2. Блаженной памяти Паисий Святогорец. Семейная жизнь//Блаженной памяти Паисий Святогорец. Слова. В 7 т. – М.: «Святая гора», 2006. – Т. IV. – 328 с.
3. Боров Ю. Эстетика. 4-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1988. – 496 с.
4. Дивногогорцева С.Ю. Культуросообразность православного воспитания. – Педагогика. – 2007. – № 3. – С. 30–35.
5. Дунаев М.М. Русская литература в поисках истины//Православная культура в школе. Уроки русской литературы. – М.: «Духовные истоки», 2004. – С. 7–23.
6. Третьяков Н.Н. Образ в искусстве. Основы композиции. – Издание Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 2001. – С. 27–28.
7. Фортунатов А. Изучение местных памятников искусства//На путях краеведения. – М., 1926. – С. 121–128.

ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ОДНОГО СЛОВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

Одной из отличительных черт русской культуры конца XIX – начала XX вв. стала высокая степень диалогичности: от каждого представителя Серебряного века можно провести множество переплетающихся линий творческих и личных контактов. Причина подобного «ризомного» взаимодействия видится нам в том, что ни одна из персоналий данной эпохи не локализовалась в какой-либо одной сфере деятельности: искусство, философия, наука – всегда находясь на грани культурных сфер, становясь своеобразной «пограничной персоналией». Соответственно, чем больше сфер охватывала та или иная личность, тем выше становилась степень ее диалогичности.

Так, одной из самых пограничных персоналий в контексте Серебряного века стал П.А. Флоренский, культурный статус которого определить однозначно не представляется возможным: философ

и богослов, физик и математик, инженер и ученый-естественник, педагог и искусствовед, филолог и поэт. В биографии Флоренского мы можем наблюдать множество различных по характеру творческих диалогов: односторонний диалог с Серапионом Машкиным [1], прерванный диалог с В.И. Вернадским [2], несостоявшийся диалог с Л.С. Выготским [3].

Но помимо диалогов с конкретными личностями о.Павел вступал во взаимодействие с культурными явлениями периода, такими как поэзия символизма и русская религиозная философия, для которых Флоренский стал одним из основных связующих звеньев, будучи, по выражению, С.С. Аверинцева, «богословом русского символизма».

Символистов и религиозных философов всегда рождал интерес к определенному корпусу общих проблем. Одной из таких точек пересечения стало обращение

к Ф.М. Достоевскому. В наследии и тех и других имеются монографии, статьи и заметки, посвященные данной теме. Отсутствие подобных работ в наследии Флоренского представляется парадоксальным в свете заявленного «пограничного» статуса о.Павла. Но тем не менее, если мы сделаем парадигматический срез наследия Флоренского на предмет обращения к Достоевскому, то сможем убедиться, что о.Павел не был чужд творчеству писателя, и, более того, разрозненные суждения о Достоевском в данном случае вполне выстраиваются в четкую систему взглядов, через которую можно сделать ряд интересных выводов как о Достоевском, так и о Флоренском.

Данная статья не ставит целью сделать подобную скрупулезную работу, мы обратимся к более частному вопросу, а именно: функционирование одного неологизма Достоевского в качестве интертекста в творчестве Флоренского.

В активный словарный состав русского языка вошел только один неологизм Достоевского – глагол «стушеваться». В ходе своей работы мы обратили внимание на то, что в трудах Флоренского часто возникает окказиональное слово, созданное Достоевским, – «ответчиво» и производные от него.

У Достоевского это слово звучит в «Дневнике писателя» (январь 1881): «...повторю весьма старые мои же слова: народ русский в огромном большинстве своем – православен и живет идеей православия в полноте, хотя и не разумеет эту идею ответчиво и научно». Эту окказиональную лексику можно определить как «явно, осознанно». У Флоренского она звучит в четырех текстах:

1. Столп и утверждение Истины: «...скепсис, действительно, не может уничтожить истины, и, действительно, она – «сильнее всего», она всегда дает скепису оправдание себя, она – всегда «ответчива» [4, с. 71].

2. Имена: «...вопреки обычному суждению о сознательности высших сословий и классов, противопологаемой несознательности низших, интуиция последних <...> бывает несравненно сознательнее, определеннее и, по выражению Достоевского, «ответчивее», нежели внутреннее чувство первых» [5, с. 47].

3. Спиритизм как антихристианство: «...наличность философского стремления ео ipso подразумевает некоторое до-мысленное знание, знание бытия, – непосредственное, мистическое. Оно – не предметно; знающий не может говорить о своем знании, знает его, по слову Достоевского, «не ответчиво», но оно не может не иметься» [6, с. 327].

4. Эмпирея и эмпирия: «Если одна из целей научно-философского мировоззрения –ответчивость относительно каждой стороны действительности, так сказать, бухгалтерность сознания, возможность иметь в сознании каждую деталь и «делать подсчет» всякой грани ее, то целью научного опыта (понимаю это слово в самом широком смысле) является расщепление элементов и сторон действительности, подчеркивание их, обведение контурами» [7, с. 208].

Флоренским сделана сноска: «Выражение Достоевского».

Разберем каждый из приведенных примеров:

1. В данном случае окказиональное слово прозвучало в связи с религиозной проблематикой, так как под истиной, кото-

рой противостоит рациональный скепсис, П.А.Флоренский понимает Божественную Истину. Сила Истины в том и состоит, что она «ответчива» – ясна и осознана по сравнению с тупиковым скепсисом.

2. Характеризуя интуицию низших сословий, П.А. Флоренский с прямой ссылкой на Достоевского использует эпитет «ответчивый» в синонимическом ряду, определяющем семантическое поле окказионализма, – «сознательнее», «определеннее». Это же под «ответчивостью» подразумевал и Достоевский.

3. Философское понимание Бытия, по П.А. Флоренскому, «не предметно», то есть «не ответчиво». Здесь окказионализм вновь с непосредственным указанием на «словотворца» употреблен с отрицательной частицей «не», что только меняет вектор семантики, вложенной Достоевским.

4. Отличительной чертой научно-философского мировоззрения, по мысли о.Павла, является «ответчивость» – «бухгалтерность сознания, возможность иметь в сознании каждую деталь и «делать подсчет» всякой грани ее» – все это также семы «ясности» и «осознанности».

Примечательно, что данный окказионализм, употребленный у Достоевского по поводу размышлений о характере православия русского народа, у о.Павла также звучит в контексте трансцендентной проблематики: Истина, интуиция, Бытие, научно-философское мировоззрение.

Из неологизма Достоевского П.А. Флоренский «свил» словообразовательное гнездо с различной морфологической природой: наречие писателя преобразовалось у о.Павла в краткое качественное прилагательное, компаратив качественного прилагательного, абстрактное существительное.

Учитывая многоаспектность работ П.А. Флоренского, широту используемого им религиозно-философского и научного словаря, можно утверждать, что введенный окказионализм употребляется о. Павлом с относительной степенью частотности и не находится на периферии активного словарного состава языка православного мыслителя и символиста.

М.А. КИЛЬДЯШОВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Флоренский буквально открыл как философа о.Серапиона (Машкина), признавая в книге «Столп и утверждение Истины» его влияние на свою научную систему: «... мысли покойного философа и мои оказались настолько сродными и срастающимися друг с другом, что я уже не знаю, где кончается «серапионовское», где начинается «мое», тем более, что общность наших отправных точек и знаний неизбежно вызывала однородность и дальнейших выводов».

2. Сохранилась небольшая по объему переписка Флоренского с Вернадским, из которой известно, что они интересовались работами друг друга, а также что Флоренским по аналогии с «ноосферой» Вернадского был предложен термин ПНЕВМАТОСФЕРА: «существование особой части вещества, вовлеченного в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа».

3. Личных контактов между Флоренским и Выготским отмечено не было, но в 2002 году (22-24 ноября) прошла конференция «Антропологические матрицы XX века. Л.С. Выготский – П.А.Флоренский. Несостоявшийся диалог – Приглашение к диалогу», которая явно показала, что психологические теории Выготского и религиозно-философские идеи Флоренского открыли огромные перспективы для современной антропологии.

4. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – М., 2002. – С. 71.
5. Флоренский П.А. Имена – М., 2004 – С. 47.
6. Флоренский П.А. Спиритизм как антихристианство. По поводу двух поэм; «Лествица» А.Л. Миропольского, 1902; А. Белый. Северная симфония (1-ая героическая), 1903// Сочинения в четырех томах. Т. I. – М., 1994. – С. 327.
7. Флоренский П.А. Эмпирея и эмпирия// Вопросы религиозного самопознания – М., 2004. – С. 208.

КАТЕГОРИИ НУМЕРОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На современном этапе развития лингвистической науки ученых привлекают проблемы отражения в языке особенностей национального мышления, психологии, культуры, вызванные необходимостью создания целостной концепции соотношения языка и мышления, языка и культуры. В этой связи особенно актуальным становится исследование таких категорий языка, которые называют и обозначают фундаментальные культурологические понятия.

В основе концептуальной картины мира, выстраиваемой в художественном тексте, всегда находится авторская позиция, представленная в форме художественного концепта, содержательными формами которого являются образ, понятие, символ. Наряду с образом автора как гиперконцепта текста, исследователи активно анализируют образность художественного произведения.

Нумерология – один из способов создания образности в произведении. Это средство занимает важное место в арсенале многих художников слова. Ведь основные категории нумерологии – коли-

чественность, время, пространство, мера, длина – привносят в художественный текст совершенно новые, концептуально значимые смыслы.

Р.О. Якобсон указал на то, что «науке еще чужд вопрос о времени и пространстве как формах поэтического языка» [7, с. 121]. Их знаковая природа позднее была раскрыта М.М. Бахтиным: «Наука, искусство и литература имеют дело... со смысловыми моментами, которые как таковые не поддаются временным и пространственным определениям». Но «каковы бы ни были эти смыслы, чтобы войти в наш опыт... они должны принять какое-либо временно-пространственное выражение, то есть принять знаковую форму, слышимую и видимую нами» [7, с. 123].

Один из самых ярких поэтов – «цифрофилов» Серебряного века В.В. Хлебников «предпринял утопическую попытку найти некие универсальные числовые законы Времени...» [1, с. 176].

В.В. Хлебников считал, что «пространство и время соединяются в человеке. Здесь, в сфере живого мыслящего суще-

ства, образуется тот угол, где пересекаются параллельные прямые. Здесь готовится гигантский скачок не только сквозь бездны космического пространства, но и сквозь бездны времени» [2, с. 157].

В центре этого синкретического мироощущения поэта, по утверждению Р.В. Дуганова, духовный фетишизм числа, «мудрого правящего духа» [2, с. 7].

Число является ядром категории количественности, вокруг которого мы можем выстроить текстовое ассоциативно-семантическое поле.

Развитие идеи, касающейся применения чисел в художественной литературе и в искусстве вообще, напоминает «ветвистое древо познания», корни которого уходят в далекое прошлое [4, с. 6].

Представления о священных свойствах числа и числовых отношений возникли в глубокой древности. С тех пор те или иные – отмеченные особым смыслом, знаменательные, символические – числа являются существенным, порой важнейшим элементом чуть ли не любой духовной культуры, имевшей место в истории цивилизации.

Так, пифагорейцы обожествляли число, искали в нем сокровенный смысл бытия. По мнению древнего мыслителя Аристотеля, «в числах пифагорейцы усматривали (так им казалось) много сходного с тем, что существует и возникает... они предположили, что элементы чисел суть элементы всего существующего и что все небо есть гармония и число...» [6, с. 294]. Таким образом, число для Пифагора не отвлеченность, но полнота бытия, предельная насыщенность его, в том числе и материальная.

Леонардо да Винчи смотрел на искусство не только глазами художника–творца, но и взором математика, инженера, про-

возглашая: «Никакой достоверности нет в науках там, где нельзя приложить ни одной из математических наук, в том, что не имеет связи с математикой» [4, с. 7].

От античности через эпоху Возрождения цепь идей, касающихся взаимосвязи алгебры и искусства, приходит к Новому времени, когда появляются такие фигуры, как Лейбниц, который размышлял об эстетических феноменах, учитывая их математический аспект.

Исследователи, творившие на рубеже XIX и XX вв., отмечали, что число, возникнув на весьма конкретных основаниях как выражение количественных отношений реального мира, по мере становления абстрагирующего человеческого мышления приобретало более отвлеченный характер.

По мнению Ф. Энгельса, «чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать способностью отвлекаться при рассмотрении этих предметов от прочих свойств, кроме числа» [4, с. 7].

По-видимому, с помощью чисел и счетных операций – другими словами, с помощью нумерологии – люди во все времена не только осмыслили окружающий мир, макро– и микрокосмос, не только умозрительно воспроизводили его структуру и законы бытия, но и определяли собственное в нем место, роль, поведение. Число как таковое обожествляли и наделяли его магическими, трансцендентными свойствами. Оно играло первостепенную роль в ритуальных и культовых отправлениях, в фольклорных и древнерусских литературных текстах. Причину такого отношения к числу исследователи видят в том, что «число и счет были сакрализован-

ными средствами», с помощью которых при необходимости «репродуцировалась структура космоса и правила ориентации в нем человека» [3, с. 15].

Сходные идеи раскрывает современная междисциплинарная область синергетика – наука о сложных, нелинейных, саморазвивающихся системах.

Современные исследователи: лингво-синергетики, культурологи, знаменитые поэты – практики, когнитивисты в своих работах обращаются к рассмотрению основных категорий нумерологии. Это связано с широкой репрезентацией их во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в языке.

Одна из основных категорий нумерологии, категория количественности, исследовалась с разных точек зрения: как имеющая психологическую основу (Пауль), как тесно связанная с математической количественностью (Бодуэн дэ Куртенэ), много работ посвящено созданию логических классификаций в сфере количества (Холодович, Кошечкина, Новицкая).

Как отмечает Н.К. Рябцева, «практический опыт человечества формируется в окружающем его предметном пространстве. Осваивая его, человек не только дает имена наполняющим его предметам, но и включает их в личную сферу – наделяет смыслом. Названия предметов, явлений и ситуаций превращаются в символы, образы и знаки. Язык предметного пространства расширяет сферу значений и становится пригодным для представления непредметных сущностей: он определяет их и изображает зримыми и явными. Этот универсальный механизм не менее эффективно действует и в области представления количества. При этом он

обогащается рядом специфических черт – благодаря чему формируются и «изображаются» представления о пределе и интенсивности, внутренний мир человека параметризуется, а параметры внешнего мира психологизируются, кроме того, заведомо не имеющие единиц измерения явления получают количественную интерпретацию» [5, с. 108].

Итак, трактовка числовой семантики, взгляд на число, а значит, и на другие категории нумерологии, как на универсальные средства познания, меняется одновременно с изменением человеческого восприятия мира, человеческого мышления и языка.

Необходимо заметить, что на современном этапе развития лингвистической науки в связи с недостаточной разработанностью проблем, связанных с объемом единиц текстовой экспликации категорий нумерологии, особенно актуальными становятся исследования, ведущиеся в этой области. Результатом подобных исследований могут стать описанные на языковом материале художественных тестов не только отдельные фрагменты ассоциативно-семантического поля категорий нумерологии, но и представление его структуры, семантики.

Таким образом, мы видим, что не только в лингвистике, но и в философии, истории, культурологии и других науках накопился достаточно богатый фонд теоретических исследований категорий нумерологии, что в целом свидетельствует о возможности описания лексики в пространстве нумерологического дискурса русской художественной прозы или поэзии.

Л. Ю. ТОЛСТОШЕЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. – М.: Наука, 1986. – С. 175-180.
2. Дуганов Р. В. Велимир Хлебников. Природа творчества. – М.: Советский писатель. 1990. – 348 с.
3. Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси (11-16 века). – СПб.: Издательство «Але Тейя», 2000. – 320 с.
4. Кузнецов Р. С. Нумерология в литературе и математике//Число и мысль. – 1990. – №5. – С.5-7.
5. Рябцева Н. К. Размер и количество в языковой картине мира//Логический анализ языка. Языки пространств/Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левотина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 108-117.
6. Сылард Л. Карта между игрой и гаданием// Мир В. Хлебникова: статьи, исследования (1911-1998)/Сост. В.В. Иванов, З.С. Паперный, А.Е. Парнис. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 294-296.
7. Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. – М.: РА, 1997. – 384 с.

СЛОВА, ПОСТРОЕННЫЕ ПО МОДЕЛИ «СЛОВО + СЛОВО», В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Сказка. От этого слова сердце каждого человека наполняется трепетным восторгом. Проникая в наши души в самом раннем детстве, сказка остается с нами навсегда. Каждый из нас вместе с любимыми героями русских народных сказок учился побеждать зло, проявляя смекалку и доброту, выказывая смелость и твердость характера, проповедуя терпение и прощение.

В русских народных сказках запечатлены основные константы русской культуры и отражено мировоззрение нашей нации. Возможно, именно благодаря сказкам из поколения в поколение передаются непрекаемые, неподвластные времени добродетели человека и общества в целом.

Необычность, волшебство сказки начинается с ее языка. Он простой и понятный, но в то же время яркий и живописный. Традиционный зачин и концовка, троекратные повторы, обилие эпитетов и

метафор – безусловные элементы языка русской народной сказки. А кто не слышал такие слова, как девицы-красавицы, кот-мурлыко, Иван-дурак?

Русские народные сказки пестрят словами, построенными по модели «слово + слово». О сложносоставных словах и аппозитивных словосочетаниях мы поговорим подробнее.

Это единицы, принадлежащие к разным уровням организации – лексическому и синтаксическому соответственно. Однако как сложносоставные слова, так и аппозитивные словосочетания образуются в результате словосложения. Вслед за профессором Т.И. Кочетковой под словосложением мы будем понимать «соединение на основе существующих моделей в одну языковую единицу двух (иногда трех) самостоятельных слов для номинации одного сложного понятия» [1, с. 16].

Внутри модели «слово + слово» выделяют схемы построения сложносо составных слов и аппозитивных словосочетаний. Аппозитивные словосочетания строятся по схеме «существительное + существительное» и выражают отношение «предмет – признак». Например: *кот-мурлыко, волк-дурень, девочка-внучка, муха-шумиха, комар-пискун, трескун-мороз, девицы-красавицы, сестрицы-красавицы, Никанор-богатырь, солдат-пьяница, дочь-красавица, дочь-приемыш, стрелец-молодец, Иван-дурак, царь-девица, Иван-царевич, меч-саморуб, мать-старушка, шапка-невидимка, сапоги-скороходы, ковер-самолет.*

Различные типы моделей сложносо составных слов выделяются с учетом частеречной принадлежности компонентов. Здесь можно отметить, что в русских народных сказках наиболее часто встречаются слова, построенные по моделям: «существительное + существительное» – *путь-дорога, птичка-малиновка, мед-вино, жар-птица*; «глагол + глагол» – *судят-рядят, жил-был, напоила-накормила, пить-есть, потужил-погоревал, проснись-пробудись*; «наречие + наречие» – *подобру-поздорову.*

Как известно, модель «слово = существительное + существительное» в зависимости от характера мотивационных отношений производящих компонентов имеет два типовых деривационных значения:

1. комплексное наименование предмета;
2. признаковое наименование предмета [1, с. 27].

Примерами первого типа могут служить такие слова, как: *царь-государь, рать-сила, горе-печаль, пир-веселье, бабушка-барин, сударыня-матушка.*

Ко второму типу относятся следующие слова: *братцы-товарищи, птичка-малиновка.*

Разграничить сложносо составные слова и аппозитивные словосочетания подчас бывает непросто, однако важно понимать, что сложносо составные слова представляют собой целостные номинативные единицы, они служат для нерасчлененного именования. Аппозитивные же словосочетания именуют предмет и одновременно приписывают ему признак через отношение к другому предмету.

Активное использование сложносо составных слов и аппозитивных словосочетаний в русских народных сказках можно объяснить стремлением дать не только имя какому-либо предмету или явлению, но и охарактеризовать, указать определенные признаки этого предмета или явления. Например, слова *дочь-красавица, Никанор-богатырь, царь-девица* не только называют конкретное лицо, но и дают ему положительную оценку.

Таким образом, особенный язык русских народных сказок является, безусловно, важнейшим средством нравственного воспитания человека и, кроме того, представляет большой интерес в сфере лингвистики.

Е. Н. КАРЕЛЬСКАЯ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кочеткова Т.И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке: Монография. – Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2004.
2. Народные русские сказки: из сборника А.Н. Афанасьева. – М.: Худож. лит., 1989.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В СБОРНИКЕ В.В. КАРПОВА «СЕ ЛЯ ВИ... ТАКОВА ЖИЗНЬ»

Пословицы и поговорки – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа. Они выступают в речи в следующих функциях: коммуникативной, познавательной, регулятивной, эмоционально– экспрессивной, эстетической, прогностической и развлекательной.

Автор словаря пословиц и поговорок В.И Даль так определяет жанр пословицы: «Пословица – краткое изречение, поученье, более в виде притчи, или в виде житейского приговора» [2, с. 334].

Нужно отметить, что русское выражение «пословицы и поговорки» обычно употребляют в качестве единого термина и, как правило, не расчленяется на составные части. И это не случайно, так как и те и другие представляют собой клише, т.е. устойчивые сочетания слов, воспроизводимые в речи в заранее заданном виде, а не создаваемые каждый раз заново.

Пословицы и поговорки очень важны для человека. Т.М. Николаева утверждает, что они употребляются в речевой ситуации, когда говорящему для преодоления комплекса социального одиночества «...важно создать иллюзию стоящего за ним плотного и гомогенного социального пространства» [4, с. 312], и для этого ему необходимо ввести в речь пословицу, подчеркнув тем то, что его мнение основывается на мудрости целого народа.

Художественное осмысление пути, пройденного нашей страной во второй половине XX века, заставляет еще раз задуматься об истинных и непреходящих ценностях. Это заставляет нас обратиться к произведениям одного из известных оренбургских писателей – Героя Советского Союза, участника Великой Отечественной войны Владимира Васильевича Карпова.

Отражение всего жизненного пути автора можно увидеть в его романах, повестях, рассказах, очерках и исследованиях.

Его последняя книга «Се ля ви... Такова жизнь» включает в себя три цикла повестей и рассказов: «Мирное время», «Эхо войны», «Ностальгия». Вместе они составляют художественно-документальную хронику России в характерах и судьбах современников – от предвоенных лет до наших дней.

Персонажи Карпова – реально существующие люди: типизация, реалистическое обобщение, художественный вымысел присутствуют в творчестве Карпова в минимальной степени; сюжеты его произведений, как правило, строго следуют событийной логике жизненной и исторической правды, что и обусловило читательский успех его произведений. Написанные языком военных сводок и воспоминаний военачальников, книги Карпова представляют собой сборник

фактов, сведений, цитат, материалов бесед автора с разными людьми, различных суждений и интерпретаций, включая собственные размышления и комментарии писателя. Изобретенный Карповым жанр он сам назвал «литературной мозаикой».

Для создания художественных образов автор широко применяет сравнения, метафоры, фразеологизмы, встречаются и окказиональные образования. Но чаще всего в тексте можно встретить пословицы и поговорки. Это явление нельзя назвать случайным, поскольку главным персонажем произведений Карпова всегда является простой человек, выходец из обычной русской семьи. Он гордится своим народом, его историей, и поэтому вполне логично, что свои чувства он выражает при помощи пословиц и поговорок. Ведь пословица – это «мудрость многих, остроумие каждого».

Использование фольклора является одной из лучших традиций русской классической литературы, и В.В. Карпов в своем творчестве сохраняет эту традицию, тем самым осуществляя связь между прошлым и настоящим в литературе. Владимир Иванович Даль писал, что пословица – «это цвет народного ума, это житейская народная правда». Михаил Шолохов назвал пословицы «сгустками разума», «крылатой мудростью».

Самым ярким качеством прозы Карпова является смелое сочетание новаторского с традиционным. Автор считает, что язык должен быть приближен к речи. Безусловно, это главный, исходный постулат и лингвистики, и стилистики, и поэтики, и интерпретации русского языка.

Многие персонажи произведений Карпова получают различные оценочные номинации, которые отражают разные позиции героев или передают оттенки их настроений.

Рассмотрим конкретные примеры, иллюстрирующие использование пословиц и поговорок при создании художественных образов.

Так, в рассказе «Деньги (тайна «нового русского»)», главный герой при встрече гостя предлагает ему сесть за стол, утверждая, что «Сухая ложка рот дерет» [3, с. 14]. В словаре пословиц В.И. Даля этому выражению дается такое толкование: если не одаришь, не задобришь кого-либо, то не расположишь в свою пользу, вряд ли добьешься желаемого [1, с. 317], другое значение этой пословицы – уговорить собеседника сесть за стол. Карпов в произведении использует второе значение.

Характеризуя жену, Иван говорит, что «В сорок пять – баба ягодка опять» [2, с. 52]. Полностью эта пословица звучит так: «Сорок лет – бабий век, сорок пять – баба ягодка опять».

Герой переезжает в Америку, его тяготит переезд, он совершает его ради финансового благополучия, осознавая, что придется «С волками жить – по-волчьи выть» [3, с. 52], т.е. в своих действиях, образе жизни руководствоваться внешними условиями, а не собственными принципами. Пословицу употребляют в оправдание какого-то, часто неблагоприятного, поступка, совершенного вынужденно, под давлением обстоятельств, в соответствии с законами окружающего общества.

Американская жизнь не подходит русскому человеку – после недолгого благополучия на героя обрушивается

шквал несчастий, он возвращается в Россию. И по этому поводу Карпов пишет: «*Стали они теперь жить-поживать и добра наживать*» [3, с. 72]. Обычно этой пословицей заканчиваются русские народные сказки; В.В. Карпов использует ее в других целях, произведение на этом не заканчивается.

В рассказе «Полино счастье» Полине, уговаривая ее выйти замуж за нелюбимого человека, говорят: «*Стерпится, слюбится*» [3, с. 77]. Д.Н. Ушаков дает этой пословице такое определение: «привыкнув, совсем освоиться с чем-нибудь, перестать замечать неприятные стороны чего-нибудь» [5, с. 267].

А в произведении «Стать солдатом нелегко», описывая непростые отношения между военнослужащими, Карпов скажет: «*Так Коса впервые нашла на камень...*» [3, с. 149]. Эта поговорка значит, что столкнулись в непримиримом противоречии мнения, интересы, характеры или стремления.

Читая рассказ «Се ля ви», мы слышим о командирах, которые не позволяют солдатам «*Поперек себя в пекло лезть*» [3, с. 279]. Это украинская пословица, полностью звучащая как *Не лезь поперек батьки в пекло, не то не найдешь, где и сесть*.

В этом же произведении простой солдат, совершая подвиг, рассуждает так: «*Семи смертям не бывать, а одной не миновать*» [3, с. 290]. Пословица употребляется обычно тогда, когда говорится о решимости сделать что-нибудь, связанное с риском, опасностью, и в то же время с надеждой, что опасности все-таки удастся избежать. Синонимичными этой являются такие пословицы: *Где наша не пропадала* или *Чему быть, того не миновать*.

В современной русской литературе обращение к русскому фольклору можно проследить в творчестве не только Карпова, но и таких писателей, как В.М. Шукшин, Л. Филатов. Все они создавали образ простого русского труженика, воина. Богатство и выразительность речи героев построены именно на основе народной мудрости. Они характеризуют широту русской души, ум, смекалку – именно те качества, которые присущи загадочной русской душе. В творчестве В.В. Карпова мы прослеживаем те же тенденции, ту же искреннюю любовь к Родине, глубокое уважение к человеку труда, защитнику Отечества. Ведь этот писатель сам познал все тяготы ратного труда, увидел подлинные истоки мужества и героизма, и его произведения – это вечный памятник русскому народу, не теряющему бодрости духа и оптимизма даже в минуты самых тяжелых испытаний.

Л.С. ФОМИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1993.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. – М.: Русский язык, 1989.
3. Карпов В.В. Се ля ви... Такова жизнь. – Оренбург: ООО «Издательство оренбургская книга», 2009.
4. Николаева Т.М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика//Загадка как текст. – М., 2004;
5. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова Т. 4. – М., 1947.
6. http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/karpov_w.html

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РУССКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА С ТВОРЧЕСКИМ МЕТОДОМ А. ЧЕХОВА

Современная картина русского постмодернизма в литературе представлена особым отношением писателей с классикой. Тексты прошлого используются авторами как своего рода источник цитат, сюжетов и характеров, которые они каким-либо образом пытаются изменить, переделать и включить в поле своих текстов. Сегодня можно увидеть массу произведений, так или иначе связанных с классическими текстами. Это – «Накануне накануне» Е. Попова, «Роман» В. Сорокина, «Пьер и Наташа» Вас. Старого как продолжение «Войны и мира» Л. Толстого, «Новое под солнцем» В. Чайковской и др. В этих сиквелах [1], считает В. Катаев, авторами делается попытка доказать себе и читателю, что «можно писать лучше, интереснее, во всяком случае современнее, чем старый автор» [3, с. 333], а значит, и повысить эстетическую ценность своих произведений и вступить в своеобразный диалог с классической литературой и культурой.

Среди разнообразных ремейков [2], продолжений и «дописываний» текстов классики наиболее популярны произведения А. Чехова, где авторы активно используют интертекстуальные связи с классическими произведениями («Дама с собачкой» Э. Дрейцера, «Чайка» Б. Акунина, «Дама с собаками» Л. Петрушевской, «Вишневый садик» А. Слаповского, «Русское варенье», «Большая дама с маленькой собачкой» Л. Улицкой, «Ворона» Ю. Кувалдина и др.).

Проблемы, затронутые писателем, его методология и стиль уже более ста лет продолжают привлекать внимание современных писателей и исследователей [5; 6; 8; 9]. А чеховский адогматизм, игровое начало, разомкнутый хронотоп, отсутствие четкой иерархической модели, наличие как бы случайных деталей позволили постмодернистам считать его своим предтечей и идейным вдохновителем.

Однако кажущееся, на первый взгляд, сходство чеховского метода с постмодернистским письмом является порой только внешним совпадением, за которым кроется полное противопоставление систем и ценностей и кардинальное различие в мировоззрении. Подобные точки соприкосновения и различия между чеховской и постмодернистской поэтикой и проблематикой определили задачу нашей статьи – исследовать особенности взаимодействия постмодернистских текстов с прозой А. Чехова, указать на их общие и различные черты.

По мнению современных исследователей (Н. Лейдерман, М. Липовецкий), А. Чехов принадлежит к тем писателям, которые «ни утверждают, ни отрицают» наличие в реальности смысла, а лишь ставят вопросы о том, что такое реальность и есть ли в ней смысл [6, с. 585]. Чехова считают завершителем классического реализма с его онтологическим взглядом на действительность и зачинателем гносеологического метода в письме.

Будучи писателем переходного периода, он открыл новые пути развития литературы, обозначил круг проблем и вопросов, на которые до него писатели не обращали особого внимания. В. Катаев отмечает, что «прежде всего, он <Чехов> стал реформатором тем, сюжетов, конфликтов, вообще языка русской литературы своего времени...», которые до сих пор привлекают писателей и литературоведов. Другую грань новаторства Чехова ученый видит в его методологии: «Это как бы еще одна функция творца: дать первоначальный толчок дальнейшему бесконечному движению и развитию творений во времени. Чеховым утверждался сам принцип непрерывного обновления искусства через «ереси», «вопреки всем правилам» [4, с. 8-9].

В течение XX века художественный метод Чехова нашел свое отражение и продолжение в творчестве известных поэтов и писателей. Так, символисты В. Брюсов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Белый, Ф. Сологуб заимствовали у классика «неокончателные концы», символические элементы, емкость слова. М. Зощенко писал анекдотические рассказы в стиле Антоши Чехонте. Стиль Чехова отмечался и в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Также среди писателей второй половины XX века, активно использовавших в своем творчестве чеховские традиции, называют Ю. Казакова, Ю. Нагибина, К. Паустовского, Ю. Трифонова. Однако наибольшее влияние чеховское письмо оказало на прозу писателей конца XX века.

В 80-е годы прошлого столетия в отечественной литературе появились произведения, получившие в литературоведении название «другой прозы». Ее авторами были Т. Толстая, Л. Петрушев-

ская, С. Каледин, В. Пьецух, В. Попов, Вик. Ерофеев, Л. Улицкая и др. Некоторые представители этого ряда впоследствии стали называться постмодернистами (Вик. Ерофеев, В. Пьецух, Т. Толстая и др.), а «другую прозу» обозначили как постмодернизм. Яркой чертой их произведений стали реминисценции классиков XIX и XX веков. Эти реминисценции формировали «второй слой» текста, вносили игровое начало, ироничный оттенок, дополнительный смысл, а порой вступали в диалог с текстом-предшественником («Река Оккервиль» Т. Толстой, «Гость» Л. Петрушевской, «Пиковая дама» Л. Улицкой).

Помимо чеховских реминисценций исследователи также отмечают и принципы чеховского письма в «другой прозе». Эти принципы проявились в выборе персонажей, в изображении их поведения и сознания, в сходных ситуациях и мотивах повествования. Особенностью письма такой прозы было изображение абсурдной действительности, которая окружала человека, лишённого каких-либо идей, стремлений и идеалов.

Авторы «другой прозы» не давали оценок ни своим героям, ни их поступкам. Они, как и Чехов, отказались обозначить свою позицию: главным в их творчестве была лишь постановка вопросов. Объектом изображения в произведениях «другой прозы» выступала повседневная, рутинная жизнь с ее проблемами и трудностями. Героями таких произведений стали обычные люди, неудовлетворенные судьбой, уставшие от скучного быта, с неудачной личной жизнью. У этих персонажей не было целей и стремлений. Ранее разочаровавшись или потерпев в чем-либо неудачу, они перестали бороться

за свои идеалы, и теперь их жизнь более походила на скучное существование. Сюжетами таких произведений стали грустные рассказы, эпизоды, как бы случайно выхваченные из жизни этих «средних» людей. Чеховские «неокончателные концы» также получили популярность в «другой прозе». Это – «Сомнамбула в тумане» Т. Толстой, «Счастливые» Л. Улицкой. Герои последнего рассказа – пожилая пара Берта и Матиас, потерявшие в автомобильной катастрофе своего восьмилетнего сына. Каждое воскресенье они ходят на могилу мальчика и, соблюдая весь ритуал поминовения, совершают «семейную еженедельную трапезу, которая за долгие годы превратилась в сердцевину всего этого обряда» [10, с. 11]. Жизнь их больше походит на бессмысленное существование, повторяющееся изо дня в день с неизменными атрибутами, напоминающими о погибшем сыне (фотография и маленькая коричневая курточка, висящая пятнадцатый год на детском стульчике в углу). Да и рассказ заканчивается неожиданно – предложением Берты сдавать Матиасу карты. Улицкая описывает в этом рассказе один день из жизни этих людей, но мы понимаем, что этот день ничем не отличается от остальных и наполнен неисчерпаемой грустью и тоской по любимому сыну.

С течением времени и развитием литературного процесса за последние двадцать лет позиция современных авторов по отношению к классикам изменилась от скромного заимствования сюжетов и конфликтов до открытого пародирования. Нынешнее обращение писателей с классикой В. Катаев справедливо считает паразитическим [4].

Отечественные писатели-постмодернисты активно используют темы, сюжеты, проблемы классических произведений, переносят героев XIX, XX веков в век XXI и т.д. Самым ярким примером игры с классикой, на наш взгляд, является использование заглавий текстов высокой литературы. Это является как бы гарантией качества и привлекает внимание и интерес читателей, ведь заглавие формирует читательское восприятие всей книги и задает характерный «горизонт ожидания». Частое использование писателями чеховских заглавий в данном вопросе не исключение. Современный исследователь творчества Чехова А. Щербакова в своем исследовании выявила виды и функции чеховских заглавий в произведениях современных авторов. Назовем их.

Во-первых, это деформированные чеховские заглавия («Дама с собаками» Л. Петрушевской, «Вишневы садик» А. Слаповского) как обозначение дистанции между временем Чехова и нашей действительностью, а следовательно, и переменами в обществе, взглядах, поведении людей.

Во-вторых, чеховские заглавия используются как попытка дописать, досказать историю классика («Дама с собачкой» Э. Дейцера) или «создать игровое пространство из реалий чеховского произведения» [12, с. 247] («Чайка» Б. Акунина).

В-третьих, может создаваться и эффект обманутого ожидания, когда за текстами с чеховскими заглавиями (цикл В. Солоуха «Картинки» с рассказами «Крыжовник», «Ионыч», «Душечка», «Степь», «Каштанка», «Большая дама с маленькой собачкой» Л. Улицкой и др.) кроется совершенно иное произведение с иными героями, сюжетом и проблематикой.

Таким образом, используя заглавия произведений Чехова, современные писатели активизируют память читателя, приглашая вступить в культурный диалог с литературой и культурой в целом, а также заставляют искать классические образы, сюжеты, мотивы. Это – так называемая постмодернистская игра в классиков.

Подобная игра с классическими произведениями не ограничивается использованием только чеховских заглавий. Отсутствие четкой иерархии – элемент, который также объединяет чеховское и постмодернистское письма, однако между ними нельзя поставить знак равенства. У А. Чехова сохраняются морально-этические оппозиции добра и зла, любви и ненависти, искренности и фальши и пр., но сферы высокого и низкого у него постоянно взаимодействуют, соприкасаются, никогда не подменяя одна другую. К тому же категории положительного и отрицательного не приводятся Чеховым в «чистом» виде. Герои его произведений «балансируют» между нравственными ценностями верха и низа, приближаясь то к положительному, то к отрицательному («Дама с собачкой», «Учитель словесности», «Невеста»). Между сферами высокого и низкого у Чехова нет бездонной непреодолимой пропасти, вот почему читателю порой трудно определиться со своим отношением к герою или сложившейся ситуации. Все повествование у классика ведется как бы на стыке моральных противоречий и противопоставлений.

Героям же постмодернистских текстов чужды какие-либо нравственные оппозиции. Персонажи постмодернизма находятся за гранью ценностных ориентиров. Однако при этом, считает Е. Пе-

тухова, «постмодернисты могут создать иллюзию, будто логически развивают чеховскую концепцию человека, между тем как они просто отбрасывают традиционные ценности, объявив их дискредитированными» («Ворона» Ю. Кувалдина, цикл «Картинки» В. Солоуха) [7, с. 44].

Абсурдизация – черта, которую постмодернисты считают своей особенностью, – присутствует и в произведениях Чехова. Но здесь также есть существенные различия между рассказами Чехова и постмодернистскими текстами. Абсурд используется Чеховым, чтобы создать комический эффект, в основе которого заложены несовпадения логики и бессмыслицы, целей и результата, ожидаемого и действительности. В рассказе «Нервы» архитектор Дмитрий Осипович Ваксин после спиритического сеанса боялся ночью увидеть дядину тень, которую он пытался вызвать вечером. Избегая гнетущего одиночества, он тщетно искал общество в компании гувернантки Розалии Карловны. Немка же, не желая портить добрых отношений с женой работодателя и будучи «честной девушкой», отправила Ваксина обратно к себе в комнату. Однако стремление гувернантки сохранить хорошие отношения с хозяйкой дома имели совершенно иной результат. Дмитрий Осипович, опасаясь встреч с усопшим дядей, украдкой прокрался к девушке и незаметно для него самого уснул около ее кровати. А утром жена Ваксина увидела такую картину: «на кровати, вся раскинувшись от жары, спала Розалия Карловна, а на сажень от нее, на плетеном сундуке, свернувшись калачиком, похрапывая сном праведни-

ка, ее муж. Он был бос и в одном нижнем белье» [11, с. 294]. Так в этом рассказе Чехов описал ситуативный абсурд, несовпадение целей и результата. Искреннее желание Розалии Карловны сохранить доброе имя и соблюсти правила приличия не осуществились из-за глупой боязни Ваксина остаться ночью в одиночестве, и то, чего она опасалась больше всего, произошло по совершенно нелепой случайности.

У постмодернистов, в отличие от произведений А. Чехова, *абсурдна вся действительность*. В мире, создаваемом ими, нет причинно-следственных связей, логики событий и нравственных ориентиров. Легкий комизм, свойственный некоторым чеховским рассказам, превращается у постмодернистов в едкую иронию, злую насмешку над жизнью, пародию на действительность и – как результат – осознание нелепости и абсурда всего мироздания («Норма» В. Сорокина, «Мужская зона» Л. Петрушевской).

Таким образом, между методами Чехова и постмодернистским письмом есть определенные сходства: *использование заглавий текстов-предшественников, отсутствие четкой иерархии, абсурдизация действительности или отдельной ситуации* и др. Однако эти сходства – лишь внешние совпадения. Постмодернисты заимствуют у А. Чехова эти приемы, но придали им совершенно иную природу. Провозглашая Чехова своим предшественником, постмодернисты таким образом пытаются демонстрировать свою причастность к русской литературной традиции, хотя на самом деле стремятся опровергнуть ценности

и идеалы литературы прошлых веков и разрушить устоявшиеся в искусстве традиции классики.

А. ДУСПУЛОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сиквел – книга, фильм или любое другое произведение искусства, по сюжету являющееся продолжением другого произведения, построенное на персонажах из него и т.д.
2. Ремейк – более новая версия или интерпретация ранее изданного произведения.
3. Катаев В.Б. Спор о Чехове: конец или начало?//Чеховиана: Мелиховские труды и дни. – М.: Наука, 1995.
4. Катаев В.Б. Чехов и проза российского постмодернизма//Катаев В.Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. – М., 2004.
5. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2001.
6. Лейдерман Н.Л, Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы. Т.2. – М.: Академия, 2003.
7. Петухова Е.Н. Притяжение Чехова: Чехов и русская литература конца XX века. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005.
8. Парамонов Б. Конец стиля. – СПб.: М., 1999.
9. Пригов Д.А. А им казалось: в Москву! В Москву!//Сорокин В.В. Сборник рассказов. – М.: Русслит, 1992.
10. Улицкая Л. Пиковая дама//Улицкая Л. Рассказы. – М.: Эксмо, 2007.
11. Чехов А. Нервы//Чехов А. Собрание сочинений: В 12 т. – Т. 3. – М., 1955.
12. Щербакова А.А. Чеховское заглавие как объект рефлексии в современной литературе//Век после Чехова. Материалы международной научной конференции. Тезисы докладов. – М., 2004.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ

Подвиг солунских братьев Кирилла и Мефодия находит свое повторение и в дальнейшей истории человечества. Так, например, чувашский гуманист и просветитель Иван Яковлевич Яковлев во второй половине XIX – начале XX вв. создает новый чувашский алфавит и занимается переводами Библии.

Родился Яковлев 25 апреля 1848 года в деревне Кошки-Новотимбаево Буинского уезда Симбирской губернии (в настоящее время Тетюшский район Республики Татарстан). В 1856 году Иван Яковлевич был отдан на учебу в удельное училище в с. Старые Бурундуки. По окончании его в 1860 году был принят в уездное училище в Симбирске. В конце этого же года И. Яковлев был переведен в землемерно-таксаторские классы при Симбирской мужской гимназии (окончил в 1863 году). Осенью 1867 года поступает в V класс Симбирской мужской гимназии. Будучи гимназистом, Яковлев открывает частную школу для обучения чувашских детей. В 1870 году Иван Яковлевич поступает в Казанский университет на физико-математический факультет, но на втором курсе переводится на историко-филологический, который успешно оканчивает в 1875 г. [1].

В университете при содействии профессора Н.И. Ильминского к концу 1871 года И. Яковлев составляет на основе кириллицы новый чувашский алфавит (старый алфавит был создан на основе древнебулгарского языка). Это был только

первый вариант, в дальнейшем алфавит совершенствуется с целью более точной передачи чувашской фонетической системы. Составление азбуки позволило Ивану Яковлевичу активно заняться переводами на родной язык учебной, художественной, сельскохозяйственной, медицинской и другой литературы. Но главным своим трудом в области переводческой деятельности И. Яковлев считал работу по переводу книг Священного Писания на чувашский язык. «Посещая крещено-татарскую школу, он наглядным образом убедился в важном значении православно-христианского, религиозно-нравственного воспитания для духовного возрождения и образования инородцев, причем самым действительным и необходимым орудием для усвоения инородцами христианских понятий служит родной язык. Тогда возникла у него мысль переводить на чувашский язык христианские вероучительные книги», – писал Н. Ильминский о Яковлеве [2].

И.Я. Яковлеву, подобно ученикам Кирилла и Мефодия, в переводческой деятельности помогали ученики его школы. Вначале группа единомышленников принялась за перевод Нового Завета. Работа происходила следующим образом: сначала перевод делался с русского языка тем или другим учеником или самим Иваном Яковлевичем, затем читался десятки раз коллективно, причем внимательно учитывались все возможные поправки, конъюнктуры, делались сличения с переводами греческим, латинским,

французскими, немецкими и английскими разных редакций. Всесторонне многократно обсужденный в рабочем окружении И.Я. Яковлева десятками учеников текст после этого отсылался учителям чувашских школ и чувашским священникам в нескольких губерниях на экспертизу. Переводческая деятельность была плодотворной, и уже в первой половине XX в. были выпущены следующие издания книг Нового Завета: «Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие» и «Деяния св. апостолов на чувашском языке», 1900, 1901, 1904; «Послания святых апостолов» и «Откровение св. Иоанна Богослова», 1903, 1906; «Откровение св. Иоанна Богослова» 1909; «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа на чувашском языке», 1911.

Параллельно ученики под руководством И.Я. Яковлева работали и над переводом и изданием книг Ветхого Завета. Были опубликованы Книги Иисуса сына Сирахова, Иова, Иисуса Навина, Товита, Руфи и 1 Маккавейская, 1889; Псалтирь на чувашском языке, 1901 и 1912; Многострадальный Иов, 1910; Товит и Товия, 1912; Иудифь, 1913.

Последовавшие затем исторические события в России приостановили работу над переводами книг Священного Писания. И.Я. Яковлев в своем духовном завещании чувашскому народу писал: «... Обращаюсь к тем из вас, кому выпало счастье получить образование. Помните, что вы сами должны помогать своим бедным и обездоленным сородичам, не надеясь на то, что помощь к ним придет откуда-нибудь со стороны. Помните, что долг работать над просвещением чуваш лежит прежде всего на вас, на людях, которые вышли из их же среды. Возвращайтесь же

к своим соплеменникам с сокровищами научного знания, насаждайте среди них понятия гражданственности, учите их закону и праву: заботу об этом должны взять на себя вы, выходцы из народа. Не гнушайтесь бедности, слабости и невежества своих сородичей: из них вы вышли, и для них вы должны поработать, чтобы заплатить ваш долг за полученное за счет народа образование. Любовь народная вознаградит вас за то, что вы не забудете вашего долга перед своими младшими братьями. Помните, что владеть сердцем народным вы сможете, только если не будете чуждаться языка народного. В обращении к родному языку нет измены русскому делу: служить великому русскому отечеству можно, не забывая родного языка, воспринятого от матерей ваших. Доделайте то, что может быть, не удастся закончить мне: дайте чувашскому народу Священное писание полностью, завершив перевод Ветхого завета. Послужите делу христианского просвещения, распространяя свет Евангелия среди многочисленных народностей, населяющих русский Восток: по языку и духу вы ближе к этим народностям, чем сами русские. Работой на этой обширной ниве вы заплатите русскому народу часть того великого долга, которым вы обязаны ему, получив из его рук свет веры Христовой...» [4].

Важно отметить, что с переводческой деятельностью Яковлева и его учеников к чувашам пришли не только христианские идеи, но и письменность. Распространение библейских книг в известной мере способствовало становлению чувашского литературного языка, обогащению его состава.

В 1991 году появилась возможность продолжения работ по переводу Библии. В 1992 году была сформирована переводческая группа, в которую вошли чувашские писатели, поэты и литераторы: П.В.Афанасьев, Д.В.Гордеев, В.Г.Григорьев, Е.Н. Лисина, П.К. Львов, О.В. Таллерова, А.Н. Тимофеев, Г.Ф. Трофимов, А.И. Дмитриев. Научным консультантом проекта в течение 12 лет был протоиерей Сергей Овсянников (Амстердам). Помощь в экзегетической проверке переводов оказывали богословские редакторы из Санкт-Петербурга Д.Ф. Бумажнов, Ю.Н. Аржанов, А.В. Сизиков. Техническими сотрудниками проекта были Л.Ю. Галямшина, В.Я. Платонов, Л.К. Егорова, Э. Фомин, И. Петрова, З. Гаврилова. Консультативную помощь оказывали чувашские ученые-филологи М.Р. Федотов, Н.П. Петров, И.В. Мукина, М.И. Скворцов, Г.А. Дегтярев.

Последние годы выпускающим редактором чувашских переводов Священного Писания работает известная чувашская писательница Ева Николаевна Лисина. В 1994 году она была приглашена в проект по переводу Библии на чувашский язык. В течение десяти лет происходит работа Лисиной над переводом и редактированием книг Библии.

Вдохновленная деятельностью Яковлева и его учеников Ева Николаевна осознает, что перевод конца XIX – начала XX вв. несовершенен: «Это великое дело, и делали его верующие люди. Но до 1917 года у чувашей еще не было литературного языка, то есть он не был так богат и развит. После революции у нас родилось столько поэтов и писателей! Благодаря их творчеству язык стал богаче, музыкальнее» [3].

В современных переводах приходилось как заново конструировать слова, так и, наоборот, возвращать в текст архаизмы. В частности, слово «щит» перевели двумя словами «ум хуллехе», а потом заменили на более точное архаическое «хулкан» [4].

Многолетняя работа по переводу книг Священного Писания на чувашский язык была завершена в 2008 году, а в начале 2010 года была опубликована Библия на чувашском языке.

Таким образом, переводы И.Я. Яковлева и его учеников, а также современных писателей и священнослужителей сыграли видную роль в распространении грамотности среди чувашского населения и приобщении его к достояниям мировой цивилизации. При этом кирилло-мефодиевские традиции просвещения народов, возможность обращения к Богу на родном языке, утверждение права всех людей на книжность стали важнейшими в деятельности просветителей чувашского народа.

К. Г. ЕРОФЕЕВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Краснов, Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1998.
2. Переписка о чувашских изданиях Переводческой Комиссии. – Казань, 1890. – С. 38-39.
3. Полный текст Библии на чувашском языке издадут в 2009 году [Электронный ресурс]// Благовест Инфо. Агентство религиозной информации [сайт]. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=28s=38id=11001>
4. Яковлев И.Я. Завещание чувашскому народу//Журнал Московской Патриархии. – 1998. – №5.

СЛАВЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Межрегиональная научно-практическая конференция

г. Оренбург, 22-24 мая 2010 года

НАСТАВНИКИ И УЧИТЕЛЯ СЛАВЯНСКОГО НАРОДА

(сценарий для литературно-музыкальной
композиции, посвященной просветителям
славянского народа святым равноапостольным
Кириллу и Мефодию)

*Уважение к минувшему – вот черта,
отделяющая образованность от дикости.*

А.С. Пушкин

Сегодня у нас юбилейная дата – День памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

У нас нет другой более славной, культурной, древней и великой общей даты, чем 1147-летие славянской азбуки, созданной для всего «словѣньска племени».

Эта дата – память всех славян – православных, старообрядцев, католиков, атеистов – об «ослепительной культурной вспышке зарождения оригинального славянского письма». А началось все в 863 году в столице Византии Константинополе, когда, судя по «Житию Константина, первого наставника и учителя славянского народа», к императору Михаилу с просьбой обратилось посольство моравского князя Ростислава:

«Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы нас наставил и поучал нас и объяснил святые книги. Ведь не разумеем ни греческого языка, ни латинского, одни учат нас так, другие иначе, поэтому не знаем ни книж-

ных букв, ни силы их. И пошлите нам учителей, которые могут истолковать книжные слова и разум их».

В учителя славянскому народу были призваны два брата-грека, уроженца г. Солуня (современный г. Солоники). Старший брат Мефодий (светское имя неизвестно, ок. 815 – 6.04.885) был военным, затем в течение 10 лет управлял византийской архонтией (областью) со славянским населением, в 852 году принял постриг и вскоре стал игуменом монастыря Полихрон на афинском Олимпе (Малая Азия).

Младший брат Кирилл (светское имя Константин, ок. 827 – 14.02.869) был широко образованным человеком, учеником крупнейших представителей византийского просвещения – логофета Феоктиста, Льва Математика и Фотия (будущего византийского патриарха). С 7 лет он был обручен, как повествуется в «Житии Константина», с Софией (Мудростью) и успевал лучше всех учеников благодаря ***«памяти и высокоумному умению».***

Ко времени прибытия славянского посольства Константин заслужил уважительное прозвище Философ. Он исполнял обязанности хартофилакса (библиотекаря) самой богатой в мире патриаршей библиотеки, участвовал в дипломатических миссиях в Арабский халифат и Хазарию, где прославился своими теологическими дискуссиями. **«Ученейший муж»** владел греческим, римским (латинским), еврейским и «сурским» (сирийским) письмом.

Утомленный напряженными дискуссиями и трудами, Константин Философ удалился в монастырь своего брата Полихрон, **«только с книгами беседея»**, откуда и призван был для выполнения своей уникальной миссии – стать просветителем славянского народа. Именно о нем в послании к Ростиславу император Византии напишет, что его дар славянам – **«муж честный и благоверный, книжник и философ»** – **«ценнее и больше всего серебра, и золота, и драгоценных камней, и всего переходящего богатства»**.

Император оказался прав, ибо что может быть дороже человека, избравшего делом своей жизни приобщение народа к сокровищам мировой культуры, величайшие из которых – письменность и книга.

Судя по изложенному в житии Константина Философа преданию, «вскоре открыл ему буквы бог, и начал писать слова евангелия: **«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...»**».

Обретенные буквы позволили братьям приступить к переводческой деятельности: **«Сложи письменна и нача беседу писати евангельскую»**. В этом заключается основное отличие деятельности солунских братьев от многочисленных миссионеров

и официальных идеологов церкви и государства, которым была важна формальная христианизация варваров.

Константин был убежден, что **«причтеся к великим языцѣм»** можно было, имея богослужение на понятном для верующих языке. Установлено, что в 864-867 годах братья перевели самую авторитетную священную часть Библии – Евангелие Апракос, Апостол – сборник текстов из посланий апостолов – учеников Христа, Паремийник – сборник читавшихся во время церковной службы текстов из книг Ветхого Завета. Вскоре, как свидетельствует «Житие Константина», Философ перевел **«весь церковный чин»**. К отъезду солунских братьев в Великую Моравию был готов и перевод Псалтыри – сборника произведений культовой поэзии.

Переводы этих высочайших образцов средневековой литературы, в которых Константин и Мефодий нашли для всех особенностей данных памятников адекватное выражение, означали не просто возникновение первого литературного языка славян – старославянского языка, но его сложение уже сразу в тех зрелых, развитых формах, которые вырабатывались в греческом тексте оригиналов как результат более чем тысячелетнего развития. Именно это определило значительное влияние старославянского языка на становление собственных славянских литературных языков.

М.В. Ломоносов в своей работе «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» высоко оценивает значение старославянского языка: «В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей

и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитаются, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводе Ветхого и Нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно».

С мнением великого ученого полностью согласен и великий поэт. А.С. Пушкин, оценивая роль старославянского языка в истории русского литературного языка, писал: «Как материал словесности язык славянорусский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими. Судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI в. древнегреческий язык открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе займет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились».

Создав первую славянскую азбуку – глаголицу и переводы книг, братья Константин и Мефодий отправились в Великую Моравию и Паннонию, где готовили учеников.

Ученики славянских первоучителей не только переписывали уже переведенные произведения, готовили учеников, способных продолжать дело всей жизни славянских первоучителей, но и создавали новые тексты, в которых также прослеживаются высокий уровень литературного мастерства и индивидуальная манера.

Наиболее талантливых учеников – Климента Охридского Наума, Константина Преславского, Горзда, Ангелария Болгарского – почитали не только как продолжателей традиций прославления и почитания славянской письменности, но и ученых мужей, внесших свой вклад в становление и развитие книжности разных славянских народов.

Именно ученики на основе глаголицы создали новую азбуку, названную в честь учителя кириллицей.

В конце 867 или начале 868 года Константин и Мефодий были обвинены в богоотступничестве, так как нарушили «трехязычную доктрину», дающую право славить Бога лишь на трех языках – древнееврейском, греческом и латыни, – и были вызваны в Ватикан. Братья прибыли в Рим.

Против Константина Философа собрались «латинские епископы, и попы, и черноризцы, как вороны на сокола». Отстаивая право славян стать рядом с «избранными» народами, Константин отвечал им:

«Не идет ли дождь от бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам

велите быть слепыми и глухими? Скажите мне, зачем делаете Бога немощным, как если бы не мог дать народам своего письма, или завистливым, как если бы не хотел дать? Горе вам, книжники, что взяли себе ключ к познанию. Сами не входите и хотящим войти возбраняете. Так, вы, если издадите языком непонятные слова, как станет понятным то, что говорите? Ведь если не знаю силу гласа, то буду чужестранцем. Не запрещайте говорить языками». И этими словами и многими иными посрамил их».

Константин Философ победил: книги славянского письма были освящены лично папой римским Андрианом II в его любимом храме Санта Мария Маджоре в Риме. Цель солунских братьев была достигнута – **«отверзлись уши глухих, чтобы услышали слова книжные, и ясна стала речь косноязычных».**

Однако слишком дорогой оказалась плата за право славян иметь собственную письменность: после дебатов в Ватикане Константин заболел, принял схиму и имя Кирилл и через 50 дней умер. Но перед смертью призвал Мефодия:

«Вот, брат, были мы парой в одной упряжке и пахали одну борозду, и я на поле падаю, окончив день свой. Не смей ради Полихрона оставить учительство свое».

На 16 лет пережил Мефодий своего брата, умершего в возрасте 42 лет и оставившего неизгладимый след на земле. Все эти годы старший брат отдал служению славянской культуре и письменности, выполняя завет Константина.

Деятельность славянских просветителей, удостоенных самого высокого святого звания – равноапостольных, сыграла зна-

чительную роль не только в становлении и развитии всех славянских литературных языков, литературы и культуры, но и проторила путь к переводам Библии на другие языки. Но наиболее значительное влияние кирилло-мефодиевские традиции просвещения народов и почитания книг оказали на восточных славян.

Древняя Русь бережно сохранила и приумножила культурное наследие просветителей славянского народа, ибо, как пишет летописец Нестор, **«велика бывает человеку польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы, и мудрость обретаем и воздержание от словес книжных. Се бо суть реки, напоющие вселенную всю, се суть источники мудрости, книгам бо есть неисчислимая глубина».**

Веками собиралась и сохранялась мудрость, идущая от просветителей славянства. Работа многих поколений поддерживала энергию книжных текстов, создавая постоянно пополняемую сокровищницу идей и слов, из которой произрастала культура и книжность.

Каждый, делавший первые шаги в почитании книжном, знал то, о чем с гордостью писал черноризец Храбр на грани IX-X вв., и теперь и мы можем подтвердить его слова из Сказания «О письменах»:

«Ведь если спросишь книжников греческих, говоря: кто создал вам письмена или книги перевел и в какое время, то мало кто среди них это знает. Если же спросишь славянских книжников, то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом, он письмена создал и книги перевел, и Мефодий, брат его в лето 863.»

Е.Н. БЕКАСОВА

ОРЕНБУРГСКИЕ КАЗАКИ В ГАЛИЦИЙСКОМ СРАЖЕНИИ 1914 ГОДА

Одновременно с Восточно-Прусской битвой на пятисоткилометровом фронте от Вислы до румынской границы 5 (18) августа – 13 (26) сентября 1914 года была проведена одна из крупнейших битв Первой мировой войны – Галицийская стратегическая операция войск Юго-Западного фронта (командующий – генерал Н.И. Иванов).

Задачей русских войск австрийского фронта являлось поражение австро-венгерских армий, «...имея в виду воспрепятствование отходу значительных сил противника на юг за Днестр и на запад к Кракову» [1, с. 153].

Зоной своих «жизненных интересов» союзница Германии – Австро-Венгрия считала Балканы. Но ее лихорадили серьезные внутренние проблемы. Кроме двух «главных» наций, немцев и венгров, империю населяли хорваты, босняки, сербы, словенцы, румыны, чехи, словаки, поляки, итальянцы, галицийские русины. Они оказывались «второсортными» народами, среди них зрело недовольство. Решение проблемы предлагал наследник престола Франц Фердинанд – преобразовать Австро-Венгрию в «триалистическую» Австро-Венгро-Славию. Но немцы и венгры категорически противились, чтобы их уравнили в правах со славянами. А главной головной болью для австрийцев считалась Сербия. Опасались даже не ее враждебных или подрывных акций. Боялись, что само

по себе усиление Сербии подаст «плохой» пример славянам, входящим в империю Габсбургов, они выйдут из-под контроля, и держава развалится на кусочки. Поэтому в Вене приходили к выводу – необходимо при первом же удобном случае разгромить Сербию, обкорнать ее территории и посадить на престол собственных ставленников. Австро-Венгрия хотела только короткой и локальной войны, а то как бы большая война тоже не привела ее к распаду. Но для Германии локальная война требовалась, чтобы разжечь глобальную. Она всячески успокаивала союзницу – бояться нечего, вместе победим в два счета. А продвижение на Балканы Берлин всемерно поощрял, рассчитывал через австрийцев подмять этот регион под собственное влияние и соединиться с Турцией.

Соотношение сил к началу Галицийской битвы было таким: русских – 36,5 пехотных и 12,5 кавалерийских дивизий, австро-венгерцев – 39 пехотных и 10 кавалерийских дивизий. В последующем силы русских составили – 50 пехотных и 20,5 кавалерийских дивизий (из них 10 казачьих); австро-венгерских – 48 пехотных и 11 кавалерийских дивизий. Общая численность войск, участвовавших в этой битве, составляла около 2 миллионов человек.

В этом сражении оренбургские казаки формирования были представлены значительным числом полков и батарей.

Первое боевое столкновение с противником, в котором участвовали оренбургские казаки, произошло 27 июля (9 августа) 1914 года у австрийской границы в местечке Белогородок.

10-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Ф.А. Келлера, в которую входил 1-й Оренбургский казачий Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк, получила задачи: прикрывать сосредоточение наших войск 3-й армии и теснить передовые разведывательные части противника, выясняя силы и расположение австрийцев.

Перейдя австрийскую границу, разъезд 1-го Оренбургского казачьего полка под командованием хорунжего Константина Хлебникова бросился в атаку на австрийскую заставу и сбил ее. В этом бою был ранен казак М. Лаптев. 3 (16) августа 10-я кавалерийская дивизия выступила в направлении г. Збараж, в авангарде которого находился 1-й Оренбургский казачий полк. В этот день произошло боевое крещение всего полка под деревней Чили. После донесения разведки о том, что деревня Чили занята противником, три сотни полка (2-я, 5-я и 6-я) повели на нее наступление. Противник упорно оборонял селение, но, окруженный со всех сторон, вынужден был отступить. Очистив путь для своей дивизии, 1-й Оренбургский казачий полк шел впереди, вытесняя разведывательные части австро-венгерцев. Двигаясь лавой, полк был встречен сильным ружейным огнем со стороны Збаража. Четыре сотни полка, спешившись, бросились в атаку и приблизились к городу на расстояние 600 шагов. Огонь противника стал ослабевать, так как австрийцы стали очищать го-

род, но по приказу командования казакам было приказано отступить. Приказом по 10-й кавалерийской дивизии от 4 января 1915 года пять казаков, участников этого боя, – Андрей Савельев (Полоцкой ст.), Василий Чернев (Могутовской ст.), Василий Шмотин (Уйской ст.), Хакимжан Упаков (Уйской ст.), Василий Нухсаев (Верхнеуральской ст.) были отмечены георгиевскими крестами 4-й степени [2].

Следующий бой с участием 1-го Оренбургского казачьего полка стал «лебединой песней» кавалерии русской армии в Первой мировой войне. 8 (21) августа 10-я кавалерийская дивизия выступила из деревни Белоголово и двинулась на Зборов. 1-й Оренбургский казачий полк состоял в этот день из четырех сотен, так как 1-я и 4-я сотни находились в командировке на другом участке 3-й армии. При подходе к деревне Маниловке разведка полка донесла, что она занята австрийской пехотой, а северо-западнее деревни движется кавалерийская дивизия противника. Дивизия генерала Ф. Келлера была перестроена в резервную колонну. В это время разведка донесла о движении пехоты противника на восток.

Генерал-лейтенант Келлер приказал Оренбургскому казачьему полку атаковать пехоту немедленно. Увидев несущуюся лаву казаков, противник открыл сильный ружейный огонь, но передовые сотни мчались на залегшие цепи австрийцев. 6-я сотня 1-го Оренбургского казачьего полка обошла деревню Маниловку и смяла правый фланг противника. Продвигаясь далее, частью в пешем, а частью в конном строю, казаки подошли к деревне Ярославце, где заняли мост через ручей [3]. Гораздо труднее пришлось двум передовым

сотням – 2-й и 5-й, по которым противник открыл сильный пулеметный огонь. На усиление этих сотен было выслано четыре пулемета, огонь которых сломил сопротивление противника. Он стал отступать к деревням Маниловке и Ярославце. Сотни в конном строю преследовали австрийцев, 2-я сотня ворвалась в деревню. Рукопашная схватка продолжилась на улицах деревни Ярославце. В этом бою пал смертью героев подесаул А. Ничеухин, а командир 2-й сотни есаул В. Половников был ранен.

Когда передовые сотни полка очищали от противника деревни Маниловку и Ярославце, австрийская кавалерийская дивизия в резервной колонне приближалась к Ярославце на кавалерийские полки. В этой ситуации полковник Л. Тимашев приказал передовым сотням, двигаясь «левым плечом», атаковать фланг и тыл неприятельской кавалерии. 5-я сотня 1-го Оренбургского казачьего полка и казаки из охраны начальника дивизии стали готовиться к бою. В этот момент русские регулярные полки атаковали дивизию противника. Русские и австрийские кавалерийские полки мчались один навстречу другому: «Еще момент и передовые линии дивизий столкнулись, за ними несутся вторые линии, а потом и резервы. Началась общая беспощадная рукопашная схватка. Воздух оглашен криками, треском и лязгом оружия, ржанием скачущих по полю коней» [4, с. 109-112].

В этот момент 5-я сотня ударила во фланг и тыл противника. Резерв австрийцев, заметивший опасность окружения со стороны 5-й оренбургской сотни, обстреливаемый частями 6-й сотни, занявшей

выгодную позицию у ручья, не поддержал свои передовые линии и повернул назад. Основные силы австрийцев в беспорядке также бросились бежать. Отступающих австрийцев преследовали 6-я, 2-я и 3-я сотни под командованием войскового старшины В. Печенкина. Во время этого преследования был убит подесаул Н. Алтабашев.

Конная артиллерия противника из 8 орудий, занимавшая позиции за горой у деревни Ярославце, увидела своих кавалеристов, отступающих в беспорядке. Развернувшись, австрийские артиллеристы помчались с горы и с разбегу влетели в болотистый овраг. Все орудия были захвачены 3-й сотней 1-го полка. Путь казаков-оренбуржцев был усеян убитыми и ранеными австрийцами, всюду валялась масса оружия и снаряжения. Потери австрийцев в этом бою составили 500 человек, из них 300 человек были убиты, а 200 взяты в плен.

При разгроме 4-й австро-венгерской кавалерийской дивизии 1-й Оренбургский казачий полк потерял убитыми 2-х офицеров и 9 казаков, ранены были 1 офицер и 34 казака. Это больше, чем во всех трех кавалерийских полках 10-й кавалерийской дивизии вместе взятых. По словам пленного австрийского офицера, решающую роль в сражении сыграли оренбургские сотни, атаковавшие фланг и тыл австрийцев.

За мужество и храбрость в бою командир 1-го Оренбургского казачьего полка Леонид Тимашев был отмечен орденом Св. Георгия IV степени, а офицеры В. Печенкин, Л. Крылов, А. Полозов, В. Половников награждены Георгиевским оружием [5]. Свыше сорока казаков 1-го

полка приказом по 10-й кавалерийской дивизии были удостоены георгиевских крестов 4-й степени [6].

Свои первые награды получили за бой под Ярославлице будущие полные георгиевские кавалеры Василий Коротков (Верхнеуральская ст.) и Федор Коротков (Магнитная ст.) (Приложение 3). Победа у деревни Ярославлице и успешные действия 2-й сводно-казачьей дивизии у м. Городка открыла русской коннице большие возможности для преследования отступающего противника и прорыва в его глубокий тыл. Однако командование Юго-Западного фронта не реализовало эти возможности.

В течение всего августа 10-я кавалерийская дивизия участвовала в Галицийском сражении. Она составляла передовой отряд 3-й армии (генерала от инфантерии Н.В. Рузского), наступавшей на г. Ярослав. Во время этого наступления оренбуржцы отличились в бою у местечка Янчен 17 (30) августа. Казаки уничтожили 60 и взяли в плен около 500 австрийских солдат, кроме того, захватили мортирную батарею из четырех орудий. 1 сентября 1914 года они разгромили обоз 2-го австрийского корпуса, растянувшийся на расстояние около 15 километров. В этом бою было захвачено 4 орудия, много оружия и снаряжения, взято в плен около 300 солдат.

Задачу прикрытия развертывания 3-й армии выполняла вместе с 10-й кавалерийской дивизией и 2-я казачья сводная дивизия под командованием генерала В.И. Жигалина, в которую входили полки Кубанского, Терского и две батареи Оренбургского казачьего войска. Оренбуржцы входили в состав 1-го Оренбургского

казачьего артиллерийского дивизиона (2-й казачьей сводной дивизии), которым командовал войсковой старшина А. Ончков. Дивизион включал в себя 1-ю и 3-ю шестиорудийные Оренбургские казачьи батареи. 31 июля (13 августа) дивизия получила приказ двигаться вперед, овладеть австрийской границей и выслать разведку в тыл противника. В этот же день взвод 1-й батареи получил боевое крещение [7].

По окончании этого сражения 3 (16) августа дивизия сосредоточилась в районе местечка Городок. 4 (17) августа 2-я казачья сводная дивизия вела бой с 5-й венгерской кавалерийской дивизией, наступавшей в конном строю на м. Городок. В нем принимали участие обе оренбургские батареи. Разбившись о позиции 2-й дивизии, мадьяры в беспорядке отступили, оставив на поле боя два орудия. В этом бою был убит командир 1-й Оренбургской казачьей батареи войсковой старшина М. Сорокин и ранены два казака [8]. Описание этого боя дает в своих воспоминаниях А.А. Брусилов: «На Збруче кроме пехотных застав 11-го австрийского корпуса находилась еще кавалерийская дивизия, которая чрезвычайно энергично действовала на нашем фронте. Между прочим, она произвела нападение на 2-ю сводную казачью дивизию, которая находилась впереди левого фланга (8-й) армии у Городка. Наша казачья дивизия была поддержана 4 ротами пехоты, которые были ей временно приданы. Для встречи подходящего к Городку противника наша пехота заняла густою цепью околицу села, а также поблизости находящуюся возвышенность, имея уступом за левым флангом Кавказскую казачью бригаду. Пулеметы же казачьей дивизии были по-

ставлены на этом же фланге так, что могли обстреливать всю местность впереди залегшей пехоты. Конно-артиллерийский дивизион (1-й Оренбургский) стал на позицию за селом, а Донскую казачью бригаду начальник дивизии взял себе в общий резерв.

Австрийская конница, подходя к горю, развернула сомкнутый строй и без разведки очертя голову понеслась в атаку на нашу пехоту в столь неподходящем строю. Частью артиллерийский, а затем ружейный огонь встретил эту безумно храброю, но бессмысленную атаку. Вскоре и пулеметы наши стали осыпать австрийцев с фланга, а кавказские казаки ударили по ним с фланга и тыла. При этих условиях, очевидно, результат, австрийской атаки оказался весьма для них плачевным: трупы перебитых людей и лошадей остались лежать на поле битвы, одиночные люди и лошади бегали по полю по всем направлениям, а остатки этой дивизии бросились беспорядочной толпой наутек» [9, с. 74].

6 (19) августа 8-я армия перешла в решительное наступление, 10 (23) августа дивизион принял участие в боях у сел Ольховицы, Голенищева, городов Черткова и Бучача, закончившихся взятием четырехорудийной австрийской конной батареи. 12 (25) августа оренбуржцы участвовали в бою у м. Монастыржиска. Вся тяжесть этого боя вынесла на себе 3-я батарея войскового старшины К. Гурьева [10]. Дивизия была застигнута врасплох, но 1-й Оренбургский артиллерийский дивизион успел встать на позицию и своим огнем прикрыл сбор всех полков. Он задержал наступление австрийцев до подхода 24-го армейского корпуса генерала от кавалерии А.А. Цурикова [11].

Затем последовали бои 17, 25, 29 и 30 августа (30 августа, 7, 11 и 12 сентября). В последнем бою 3-я батарея сыграла важную роль: она остановила противника и поддержала ослабевшую пехоту 49-й дивизии. Благодаря ее действиям была окончательно сорвана попытка австрийцев вновь занять город Львов.

Успешно действовала в составе 8-й армии генерала от кавалерии А.А. Брусилова и 12-я кавалерийская дивизия, в которую входил 3-й Уфимско-Самарский полк Оренбургского казачьего войска. Он отличился в бою у села Сокольники, где казакам пришлось преодолевать хорошо укрепленные позиции противника. В результате боя 1 (14) августа австрийцы были выбиты из своих окопов, оставив два крепостных орудия, большой запас снарядов, продовольствия и снаряжения.

Хорошо показали себя уфимосамарцы и в бою у села Демния 29 августа (11 сентября), где казакам пришлось сражаться в одном строю с солдатами 191-го Ларго-Кагульского пехотного полка 48-й пехотной дивизии (до войны полк был расквартирован в Оренбурге) [12].

В разгар боев в Галиции, 22 августа (4 сентября), из Туркестанского военного округа в состав 9-й армии генерала П.А. Лечицкого прибыла Туркестанская казачья бригада генерал-майора А.М. Логинова в составе 2-го Уральского и 5-го Оренбургского атамана Могутова казачьих полков. Казаки 5-го полка успешно осуществили ряд диверсионных акций под обстрелом наступающего противника. Так, 25 августа (7 сентября) ими было взорвано железнодорожное полотно у станции Влощев, а 26 (8) подорваны железнодорожное полотно и телеграфная линия на другом

участке [13]. 27 августа (9 сентября) казаками 1-й сотни были уничтожены мосты у д. Конецполя.

Во время Галицийского сражения казаки 5-го полка не участвовали в крупных боевых схватках, но им пришлось участвовать в стычках с неприятельской пехотой и кавалерией. 27 августа (9 сентября) у села Нагло есаул М. Свиридов с 15 казаками нагнали отступающий венгерский кавалерийский отряд и вступили с ним в бой. В ходе столкновения с использованием холодного оружия было уничтожено (в основном пиками) более десятка солдат противника. Среди казаков было ранено только несколько человек.

В составе 4-й армии Юго-Западного фронта в Галицийском сражении участвовали третьеочередные 13-й, 14-й, 16-й и 17-й Оренбургские казачьи полки. В составе Гренадерского корпуса генерала И.И. Мрозовского в августовских боях сражались 13-й и 14-й Оренбургские казачьи полки. Первым из полков третьей очереди на театр военных действий 15 (28) августа прибыл 13-й Оренбургский казачий полк под командованием полковника А. Милеева. Уже через два дня полк был включен в 3-ю Донскую казачью дивизию. 17 (30) августа оренбургские казаки участвовали в боях у деревни Ольшанки Люблинской губернии, 20 августа (2 сентября) – у деревень Суходол и Травники. В ходе этих боев казаки преследовали разбитого пехотой противника и взяли в плен 150 австрийских солдат [14].

В составе Гренадерского корпуса участвовал и 14-й Оренбургский казачий полк под командованием войскового старшины З. Дашкина. 22 августа (4 сентября) 1914 года в деревню Лапеника вошли с боем ка-

заки 2-й и 3-й сотен 13-го полка. В схватке оренбуржцы уничтожили 18 и захватили в плен 97 австрийских солдат. 23 августа (5 сентября) в бою у Тарнавки казаки взяли в плен еще 40 неприятельских солдат [15]. 21 августа (3 сентября) в состав 3-й Донской казачьей дивизии вошел 17-й Оренбургский казачий полк под командованием полковника Н. Смолина. Ситуация на фронте 4-й армии к этому времени сложилась следующим образом.

К концу августа 1914 года 1-я австро-венгерская армия генерала В. Данкля и группа войск генерала Г. Куммера после ряда неудачных для них боев в районе железной дороги Люблин – Холм приостановили свое отступление и закрепились на новых позициях. На поддержку 1-й армии подошел германский ландверный корпус генерала Р. Войрша, в состав которого входили 3-я и 4-я пехотные (ландверные) дивизии.

4-я русская армия генерала от инфантерии А.Е. Эверта 26 августа (8 сентября) предприняла фронтальные атаки с целью прорыва австро-венгерской позиции. В стыке между 4-й и 5-й русскими армиями находилась 3-я Донская казачья дивизия, на которую была возложена задача содействовать наступлению 4-й армии и поддерживать связь с 5-й армией.

3-я Донская казачья дивизия была донской скорее по названию, так как состояла из пяти полков: трех донских (18-го, 30-го и 32-го) и двух оренбургских (13-го и 17-го). Старшим адъютантом штаба (а позднее начальником штаба дивизии) был оренбургский казак, подьесаул Генерального штаба И.Г. Акулинин. Оренбургские казачьи полки были включены в состав дивизии временно, в период боев

под Люблином (20-й Донской казачий полк, входивший в 3-ю Донскую казачью дивизию, находился временно при 16-м армейском корпусе). Изменение состава дивизии являлось частым явлением, не способствующим успешным боевым действиям русской кавалерии. 26 августа (8 сентября) 17-й Оренбургский казачий полк принял участие в кавалерийской атаке у деревни Драганы.

И.Г. Акулинин в 1938 году в журнале «Часовой» описал этот бой так: «Местность к западу от д. Тарновки была открытая, ровная, и казацьи лавы доскакали до передовых окопов, занятых австрийской пехотой. Атака казачьей бригады была так неожиданна и столь стремительна, что австрийцы растерялись и после беспорядочной стрельбы побросали окопы. Многие пехотинцы, спасаясь от казачьих пик и шашек, бросились в воду. В ходе боя казаки захватили около 300 пленных (наши потери были меньше в 10 раз). Однако атака 18-го Донского и 17-го Оренбургского казачьих полков не была поддержана ни тремя остальными полками 3-й Донской дивизии, ни соседними пехотными частями. (13-й Оренбургский казачий полк был брошен на поддержку 17-му Оренбургскому казачьему полку, но наткнулся на болото и был возвращен на исходные позиции.) Если бы это произошло, результаты атаки могли бы стать более впечатляющими».

30 августа (12 сентября) казаки 13-го Оренбургского казачьего полка участвовали в ночном набеге на город Янов, в ходе которого были взяты богатые трофеи и сотни пленных.

Из оренбургских третьеочередных казачьих полков не была сформирована ни вторая казачья дивизия, ни отдельная

бригада. Роль корпусной конницы во втором периоде Галицийской битвы в составе 18-го армейского корпуса 4-й армии выполнял 16-й Оренбургский казачий полк, а в 24-м корпусе 8-й армии – 18-й Оренбургский казачий полк.

16-й полк под командованием войскового старшины В. Печенкина был разделен между дивизиями 18-го корпуса, неся службу связи, охраны флангов, разведки, а иногда и участвуя в преследовании противника. Так, 6 (19) сентября у деревни Падев 3-я сотня 16-го полка атаковала отступающую роту австрийцев, захватив 52 человека в плен [16]. 18-й полк полковника Я. Рогожникова участвовал в упорных боях, которые вели части 24-го армейского корпуса на левом фланге 8-й армии. В течение четырех суток, с 28 августа по 1 сентября (с 10 по 14 сентября), 18-й Оренбургский казачий полк не выходил из боевых действий.

29 августа (11 сентября) 18-й полк форсировал под огнем противника р. Щержицу, в конном строю атаковал деревню Пустомыто, где захватил в плен 55 австрийских солдат и отбил 2 пулемета 55-го пехотного Подольского полка, ранее захваченных австрийцами [17]. В конце Галицийской битвы в 18-й армейский корпус 4-й армии прибыл 7-й Оренбургский казачий полк под командованием полковника Л. Доможирова.

В Галицийском сражении (с учетом 7-го Оренбургского казачьего полка) участвовало девять Оренбургских казачьих полков: 1-й, 3-й 5-й, 7-й, 13-й, 14-й, 16-й, 17-й и 18-й и две Оренбургские казачьи батареи: 1-я и 3-я, всего более 8100 казаков и офицеров.

Австрийская армия, разбитая в Галицийской битве, к 9 (22) сентября отошла на линию реки Вислоки, а к 13 (26) сентября

– на линию рек Дунайца и Бялы. Галицийское сражение закончилось. За время операции русская армия продвинулась на 280-300 км. Стороны понесли крупные потери, но поставленных целей (уничтожения армий противника) не достигли. Австро-венгерские войска потеряли около 400 тыс. человек (из них более 100 тыс. пленными) и 400 орудий. Русская армия потеряла до 230 тыс. человек (в том числе 40 тыс. пленными) и 94 орудия.

Русский план уничтожения противника путем окружения его в Галиции не удался в силу следующих причин: слабой организации управления и взаимодействия; излишней боязни за выдвинутые вперед фланги и плохой организации войскового тыла.

Использование казачьих и кавалерийских частей также имело свои недостатки. Командование русской армии не смогло реализовать возможности русской конницы по следующим причинам:

а) в состав действующей армии Юго-Западного фронта не была выдвинута Оренбургская казачья дивизия: она несла охранную службу в пригородах Петрограда;

б) высшее командование не решилось направить кавалерийские соединения в прорыв для действий в неприятельском тылу в отрыве от главных сил;

в) преследование противника в ключительные дни Галицийского сражения велось небольшими отрядами и недостаточно энергично, в результате чего австрийцам удалось оторваться от преследовавших их русских войск. Исключение составляли лишь действия 10-й кавалерийской дивизии Ф.А. Келлера.

Несмотря на эти недостатки, русская армия в результате Галицийской битвы освободила Галицию и часть австрийской Польши, создала угрозу вторжения в Венгрию и Силезию, значительно подорвала военную мощь Австро-Венгрии. Австро-венгерские войска потеряли способность вести операции самостоятельно, без поддержки германских войск. Германия была вынуждена перебросить на русский фронт крупные силы с Западного фронта, что облегчило положение англо-французских войск. Проведя Галицийское сражение, русские войска оказали существенную помощь сербской армии. Стратегические и оперативные возможности германской коалиции сузились, а ее план быстрого окончания войны рухнул.

Из тюрем и лагерей в Галиции были освобождены десятки тысяч интернированных русских и местных жителей, арестованных за «русифильство» (часто всего лишь за неосторожное слово). Встречали наших воинов по-разному. Русины – с искренней радостью. Они были в большинстве православными и даже говорили тогда на другом языке. Офицеры с удивлением отмечали, что язык русин гораздо ближе к великорусскому, чем украинский (что не удивительно – в Поднепровье славяне смешивались с тюркскими народами, а в Прикарпатье сохранялось наречие Киевской Руси). Простые галичане воспринимали приход русских как «своих».

В Галицийском сражении одним из лучших полков русской кавалерии стал 1-й Оренбургский казачий полк, а среди подразделений конной артиллерии – 1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион. Одним из первых офицеров, удо-

стоенных ордена Св. Георгия IV-й степени во время Первой мировой войны, стал командир 1-го Оренбургского казачьего полка полковник Л.П. Тимашев. А первым полным георгиевским кавалером в русской коннице (уже в декабре 1914 года) стал урядник 3-го Оренбургского казачьего полка И.В. Пашнин [18, с. 198-215] К концу 1914 года действующей армией находилось 128,5 (из 146) конных сотен и команд, 30 (из 40) орудий, 465 офицеров и 21 021 казак Оренбургского казачьего войска [19].

В. Г. СЕМЕНОВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. – М., 1926. – С. 153.
2. Приказы по Оренбургскому казачьему войску. – 1914. – № 673.
3. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 6 об.
4. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1901-1917). Т. 1. – М., 1948. – С. 109-112.
5. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 16-17 об.
6. Приказы по Оренбургскому казачьему войску. – 1915. – № 673.

7. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.
8. Он стал первым оренбургским казаком, убитым в Первой мировой войне.
9. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М., 1983. – С. 74.
10. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 53. Л. 2-4.
11. До войны полки корпуса были расквартированы в Казанском военном округе. В 49-й и 48-й пехотных дивизиях 24-го корпуса воевало несколько тысяч оренбуржцев (крестьян, мещан, рабочих).
12. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 56 об.
13. Там же. Л. 76.
14. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 255 об.
15. Там же. Л. 265.
16. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 56. Л. 284.
17. Там же. Л. 320-320 об.
18. Кривошецов А. И. Легенды о войне // Исторический вестник. – 1915. – № 10. – С. 198-215.
19. Оренбургское казачье войско в действующей армии было представлено 465 (из 4 тыс.) офицерами и 21 021 (из 180 тыс.) казаком. См.: Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 13.

ИСТОРИЯ УКРАИНСКИХ СЕЛ САКМАРСКОГО РАЙОНА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В ОЧЕРКЕ КРАЕВЕДА Д.Н. МАЙБОРОДЫ

Машинописный вариант очерка, написанного сакмарским краеведом Д.Н. Майбородой, поступил на хранение в партийный архив Оренбургского обкома партии (ныне – Центр докумен-

тации новейшей истории Оренбургской области) в августе 1978 года. Это довольно объемный труд на 182 страницах, состоящий из 22 глав, сопровождаемый 28 фотоиллюстрациями [1]. В предисло-

вии автора говорится, что история сел Украинского сельсовета Сакмарского района Оренбургской области была написана по просьбе молодежи, желающей знать историю своей малой родины, жизненный путь своих дедов и прадедов.

Следует отметить, что в Украинский сельсовет в 1959 году были объединены села 1-я и 2-я Григорьевки, Бузулук, Сергиевка, Васильевка (Киевка), входившие ранее в Григорьевский сельсовет, а так же 1-я и 2-ая Украинки и Новопавлоград, входившие в Украинский сельсовет. Все колхозы объединили в один – имени XXI съезда КПСС.

Естественно, что в очерке преобладают сведения о событиях в истории сел советского периода: о завоевании советской власти, создании первых сельсоветов, партийных и комсомольских ячеек, есть информация о том, когда и кто создавал первые ТОЗы и колхозы, кто и как перестраивал быт и культуру села на социалистический лад, о вкладе сакмарских украинцев в победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Вместе с тем в очерке есть страницы, повествующие об изменениях, происходивших в жизни украинских крестьян-переселенцев в дореволюционный период, что делает труд краеведа более значимым. На этих страницах остановимся подробнее.

Для написания очерка автором использовались как немногочисленные документы, обнаруженные в партийном архиве Оренбургского обкома КПСС и государственном архиве Оренбургской области, так и личные документы уроженцев сел, фотографии, письма. Кроме того, автор умело использовал и устные беседы с непосредственными участниками событий.

Среди устных информаторов-беседчиков были старожилы из 1-й Григорьевки Сафрон Иванович Иванищев, из 2-й Украинки – Дмитрий Иванович Мирошниченко, первый председатель колхоза 2-й Украинки Семен Назарович Погорелов, председатели сельсоветов в 1920-1930 годах Василий Герасимович Жильников, Мария Петровна Чернокижнова, первый директор Украинской школы колхозной молодежи Семен Гордеевич Журавлев, ветераны колхозного движения, председатель колхоза в годы Великой Отечественной войны Михаил Иванович Лушников и многие другие.

Как факт коллективной памяти – это ценнейший исторический источник. Именно в 70-е годы XX века краеведы-энтузиасты стали обращаться к воспоминаниям очевидцев и участников событий как достойному вниманию интересному информативному виду источников. В это время началось широкое изучение истории малой родины, вылившееся в массовое движение написания энциклопедии российских сел.

Населенные пункты Украинского сельсовета Сакмарского района, о которых повествует Д.Н. Майборода, располагаются в семидесяти километрах северо-восточнее Оренбурга, между рекой Сакмарой и речкой Чебенькой. Панорама селений хорошо просматривается с Новопавлоградской горы по пути из Оренбурга в Украинку, мимо памятника участникам Салмышского боя в 1919 году, установленного на горе Янгиз.

Земли, на которых расположены украинские села, когда-то принадлежали отставному генералу Исееву, получившему их в награду от Екатерины II. По преданиям

первые поселенцы здесь появились в 40-х годах XIX в. Ими были крепостные крестьяне Козловского уезда Тамбовской губернии. По архивным данным в 1866 году в селе Григорьевке (Кобяково) имелось 103 двора с населением 648 человек. Земли оказались не лучшими, местами заболоченными. Крестьяне жили в землянках. Помещик выстроил большой каменный дом с 33 комнатами и несколькими верандами, мельницу на два колеса. Сам барин в имении не жил, лишь изредка наведывался из Петербурга, проводя время главным образом в праздности и на охоте.

Село 2-я Григорьевка образовалось уже при советской власти, в 1927 году. Оно находится между селами Новопавлоградом и Бузулуком. Сюда переселились крестьяне 1-й Григорьевки, главным образом за счет раздела крупных семейств, землю получили из государственного фонда, быстро обжились, поставив деревянные дома и надворные постройки. Всего в селе было 66 дворов.

Точных сведений о переселении крестьян сел Бузулук и Сергиевка в очерке нет. Говорится только, что народная молва их издавна называла «собачниками», так как крестьян крепостники в свое время выменяли на породистых собак. Это были небольшие села по 45-50 дворов из крестьян разных губерний России.

В 1928 году украинцами, ранее переселившимися в Башкирию из Киевской губернии, было основано село Васильевка, его еще называли Киевкой. Оставив земли и постройки в Башкирии, они обосновались на государственных землях Григорьевского сельсовета.

История сел 1-й и 2-й Украинок, а также Новопавлограда, воспроизведенная по рассказам старожила Д.И. Мирошниченко

(1886 года рождения), представлена в очерке краеведа Д.Н. Майбороды более детально. Переселенчество конца XIX – начала XX вв. связано с постройкой железных дорог. В 1898 году крестьяне Харьковской и Полтавской губерний послали ходоков в Оренбуржье для выяснения возможности приобретения земли. Договорились о ее покупке у помещика П.М. Деева.

Весной 1898 года около 100 семей из сел Сумского уезда Харьковской губернии и 90 семей из Лубянского, Хорольского, Илофитского уездов Полтавской губернии в товарных вагонах железной дороги отправились в неизвестные им оренбургские степи. Доехав до степной столицы, остальной путь проделали пешком, бредя за повозками, везущими нехитрые пожитки переселенцев и малых детей. Временно расположились в поселках Петропавловке, Никольском, Григорьевке.

Не имея возможности покупать земли, сколько хотелось, в основном покупали около трех десятин. Но были и состоятельные переселенцы. Так, Николай Яковлевич Гольченко купил сразу 300 десятин земли, нанимал батраков, имел магазин, жил широко и богато. Переселенцы купили также земли для общественного пользования – Большой и Малый луга для пастбища, для постройки школы, церкви, общественных амбаров, кладбища. Целинная земля давала неплохие урожаи.

Д.Н. Майборода пишет о том, что на первом собрании крестьяне «решили расселиться в двух селах по землячеству – по губерниям, откуда приехали переселенцы. При распределении улиц придерживались уездов и волостей, родственники тоже старались поселиться поближе друг к другу... Это было обусловлено не только

родственными чувствами и давнишней дружбой, но и тем, что в различных губерниях говорили на разных наречиях и имели отличия в быту...».

По условию помещика П.М. Деева, продавшего земли украинцам, села называли его именем – Первая Петровка (здесь поселились выходцы из Полтавской губернии – «полтавцы») и Вторая Петровка, заселенная «харьковцами». Один из участков пойменного сакмарского леса до сих пор называют Деевским лесом.

Строительство начали сразу после распределения дворовых участков: сначала рыли землянку, а в течение примерно трех лет рядом ставили хату. Крестьяне Украинского сельсовета в отличие от григорьевцев не имели строительного леса, поэтому хаты и все надворные постройки сооружали из соломы, камыша и глины. Ценно то, что Д.Н. Майборода подробно описывает «технологию» постройки украинского дома. Хата украинских переселенцев не имела фундамента. По обеим сторонам сооружаемой стены вкапывали столбы, к ним с внутренней стороны ставили доски шириной до 50 см. В получаемую «коробку» накладывали солому или мелкий камыш, заливали глиняным раствором и утаптывали ногами. Когда коробка была заполнена, доски поднимали выше, и так до нужной высоты стены. Когда «вытопанные» стены просыхали, делали потолок, крышу крыли соломой или камышом, стены снаружи и изнутри обмазывали глиной, смешанной с мякиной. Полы делали земляные, «топтаные», мазаные, обильно посыпали пахучими травами (чабрец, полынь и др.) Стены внутри и снаружи белили белой глиной, иногда украшали рисунками цветов и петухов.

В очерке помещена фотография украинских хат под соломенными крышами, огороженных плетнями, сохранившихся до 1970-х годов. По утверждению автора, «топтаные» хаты зимой теплые, а в летнюю жару – прохладные, очень крепкие и долговечные. Обычно строили («топтали») хаты сообща, «обществом», за лето могло вырасти целое село. Взаимная помощь в селах жила и развивалась веками. Такая совместная стройка, когда каждый хозяин угощает гостей-помощников, нередко заканчивалась весельем, песнями и плясками – настоящим праздником.

Летом 1910 года в Оренбуржье переехали около ста семей из Павлоградского уезда Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область). Часть из них поселилась во 2-й Петровке, а 45 дворов образовали новое село на правом берегу речки Чебеньки, назвав его Новопавлоградом. Организаторами этого переселения были Ефим Ермак и братья Климушкины. У этих переселенцев были очень большие семьи. Землю купили у помещика Деева, построились за два года проверенным общественным способом.

Одним из недостатков в расположении украинских сел было их размещение на окраине земельных угодий. Весной и летом приходилось ездить на поля сеять и убирать хлеб за 15 км, поэтому во время полевых работ люди днями и ночами, целыми месяцами жили в поле, спали под открытым небом. В некоторые годы весной реки Сакмара и Чебенька широко разливались, затопляя половину 1-й Петровки.

Соседями переселившихся украинцев были на востоке в с. Никольском ссыльные русские, в с. Петропавловке (Черниговка)

– переселенцы из Черниговской губернии, за Сакмарой жили татары. На западе от сел Украинского сельсовета осели переселившиеся донские казаки, основав село Донское.

Несомненный интерес представляет глава очерка «Жизнь наших крестьян в дореволюционной России». Как самое крупное описывается село Григорьевка: с волостной управой, с полицейским участком, частными магазинами, паровой мельницей. Раз в неделю в селе открывался базар. Основная масса крестьян оставалась бедной, кулацкими стали несколько хозяйств этого села, самым крупным землевладельцем был Соколов, имевший несколько тысяч гектаров земли, табуны скота, более сотни батраков.

Крестьянское хозяйство дореволюционного времени – это в основном полуаграрное хозяйство: сельхозинвентарь, сбрюю, мебель, посуду, одежду и обувь изготавливали сами, и только «изредка покупали в городе топоры, ножи и чугуны». Спички и деготь были редкостью в доме. Работали много и тяжело. Во время уборки урожая работали даже в дни религиозных праздников. В дореволюционное время украинцы не сеяли озимых культур, не вносили в землю удобрений. Основной культурой у переселенцев была пшеница, а не рожь, как на родной Украине, возделывали также в небольших количествах овес, ячмень, просо, выращивали подсолнечник. Украинцы – хорошие овощеводы, но урожай всегда давался тяжким трудом. Если длительное время не было дождя, то священник собирал верующих крестьян, и люди с иконами и хоругвями шли по полям крестным ходом, моля всевышнего о дожде и спасении урожая.

В крестьянском хозяйстве одежду, обувь, белье изготавливали сами из домашнего полотна. Верхнюю одежду и зимнюю обувь шили из овечьих шкур и вязали из овечьей шерсти. Летняя обувь тоже была самодельная, ее берегли, – в основном до поздней осени ходили босыми, «поэтому практически не болели простудными заболеваниями. Бывало, некоторые молодые женщины даже зимой ходили по воде к колодцам босиком. Соберутся несколько женщин возле колодца и ведут разговоры минут 10-15, переступая на льду босыми ногами, – ничего!», – замечает автор очерка. Конечно, у каждого были сапоги или ботинки, но обували их, когда шли в церковь или в гости. Праздничные ботинки или сапоги покупали к свадьбе, они сохранялись на всю жизнь, как и праздничная одежда: пальто, костюм, платье, платки.

Крестьяне сами изготавливали предметы домашнего обихода: столы и стулья, скамьи и корыта, ведра и ложки. Селяне были мастерами на все руки, точнее – кустарями. Они и хлебопашцы, и животноводы, и плотники, и кузнецы, и сапожники и сами себе агрономы», – не без гордости пишет автор очерка о своих земляках – украинских переселенцах.

В очерке упоминаются и такие тяжкие испытания для крестьян, как голод, неурожай, эпидемии животных. О социальной несправедливости, имущественном расслоении крестьянства, произволе властей и чиновников всякого ранга тоже можно прочесть в повествовании Д.Н. Майбороды.

В 1900 году крестьяне 1-й и 2-й Петровок построили на свои средства начальные школы. Первые занятия в школах

начались в 1901 году. Было два класса, первый и второй, дальше не учили, учителя нанимали за свой счет, зарплату платили ему частью деньгами, частью зерном, поочередно кормили. В 1905 году построили другое здание для школы, на две комнаты, где занимались одновременно четыре класса. В 1970-х годах в этом здании располагался сельский медпункт. В с. Новопавлограде первая школа появилась только при советской власти.

Об отсутствии минимального медицинского обслуживания говорит тот факт, что в селах свирепствовали малярия, оспа, дизентерия. Не редкостью была большая смертность детей от тифа, холеры и других заболеваний. Автор очерков говорит, что «смертность детей была чрезвычайно высока: из трех рожденных – двое умирали. Особенно была распространена оспа, следы от заболевания которой оставались на лице и теле человека на всю жизнь».

В очерке нашли отражение такие этнографические моменты жизни украинцев-переселенцев, как верования: верили в существование чертей, ведьм, леших и другой нечистой силы, гаданиям, знахарям и целителям, заговорам и т.п.

Весьма любопытно описание развлечений по старинным обычаям, возрастным молодежным группам и временам года.

Автор также отмечает, что среди крестьян украинских сел вплоть до советской власти ярко проявлялась национальная неприязнь: молодежь украинских сел никогда не дружила с молодежью русских

сел 1-й 2-й Григорьевок, с соседними Чебеньками, где жили татары; русские парни не женились на украинских девушках, а украинские – на русских. Украинцы называли русских «кацапами», а русские украинцев «хохлами», считая эти слова бранными, оскорбительными.

В главе «Природа и климат» автор приводит воспоминания старожилов о многоснежных зимах, когда буран за 2-3 дня заносил дома и надворные постройки так, что не было видно крыш. Тогда посылали людей, чтобы отрыть двери в дом и выпустить жильцов на волю. Любовно и поэтично описываются поймы рек с черноземьем, заливаемыми лугами для пастбищ, с невиданным множеством перелетных птиц: уток, гусей, лебедей, со щедрыми обильными рыбой заводями, с буйным разнотравьем, дана довольно подробная характеристика фауны и флоры междуречья...

Как видим, очерк краеведа Д.Н. Майборода об истории украинских сел Сакмарского района Оренбургской области содержит немалую любопытную информацию об украинских переселенцах и может быть использован как источник для изучения украинского этноса Оренбуржья.

Т.С. ПАНИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНПО). Ф. 6002. Оп.1. Д. 402.

УРОКИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

(о профессиональной подготовке учителя в Оренбургской губернии конца XIX – начала XX веков по документам фондов ГАОО)

1990-2000-е годы характеризуются качественными переменами, происходящими во всех сферах жизни нашего общества, в том числе и в образовании, которое обрело опору в обращении к корням отечественной гуманистической педагогики, в реализации концепции развивающего и лично ориентированного обучения, в изучении и осмыслении положительного опыта зарубежной школы.

Современное образование все более осознается как сфера общественной жизни, в которой формируются и проектируются грядущие социальные изменения и готовится их интеллектуальное, научное обеспечение. Оно призвано не только искать ответ на вызов реальной действительности, но и прогнозировать и проектировать будущее, опережая настоящее. И в успешном решении этих задач ведущая роль принадлежит учителю, осознанию им своей высокой миссии.

Большая ответственность за профессиональную подготовку учителей, способных соответствовать требованиям времени, сегодня ложится на средние и высшие педагогические учебные заведения.

В Оренбургской области сложилась целая сеть образовательных учреждений по обучению учителей начальной и средней школы, повышению их квалификации: от педагогических колледжей, которые

сейчас имеются практически в каждом районном центре, до Орского технологического педагогического института, Оренбургского госпедуниверситета, областного института повышения квалификации учителей, укомплектованных высококвалифицированными кадрами преподавателей, многие из которых имеют ученые степени и звания.

Оренбургский областной государственный архив располагает значительным количеством документов, дающих представление о становлении системы профессионального педагогического образования в Оренбургском крае, начало которой положено еще в 1875 году, когда был создан Оренбургский учебный округ, а 30 августа 1878 года открыт первый учительский институт в Оренбурге (См. Ф. 81, Оп. 1), который готовил преподавателей для городских начальных училищ. Это было среднее специальное учебное заведение, где обучение будущих учителей осуществлялось на базе среднего образования в течение трех лет, из которых первые два года отводились изучению таких учебных дисциплин, как русский язык, словесность, математика, естествознание преимущественно теоретического характера. Третий год предназначался для формирования у воспитанников профессиональных педагогических знаний и

навыков. Здесь ведущее место занимали педагогика, частные методики и педагогическая практика. В 1896 году учительский институт был закрыт, будучи реорганизованным в реальное училище. Не случайно Ю.П. Злобин, обращая внимание на этот факт, справедливо отметил «недалековидность политики местных властей» [1, с. 166], так как уже в 1890-е – начале 1900-х годов в Оренбургской губернии наблюдается быстрый количественный рост начальных учебных заведений, который к 1911 году достигает внушительной цифры – 1416 (ср.: в 1865 году – 161 начальная школа). Заметно увеличивается и число средних (15) и неполных средних (7) учебных заведений (ср.: 1865 год – 3 средних и 5 неполных средних учебных заведений). К 1913 году, по свидетельству Ю.П. Злобина, количество учащихся в Оренбургской губернии превысило 100 тыс. человек [1, с. 165].

В начале XX в. остро заявила о себе проблема подготовки учительских кадров. Эта функция была возложена на учительские семинарии, которые были открыты в 1902 году в Оренбурге (См. Ф. 83, Оп. 1, 2), в 1912 году в Бугуруслане (См. Ф. 366, Оп. 1), в 1910-м в Челябинске, в 1915-м – в Троицке. В учительских семинариях осуществлялась подготовка учителей для начальных школ всех типов. Обучение длилось 4 года. Из стен семинарии выпускники выходили достаточно основательно подготовленными теоретически и методически. Значительное место в учебном плане последнего года было отведено профессионально ориентированным дисциплинам: педагогической психологии, педагогике и методике, а также педагогической практике.

Учителей начальных классов призваны были готовить и 1-я и 2-я Оренбургские городские женские гимназии. Оренбургский облгосархив располагает документами, дающими зримое представление о качественном уровне обучения и профессиональной направленности подготовки в них учителей. Так, в ф. 85 (оп. 1) по Оренбургской 1-й женской гимназии сохранились протоколы заседаний педагогического совета с 1902 по 1919 год, программы «для разных классов по разным учебным предметам» с 1911 по 1917 год, темы сочинений по русскому языку и словесности, протоколы комиссии по письменным испытаниям учениц за 1914 год. В ф. 86 (оп. 1) включены материалы по 2-й городской женской гимназии: «Программы по словесности для учениц VII класса» и билеты выпускных экзаменов, конспекты уроков математики, объяснительного чтения учениц-практиканток VIII класса 1911-1916 годов (ед. хр. 63); протоколы анализа уроков во время педагогической практики по русскому языку и объяснительному чтению 1912-1913 годов (ед. хр. 75); письменные работы учениц по русскому языку и словесности на экзаменах национальных испытаниях в августе 1913 года (ед. хр. 87).

Все эти разнообразные документы убедительно свидетельствуют о достойной теоретической и методической подготовке гимназисток в качестве учителей.

Конспекты уроков по объяснительному чтению отличаются полнотой, обстоятельностью, методически грамотно выстроенной беседой учителя и учащихся, в ходе которой учитель обращает внимание учеников на идейную и нравственную стороны изучаемого произведения, ра-

ботаает над объяснением непонятных слов и выражений, обогащением словарного запаса учащихся, развитием их речи, выразительным чтением, для чего активно используются разнообразные виды пересказов, составление плана, словарная работа и другие приемы. Примером этого может стать «конспект урока, данного 29 ноября 1911 г. по объяснительному чтению в 3-м отделении III мужского приходского училища ученицей VIII класса Оренбургской 2-ой городской женской гимназии М. Андреевой», тема которого: Басня И.А. Крылова «Осел и Соловей» (Ф. 86, Оп. 1, Ед. хр. 63).

Аналитическая беседа была и остается ведущим методом изучения литературы в младшем и среднем звене. В ходе непринужденной беседы проясняется для учащихся идейный смысл изучаемого произведения, открывается мастерство И.А. Крылова как художника, своеобразие басни как жанра. Учитель выстраивает систему вопросов с учетом психолого-возрастных особенностей учащихся, использует игровые моменты, которые вызывают оживление, поддерживают интерес ребят к теме.

Приведем фрагмент этого конспекта.

«...Видел кто-нибудь из вас осла? – Нет. Ну, может быть, кто-нибудь видел ишака? – вот еще по улице на нем иногда мальчики ездят. Кто же видел? – Я, я, я... Ты видел ишака? – Видел. Ну вот! А ишаком и называют у нас осла...

А как сказать: кто такой осел? – Животное. А соловей кто? – Птичка. Какая? – Маленькая. А еще какая? Да что соловей умеет делать? – Петь. Ну, значит, какая же птичка соловей? – Певчая. Хорошо ли поет соловей? – Хорошо. Да, соловей лучше

всех птиц поет. А каких вы еще знаете певчих птичек? – Канарейка, ласточка, малиновка, чиж. Так. Ты читай басню с первой строки... Каким другим словом можно объяснить слово «дружище»? – Большой друг, большой приятель, большой товарищ. «Великий мастерище» – как другими словами это сказать? – Большой мастер, хороший мастер. – А кого мы, дети, называем мастером? Вот если ты пишешь хорошо, говорят: «Ты мастер писать». Значит, кого же можно назвать мастером? – Кто хорошо делает что-нибудь. Так. Здесь соловей что был большой мастер делать? – Петь... Читай дальше. «Тут соловей являть свое искусство стал». Что такое искусство? Уменье, способность. Что значит «являть» свое уменье стал? – Показывать свое уменье стал. Как он стал показывать свое искусство? – «Защелкал, засвистал на тысячи ладов». – А как защелкал соловей? А кто сумеет это сделать? Ну-ка? Ну, вот и соловей почти так же щелкал...» [2].

Быть может, отдельные вопросы и задания учителя покажутся в чем-то наивными и излишне простыми, элементарными с точки зрения современной методики и общего уровня развития нынешних школьников, однако данный конспект не только вводит нас в атмосферу урока почти столетней давности, но и дает представление о том пути, который прошли методическая наука и школьная практика к современному состоянию.

Несомненный интерес вызовут у студентов, учителей, методистов и протоколы разбора уроков учениц-практиканток по чтению, которые включают в себя большей частью критический анализ самой ученицы проведенного ею урока, а также высказывания одноклассниц, мнение «госпожи

преподавательницы-руководительницы», замечания «Председателя Педагогического Совета», «госпожи начальницы гимназии» и итоговую оценку за урок, скрепленную авторитетными подписями.

Обращает на себя внимание подробный и обстоятельный анализ ученицами уроков своих одноклассниц, где методически грамотно отмечены как положительные стороны, так и недостатки урока. Воспроизведем некоторые из них. Отзыв ученицы Маразудиной (протокол №37). Тема урока: Сказка «Лиса и козел». «Была предварительная беседа, и велась она в эвристической форме. Практикантка спросила: «К какому разряду животных относится козел?». Едва ли ученики понимают слово «разряд». Один ученик сказал «попадание», практикантка не поправила его. Практикантка сама сказала, почему здесь козел назван и в каком смысле «умной головой». Нужно было с помощью наводящих вопросов добиться того, чтобы ученики сами до этого додумались. Очень хорошо было объяснено выражение «от нечего делать»: была проведена аналогия между козлом и ленивым человеком.

Практикантка иногда задавала подсаказывающие вопросы, например: «Значит, он стал с ней разговаривать, да?», «Его искали долго?». Урок, по-видимому, очень заинтересовал учеников. Каждый из них хотел ответить, и почти все поднимали руку. Практикантка также старалась вызывать отвечать на вопросы возможно большее число учеников; читать также вызывала то одного, то другого ученика; этим достигалось, с одной стороны, то, что она заставляла всех учеников быть внимательными и работать, а с другой стороны, благодаря этому урок был очень живой. Действительно, ученики были очень внимательны и

почти на все вопросы практикантки давали правильные ответы. В составлении плана ученики, под руководством практикантки, принимали деятельное участие. В оглавлении частей было соблюдено единство... Практикантка добивалась, чтобы ученики правильно читали.

Тон урока был умеренный и благотворно действовал на учеников. Кроме того, практикантка говорила ученикам: «так», «хорошо», и это заметно ободряло их. Дисциплина была хорошая. В общем, по моему мнению, урок был хороший».

Отзыв ученицы Овсянниковой (протокол №49).

Тема: Объяснительное чтение стихотворения Н.А. Некрасова «Рубка леса».

«Урок начался с чтения стихотворения самой практиканткой. Читала она плохо и невнятно. После нее начали читать ученики... В уроке практикантки были подсаказывающие вопросы, например: «Где живут муравьи, в земле?» или «Почему застонали деревья, им было больно?». Один ученик, пересказывая прочитанное, сказал: «Мужики косили сено». Выражение неправильное: косят траву, а не сено.

Непонятные слова были объяснены практиканткой верно и ясно, понятным для детей языком... В начале урока практикантка волновалась, но затем успокоилась и провела урок спокойным и ровным тоном. Мне урок, несмотря на некоторые недостатки, очень понравился!».

Высказывания «господ преподавателей» об уроках практиканток пронизаны уважением, бережным отношением к первым шагам в освоении учительской профессии. Замечания делаются в деликатной форме и носят скорее рекомендательный характер.

Приведем примеры из того же протокола №49. Мнение «госпожи преподавательницы-руководительницы»: «Жаль, что практикантка читала тихо, – чтение произвело бы совершенно другое впечатление, если бы практикантка говорила погромче; но в большинстве случаев интонации при чтении были сделаны практиканткой верно. Практикантка довольно удачно провела аналогию между скрипящим под топором деревом и страдающим человеком, который стонет от боли. Тон урока был симпатичным, ласковым. Если со стороны учеников были неудачные ответы, то это не зависело от практикантки, – она сделала для своего урока все, что могла... На меня урок произвел очень благоприятное впечатление».

Замечание «г. Председателя Педагогического Совета»: «Главный недостаток, замеченный мною в данном уроке, – торопливость. Практикантка читала торопливо, торопливо предлагала и вопросы, поэтому, может быть, ученики ее иногда не понимали... Кроме этого, я не заметил в уроке никаких существенных недостатков. Урок произвел на меня хорошее впечатление, я слушал его с удовольствием» [3].

В связи с нараставшей потребностью в квалифицированных учительских кадрах по инициативе губернатора Н.А. Сухомлинова и попечителя учебного округа Н.И. Тихомирова, а также с согласия правительства в 1915 году в Оренбурге был открыт второй учительский институт. Здесь осуществлялась не только подготовка, но и переподготовка учителей.

В 1870-е годы получил распространение еще один тип учебных заведений – это русско-«иностранческие» учительские школы, где готовились учителя для баш-

кирских, казахских, татарских начальных школ. В сентябре 1872 года была открыта в Уфе татарская учительская школа, которая в 1877 году была переведена в Оренбург (См. Ф. 264, Оп.1).

Выпускники учительских школ вели обучение детей как на родном языке, так и на русском, воспитывая уважение к языку, традициям, национальной культуре народов, населяющих Оренбургскую губернию.

Вместе с тем сложившиеся учебные заведения по подготовке учителей не могли в полной мере обеспечить образовательную систему края квалифицированными кадрами. «В 1911 году, – отмечает Ю.П. Злобин, – 77% учителей начальных школ не имели педагогического образования. Поэтому на базе педагогических и общеобразовательных учебных заведений были открыты 11 педагогических курсов, 8 из которых были одногодичными, а 3 – двухгодичными. На этих курсах получали профессиональное образование и переподготовку лица, уже работавшие учителями» [1, с. 167].

Осознание важности учительского труда в жизни не только каждого растущего человека, но и общества в целом, его настоящего и будущего способствовало совершенствованию качества подготовки учителей.

В архиве хранится первый номер рукописного журнала с символическим названием «Молодые побеги» (январь 1916), изданный ученицами 2-й Оренбургской женской гимназии, готовившей учителей начальных классов (см. ф. 86, оп. 1, ед. хр. № 117). Не случайно его завершают размышления одной из выпускниц о личности учителя как человека, осознающего «вели-

кую ответственность перед родителями, обществом и Богом».

Т.Е. БЕНЬКОВСКАЯ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Злобин Ю.П. Становление системы профессионального педагогического образо-

вания в Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // 80 лет высшему образованию Оренбуржья: Материалы науч.-практ. конф. 14-15 окт. 1999 г. Ч. II: Гуманит. секции. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1999. – С. 165-167.

2. ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Ед. хр. №63.

3. ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Ед. хр. №75.

О ПРЕПОДАВАНИИ МАТЕМАТИКИ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ОРЕНБУРГА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В истории образования в Оренбургском крае особое значение имеет период, начинающийся с 1865 года, когда из существовавшей прежде Оренбургской губернии с центром в Уфе выделилась Уфимская губерния, а уездный Оренбург стал губернским. Теперь у него появилось право иметь свою гимназию, тогда как раньше так называемая Оренбургская гимназия, основанная в 1804 году, находилась в Уфе.

В Оренбурге гимназия была учреждена в 1868 году. В 1894 году открылось Оренбургское реальное училище. Таким образом, к 1895 году город имел три средних учебных заведения: открытый еще в 1825-м Неплюевский кадетский корпус (до 1844 – Неплюевское военное училище), мужскую гимназию и реальное училище.

В Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) хранится много материалов, касающихся деятельности этих учреждений, в том числе преподавания различных учебных предметов. Основываясь прежде всего на архивных докумен-

тах, мы приводим некоторые сведения о преподавании математики в Оренбурге в конце XIX – начале XX вв.

С самого начала существования Оренбургской гимназии преподавание математики здесь велось на высоком уровне. Это засвидетельствовал, например, учившийся в гимназии с 1875 года Н. Беккаревич. Он вспоминал впоследствии [1] об оригинальном методе обучения математике, который применял Андрей Алексеевич Мешков (с 1880 года директор гимназии), добивавшийся очень хороших результатов. Бывший гимназист писал: «Сухой сам по себе предмет в его преподавании становился интересным, и мы охотно занимались им».

Уроки математики и физики в эти же годы вел Михаил Васильевич Голубков, в 1890 году получивший звание заслуженного преподавателя. С 1891-го математику в гимназии преподавал Иван Андреевич Кузменко-Кузмицкий, окончивший Московский университет с дипломом 1-й степени. Среди математиков, работавших

позднее, можно назвать Михаила Гавриловича Шкамарду и Василия Васильевича Толузакова.

С 1904 года преподавателем гимназии стал выпускник Московского университета Александр Онуфриевич Киселев. В 1906 году он организовал Оренбургские высшие курсы, или Оренбургский вольный университет, просуществовавший, правда, недолго. Наряду с историко-филологическим и юридическим здесь числился и физико-математический факультет [2].

В Оренбургском реальном училище также работали математики, имеющие университетское образование. Среди них следует назвать Николая Михайловича Морозова, выпускника Киевского университета, который в 1903 году был переведен в Кунгурское техническое училище, а позднее стал директором Оренбургской мужской гимназии.

В 1903 году преподавателем математики Оренбургского реального училища был определен только что окончивший Московский университет с дипломом 1-й степени Николай Николаевич Шемянов (1877-1959). Этот талантливый педагог организовал математический кружок для учащихся старших классов училища. В 1906-м под его редакцией начали выходить «Записки» этого кружка, которые и в наши дни привлекают внимание методистов. «Записки математического кружка при Оренбургском реальном училище» продолжали издаваться и после отъезда Н.Н. Шемянова из Оренбурга. В 1909-м он был переведен во Владимирское реальное училище, где работал до 1930 года, когда переехал в Ярославль. Здесь он работал до своей смерти в 1959 году. Н.Н. Шемянов стал кандидатом педагогических наук, до-

центом и заведовал кафедрой методики математики Ярославского педагогического института им. К.Д. Ушинского.

В 1910 году на должность директора Оренбургского реального училища был назначен математик К.А. Торопов (1860-1933) [3]. Он окончил в 1883-м физико-математический факультет Петербургского университета, где под руководством профессора К.А. Поссе написал магистерскую диссертацию на тему «Интегрирование алгебраических иррациональных дифференциалов в конечном виде (частный случай)».

Из-за своей «политической неблагонадежности» он не сразу был допущен к преподавательской деятельности, которую начал в 1886 году в Пермской гимназии. Затем он работал в Красноуфимском промышленном училище (1890-1892 гг.), в Пермском реальном училище (1892-1900 гг.) в Таганрогском техническом училище (1900-1908 гг.), в Белебеевском реальном училище (1908-1910 гг.). Все это время он продолжал творческую работу и опубликовал ряд научных статей. В Оренбурге К.А. Торопов оставался до конца жизни и в последние годы был профессором Оренбургского педагогического института.

В реальном училище К.А. Торопов совмещал директорские обязанности с преподаванием математики. Он возродил издание «Записок математического кружка при Оренбургском реальном училище», где опубликовал несколько методических статей. Он был автором нескольких учебников и пособий по математике для средней школы. Еще в 1894 году в Перми им был опубликован «Краткий курс тригонометрии», в котором излагался оригинальный подход к теме «Решение треугольников». Методика изложения этой темы получила развитие в небольшой книжке «Магический ряд и при-

менение его к решению задач», первое издание которой появилось в Таганроге, когда К.А. Торопов еще работал там, а второе – в Оренбурге в 1911 году. Впоследствии методика, разработанная Тороповым, была включена в курс тригонометрии С.И. Новоселова под названием «Общий принцип Торопова решения треугольников».

Г.П. МАТВИЕВСКАЯ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Беккаревич Н. Оренбургская гимназия старого времени. – «Русская старина». – 1903, ноябрь. – С. 401-417.
2. Обзорение преподавания наук на Оренбургских высших курсах А.О.Киселева. – Оренбург, 1907.
3. Столяров Н.А. Константин Александрович Торопов. – Математика в школе. – 1955. – №1. – С. 70.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.Я. СТРУМИНСКОГО И «ЧАСТУШКИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ» (1921 г.)

Василий Яковлевич Струминский (1880-1967) – выдающийся теоретик и историк педагогики. Его имя хорошо известно оренбургским преподавателям и студентам педуниверситета, так как он был одним из организаторов и первым директором Института народного образования в Оренбурге с 1919 по 1926 год [1]. В нашем городе были изданы в начале 1920-х годов и его первые педагогические труды. Затем В.Я. Струминский работал заведующим кафедрой педагогики Казанского педагогического института. С 1932 года его деятельность была связана с Академией педагогических наук. Он обратился к проблематике истории педагогики, занимался историей русской школы и педагогической мысли. Важнейшей научной заслугой ученого является публикация педагогического наследия русских педагогов и в первую очередь К.Д. Ушинского. Он провел

большую текстологическую работу над его произведениями, открыл ряд неизвестных рукописей. В.Я. Струминский подготовил к печати наиболее полное и систематичное собрание сочинений Ушинского в 11 томах (1948-52), ввел в научное обращение архив Ушинского в 4 томах (1957-62).

Особое внимание в своей научной работе ученый уделял источниковедческим и историографическим аспектам, публикации материалов с развернутыми комментариями. В этом проявился его профессиональный подход историка. В 1903 году он окончил историческое отделение Московской духовной академии. В.Я. Струминский преподавал историю в духовных семинариях Перми и Оренбурга, а в светских учебных заведениях – Пермской женской гимназии и Оренбургском учительском институте – вел еще педагогику и психологию. Эти три области

знания – история, педагогика и психология – нашли отражение и в его краеведческой деятельности.

В Перми он служил в губернском статистическом комитете, был членом Губернской ученой архивной комиссии. Как известно, костяк этих дореволюционных краеведческих обществ составляли преподаватели духовных и светских учебных заведений. Работая в Перми, В.Я. Струминский основное внимание уделял церковному краеведению: изучал житие святого Трифона Вятского, хранившееся в библиотеке Пермской духовной семинарии, и подготовил его к изданию. Молодой церковный историк провел текстологический анализ, сравнил с другими опубликованными редакциями, поставил вопрос о точном времени написания жития.

Основной целью церковного краеведения в России, переживавшего свой подъем на рубеже XIX-XX вв., было изучение истории епархий, что определяло его тематику. Это описания монастырей, церквей, приходов, сел, местных церковных святынь, церковного искусства, биографии выдающихся представителей местного духовенства; публикации архивных документов и пр. Основная часть краеведческого материала публиковалась в местных краеведческих изданиях, прежде всего в «Епархиальных ведомостях» [2].

Так, и В.Я. Струминский в 1904 году подготовил для «Пермских епархиальных ведомостей» несколько публикаций, в основном посвященных церковной истории края. Но тогда же в нескольких номерах печатается и его первое исследование нравственно-педагогического характера «Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном». В трудах

же Пермской ученой архивной комиссии В.Я. Струминский помещает ряд источниковедческих, историко-лингвистических и этнографических статей, как, например, «Любопытный месяцеслов на 1780 г.», «К вопросу о происхождении слова “чудь”», «Число теплярей и бобылей по 8 и 9 ревизии в Пермской губернии» и др [3].

Таким образом, молодому исследователю уже в пермский период деятельности была свойственна широта научных интересов, а также смелость мышления, далеко выходящая за рамки традиционного для людей его круга мировоззрения [4].

В 1907 году В.Я. Струминский переехал в Оренбург и стал преподавать историю в духовной семинарии. Тогда же был принят в действительные члены Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК). Тщетно мы пытались найти сведения о его работе в данном качестве в «Трудах» и протоколах ОУАК. Удалось лишь установить, что он был членом редакционного комитета Комиссии. Лишь в последнем, XXXV выпуске, случайно встретилось его имя, не указанное, однако, в оглавлении. В разделе «Этнография» была напечатана статья члена Комиссии П.П. Ходырева «Из киргизских поверий», предисловие же к ней было написано В.Я. Струминским [5]. Проблема ставится им гораздо глубже, чем автором статьи, так как анализируется не столько с этнографической точки зрения, сколько с позиций психологии, раскрываются особенности психики человека, далекого от цивилизации. Эта публикация содержит в себе интересный опыт исследования в области этнопсихологии – актуальной современной науки.

Основная мысль заключалась в том, что народные поверья и обряды являются не просто «этнографическим курьезом», а вы-

ражением народного мирозерцания, составившего основу поведения людей. Распространенная ошибка исследователей, по мнению В.Я. Струминского, состоит в том, что объяснение тому или иному верованию давалось не применительно к психике примитивного человека, а с точки зрения уже развитого во всех отношениях культурного человека. Примитивный же человек всецело погружен еще в эту полусознательную, не контролируемую «светом высшего сознания», сферу психической жизни. Необходимо попытаться усмотреть то простейшее душевное движение, которое могло привести к тому или иному поверью.

Далее автор предисловия вводит читателя в основы психологии подсознательно-го, выделяя основные принципы, которые лежат в основе психики как примитивных, так и цивилизованных людей. На этих принципах основана и древняя магия. Он приводит примеры, которые делают его мысль понятной. В.Я. Струминский убеждает, как важно этнографу уловить то первоначальное психическое движение, которое лежало в основе суеверия: сделать это – значит, понять его подлинную, ничего общего с суеверием не имеющую «психологическую подкладку». С этих позиций он обстоятельно анализирует и систематизирует описанные Ходыревым поверья оренбургских киргиз (казахов). Заканчивается предисловие пожеланием, чтобы собиратели народных поверий и обрядов не ограничивались одним только стремлением собрать и записать то, что «само дается в руки», но ставили бы себе и более плодотворную задачу отыскания недостающих звеньев собранного ими отрывочного материала, усматривали в нем непосредственные психические побуждения.

В другом своем сочинении он с позиции психологии анализирует современное художественное творчество. Его книга «Модернизм в современном художественном творчестве как психическое явление» была издана в Оренбурге (типография Мильберг) в 1909 году и хранится сегодня в библиотеке им. Н.К. Крупской. По-видимому, биографам ученого это раннее исследование до сих пор не известно, так как в его библиографии оно не упоминается.

В.Я. Струминский был одним из образованнейших людей в Оренбурге, поэтому нет ничего удивительного в том, что его – бывшего преподавателя духовной семинарии – назначили организатором Института народного образования. С этого времени (1919) вся его научная и практическая деятельность была подчинена исключительно педагогике. В 1920-е годы на оренбургском опыте он разрабатывал проблемы теории и практики единой трудовой школы II ступени, в том числе вопросы содержания образования в рамках комплексной системы обучения, а также политехнизма, дифференциации образования и др. В Кириздате выходят первые его труды, в некоторых из них он использует краеведческий материал, как, например, «Опыт словаря к жаргону оренбургского школьника I ступени».

В сентябре 1921 года ГУС (Государственный ученый совет Наркомпроса) провел съезд Губоно в Москве. В «Тезисах к докладу Съезда Губоно о выработанных программах для единой трудовой школы I и II ступени» указывалось, что «исходным пунктом должно быть изучение родного края» [6]. В соответствии с указаниями ГУСа директор оренбургского

ПИНО (практического института народного образования) В.Я. Струминский в 1922 году разработал «Настольную книгу для работника просвещения трудовой школы» [7], а в 1923 году издал новые два выпуска. В эти же годы появились еще два его труда: «Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма» (1923) и «Хрестоматия по основным вопросам теории и практики трудовой школы» (1924).

Но в 1921 году здесь же, в Оренбурге, издается книга, казалось бы, совершенно не соответствующая тому серьезному имиджу ученого-педагога, который уже приобрел Василий Яковлевич. Это – «Частушки Оренбургского края». Сегодня эту книгу (136 с.) можно увидеть и в Российской государственной библиотеке в Москве. Первоначально она была опубликована в первом выпуске «Трудов Общества изучения Киргизского края» в разделе «Этнография». Попытаемся понять, почему вдруг В.Я. Струминский обратился к теме народных частушек.

После Октябрьской революции начался новый важный этап в развитии нашей страны. Первое десятилетие новой власти совпало с уникальным явлением в научной и культурной жизни России, именуемым «золотое десятилетие» краеведения [8]. Повсюду стали образовываться краеведческие общества – как правило, на базе бывших губернских архивных комиссий. В этот период формировались основы советской культуры, складывалась советская идентичность. Перед правительством большевиков встала задача культурной модернизации национальных окраин. Поэтому краеведческое общество, воз-

никшее в 1920 году в Оренбурге – тогдашней столице Казахстана (Киргизской АССР) – получило название «Общество по изучению Киргизского края».

Особенно плодотворной в оренбургский период [9] была деятельность историко-этнографического отдела ОИКК. Следуя своей главной цели, записанной в уставах 1920 и 1923 годов, – изучению Киргизского (Казахского) края, оренбургские краеведы сосредоточили все свое внимание на этнографических исследованиях. Ярким примером является знаменитый Красный караван ЦИК КАСССР (1922), в котором приняли участие члены ОИКК, в том числе этнограф А.А. Четыркина (учитель по профессии), собравшая многочисленные этнографические материалы [10]. В 1924 году Общество даже стало организатором Киргизского отдела для Международной художественной выставки в Париже [11]. ОИКК широко использовало богатый опыт бывшего члена ОУАК А.А. Диваева [12]. Он присылал в Оренбург свои материалы по казахской этнографии и фольклору [13]. Следуя этому примеру, сбором казахского фольклора занялся и член Общества А.Л. Мелков [14], который по своему основному роду деятельности, как и В.Я. Струминский, был работником системы просвещения. Следует вспомнить и А. Затаевича с его «1000 песен киргизского народа (напевы и мелодии)» (Оренбург, 1925). Поэтому не случайно «Частушки Оренбургского края» были первоначально опубликованы именно в «Трудах Общества по изучению Киргизского края».

Однако в них содержался не казахский, а русский фольклор. Понятно, что, считая себя преемником ОУАК и Оренбургского отдела Географического общества, ОИКК

рассматривало поле своей деятельности значительно шире собственно Казахской АССР. Традиционно исследовательская деятельность его членов должна была охватывать и русские территории, изучать славянские народности обширного некогда Оренбургского края. Тем более, как неоднократно упоминалось в отчетах Общества, на далекие экспедиции средств не хватало, и зачастую краеведческую работу приходилось вести в окрестностях Оренбурга и ближайших уездах.

Главная же причина появления «Частушек» Струминского видится все же в другом. После Октябрьской революции наиболее широко в устной поэзии была представлена именно частушка. В начале 1920-х годов в рамках начавшейся политизации культуры формируется новое понимание устного народного творчества, отражающего мировоззрение народа. Фольклор представлял собой ценный источник, отражающий этапы классовой борьбы и настроение масс. Позже при Академии наук (Институте антропологии и этнографии) будет даже создана так называемая Фольклорная комиссия. Сбором и обработкой частушек, песен, примет, пословиц и поговорок «на злобу дня» занимались и краеведческие общества. Эти материалы должны были ориентировать читателя на нужные идеи и настроения в области социальных отношений и отражать принципы социалистической культуры. Лаконичный и простой язык частушек той поры позволял использовать их в виде своеобразных агиток. Частушечные мотивы, как мы помним, были популярны и в поэзии тех лет. И не только у «пролетарских поэтов» – В. Маяковского и Д. Бедного, но и в творчестве В. Хлебникова, А. Блока – в той же поэме «Двенадцать».

В 1920 году был учрежден Истпарт (Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и партии), формально включенный в состав Наркомпроса. Местные отделы Истпарта на основании Инструкции отдела ЦК РКП (б) указывали исследователям главный ориентир: изучение революционного движения [15]. В соответствии с требованиями Истпарта и при сборе фольклорных материалов Общество по изучению Киргизского края первостепенное значение должно было уделять тематике освободительного движения в крае [16].

Насколько полно все эти задачи удалось реализовать В.Я. Струминскому? Прежде всего, частушки Оренбургского края собирались целенаправленно – именно периода революции и гражданской войны, всего 1430. Помогали ему студенты Археологического института и рабфака – 40 человек, причем всех их Василий Яковлевич называет поименно в примечании. Говоря о практической значимости проделанной работы, он пишет: «Автор остается в уверенности, что начатое собрание даст много интересного материала не только историку литературы и эстетику, и стихотворцу, которые могли бы отметить здесь изумительные аллитерации и ассонансы и притом совершенно естественные, а не надуманные, как это имеет место у большинства современных поэтов, оригинальные рифмы, образы и т.п. Но и историку общественного движения, показавшему, как в различных слоях народной массы отражаются и преломляются современные события» [17].

Собранный материал был классифицирован по разделам: «Ближайшая современность», «Освещение современ-

ности с точки зрения контрреволюционной», «Революционное освещение современности», «Борьба обеих сторон», «Переживания личности в условиях современности», «Любовь в условиях современности». Особенно интересен, по мнению Струминского, раздел «Ближайшая современность». В нем отражались такие новые явления общественной жизни, как спекуляция, дезертирство, последствия старого режима и даже героика революции. «Во всех этих отношениях, – пишет он в заключении, – частушка представляет большой интерес для исследователей, и обычное брезгливое отношение к ней, как продукту вырождения старой художественной песни, – явление ничем немотивированное». И вновь он обращается к психологии: «Частушка вводит нас в самую лабораторию [народного] творчества и раскрывает перед нами многие темные и не разъясненные стороны этого рода психической деятельности».

Обратимся теперь непосредственно к содержанию книги. Несмотря на то, что материал для нее собирался среди населения Оренбургского края, здесь представлены мотивы, популярные в целом по стране. Как, например, частушка с зачином «Эх (ах), яблочко», наиболее распространенная в период войны, или «Я на бочке сижу». Обе они, как и многие другие, известны своими многочисленными вариантами. Простота формы приводила к большой легкости переработки, при которой путем замены одного-двух слов достигалось коренное изменение всей политической направленности произведения в целом: /Я на бочке сижу, а под бочкой мышка, скоро кончится война, и буржуйам крышка\ – /Я на бочке сижу,

бочка вертится, записался к Петлюре, Махно сердится\; /Ах, яблочко укатилось, буржуйская власть провалилась\ – /Ах, яблочко покатилося, советская власть воротилась\ . В последнем варианте присутствует и оренбургская подоплека – известно, что в Оренбурге советская власть устанавливалась дважды.

В сжатой и откровенной форме передается настроение казачества на различных этапах революции и гражданской войны: /Мы не большевики и не кадеты, мы – казаки-нейтралитеты\; /Золотистый сорок раз, коммунисты грабят нас. Ах, комиссары, что за нация, кругом грабеж и спекуляция\; /Кадет молодой, какой беленький, удирай за границу, пока целенький\ . Подобная частушка сложилась и в среде кубанского казачества: /Кадет молодой, погон беленький, не ходи ты на Кубань, пока целенький\ .

Нас, конечно, в большей степени интересует краеведческий аспект в «Частушках» В.Я. Струминского: /Дутов ездил за границу, а Дутиха в Петроград. Дутов продал всю столицу, а Дутиха – весь Форштадт\; /От Оренбурга мы отступали, а пятки все салом натирали, кто повыше чином, тот погрузился, а кто пониже, пешком пустился\; /Раньше был извозчик, ездил в городе Уфе, а теперь я комиссар, ношу френч и галифе\ . В 1919 году улицу Николаевскую в Оренбурге переименовали в Советскую – и появилась частушка: /Я теперь не прачка, белье не стираю, хожу по Советской, глазками стреляю\ .

Больше всего частушек помещено в разделе «Освещение современности с точки зрения контрреволюционной». Если бы не этот заголовок, то содержание представленного здесь «народного» восприятия

большевистской власти выглядит открытой антисоветчиной. Скорее всего, так и было. Именно советская власть оставила наиболее глубокий след в исторической памяти и сознании людей, давала больше всего поводов для возмущения. Не случайно в конце 1920-х годов, в период разгрома краеведения, многих собирателей фольклора обвинили в контрреволюционной деятельности. В.Я. Струминский, к счастью, избежал этой участи – ОИКК уже давно было в Казахстане, и репрессии настигли краеведов именно там, а Василий Яковлевич в то время работал в Казанском пединституте. Ввиду этих причин про «Частушки», вероятнее всего, забыли, и экземпляры книги сохранились в библиотеках.

В представленном здесь материале высмеивается советская власть, отражается неверие населения в ее долговечность, демонстрируется корысть «комиссаров», нравственная распущенность, их стремление к «красивой жизни» и бессмысленному насилию, нежелание заниматься физическим трудом и вообще какой-либо созидательной деятельностью. Характерно, что практически все представленные в разделе частушки имеют общий зачин, свидетельствующий о полной смене жизненных ориентиров, коренном перевороте в сознании бывших плотников, извозчиков, дворников и пр., получивших власть над другими людьми: /Раньше не было того, что теперь творится, комиссарам разрешают тридцать раз жениться\; /Раньше был сапожник, подбивал подметки, а теперь я комиссар – езжу на пролетке\; /Раньше был я смазчик, смазывал вагоны, а теперь я комиссар – срываю погоны\; /Раньше был я пастухом, пас свиней со свистом, а теперь

в Совете первым коммунистом\; /Раньше был я плотник, делал я скамейки, а теперь я комиссар Уголовной линейки\; /Раньше был я трубочист, очищал я трубы, а теперь я коммунист – отбираю шубы\.

Да и в разделе «Революционное освещение современности» новая власть выглядит не лучшим образом. Остается только гадать, кого же подразумевал автор в предисловии под «героями революции»? Во всяком случае, в народном восприятии они выглядят так: /Окна бьем, ворота мажем, а буржуям мы покажем!\; /Мы умеем молотить, умеем подмолачивать, буржуям головы крутить, карманы выворачивать\.

Основная же тема здесь – антирелигиозная, антицерковная. Каково было В.Я. Струминскому, выходцу из духовного сословия, с академическим образованием, изучавшему когда-то тексты житий святых, готовить к публикации следующее: /По России прошел слух – Серафим святой протух\ и пр.?

Не стоит, однако, драматизировать личное восприятие Струминским того крушения традиционных нравственных ценностей и социального распада, происходивших у него на глазах. Он был прежде всего ученым и к данному объекту своего исследования подходил с философской точки зрения. Такая позиция спасла многих представителей старой русской интеллигенции и позволила им выжить не только физически, но и выстоять духовно. В чем-то они перестроились в силу сложившихся обстоятельств, в чем-то даже изменили своим прежним убеждениям и впоследствии смогли занять достойное место в новой советской науке.

«Частушки Оренбургского края» являются уникальным источником истории повседневности периода революции и

гражданской войны. Они отражают череду бедствий, хаос власти, надежды и страхи, смену мировоззрения и поведенческих моделей «маленького человека», запечатленных в обыденном сознании целого поколения. В преддверии создания «большой истории», перенасыщенной «красными» мифами, примитивный человек (по давнему выражению Струминского) рассказал свою историю, распевая частушки в Оренбурге и других городах страны.

* * *

В 1926 году Василий Яковлевич покинул наш город, и Оренбург остался для него в далеком прошлом. Прошло много лет, и в 1952 году ему – члену-корреспонденту АПН СССР – предложили выступить оппонентом диссертанта из Оренбургского (Чкаловского) пединститута – А.И. Шульчева. К оренбургскому коллеге и его диссертации он отнесся с большим вниманием – возможно, испытал чувство ностальгии по тому времени и тому городу, где прошли молодые годы и начиналась его научная карьера. Составленный им отзыв включал 12 машинописных страниц и был обнаружен недавно в семейном архиве Шульчева. Особенно была выделена работа соискателя с архивными документами – первоисточнику В.Я. Струминский, как мы видели, всегда придавал ведущее значение. В этой же папке оказалось письмо, написанное в начале января 1959 года. Характерно забытое уже тогда обращение, которое было общепринятым в дореволюционные времена, – «многоуважаемый». Так академик обращается к работнику провинциального пединститута:

«Многоуважаемый Александр Иванович! ...Слышал давно уже, что Вы хворали. Для Вас в Вашем возрасте это рано. Я тоже хворал и хвораю. Но полагаю, что мне это

простительно по моему затянувшемуся возрасту... Что касается новостей в педагогическом мире, то их еще ждут и в ожидании пока что ничего не делают или делают вид, что делают. После парт'съезда [XXI], которого все ожидают с нетерпением, станет ясно, что и как нужно делать. В нашем секторе от нетерпения что-то все же делать созрел предварительный план /точнее – мысль о плане/ написания многотомной истории педагогической мысли и школы. По этому вопросу состоялся съезд группы педагогов из разных мест, и обменивались мнениями. В необходимости какой-то серьезной работы по истории педагогики согласны все, но над планом нужно еще серьезно работать, так как проспект плана, созданный поспешно, дает только намек на то, что должно быть сделано...» Тем не менее он выслал Шульчеву проспект и предложил ему сделать «соответствующие заявки».

Такие неожиданные находки хотя и не содержат в себе какой-то важной информации, но позволяют представить В.Я. Струминского как человека, прожившего долгую яркую жизнь ученого и на склоне лет не утратившего ни человеческих качеств, ни работоспособности в науке.

Т. И. ТУГАЙ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Оренбургский государственный педагогический университет. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. – С. 27, 180, 181.
2. К примеру, «Оренбургские епархиальные ведомости» выходили с 1873 года два раза в месяц.
3. См.: enc.permkultura.ru/showObject.do...
Автор рубрики – Е.Н. Шумилов.

4. Так, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в СПб. нам довелось обнаружить письмо В.Я. Струминского (1905) редактору «Исторического вестника» С.Н. Шубинскому. Он намеревался опубликовать статью о Юлиане Отступнике (Юлиан Флавий Клавдий – римский император (361-363), почитатель платонической философии, за обращение из христианства в язычество получил у церковных историков прозвище Отступник). Струминский пишет, что статья имеет целью в популярном очерке дать по возможности живую картину церковно-исторической жизни времен Юлиана Отступника. В духовном же издании статья не может появиться «единственно потому, что проводит не принятый в духовной литературе взгляд...» (ОР РНБ. Ф.874. Оп. 1. Шифр 102. Л. 218-219).

5. См.: Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Выпуск XXXV. Под ред. Редакционного комитета. – Оренбург: Типография Тург. обл. управы, 1917. – С. 189-194.

6. ГАРФ. Ф. А-298. Оп.2. Д. 33. Л.380-381а

7. Струминский В.Я. Настольная книга для работника просвещения трудовой школы. Вып. 1: Принципы и методы работы. – Ор-г, Киргизиз-

дат, 1922. – 191 с.

8. См.: Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения//Отечество: Краеведческий альманах. – М., 1990. – С. 11-27.

9. В 1925 году с переносом столицы Казахстана ОИКК было переведено в г. Кзыл-Орда.

10. Ахметова С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане. – Алма-Ата, 1982. – С. 87.

11. ГАРФ. Ф. 2307. Оп.8. Д.274. Л.29.

12. В годы советской власти А.А. Диваев стал одним из организаторов и профессором Среднеазиатского государственного университета и Восточного института в Ташкенте.

13. См.: Тр. О-ва изучения Киргизского края. – 1922. – Вып. 1. – С. 117-126; 1922. – Вып. III. – С. 127-130, 131-137, 138-141.

14. Мелков А.Л. Материалы по киргизской этнографии. Киргизские сказки. / Тр. ОИКК. 1922. – Вып. III. – С. 142-182; 1924. – Вып. VI. – С.1-28.

15. ЦДНИ ОО. Ф.7924. Оп.1. Д.1. Л.1-23; Д.16. Л.1-9; Д.17. Л.1-3.

16. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 274. Л. 31.

17. Струминский В.Я. Частушки Оренбургского края. – Ор-г, 1921. – 136 с.

ИСТОРИКО-ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ОРЕНБУРГСКО- КАЗАХСТАНСКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА*

Оренбургско-Казахстанский трансграничный регион (ТГР) появился в 90-е годы XX в. после распада СССР по обе стороны самой протяженной в мире российско-

казахстанской границы, он состоит из Оренбургской области и трех прилегающих казахстанских областей: Западно-Казахстанской, Актюбинской и Костанайской [3].

Этническая трансграничность играет особую роль для постсоветского пространства. Так, появившаяся государственная граница рассекает единый этнокультурный Оренбургско-Казахстанский ТГР (например, земли Уральского казачества оказались в пределах Казахстана и Оренбургской области).

Приграничная полоса формально проведенной российско-казахстанской границы имеет сходные черты: смешанное население, однотипные культурные ландшафты, схожая планировка селений, менталитет и др.

Для региона характерна пестрая этническая и конфессиональная мозаика. С одной стороны, население региона многонационально, с другой – представляет собой толерантную территориально-культурную общность, обладающую региональной целостностью.

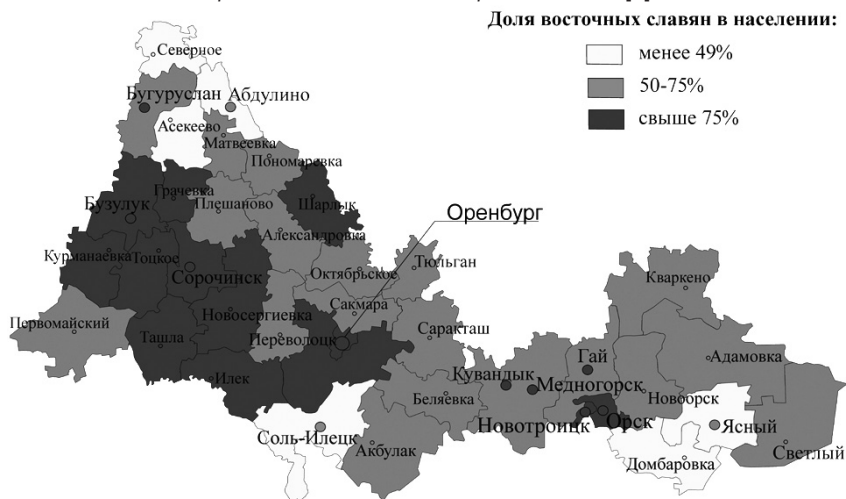
В регионе в настоящее время проживают представители свыше 100 национальностей. Более подробно остановимся на восточных славянах (русских, украинцах, белорусах).

Восточные славяне появились в регионе позже калмыков, башкир, казахов: в 1717 году доля восточных славян составляла около 15%, однако вскоре их численность стала быстро расти. В 1747 году доля восточных славян увеличилась до 35%, в 1795 году – до 37%, в 1850-м стала составлять свыше 50%, в 1897 – 73% [1, 2, 4, 10, 12, 16, 18-20, 26]. В настоящее время доля восточных славян в Оренбургской области составляет чуть более 73% [9], в Западно-Казахстанской области – 27,5%, в Актюбинской области – 18,8%, в Костанайской – 53,5% [5].

Доля восточных славян в Оренбургской области снижается к югу, что хорошо видно из картосхемы (рис. 1), а в Казахста-

Рисунок 1

Доля восточных славян в Оренбургской области
Картосхема составлена автором на основе [9].

Доля восточных славян в Западно-Казахстанской области.
Картосхема составлена автором на основе [6].

Доля восточных славян в населении:

- менее 20%
- 20-40%
- свыше 40%

не увеличивается к северу, это можно увидеть на примере Западно-Казахстанской области (рис. 2), где основная часть восточных славян сосредоточена в историческом центре Уральское казачье войско – близ города Уральска.

Историческое ядро восточных славян составляло казачество. На территории Оренбургско-Казахстанского ТГР было два казачьих войска: Яицкое (Уральское) и Оренбургское.

Яицкое возникло в XVI в. из состава беглых людей. В 1586 году несколько сот казаков пришли на реку Яик. Здесь, напротив реки Илек, они построили город – Илецкий городок (с. Илек). Число казаков быстро росло. С 1591 года их стали называть яицкими казаками. В начале XVII в. они обосновались на месте

современного Уральска. После восстания Е. Пугачева Яицкое казачье войско было переименовано в Уральское.

Оренбургское казачье войско в отличие от Яицкого было создано правительством искусственно и в более позднее время – в 1755 году [21]. Воинская служба казаков обходилась казне значительно дешевле, чем содержание регулярной армии. Начало Оренбургскому казачьему войску положили самарские и уфимские казаки [20].

Для казаков было характерно равенство прав, атаманы и старшины избирались народом, проводились круги, или совещания, где общественные дела решались большинством голосов, не принималось никаких письменных постановлений – черты управления в основном пришли с Дона [14].

Сразу после рождения казака сажали на коня и проводили по кругу во дворе. С семи лет казак обязан присутствовать на круге, но до совершеннолетия он не имел права голоса. Символом полноты прав казака была шашка, которая вручалась казаку стариками в 17 лет (за особые заслуги – раньше). Серьги у мужчин означали его роль и место в роду. Единственный сын у матери носил серьгу в левом ухе. Последний в роду, где нет кроме него наследников по мужской линии, – серьгу в правом ухе. Две серьги – единственный ребенок у родителей. Командир при равнении налево и направо видел, кого следует беречь в бою.

Русские появились в регионе в XVI веке. Основными причинами массовых переселений были безземелье, крепостнический гнет, насильственная христианизация и др.

О происхождении этнонима «русские» (в конце XIX – начале XX вв. русских называли великорусами, великороссами) нет единого мнения. Некоторые связывают его с названием реки Рось, притока Днепра, другие – с именем славянского племени россов (росичей, родиев) [17]. Этноним, возможно, возводится к древнеисландскому слову *Rorsmenn* («гребцы, мореходы») или индоарийской основе *ruska, russa* — «светлый», «белый».

Русские в исследуемом регионе, как и остальные восточные славяне, отличаются высокой степенью пигментации в связи с большой смешанностью населения, тогда как в северных районах России они русоволосые и серо-голубоглазые [23].

Русские селения издавна отличались четкой правильной планировкой в отличие от татарских, чувашских и черемисских сел, которые были построены безо всякого порядка [18].

Основным занятием русских, как и всех восточных славян, было земледелие (культивирование злаковых), все остальные хозяйственные занятия (животноводство, пчеловодство, рыболовство) были лишь подсобными способами обеспечения жизни. Это характерно и для современных селян.

Первые статистические данные об украинцах появляются в 1747 году. В Оренбургском казачьем войске их насчитывалось 1 300 человек. Много украинцев селилось в казачьих станицах Уральского казачьего войска, арендуя казачьи земли. Особенно интенсивно шел приток украинских переселенцев в районы Тургайской области, которые вошли позднее в состав Оренбургской области [15].

Основой этнонима «украинцы» стал термин «краина», «край», которыми обозначалась часть древнерусских земель, позднее получивших название «Украина».

Украинцы, как и русские, сыграли важную роль в хозяйственном освоении края. Земледельческое украинское население, «особенно склонное к этому типу владения», принесло с собой высокую культуру земледелия. Их хозяйства отличались использованием удобрений (зола, навоза) и рациональной сменой растений [8]. Украинцы стали развивать в степях свиноводство, бахчеводство. В отличие от русских и белорусов, предпочитавших выращивать рожь и картофель, украинцы сажали просо, пшеницу, подсолнечник, кукурузу, свеклу, хрен, редьку. Среди русских крестьян главным овощным растением до XIX в. оставалась репа, украинцы же имели широкий набор овощных культур. Они выращивали на продажу чеснок, лук,

арбузы, тыкву и др. [24, 25]. Получать масло из подсолнечника украинцы научились у русских [8].

Зерно украинцы мололи не только из пшеницы, но и из гречихи, проса, ячменя. Хлеб до появления металлических форм украинцы выпекали на капустных листьях.

Интересен тот факт, что приехавшие в регион украинки не вязали, они научились искусству вязания позже под влиянием местных традиций. В то же время украинки отлично пряли. У русских они заимствовали также изготовление вяленой обуви, необходимой в суровые зимы [8].

Появление белорусов в губернии датируется XVIII в. [11]. В 1739 году вышел указ, повелевающий принимать в Оренбургский край белорусов [1]. Белорусы в переписях населения до конца XIX в. не выделялись как отдельная группа населения и относились к русским, при последующих переписях белорусы представлены как национальное образование. Большое количество их было выселено царским правительством в Казахстан [7]

Отличительной чертой белорусского народного костюма является широкое распространение белого цвета. С этой особенностью некоторые исследователи даже связывают этноним «белорус».

У белорусов было распространено примачество: при отсутствии сыновей принимали в дом зятя-примака, обычно бедняка.

У восточных славян ребенок до определенного возраста считался как бы бесполом существом. К младенцам применялись слова среднего рода (например, дитя). У восточных славян существовал обычай, что характерно и для современности, говорить о младенце независимо от пола в мужском роде: «он», «ребенок» и

т.д. Наделению ребенка признаками пола у восточных славян был посвящен обряд пострига, сохранившийся до настоящего времени, который совершался через год после рождения ребенка [22].

Образ жизни православных, мусульманских, католических, иудейских и других народов различается. Безусловно, они многое переняли друг у друга, но все равно сохранили при этом самобытность. По мнению многих исследователей, стремление сохранить для будущих поколений этническую самобытность – одна из главных задач современности.

Поскольку для многих трансграничных регионов характерны проблемы, актуально изучение региона, представляющего пример стабильности и толерантных межэтнических отношений.

И. Ю. ФИЛИМОНОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

* Материал подготовлен при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Оренбургской области (№ гранта 10-01-81105а/у)

1. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1-2. – 2-е изд. – Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1897. – 630 с.
2. Географический атлас Товарищества «Просвещение», под редакцией магистра геологии С.Н. Никитина, СПб.: Типо-литография Книгоиздательского Товарищества «Просвещение», 1896. – 237 с.
3. Герасименко Т.И. Этнокультурное развитие трансграничных регионов. Автореф. дисс. ... докт. географ. наук. – СПб., 2005. – 42 с.
4. Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. – СПб., 1837.

5. Демографический ежегодник регионов Казахстана (стат. сборник) – Агентство РК по статистике. – Алматы, 2007.
6. Итоги переписи населения 1999 года по Западно-Казахстанской области: Т. 2. – Алматы, 2001. – 151 с.
7. Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. География населения СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 280 с.
8. Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки/Под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ОАО «ИПК «Южный Урал», 2007. – 288 с.
9. Национальный состав населения Оренбургской области: Статистический сборник/Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области – Т. 1. – Оренбург, 2004. – 147 с.
10. Николаев О.В. Религиозные объединения Оренбургской области (история, становление и развитие)//Христианство и ислам на рубеже веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998. – С. 291-294.
11. Пархамович В. Белорусы на Южном Урале//Жизнь национальностей Оренбуржья. – Информационный вестник. – 1997. – №6. – С. 40-41.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния./Под ред. Н.А. Троицкого. – Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией, 1904. – 175 с.
13. Пистоленко В. Из прошлого Оренбургского края. – Чкалов: Издательство «Чкаловская коммунна», 1939. – 152 с.
14. Пушкин А.С. История Пугачевского бунта//Полное собрание сочинений А.С.Пушкина. Проза. Т. II. Петроград. Издание Акционерного Общества Издательского Дела «Копейка», 1914. – С. 313-369.
15. Рагузин В.Н. Роль религиозного фактора в межнациональных отношениях. – М.: Изд-во РАГС, 1998. – 98 с.
16. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Уфа: «Китап», 1999. – 312 с.
17. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. – 640 с.
18. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Оренбург: Изд. в Типографии Оренбургского Губернского Правления, 1859. – 464 с.
19. Чернавский Н. Архивная ученая комиссия (Оренбургская). Труды Оренбургской ученой Архивной комиссии. Вып. 7. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Вып. 1. Исследование Н. Чернавского. – Оренбург: Типография Оренбургской Духовной Консистории, 1900. – 352 с.
20. Чернавский Н. Архивная ученая комиссия (Оренбургская). Труды Оренбургской ученой Архивной комиссии. Вып. 10. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Вып. 2. Исследование Н. Чернавского. – Оренбург: Типография Оренбургской Духовной Консистории, 1901-1902. – 1064 с.
21. Энциклопедический словарь. Т. 26. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон 1890 г. – Ярославль: Изд. центр «Терра», 1991. – 181-962 с.
22. Этнические стереотипы мужского и женского поведения/Отв. ред. А.К. Байбурин, И.С. Кон. – СПб.: «Наука», 1991. – 319 с.
23. Этнография: Учебник под редакцией Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. – М.: Высш. школа, 1982. – 320 с.
24. Этнокультурная мозаика Оренбуржья (научные статьи, очерки, статистика)/Под ред. В.В. Амелина. Издание второе, дополненное. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 2003. – 228 с.
25. Этнология/Александренков Э.Г., Заседателя Л.Б., Зверева Ю.И. и др. – М.: Наука, 1994. – 383 с.
26. ГАОО.Ф. 6. Оп.6.Д. 12741/б. Л.135.

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ БЫТИЯ В ХРИСТОВЩИНЕ И СКОПЧЕСТВЕ

Христовщина (хлыстовщина) и скопчество – одно из самых любопытных явлений русской религиозной жизни XVII–XX вв. До сих пор в исторической науке окончательно не решен вопрос о генезисе данных религиозных течений. В дореволюционной историографии разрабатывалась концепция «иноземного» происхождения христовщины и скопчества. Так, популяризатор истории раскола П.И. Мельников писал о тесной взаимосвязи христовщины и богомильства, проникнувшего в Киевскую Русь вместе с христианством [1]. Генетическую связь христовщины и богомильства подверг серьезной критике А.А. Панченко в своей монографии «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект». Современный исследователь справедливо указывает на то, что богомильская ересь не имела серьезного влияния на развитие религиозной культуры в Древней Руси, и тем более нет серьезных оснований говорить о «богомильском влиянии» в XVII веке [2]. Среди работ, посвященных христовщине и скопчеству, нельзя обойти стороной исследование А.П. Щапова – представителя «демократического» направления в изучении русского раскола. Происхождение христовщины А.П. Щапов усматривает в историческом развитии «шамано-пророческого мирозерцания», возникшего в результате этнокультурных контактов славянских племен с финно-

угорскими народами. В этом процессе А.П. Щапов выделяет два периода: кудеснический и шаманский. В работе «Умственные направления русского раскола» он пишет: «В первый период финско-славянское кудесничество и шаманство подготовило из восточноазиатских элементов обильную почву для развития шамано-пророческой секты «Людей Божьих» (христовщины – прим. А. Л.)... Славяне вследствие колониационного, сожительно-бытового и, наконец, физиологического смешения с финскими племенами, мало помалу, неизбежно подчинились умственному обаянию этих могучих финских волшебников [3]. Возникновение в России скопчества А.П. Щапов связывает с внешним фактором. По его мнению, скопчество в Россию было занесено казачеством из Турции [4]. В данном случае точка зрения А.П. Щапова представляется спорной, так как исследователь совершенно не учитывал того, что скопчество впервые было обнаружено в крестьянской среде, а не в казачьем войске.

Видный историк П.Н. Милюков иначе посмотрел на проблему генезиса христовщины. Истоки христовщины и скопчества он усматривает в русском расколе. Причины возникновения сектантства П.Н. Милюков видел в условиях народно-психологического развития. Православие в России прошло закономерный процесс «спиритуализации религии обряда в религию души» [5].

Крупнейший советский религиовед А.И. Клибанов довольно скептически относился к «иноземному фактору» в русском религиозном сектантстве. По его мнению, несмотря на активные контакты России с Западной Европой, ее религиозные веяния не оказали определяющего влияния на идеологию русских сект. В XVIII в. в России появились протестантские секты, пришедшие вместе с немецкими колонистами, но их воздействие на русские религиозные течения до конца XIX в. было также незначительным [6].

Современный историк сектантства А.А. Панченко в своей фундаментальной монографии пришел к выводу, что «христовщина зародилась на русской почве и исходит из традиционных религиозных практик русских крестьян и горожан XVII века» [7].

Краткий обзор подходов отечественных сектоведов к проблеме генезиса христовщины и скопчества был необходим для выявления концептуальных оснований мирозерцания представителей данных сектантских деноминаций. Исследователи прошлого проделали титанический труд, ввели в оборот огромное количество ценнейших источников по истории сектантства в России, однако проблема происхождения христовщины и скопчества до сих пор остается недостаточно разработанной. В исторических сочинениях практически не уделяется внимание исихастскому движению в Византии, которое, думается, оказало очень важное влияние на формирование идеологии и обрядовой практики христовщины и скопчества.

Исихазм известен в Византии начиная с IV века, тогда исихастами называли отшельников, живших в безмолвии и тишине.

Исихазм понимался также и как «Умное делание, лестница восхождения к феории и обожению» [8].

Активизация движения исихастов в Византии приходится на XIII-XIV вв., бесспорным лидером которых был св. Григорий Палама (1296-1359), произведший систематизацию святоотеческого учения о божественных энергиях. Исихасты-паламисты утверждали возможность прямого (мистического) познания Бога и первостепенность Боговоплощения, эсхатологии и таинств в сравнении с заботами мира [9]. Одержав победу в полемике с гуманистами в Византии, исихастское движение через многочисленные православные монастыри распространилось и в странах Восточной Европы. Авторитетнейший специалист протоиерей Иоанн Мейендорф полагал, что «победа исихазма дала новый импульс межнациональным связям, осуществлявшимся через монастыри, способствовала переводческой деятельности и, несомненно, оказала глубокое влияние на русскую средневековую культуру» [10]. Интенсивные культурные связи Руси и Византии в XIV в. способствовали распространению исихастской литературы в русских монастырях. Переводы с греческого творений св. Иоанна Лествичника, св. Симеона Нового Богослова, псевдо-Дионисия Ареопагита и т.д. сыграли немаловажную роль в религиозной жизни России. При этом следует оговориться, что исторических источников, прямо подтверждающих «исихастские корни» хлыстовщины, крайне мало. Лишь на основании сравнительного анализа вероучения хлыстов и святоотеческого предания можно найти общие черты, которые могут свидетельствовать о родственной

связи ранней христовщины с исихазмом. Прежде всего, это идея о человекообоженнии, которая была заимствована хлыстами у Святых Отцов. Также обращает на себя внимание использование в радельной практике христовщины и скопчества психосоматических методов, характерных и для исихастов.

Христовщина в России выходит на историческую арену во второй половине XVII в., в период массового религиозного брожения, связанного с церковными реформами патриарха Никона. Произошедший как следствие церковный раскол способствовал активизации локального религиозного творчества. Первые известия о христовщине появляются в сочинении св. Дмитрия Ростовского «Розыск о раскольниках брынской веры». Наименование «христовщина» данное религиозное течение получило потому, что «в среде ее постоянно являлись люди, слывшие за одаренных высшими дарами благодати, которых они считали христами» [11]. Легендарными основателями христовщины считаются крестьяне Данила Филиппович и Иван Тимофеевич Суслов, бывшие учениками старца Капитона Данилевского. Данила Филиппович, объявивший себя Христом, призывал к покаянию, напоминая о последних временах, необходимости молиться духом, и что только при таком молении в человека может вселиться Дух Божий. Идеологами ранней хлыстовщины Данилой Филипповичем и Иваном Сусловым были разработаны 12 заповедей, которыми должны руководствоваться члены созданной ими религиозной общины:

1. Аз есмь бог, пророками предсказанный, сошел на землю для спасения душ человеческих. Несть другого бога, кроме меня.

2. Нет другого учения. Не ищите его.
3. На чем поставлены, на том и стойте.
4. Храните божьи заповеди и будете вселенные ловцы.
5. Хмельного не пейте, плотского греха не творите.
6. Не женитесь, а кто женат, живи с женой как с сестрой. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.
7. Скверных слов и сквернословия не говорите.
8. На свадьбы и крестины не ходите, на хмельных беседах не бывайте.
9. Не воруйте. Кто единую копейку украдет, тому копейку положат на том свете на темя, и когда от адского огня она растопится, тогда только тот человек прощение примет.
10. Сии заповеди содержите в тайне, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутом бить и огнем жечь – терпите. Кто вытерпит, тот будет верный, получит царство небесное, а на земле духовную радость.
11. Друг к другу ходите, хлеб-соль водите, любовь творите, заповеди мои храните, бога молитесь.
12. Святому духу верьте [12].

В этих 12 заповедях выражается суть миросозерцания ранней христовщины. Социальная организация христовщины на раннем этапе была полицентричной, в ней важную роль играл принцип харизматического учительства, подразумевавший исключительную роль лидера, считавшегося «христом» или «пророком» и окружавший себя учениками. Таких лидеров в истории христовщины будет очень много. Распространяться данное учение начало путем странничества, которое вели первые учителя христовщины. Впоследствии, во

второй половине XVIII в., из христовщины выделилось радикальное течение скопцов. Взаимосвязь христовщины и скопчества определил в своих публикациях еще П.И. Мельников, однако ошибочно полагал, что скопчество пришло на Русь вместе с богомилством. Скопчество было уникальным, доведенным до крайности религиозным феноменом, долгое время находившимся внутри хлыстовщины, окончательное размежевание происходит только в конце XIX в. Для того чтобы всесторонне проанализировать мирозерцание хлыстов и скопцов, представляется логичным рассматривать данные течения в единстве.

Идеология хлыстовщины и скопчества складывалась на основании преломления православного вероучения, творений Святых Отцов и традиционных обрядовых практик, существовавших в крестьянской и городской среде. Бог воспринимался сектантами уже не как существо, трансцендентное этому миру. Хлысты и скопцы верили в возможность мистического богообщения при условии правильного устройства собственной жизни. Человек признается существом греховным и порочным, но вместе с тем обладающим огромным потенциалом как «образ и подобие Божие». При очищении сердца и «умерщвлении плоти», непрестанной молитве и радении «пречистая плоть» может стать вместилищем Божества. Эта идея нашла свое отражение в хлыстовской песне: «Сойду я к вам Бог с неба на землю; Изберу я плоть пречистую и облечусь в нее; буду я по плоти человек, а по духу Бог...» [13]. Истоки данных воззрений, думается, необходимо искать в святоотеческом учении об «обожении плоти». Вели-

чайший православный богослов Афанасий Великий выражал суть христианского вероучения лапидарной фразой: «Бог стал человек, дабы человек смог стать Богом». Богом человек становится не по природе, а по Благодати через нисхождение божественных энергий. Феория приводит к восстановлению исконной природы падшего, греховного человека. Сектанты несколько по-своему восприняли это положение, разрушив основную христианскую антиномию о трансцендентно-имманентном Божестве в пользу крайнего имманентизма. Историк П.Н. Милуков считал это вполне закономерным явлением: «Не только в православии, но и в христианстве, и даже не только в христианстве, но и в других монотеистических религиях, процесс религиозного развития состоял в постепенной спиритуализации религии обряда в религию души... Сердце требовало более близкого, более непосредственного отношения к божеству, чем позволяла обрядовая религия; вырываясь из оков обряда и молитвенной формулы, эмоциональные натуры предавались свободному экстазу и посредством мистических упражнений думали открыть себе путь к таинственному общению с божеством» [14]. Стремление сектантов утвердить Бога в мире объясняется не только сердечной тоской и религиозными переживаниями, но и нестроением социального бытия членов сектантских деноминаций. Основная масса хлыстов и скопцов по своему социальному статусу являются крестьянами, то есть наиболее угнетаемой частью населения. Крепостное состояние, жесткий налоговый пресс государства, жуткие бытовые условия создавали, бесспорно, благоприятную ситуацию для распространения эсхатологи-

ческих настроений в крестьянской массе, ожидавшей второго пришествия «Христа-избавителя», который поведет «корабль спасения» по бурному морю греховного мира. В собранных Т.С. Рождественским и М.И. Успенским «Песнях русских сектантов мистиков» можно найти большое количество песен о «Христе-кормщике», ведущем корабль с «Силами Небесными» и «Людьми Божьими» к спасению. Бог по хлыстовско-скопческим поверьям снова воплощался в человека. В ранней христовщине считалось, что Дух Божий может вселиться в любую «пречистую плоть», но для этого необходим радикальный исход из мира. Уже легендарный основатель христовщины Данила Филиппович в заповедях 5-8 дает алгоритм человеческого бытия в миру, ведущий к Жизни Вечной. Позднее в христовщине и скопчестве укоренится жесткая аскетическая практика, необходимая для достижения спасения души. Ультра-радикальное выражение аскезы получит у скопцов, полагавших недостаточность «духовного скопчества» в деле спасения и признававших единственной гарантией сохранения телесной чистоты только акт физического оскпления. Соединение с Божеством осуществляется во время обрядового церемониала, который хлысты и скопцы называли радением. Этимологически термин «радение» объясняется как усердие, старание, забота о ком-либо, однако в христовщине семантика данного понятия трансформируется в усердие к Богу, в желание с Ним соединиться, дабы осуществить преображение плоти. Радения совершались, как правило, по ночам накануне особо чтившихся праздников. Собравшиеся в белых одеждах (символ непорочности и чистоты) рассаживались

по лавкам и начинали петь Иисусову молитву в ее дониконовском варианте, через некоторое время начинались экзотические пляски, доводившие членов религиозной общины до состояния религиозного экстаза, способствующего нисхождению Святого Духа.

Выше было упомянуто, что в период становления мировоззрения хлыстовщины считалось, что Святой Дух может соединиться с любой «пречистой плотью», но уже в первой четверти XIX в. происходит корреляция вероучения. Теперь Святой Дух может обитать только в избранной плоти [15]. Это явление связано прежде всего с установлением в религиозной общине жесткой вертикали власти, где стержневой основой выступает харизматическая личность «учителя» («пророка», «христа» или «богородицы»). Религиозному лидеру необходимо было сконструировать собственную идентичность, доказать свою избранность, дабы провести жесткую границу между собой и остальными членами общины. Для этого, как правило, использовалась религиозная легенда, повествующая о «сверхспособностях» лидера общины, наличии у него Благодати Божьей. Так, лидер оренбургских хлыстов Василий Балабанов объяснил свою избранность через толкование вещего сна: «И вот однажды видел я знаменательный для меня сон: находился я будто бы в каком-то прекрасном месте, как бы на обширном поле, где стояли в два длинные ряда священнослужители, облеченные в священнические одежды, в правом ряду со священниками стоял и я. Вдруг подошел ко мне один из священников со Святыми Христовыми Тайнами и приобщил меня; я думал, что все будут приобщаться, но

он унес Чашу со Святыми Дарами, и с тем я проснулся. Думается мне, что приобщение это означало благодать Святого Духа» [16].

«Христос» или «богородица», будучи лидерами хлыстовско-скопческих общин, играли в них исключительную роль, определяя всю жизнедеятельность религиозной общины, также на них возлагалась функция защиты своей паствы от враждебного внешнего мира. В одной из хлыстовских песен поется о плывущем по бурному морю, которое ассоциировалось с миром, корабле с кормчим «христом». Поднялась сильная буря, грозившая потопить корабль, и «богородица» тогда взмолилась «христу», прося о спасении:

«Уж ты, батюшка, сударь, Сын Божий.

Сохрани же ты мой сей корабль

Среди мира, среди лютаго,

Среди лютаго, злаго, дикаго.

– Ты не плачь, не плачь,

моя матушка,

Пресвятая свет-Богородица.

Живогласная свет-неточница.

Сохраню же я твой сей корабль

Среди мира, среди лютаго

Среди лютаго, злаго, дикаго.

Сохраню его и помилую [17].

Обращает на себя внимание отношение хлыстов и скопцов к миру, воспринимавшемуся как «недобытие», погрязшее в пороках и грехах. В хлыстовско-скопческом фольклоре сохранилось множество песен, на основании анализа которых можно сделать вывод о враждебном отношении к миру, представленному в символической форме как бурлящее море. Огромные водные пространства грозят поглотить маленький кораблик (устойчивый символ надежды и спасения) праведников. Сами хлысты и

скопцы идентифицируют себя странниками, совершающими путь к Вечности. Жесткая оппозиция к миру может быть объяснена сложившимися историческими реалиями. Правительство и официальная церковь осуществляли гонения на хлыстовщину и скопчество, что, безусловно, формировало механизм отчуждения. При этом остается малопонятным отношение хлыстов и скопцов к Православной Церкви. Дело в том, что ни хлысты, ни скопцы открыто не порывают с господствующей культурообразующей средой. В исторической литературе сложилось мнение, что хлысты и скопцы исполняли обряды Православной Церкви только из-за боязни быть обнаруженными властями [18]. Данная концепция представляется весьма спорной. Хлысты и скопцы, судя по всему, не видели принципиальных догматических противоречий с Православной Церковью. К самой Церкви у хлыстов и скопцов сложилось двойственное отношение: с одной стороны, РПЦ воспринималась как социальный институт, являющийся проводником политики царизма, а с другой – бытовало представление о Церкви, как мистическом теле Христовом, пребывание в котором есть необходимое условие спасения души. Думается, именно поэтому хлысты и скопцы, осознавая неустроенность церкви исторической, не порывают с ней связей, а вовсе не по причине «страха иудейского» перед светской властью. Лидеры хлыстовско-скопческих кораблей были особенно щепетильны в отправлении православных обрядов. Так, о лидере оренбургских хлыстов Василии Балабанове очень высоко отзывались представители православного духовенства: «Балабанов исполнял все обряды, Православной Церковью устроенные, бывал на исповеди и Святом Причастии и пропо-

ведовал своим соумышленникам исполнять все в точности, вести жизнь трезвую, ходить в церковь и подавать милостыню, учения же отступать от Православия, дерзости против церкви и духовенства он не проповедовал» [19]. Показательна и судьба самого В. Бабанова: после раскрытия его общины и суда он добровольно удалился в 1866 году на Афон в Пантелеимоновский монастырь, который славился своими исихастскими традициями. Интересно отметить еще одну деталь, характеризующую отношение хлыстов к Православию: в своих песнях хлысты и скопцы самоидентифицируют себя как православных (Русская старина, 1886). При этом хлысты и скопцы в религиозной иерархии ставят себя значительно выше остальных православных, так как они совершают радения, необходимые для Вечной Жизни; хлысты и скопцы верили в слова Спасителя: «Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его» (Откр. 3: 5).

В целом можно сказать, что хлыстовщине и скопчеству удалось построить оригинальную онтологическую модель, сконструировать собственную идентичность, которая оказалась весьма адаптивной и функциональной и позволяла членам религиозной общины существовать как бы в «двух мирах».

А.С. ЛЕГОСТАЕВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мельников П.И. Тайные секты//Мельников П.И. Собрание сочинений в 8 томах. – М., 1976. – Т. 8. – С. 73-75.
2. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – М., 2004. – С. 104.
3. Щапов А.П. Умственные направления русского раскола//Щапов А.П. Сочинения в 3 томах. – Спб., 1906. – Т. 1. – С. 591.
4. Там же. – С. 625.
5. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть вторая. – Спб., 1905. – С. 96.
6. Клибанов А.И. История религиозного сектанства в России. – М., 1965. – С. 41.
7. Панченко А.А. Указ. соч. – С. 105.
8. Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. – М., 2008. – С. 188.
9. Мейендорф И. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.koob.ru.
10. Там же.
11. Мельников П.И. Указ. соч. – С. 66.
12. Там же. – С. 89-90.
13. Рождественский Т.С., Успенский М.И. Песни русских сектантов мистиков. – СПб., 1912 (ЗРГО по ОЭ; Т. XXXV) – С. 32.
14. Милюков П.Н. Указ. соч. – С. 96.
15. Клибанов А.И. Указ. соч. – С. 47.
16. ГАОО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 15-а. Л. 193-об.
17. Рождественский Т.С., Успенский М.И. Указ. соч. – С. 260-261.
18. Панченко А.А. Указ. соч. – С. 238.
19. ГАОО. Ф.55. Оп. 1. Д. 15-а. Л. 162.

ПРИМЕРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИХ АКТУАЛИЗАЦИИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Современное общество отягощено немалым количеством проблем. Обратим внимание на некоторые из них – коррупция (продажность), вымирание, ксенофобия. С коррупцией относительно просто – это один из вариантов предательства и воровства одновременно. Когда речь заходит о вымирании, на память приходят несчастные жители жарких стран, страдающие от недоедания, а то и просто гибнущие от голода – это ужасно. Однако вымирают не только африканцы или азиаты – постоянно сокращается коренное население Франции, Германии, Англии, США и России. Не будем говорить о бедности – после Великой Отечественной войны материальная обеспеченность известно, какая была, а население росло. Самые сложные проблемы порой имеют поразительно простое решение, но мы не можем (или не хотим?) увидеть лежащее на поверхности. В самом деле, чтобы народ (любой) не вымирал, каждая супружеская пара должна родить не менее трех детей – это общеизвестно. Следовательно, большинство из нас участвует в «зачистке» нашей Родины от детей, внуков и т.д. Будучи взрослыми людьми все понимают, что чаще всего (не

всегда, разумеется) нерождение детей является следствием вполне конкретных и осознанных действий. Празднуя День славянской письменности и культуры, мы неоднократно услышим о вполне существенных достижениях ученых, педагогов, деятелей культуры, государственных мужей. Такого рода новости радуют и вызывают уважение к трудам достойных людей. Тем не менее правомерен вопрос – какой смысл в этих благородных делах, если славяне (носители языка и культуры) исчезают с лица земли, и, если не попытаться переломить ситуацию, все прекрасные книгохранилища, музеи, архивы, мемориальные комплексы, национальные подворья и пр. окажутся пустыми. К сожалению, это более чем серьезный повод к размышлению. Отметим, что и коррупция, и вымирание имеют в основе проблемы духовно-нравственного порядка.

Ответы на многие (как теперь говорят) вызовы можно поискать в истории России и Южного Урала как ее неотъемлемой части.

Опыт Южного Урала в отношении роста численности населения совпадал с опытом всей Российской империи. Семьи

во всех слоях общества были в основном многодетные. Люди не жалели сил на рождение, выкармливание и воспитание детей. Более того, находили в такой жизни радость и удовлетворение. Население росло. Мало кто мучился выдуманными проблемами более поздних эгоистических времен – «самореализация», «самовыражение» и т.п.

Май 1824 года. Пятьдесят отборных киргизских наездников попытались угнать скот от Лебяжьего форпоста. Хорунжий Митрясов с 12 казаками отбил похищенное. Преследуя нападавших, казаки попали в засаду. Началась перестрелка. Один из кочевников прилег за бугор и стрелял без промаха. Казаки Яловов и Букляшев поползли навстречу. Стрелок не показывался. «Наскучив дожидаться, Яловов сказал своему товарищу: «Стреляй ты по нем, я его выманю, покажу ему лоб». «Нет, – отвечал Букляшев, – ты лучше меня стреляешь, стреляй ты, а я ему покажу лоб». Сказано – сделано: Букляшев приподнялся, показал ему лоб; киргиз приподнял голову, да стал прикладываться, а Яловов в это время положил его на месте» [1]. Бесспорно, перед нами впечатляющий пример храбрости, готовности рисковать собой и даже жертвовать жизнью ради товарища. Невольно вспоминается высказывание А.В. Суворова: «Сам погибай, а товарища выручай. За убитых Церковь Бога молит!». Усиливает впечатление то, что это не исключительный случай, а этнический стереотип поведения. Как отличается подобный подход к жизни с получившими весьма широкое распространение во всем мире (особенно в странах Запада) продажностью, эгоизмом. Буквально во всех отраслях жизни просто

необходимы люди, могущие жертвовать своими интересами и даже жизнью ради другого человека, ради общего дела. Если в данном случае рассматривать этику как систему норм поведения, то нас должны интересовать корни, основа этических традиций славянского населения Южного Урала. Говоря о системе ценностей XVIII-XIX вв., следует опираться, прежде всего, на свидетельства носителей этих ценностей. То есть для решения вопроса, что являлось основой мировоззрения казаков (например) важно учесть, что думали современники по этому поводу. Тогда станет ясно, в чем корни самопожертвования, бескорыстного служения людям и Родине. В противном случае исследователь легко может впасть в модернизацию истории – приписать людям прошлого мотивы и стимулы наших современников, что делает все построения ненаучными. Важным документом является «Памятная книжка для нижних чинов императорских казачьих войск», написанная В.И. Далем по поручению оренбургского военного губернатора (1837). Глубоко изучавший народную жизнь, автор вник в организацию службы, с разных сторон исследовал традиции, преемственно передававшиеся в среде казаков. Памятную книжку считал важным трудом сам автор, высоко оценил ее и император Николай I. В.И. Даль выделяет как основу мировоззрения казака следующее: «Наперед всего памятуй и не забывай Господа Бога: Он всюду один и всюду видит и тебя, и дела, и помышления твои; без него спасенья нет» [2]. Действительно, среди казаков XVIII-XIX вв. вера в Бога была неотъемлемой частью мировоззрения. С этой точки зрения становится понятным наличие у славян Южного Урала (казаков в

частности) вызывающего уважение и столь необходимого во все времена стереотипа поведения, требующего взаимовыручки даже с риском для жизни. Верующий человек рассматривает земную жизнь как приготовление к жизни вечной. Главной ценностью, естественно, является участь человека по окончании земного пути. Цель земной жизни – быть прожитой достойно. В современном западном мировоззрении главной ценностью является земная жизнь человека, откуда здесь возьмется самопожертвование?

Для многих в настоящее время представляется существенной проблема ксенофобии. В этой связи интересен подход к проблеме взаимоотношений с иноплеменными лучшими представителями славянских народов на Южном Урале. Одним из таких примеров может служить оренбургский казак – богатырь Архип Дмитриевич Лябзин. Он умер в возрасте более 110 лет в 1833 году [3]. Этот человек был прославлен богатырской силой, воинскими талантами, великодушием, щедростью и мудростью. Архип Дмитриевич отличался хлебосольством – любил угощать киргизов и башкир; дружил с башкирскими и киргизскими богатырями, с башкирским Кутюр-батыром Лябзин побратался. Известно, что подобное притягивает подобное. Богатырь-казак дружил с подобными себе из числа башкир и казахов – то есть с лучшими прежде всего по моральным качествам людьми. Пример взаимодействия представителей разных народов, живущих по соседству, впечатляющий. Архип Дмитриевич не в казенных мероприятиях «по укреплению взаимопонимания» участвовал (что тоже не плохо), а именно дружил, поил-кормил и рад был видеть!

Более того, неоднократно спасал своих друзей – по просьбе Кутюр Батыра Лябзин выехал навстречу в момент готовящегося на него нападения. Башкирского батыра Барангула Искакова Архип Дмитриевич спас из рук готовящейся убить его шайки грабителей. С тех пор Барангул считал Лябзина своим братом. Дружбе не мешала ни разница в этнической принадлежности, ни в вероисповедании. Очевидно, при таком уровне взаимоотношений нет даже и намек на ксенофобию. Впрочем, нет и ксенофилии. Будучи искренним другом ряда башкирских и киргизских батыров, Лябзин не позволял себе попустительства. Узнав, что киргизы отбили табун Хабарненского отряда, Архип Дмитриевич догнал похитителей, четырех киргиз убил, вернул захваченных в плен раненых казаков Разшатаева, Салмина и табун. Будем называть вещи своими именами: баранта – это грабеж. Такого рода действия, вошедшие в систему, ведут к деградации всего общества – и грабителей (моральная деградация), и ограбляемых (материальное обнищание). Что касается захвата в плен – какова его цель? Продажа в рабство. Тот, кто торгует людьми, – работорговец. Архип Дмитриевич, будучи казаком, т.е. человеком, служащим государю, обязан по службе пресечь подобные действия, одновременно он заступался за своих единоверцев и соседей. Будучи наделен выдающимися талантами и навыками в боевой работе, он использовал свой дар в борьбе со злом и несправедливостью. Следует добавить, Лябзин был человеком православным и весьма благочестивым. Казаки, как и все воины русской армии, шли в бой «За Веру, царя и Отечество» – что стоит на первом месте, понятно. Во-

обще, влияние веры на стереотипы поведения православных людей в далеком прошлом (когда подавляющее большинство населения веровало), в недавнем – период Великой Отечественной войны (многие не верили в бога, но усвоили от родителей поведение в соответствии с традициями отцов-дедов) нашими современниками недооценено. Мы говорим: «Так было принято» – и все. А что в основе? Преподобный Исаак Сириин сказал: «Люби грешников, но ненавидь дела их». «Южноуральский» пример: киргизский батыр Кадобай, попавшийся Архипу Дмитриевичу в баранте, был посажен в вешнюю воду со словами: «Неприлично батырю убивать батыря». Лябзин отпустил Кадобая, после того как батыр обещал слушаться казака и они [4] стали приятелями. Все так, как сформулировал преподобный Исаак Сириин. Баранта (грабёж) – абсолютно неприемлема для Лябзина, это грех. Когда зло пресечено – батыр пленен – можно проявить любовь к Человеку. Взяв с Кадобая слово (а слово батыра – это серьезно!). Архип Дмитриевич может приятельствовать с достойным этого человеком. Почему в данном случае можно говорить об этническом стереотипе поведения славян (а точнее – православных)? Вспомним эпизоды войны 1812 года, Крымской войны, других войн. В бою защитники Отечества бескомпромиссны, но как только противник побежден (зло по отношению к Родине, к соотечественникам пресечено), обращение с пленными милостивое, человеческое, а зачастую заботливое. Как оказалось, это одно из требований православной веры.

Может возникнуть вопрос «прикладно-го» характера – а какую пользу мы можем извлечь из этнических стереотипов пове-

дения славян на Южном Урале в XVIII-XIX вв. для нашего столь сильно изменившегося с того времени общества? Жизнь заставляет искать решения проблем взаимоотношений представителей разных народов. Упрощенный подход советского периода, без доказательств предполагавший, что все соседствующие этнические общности просто обречены на ничем не омрачаемую дружбу, подтверждается, мягко говоря, не всегда. Взаимоотношения, продиктованные материальной выгодой? Они не решают проблемы – вражду и соперничество далеко не всегда можно остановить аргументом «вам не выгодно». Остается добрососедство, подкрепленное силой для возможного пресечения неприемлемых вариантов жизнедеятельности (грабёж, работоторговля и т.п.). Ярким представителем такого подхода к межнациональным проблемам является оренбургский казак Архип Дмитриевич Лябзин. Резонный вопрос, почему столько внимания положительному примеру – разве не было отрицательных? Безусловно, были. Уместным представляется аналогия с постройкой частного дома. Начиная строить дом, люди стараются перенять технические решения, воплощенные в удачных домах. Зачем изучать ошибки – пусть этим занимаются инженеры-строители. Мы же не будем тратить силы на изучение всего, что было в истории, – перейдем безусловно удачные конструкции. Сейчас мы строим «дом» межнациональных отношений. Он просто «обязан» быть удачным – ошибки в этой области приводят к слишком большим жертвам.

Архип Дмитриевич Лябзин являет собою образец взаимодействия с иноплеменниками, воплотивший в себе

традиционные нормы поведения славянского (можно сказать шире – православно-славянского) населения Южного Урала. Отметим – упомянутые нормы поведения казак-богатырь воплощал в жизнь почти идеально. Условно можно выделить два «компонента», позволявшие межнациональные отношения сделать столь красивыми (это определение – необычно, но, кажется, уместно в конкретном случае). Первый – высоконравственное отношение ко всем окружающим вне зависимости от этноконфессиональной принадлежности. Основой, безусловно, служил вполне осмысленный подход к жизни с точки зрения православной веры. Второй «компонент» – готовность к труду и обороне (что поделаешь, совпадение с названием массового спортивного комплекса в СССР). Действительно, помимо несомненных воинских талантов налицо высокопрофессиональное владение навыками боевой работы.

Если имеет смысл упоминать об актуализации сегодня лучших примеров межнационального взаимодействия, то следует говорить именно об искренней дружбе и взаимопомощи (даже с риском для жизни), с одной стороны, бескомпромиссном пресечении зла (работорговли, грабежа, терроризма) – с другой. Что для этого необходимо? То же, что и во времена казака А.Д. Лябзина – высокая нравственность и боевые навыки. Первое, разумеется, наиболее труднодостижимо, но совершенно необходимо. Что касается навыков боевой работы (без них не обойтись), они должны вырабатываться с детства (монголы считают, что если мальчик не научился хорошо стрелять из лука до трех лет(!), то хорошим стрелком он не станет никогда).

Для выработки воли, упорства полезны занятия спортом. В прежние времена в значительных количествах готовили по техническим специальностям молодежь в ДОСААФ и т.д. Кроме приобретения навыков, пригодных для военной службы и одновременно труда, можно отметить маленькую «пользу» – обучаясь военнотехническим дисциплинам, занимаясь военнотехническими видами спорта, молодежь имеет меньше времени для безобразий.

Осознание ценности этнических стереотипов поведения неизбежно должно привести нас к серьезным изменениям жизни в самых различных областях. В самом деле, если нам нравится пример казака Лябзина, то мальчики и юноши должны добиваться серьезных успехов в военно-прикладных видах спорта. На это необходимы время, силы и внимание обучаемых. Где их взять? Вспомним так называемую «индустрию досуга», «досуговые центры». Нередко мы воспринимаем их как безусловное благо, как необходимость. Чему в них учат – развлекать себя. Чаще всего это бесполезные, а нередко и вредные навыки для повседневной трудовой жизни. Вопрос: на почве «развлекухи» могут появиться богатыри? Ссылки на то, что современные формы досуга – это то, что «молодежь хочет», неосновательны. Приучив юных к алкоголю и наркотикам, можно тоже сказать, что идем навстречу пожеланиям... Это только один из многочисленных аспектов практической закладки прочных и подлинно добрососедских отношений.

Кому не нравятся подобные подходы к опыту славянского населения Южного Урала? Разумеется – работорговцам,

грабителям, террористам и тем, кто с их помощью хотел бы ослабить и расчленить Россию. Тут уж надо выбрать – дружить с соседями и жить достойно или нравиться погубителям.

Отмечая память равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей словенских, выделим для себя следующее: лучшие из этнических стереотипов поведения славянского населения Южного Урала берут свое начало в установлениях православной церкви. Выводы каждый способен сделать самостоятельно.

А.Д. КОКШАРОВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Собрание русских военных рассказов Гр. Смирнова. – М.: Сибирская Благовозвонница. – 2008. – С. 140, 141.
2. Даль В.И. Памятная книжка для нижних чинов императорских казачьих войск//Неизвестный Владимир Иванович Даль. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. – С. 92.
3. Кокшаров А.Д. Оренбургский казак Архип Дмитриевич Лябзин. – Альманах «Башня». – 2007. -С. 203-206.
4. Кривошеков А. На оренбургской пограничной линии (очерки прошлого) – Уфа: Электрическая тип.-лит. Т-ва Ф.Г. Соловьев и К0, 1914. – С. 89.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛАВЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Взаимодействие славянских традиций очень ярко проецируется в творчестве европейских мастеров кисти, слова, звука особенно в XIX веке. Великий чешский композитор Антонин Дворжак пишет свою знаменитую симфонию ми минор «Из нового света» в 1893 году. Он приехал в Америку, чтобы возглавить Нью-Йоркскую консерваторию, при этом изучал с большим интересом индейский эпос, индейские мелодии, стремился сблизиться со своими учениками-неграми, узнать песни этого народа, славящегося своей музыкальностью. Но ни новые яркие впечатления, ни напряженная педагогическая и концертная деятельность не могли заглушить в нем тоски по родине. Постоянные мысли о далекой Чехии вместе с думами

о судьбах «цветных» народов Нового Света послужили содержанием последней симфонии композитора. Во второй части симфонии Дворжака вдохновили образы «Песни о Гайавате» американского поэта Лонгфелло, особенно глубоко волнующий эпизод поэмы – похороны жены Гайаваты – прекрасной Миннегаги. Но в музыке медленной второй части симфонии вместе с тем непреодолимая тоска по родине, воспоминания о ней, дорогие сердцу чешские образы.

Рахманинов в одном из интервью говорил, что поводом к написанию прелюдии си бемоль минор послужило впечатление от полотна А. Беклина «Возвращение». На картине изображен ландскнехт, возвратившийся после долгого отсутствия на

родину. Лирическая теплота «Возвращения» и его основное настроение – смесь радостных и грустных чувств соответствуют эмоциональному тону прелюдии. Беклиновский «Остров мертвых» вдохновил Рахманинова на написание одноименной симфонической поэмы, полной неотвратимостью смерти и жаждой жизни.

Образное соприкосновение этюда-картины С.В. Рахманинова соль минор соч. 33 №5 – с «чужим», но не живописным, а музыкальным произведением: Этюд-картина завершается почти точной цитатой трагической концовки Первой баллады Шопена, написанной, кстати, в той же тональности (напряженным гаммообразным взлетом и падением к двум скорбно-суровым заключительным аккордам). Зачин главной темы шопеновской баллады и краткая тема рахманиновского Этюда-картины представляют собой две различные, но равноценные по выразительной простоте мелодические каденционные формулы. Рахманинов создает образно насыщенное драматическое произведение на основе простой и лаконичной темы-афоризма. В результате возникла своеобразная «маленькая трагическая баллада», как бы сжатая реминисценция «большой» баллады, исполнявшаяся певцом-сказителем под тихое бряцание струн:

Где лютня? Песня с губ уже слетает!

.....

Лишь на певца взглянуть,

и все понятно:

Он память напрягает до предела,

Его душа куда-то улетела,

Он время хочет повернуть обратно!

О чем тех песен горькие стенанья?

Должно быть, мыслью он следит

незримо

За юностью, промчавшеюся мимо.

Где дух его? В краю воспоминанья.

Эти строфы из большой романтико-патриотической «исторической повести» Адама Мицкевича «Конрад Валленрод» [1, с. 260-261], с которой, как полагают, связано содержание Первой баллады Шопена, могут характеризовать общий тон и даже в определенной степени жанр Этюда-картины Рахманинова. Трагедийное искусство великого польского музыканта вдохновило Сергея Васильевича на создание Вариаций на тему Шопена.

В своих исследованиях Игорь Бэлза отмечал, что «Шопен, подобно другим величайшим мастерам художественной культуры, был и глубоким мыслителем» [2, с. 47]. Он постиг и обобщил национальное своеобразие художественной культуры польского народа и сделал ее общечеловеческим достоянием в самый тяжелый период его истории. Своим вхождением в мировую музыкальную культуру Польша во многом обязана Шопену, который еще в юные годы был назван «польским Моцартом». Типичное для искусства романтиков противопоставление мира мятежной, психологически тонкой, возвышенной человеческой личности и противостоящих ей жизненных коллизий – драматически напряженных, а подчас трагических – составляет идейный стержень музыки Шопена, это объединяет его с великими современниками. Многое сближало музыку Шопена с искусством передовых романтиков, прежде всего – интерес к народной жизни, к песням и легендам своей страны. Повсюду в художественных произведениях появлялся герой с беспокойной душой, жаждавшей свободы. Но Шопен выражает свои чувства не так бурно, напыщенно,

как это делали Лист и Берлиоз. Шопен, особенно в ранних сочинениях, более сдержан, в нем уживаются изящество, ясность, высокое совершенство формы классического искусства и искренность глубоких романтических чувств. В этом отношении его музыка схожа с творчеством великих русских современников – М.И. Глинки и А.С. Пушкина.

Неслучайно такой пронизательный музыкант, как Роберт Шуман писал о шопеновских мазурках: «Если бы могучий повелитель Севера (т.е. император Николай I – А.Н.) знал, какой опасный враг угрожает ему в произведениях Шопена, в столь простых мелодиях мазурок, он запретил бы исполнение этой музыки. Произведения Шопена – это пушки, прикрытые цветами...» [3, с. 84]. Он же заканчивает одну из своих статей словами «Шляпу долой, господа! Перед вами гений!».

Именно поэтому необыкновенно сложно постичь музыкальную ткань даже, казалось бы, небольших по объему шопеновских миниатюр (как-то неловко называть произведения Шопена, даже самые незначительные по объему, миниатюрами). Каждая его пьеса – космос! Будь то прелюдия или мазурка. Немногим пианистам это удавалось и удается. Сложно все: ритм, звукоизвлечение, фразировка, динамика, агогика, прикосновения к инструменту. Необыкновенно трудно понять, познать, постичь, объяснить и, естественно, передать этот неуловимый «шарм», ауру, глубину шопеновского гения.

Несмотря на то, что в России Бетховен никогда не был, в его жизни и во всей европейской музыкальной культуре влияние России присутствует однозначно. Русские князья заказывали Бетховену квартеты

и увертюры, русские войска побеждали его кумира Наполеона, а в европейской музыке чувствовалось влияние русских народных мелодий. У Бетховена есть «Русские квартеты» и вариации на русскую тему для фортепьяно.

Немецкий композитор Иоганнес Брамс создает для четырехручного фортепьянного ансамбля великолепные миниатюрные жемчужины – транскрипции в форме фантазий на русские песни «Коса», «Вот на пути село большое», «Ветка» (Н. Титов), «На заре ты ее не буди» (А. Варламов), «Соловей» (А. Алябьев) и называет эту чудесную музыку «Русским сувениром».

Великий Ференц Лист, не раз посетивший Россию, необыкновенно проникся русской музыкой, и среди его музыкальных впечатлений, связанных с Россией, можно назвать «Соловей» Алябьева-Листа, «Марш Черномора» Глинки-Листа из оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила» и др.

Взаимодействие славянских традиций очень наглядно проявляется и в транскрипциях Ференца Листа песен Шуберта.

В рамках небольшой статьи невозможно подробно рассмотреть все аспекты взаимодействия славянских традиций, но о некоторых особенностях хочется напомнить. Дело в том, что иногда происходят разночтения в расшифровке и в переводах текстов на различные языки. Так, в цикле Г. Гейне «Лирические песни» М.Ю. Лермонтов перевел «Сосну», не учитывая гендерных различий в растительном мире славянской и немецкой культуры. У него здесь символика любви (если можно так выразиться) однополая – сосна и пальма; меня эта проблема очень долго занимала, я подключал к ней в разное время студентов (филологов,

культурологов, журналистов). Выяснилось, что есть не менее пятнадцати русских вариантов перевода (среди них Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, М. Михайлов, И.П. Павлов, В. Гиппиус, П. Вайнберг, А. Алексеева и др.), перевод Товия Хархура, перевод на сербский (Дразен Драгович), на эсперанто (L.L. Zamenhof, Friedrich Pillath, K. Kalocsay). Там упоминаются дуб, пальма, кедр, сосна и пр. Это во многом меняет ситуацию. У Г. Гейне – это тема любви и мечты, а у М.Ю. Лермонтова – тема одиночества и тоски. Это важное обстоятельство имеет большое значение и в переложениях текста на живопись (И. Шишкин «На Севере диком...»), передающую очень чутко тонкие смысловые различия. У отечественных композиторов этот текст тоже очень популярен. Музыка на стихи Г. Гейне в различных переводах писали С.В. Рахманинов, Н.А. Римский-Корсаков, современный композитор Дагестана Мурад Кажлаев произнес эти слова в джазовых, блюзовых интонациях. У него буквально «дремлет, качаясь» в пряных гармониях блюза сосна. Композитор из Вологды Валерий Гаврилин в 1963 и 1968 годах написал две «Немецкие тетради» на слова Г. Гейне. В его музыке органически переплетаются элементы современного интонационно-мелодического материала и архаики. Характерный для русской народной песни диатонизм он обогащает резкостью тональных переходов и сопоставлений. Стремление передать выразительность речевых интонаций и остродраматических ситуаций обусловило насыщение распевного мелоса речитативностью.

Французский композитор-импрессионист Клод Дебюсси очень тесно был связан с Россией, в свое время он был музыкальным воспитателем детей удивительной женщины-мецената Надежды

Филаретовны фон Мекк. Ее почитание, увлеченность и привязанность к Петру Ильичу Чайковскому проявились в музыке Клода Дебюсси в уникальных обработках и транскрипциях русской музыки и конкретно музыки Чайковского, который как никто другой очень часто цитировал в своих произведениях народную музыку всех стран мира. Это «Детский альбом» (русская, украинская, неаполитанская, итальянская, немецкая, французская музыка), «Итальянское каприччио», балет «Лебединое озеро», секстет «Воспоминание о Флоренции» и пр. Славянские и западноевропейские интонации в руках гениального композитора талантливо взаимодействуют в его музыке. Русские и зарубежные композиторы в XIX в. активно собирали народные песни, у многих из них есть сборники народных песен, песни народных сказителей (Щеголенок, братья Рябиныны и др.).

Гениальное обращение к фольклору своего народа в творчестве Антонина Дворжака (Славянские танцы), Бедржиха Сметаны (цикл «Моя родина», Чешские танцы).

Совершенно уникально в XX в. работал с народным фольклором Бела Барток – венгерский композитор, пианист и музыкальный этнограф, один из виднейших представителей национальной музыкальной культуры. Барток занимался собиранием и изучением народного творчества венгров, в также румын, словаков, сербов, хорватов. Народная основа ощущается в богатом интонационном строе музыки Бартока, терпкости его гармонического языка, многообразии и характерности ритмики. Его своеобразный музыкальный стиль, которому присущи напряженная эмоциональность, гротеск, но также и лиричность,

порой отмечен сложностью выразительных средств, изощренной полифоничностью (Шесть тетрадей «Микрокосмоса» и др.).

Крупнейший деятель современной польской композиторской школы Кшиштоф Пендерецкий экспериментирует в области звуковой колористики, соноризма, стремится получить особые эффекты звучания, по-новому использует традиционные музыкальные инструменты. Больше число его произведений составляет культовая католическая музыка, которой он придает нарочито архаический характер – использует элементы григорианского пения и более древних церковных песнопений. Таково звучание его «Херувимской», «Страстей по Луке» и др.

Примеров взаимодействия славянских национальных традиций в мировой литературе, музыке, живописи, поэзии бесконечное множество (от Данте до Г.В. Свиридова). Взаимодействуя, все эти составляющие национальных культур освежают, обновляют мировое искусство и еще подарят в будущем бесчисленное количество шедевров мировой культуры.

А.К. НЕСТЕРОВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Адам Мицкевич. Избранное. Перевод Н. Асеева. ГИХЛ. – М., 1946. – С. 260-261.
2. Бэлза И. Шопен. – М., 1967.
3. Синявер Л. Жизнь Шопена. – М., 1966.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В АСПЕКТЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И РЕЛИГИИ

Единство языка, религии и письменности имеет глубокие исторические корни. Благодаря единому литературно-письменному языку славяне пришли к осознанному принятию христианства, получив возможность воспринимать духовные ценности на родном языке и приобщиться к сокровищам мировой культуры.

На протяжении всей человеческой истории понятия языка и религии были тесно связаны. Язык и религия – два основных столпа не только нашей современной цивилизации, но и любой цивилизации как таковой. Но, несмотря

на прогресс в научном познании, которого достигло общество, у нас по-прежнему нет ответов на такие глубокие вопросы, как: когда именно и при каких условиях появился язык? Что лежало у истоков мировых религий?

Несомненно, существует множество различных теорий, объясняющих происхождение языка, дающих описание первых религиозных концепций. Вся сложность лишь в том, что эти два феномена общественной жизни настолько крепко срослись с самим понятием человека разумного, что однозначного ответа на каждый из

этих вопросов получить уже невозможно. Религия, как и язык, есть двигатель эволюции, способ человеческого существа приспособиться к видоизменяющейся окружающей среде. Так, например, существа животного мира меняют свои физические характеристики на более выгодные для выживания, а люди – модифицируют духовные ценности и способы общения в угоду новых стандартов бытия. Но на этом пути, к сожалению, человеку приходится жертвовать моральными ценностями (в современном мире зачастую считается обыденным и общепринятым то, что в Средневековье было греховным и запретным, например, гордыня и эгоизм стали сейчас элементами позитивной модели поведения, а чревоугодие исключено из числа смертных грехов). Бессмысленно отрицать тот факт, что история полна ошибочных путей развития. Мировые религии, бережно хранящие и передающие мудрость предшествующих поколений, предостерегают нас от ошибок, доносят до нас важнейшие законы существования в социуме.

Слово само по себе есть магия, последние исследования в области психолингвистики говорят о материальности мысли. В быту словами мы выражаем огромный спектр эмоций широкого диапазона (от крайне негативной табуированной лексики до слов любви и утешения). Так, часто злое слово может ранить человека, но в то же время искренние слова соболезнования способны облегчить тяжелое горе. Слово есть оружие, и нам выбирать, использовать ли его в мирных целях или же во зло.

По Ветхому Завету сотворение мира происходит при помощи слова. «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер,

и было утро: день один. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь» (Первая Книга Моисеева). Перед самым актом сотворения Бог дает всему новому имя. Это сочетание звуков закрепляется в сознании за определенным феноменом и служит для его дальнейшего обозначения в устной и письменной речи. Однако в последующих главах Библии высказывается иная точка зрения на создание языка: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей».

Итак, две основные версии происхождения языка и его отношения к высшему разуму уже представлены в Библии, и до сих пор сохраняется эта альтернатива: язык от Бога или язык от человека, разрешить которую каждый вправе по-своему.

Отношения религии и языка нагляднее всего воплощаются в системе письменности, без которой невозможно успешное развитие такой сложной символической системы общения, которую представляет собой язык. В истории человеческой коммуникации создание письменности остается главным событием, сравнимым только с возникновением речи или с изобретением книгопечатания. С созданием письма резко изменяется количество информации, циркулирующей в обществе, тогда как устная информация племени, заключавшаяся в преданиях, былинах или иных фольклорных произведениях, не превышала объема памяти отдельного человека. Письмо расширяет временные и пространственные связи нескольких поколений людей. Активный лексикон племени,

по мнению современных исследователей, составляет от десяти до пятнадцати тысяч слов, а тезаурус языков с продолжительной письменной традицией насчитывает от пятисот тысяч слов до миллиона. Наконец, письмо изменяет сам характер исторических процессов в языке. В языке письменном новые слова и обороты не вытесняют старые, а сосуществуют с ними, происходит аккумуляция, накопление языковых возможностей, обогащаются способы коммуникации в обществе.

В сознании людей письмо противостоит изменчивой устной речи. Это воплощенная стабильность, это самый заметный и надежный символический представитель культуры народа, это своеобразная «геральдика языка». В письме народ видит корни своей культуры. Нередко письмо или алфавит оказываются устойчивее самого языка (например, латинский алфавит, арабский алфавит). Именно письмо чаще всего отождествляется народным сознанием с языком, а ошибки в орфографии воспринимаются как незнание языка. В силу архаических традиций школьного образования люди склонны считать, что орфографические нормы – самые главные в языке. Орфография любого языка чрезвычайно консервативна, и всякие попытки ее реформировать встречают почти мистическое сопротивление со стороны самого языка.

Письменность – один из величайших атрибутов человеческой культуры, она появляется обычно в тот период, когда складываются первые государственные формации. Первые государства, как правило, монархические по своей природе, поэтому религия многобожества, связанная с язычеством, им не подходит. Политеизм не соответствует потребностям формирую-

щихся государств, основанных на единоначалии верховной власти. Для славянской письменности таким первым государством, ощутившим необходимость в собственной письменности, стала Великая Моравия. Нельзя сказать, что до девятого века славяне совсем не знали письменности, какая-то часть славян владела греческим или латинским письмом, которое было необходимо для установления контактов с Византией и Римом. К числу предпосылок возникновения письменности у славян можно отнести развитие экономики, т.е. товарообмена, который нуждается в учете и требует соблюдения норм принятого этикета; развитие государственных отношений, в которых должны быть определенные нормы существования, т.е. письменные законы, поскольку устное право уже не может удовлетворять всех потребностей; и наконец – распространение монотеистической религии, а именно христианства – религии со сложной системой обрядов и глубокой философской основой. Первая славянская азбука (по представлениям большинства современных исследователей это глаголица) создана благодаря подвижнической деятельности христианских миссионеров Константина и Мефодия.

По мнению некоторых историков славянской письменности, Константин, как постоянный оппонент «трехязычников», при создании глаголицы решил не использовать алфавиты сакральных (греческий, латинский, еврейский) языков в качестве основы новой азбуки. Он получил рисунки глаголических букв из сочетания трех символических геометрических фигур: креста (в значении «христианство», «мученичество»), круга (как символа вечности и полноты) и треугольника («троица») [2, с. 63]

Все знаки глаголической азбуки можно систематизировать по трем группам: включающие круг, включающие прямоугольные линии, т.е. элементы креста, включающие треугольник. Само имя Иисус предстает в такой записи как сочетание символов вечности и троичности. Тем самым подчеркивается вечность и неоспоримость царствования Сына Божьего на земле и воплощение в его образе трех ипостасей Бога. «Возникнув в начале шестидесятых годов девятого века, славянская письменность стала довольно быстро распространяться в славянских землях. Первоначально, а затем и в течение всего Средневековья, основной ее функцией было христианское богослужение» [1, с. 129]

С принятием письменности Православная Славия (*Pax Slavia Orthodoxa*) выходит в число самых цивилизованных народов Европы, а старославянский язык становится международным надэтническим литературным языком, подобно греческому и латинскому. На Руси тексты, написанные на церковнославянском языке, воспринимаются как священные и проникнутые божественным духом в большей степени, чем греческие, поскольку греческую письменность создали язычники (в VIII в. до н.э.), а славянскую письменность – святые люди.

До конца XIX в. церковнославянский язык использовался как литературный язык у большинства славян в Европе, несмотря на использование ими двух типов письменности – кириллической и латинской.

Славяне представляют собой группу народов, объединенную общностью происхождения, близостью языков и религии. Несмотря на то, что уже полторы тысячи лет назад славяне расселились по обширным территориям и в их языках выработались

определенные различия, несмотря на то, что в течение столетий славяне жили в разных государствах, нередко в угнетенном положении, они сохранили память о единстве своего происхождения, близость языков и чувство славянской общности. Разобщенность славян в определенной мере можно объяснить религиозными различиями. Если основная масса восточных и южных славян была православной, т.е. принадлежала к восточному крылу христианской церкви, то большинство западных славян, а также словенцы и хорваты были католиками. Использование той или иной разновидности письменности у разных славянских народов связано с их религиозной принадлежностью: латинская письменность принята у тех народов, которые исповедуют католическую религию или протестантство, а славянская (кириллическая, русская гражданская) письменность распространена среди православных христиан.

В настоящее время на кириллической основе построены системы письма, которыми пользуются народы, говорящие более чем на шестидесяти языках и составляющие 10% населения мира (в большинстве своем это народы, входившие когда-то в состав Советского Союза). Система письма, построенная на латинской основе, сохраняется сейчас у народов, говорящих более чем на семидесяти языках и составляющих около 30% населения мира.

Л.В. ДЮСУПОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. – М., 1988.
2. Успенский Б.А. О происхождении глаголицы. – Вопросы языкознания. – 2005. – №1. – С. 63-78.

О СТАНОВЛЕНИИ НОВЫХ СТРУКТУРНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПРОЦЕССА ЛИТЕРАТУРНОГО РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В рамках данной статьи предпринимается попытка обоснования наблюдаемых нами тенденций совершенствования методической системы литературного развития школьников в современной науке с позиции ее количественных изменений.

Так, количественный ряд структурных составляющих процесса литературного развития школьников пополнился в результате становления системы развития читательского сознания и самосознания школьников, системы формирования мировоззрения школьников, системы развития ценностно-смысловой сферы личности школьников и, таким образом, принял следующий вид:

- система развития читательского восприятия школьников;
- система развития мышления школьников;
- система развития воображения школьников;
- система развития речи школьников;
- система формирования литературных знаний школьников;
- система развития литературных способностей школьников;

- система развития читательских интересов школьников;
- система развития читательской самостоятельности школьников;
- система развития читательской активности школьников;
- система эмоционального развития школьников;
- система развития читательской культуры школьников;
- система развития читательского сознания и самосознания школьников;
- система формирования мировоззрения школьников;
- система развития ценностно-смысловой сферы личности школьников.

Становление новых структурных составляющих процесса литературного развития школьников так же, как и предыдущих, начиналось с определенных предпосылок.

Так, становлению **системы развития читательского сознания и самосознания школьников** в методике преподавания литературы 2000-х годов способствовало осмысление учеными в 1990-е годы цели литературного образования школьников и пути ее достижения: «...заложить

основы развития самосознания с помощью книги – важнейшая цель школьной словесности. Полное теоретическое обоснование и конкретная реализация путей ее решения заслуживают специального (а возможно и не одного) исследования, большой экспериментальной проверки, чтобы впоследствии найти воплощение в рекомендательных списках литературы, системе вопросов и заданий школьных учебников, тематике сочинений» [1].

Огромное значение мы придаем видению известным ученым-литературоведом В.Ю. Троицким цели филологической науки, изложенной автором в книге для преподавателей русской филологии «Словесность в школе» (2000): «Цель филологической науки сегодня – помочь восстановить здоровое, народно-государственное, соборное сознание на основе возрождения духовного человека» [2]. Подобное видение цели встречается и в статье ученого-методиста Б.Г. Бобылева «О методологических основах преподавания русской словесности: традиции и перспективы анализа художественного текста» (2008): «Определить методологические основы учебного предмета – значит определить его цель, разумно-жизненную значимость его преподавания. Целью преподавания словесности является духовное развитие учащихся. Развитие же духа – это развитие самосознания, ответственности за свои слова и дела за свою жизнь, за свою вечность. Самосознание, открывая путь к внутреннему человеку, приводит нас к богообщению, ибо каждый из нас скрывает в себе образ Божий» [3].

В целом идеей возрождения национального самосознания средствами литературы проникнуты книги В.Ю. Троицкого

«Пути русской школы» (1994), «Судьбы русской школы» (2010), а также выпущенные под его редакцией хрестоматия для учителя «Духовно-нравственные основы семьи» (Ч. II «Семья в русской литературе») (2001) и труды Всероссийских научно-практических конференций «Филология и школа» (2003, 2008). Стоит отметить первый опыт реализации данной идеи в средней и профессиональной школе (Н.А. Цаллагова, Н.А. Левитская и др.).

Становлению методической системы развития читательского самосознания школьников также способствовали результаты диссертационных исследований педагогов (И.Ю. Савкина, И.Н. Свечникова).

О предпосылках становления методической системы развития читательского сознания свидетельствует и решение учеными-методистами проблемы развития культурологического сознания личности читателя-школьника (В.А. Доманский, Н.Л. Мишатина, И.В. Сосновская и др.). Однако о том, что процессы развития читательского сознания и литературного развития школьников и ранее рассматривались в их соотношении, свидетельствует статья А.С. Сазыкина «Изучение преемственности в литературе как средство художественного развития школьников» (1979).

Между тем результаты докторских исследований методистов и психологов свидетельствовали о необходимости рассматривать процессы развития читательского сознания и самосознания школьников в их единстве и соотношении (И.В. Сосновская, Л.А. Мосунова).

В то же время психологи и методисты демонстрируют опыт создания и реализации отдельно как системы развития

сознания школьников, так и системы развития самосознания школьников в процессе формирования эстетического восприятия разных видов искусства на уроках и во внеурочное время (Н.Г. Тагильцева), обучения словесному творчеству (Е.В. Иванчихина).

Количественные изменения системы литературного развития школьников мы связываем и с формированием другой ее структурной составляющей – **методической системы формирования мировоззрения школьников**. Ее становлению способствовала смена концепции воспитания научно-материалистического, коммунистического мировоззрения школьников концепцией формирования гуманистического мировоззрения школьников на уроках литературы, как указывает анализ методической литературы 1990-2000-х годов (Е.А. Исаева, Н.Н. Казначеева и др.).

Возможность представления данной системы в качестве инвариантной модели в аспекте решения проблемы литературного развития школьников была впервые использована в диссертационном исследовании Т.В. Берченко «Формирование целостного мировоззрения студентов педагогического колледжа в системе их литературного развития» (2004).

Однако система формирования мировоззрения школьников, как нам представляется, является структурной составляющей процесса литературного развития в том случае, если способствует формированию основ мировоззрения личности школьника, выделенных В.Ю. Троицким в статье «Формирование основ культуры и мировоззрения учащихся и преподавание словесности»

(2003): рационально-логическая (наука), эмоционально-образная (искусство), провиденциально-аксиологическая (религия) [4].

Следует отметить, что на протяжении XX века рассматривалось взаимоотношение лишь двух основ мировоззрения личности читателя-школьника – науки и искусства. Подтверждением служат взгляды И.П. Плотникова и В.В. Данилова о необходимости соотношения «образа и понятия», применения «научного» и «образного» умственных приемов, которые также зарождали предпосылки для постановки проблемы взаимоотношения науки и искусства слова. Напомним, что данное взаимоотношение, рассматриваемое в аспекте воспитания и развития личности учащегося, нашло теоретическое обоснование как в общей педагогике, так и в методике преподавания литературы 1990-х годов (А.С. Роботова, Л.В. Шамрей).

Вместе с тем нельзя не отметить небольшие сдвиги в преодолении поначалу методических «затруднений» в формировании третьей основы мировоззрения школьников на уроках литературы. Подтверждением служит проведенный нами библиографический срез публикаций как в журналах («Литература в школе», «Русская словесность» и др.), так и сборниках научных трудов, который свидетельствует о первом опыте как филологического, так и методического осмысления третьей основы мировоззрения школьников. Эти сдвиги мы связываем отчасти с преломлением идеи литературоведов, педагогов-методистов, филологов о связи литературы как искусства слова и религии в изучении словесности.

Так, И.П. Щерблякин обращает наше внимание на необходимость «помнить о том, что литература в своих наиболее ярких образцах после религии является второй и самой прочной основой духовно-нравственного, а значит, и общественного благополучия человека» [5].

Б.Г. Бобылев в статье «О методологических основах преподавания русской словесности: традиции и перспективы анализа художественного текста» (2008) делает вывод о том, «что непонимание, нечувствие христианской природы русской литературы является источником ряда серьезных методологических ошибок» [6].

Задумываясь над предотвращением этих «ошибок», Е.В. Попова одна из первых обосновала идею о том, что без овладения педагогом-словесником христианским (православным) мировоззрением невозможно осуществление им ценностного подхода в изучении литературы: «Христианское миропонимание (или искания) ученого и преподавателя – вот ключ, которым открываются кладовые духа русских писателей-классиков, великие истины и великие ценности» [7].

В то же время считаем небезосновательным пресечение попыток формирования только «третьей» основы мировоззрения (религии) со стороны ученых-методистов: «Не религиозное сознание нужно воспитывать, а привести учащихся к раздумьям над глубинными вопросами бытия, поднятыми в литературе» [8]. В статье Ю.А. Халфина «Ортодоксальные ежики» (2009) также содержится призыв «преподавать литературу, а не завернутое в одежды словесности богословие» [9].

Таким образом, в методике преподавания литературы 2000-х годов открылась перспектива в исследовании формиро-

вания трех основ мировоззрения (наука, искусство, религия) на уроках литературы в их соотношении, но никак не в противопоставлении. Последнее имеется лишь в отношении науки и атеизма. Одним из показателей работы в данном направлении может служить создание прочной основы для изучения литературы как «диалога мировоззрений в рамках одной или различных культурных традиций» [10].

В некоторой степени опыт формирования третьей основы мировоззрения школьников на уроках литературы явился одной из предпосылок становления новой структурной составляющей процесса литературного развития школьников – **методической системы развития ценностно-смысловой сферы личности школьников.**

Подтверждением ее становления является преимущественно тот факт, что в настоящее время механизм формирования смысла в диалоге отношений между «я» и «другим» становится объектом современных научных изысканий психологов, филологов и методистов.

Так, О.Р. Тучина в диссертационном исследовании «Читательская деятельность как способ развития самопонимания» (2005) отметила, что «...наиболее эффективным механизмом самопонимания при восприятии художественного текста является не идентификация с героем произведения, а диалог со своим антиподом» [11].

В исследовании Л.А. Мосуновой «Структура и психологические условия развития смыслового понимания художественных текстов» (2006) мы находим разработанные ею «теоретические основы развития смыслового понимания, отве-

чающие задаче диалога учащегося с произведением искусства, который словесник призван организовать и в котором должен участвовать» [12].

В.А. Коханова в статье «Развитие личности как цель литературного образования» (2002) полагает, что в понятие «развитие личности», помимо развития атрибутивных функций личности, деятельностно-поведенческого развития личности, становления ее социального, коммуникативного пространства, «следует, вероятно, включить развитие содержания ее духовной сферы – мировоззренческих, нравственных, эстетических, этических и других ценностей в форме мотивов, установок и способностей» [13].

Л.А. Крылова в диссертационном исследовании «Культурологический аспект преподавания литературы в школе» (2001) пришла к выводу, что формирование ценностных ориентаций учащихся, постижение учащимися ключевых символов и ценностей национальной картины мира возможно в процессе духовного общения на уроках литературы в форме эмпатического диалога.

«Смысловое чтение» как условие для соотношения процессов развития мышления и личностно-смысловой сферы учащихся обосновывает Е.К. Маранцман в монографии «От образа к смыслу: развитие образного и концептуального мышления школьников на уроках литературы» (2005).

На взаимосвязь же процессов развития читательского сознания и ценностно-смысловой сферы личности школьников впервые указала И.В. Сосновская: «В основе литературного развития лежит процесс формирования сознания, которое опирается на взаимодействие между

«элементарным сознанием» и «высокоорганизованным» – культурным и опосредуется формированием смысла в диалоге отношений между «я» и «другим» [14]. При этом под «формированием смысла» автор предполагает развитие ценностно-смысловой сферы учащихся.

Анализ статьи Н.П. Терентьевой «Понятие «смысл жизни» в сознании читателей-старшеклассников» (2009) также служит подтверждением взаимообусловленности процессов развития читательского сознания и ценностно-смысловой сферы личности школьников.

Мы полагаем, что эффективность развития ценностно-смысловой сферы личности читателя-школьника для ее духовно-нравственного возрождения и воспитания обусловлена процессами развития у него православного мышления (православной культуры, православного мировоззрения, православного сознания и самосознания). Данное положение вытекает из современного литературоведческого понимания специфики русской литературы как искусства слова и как учебного предмета: «Русская литература сформировалась в лоне православной культуры, и научный подход требует при ее преподавании в школе неперемного учета этого бесспорного факта. Но сам по себе неоспоримый факт еще не объясняет нам, в чем заключается особенность грамотного подхода к литературе с учетом сказанного. Православное мирозерцание создает те предпосылки отношения к миру и людям, которые характерны для истинно русского человека и для большинства положительных героев нашей классики» [15]. Согласно этому пониманию развитию ценностно-смысловой сферы личности школьника способствует

«духовное осознание скрытых смыслов слов», а не открытие «смысла»: «Напрасно также было бы думать, что мы найдем в литературе «отмычку» смысла, инструмент, вооружившись которым, мы определим математически точный ответ на наши недоуменные вопросы» [16].

Наше положение также основывается на результатах изучения первого методического опыта развития ценностно-смысловой сферы личности учащихся на уроках литературы: Е.В. Попова «Ценностный подход в изучении литературы» (1997), И.К. Подковыров «Аксиологический аспект анализа лирического произведения в старших классах» (1997), Л.Н. Будаева «Интеграция гуманитарных знаний как фактор развития ценностных ориентаций старшеклассников» (2001), О.Г. Трапицына «Аксиологический принцип изучения русской прозы XX столетия в общеобразовательной школе (на примере творчества М.А. Шолохова)» (2010) и др.

Примечательно, что на создание и реализацию системы развития ценностно-смысловой сферы личности школьника направлен стандарт второго поколения. Так, в пособии для учителя «Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли» (2008) раскрывается связь универсальных учебных действий, в частности, с таким учебным предметом, как литературное чтение»: «Литературное чтение. Требования к результатам изучения этого предмета включают формирование всех видов универсальных учебных действий: личностных, коммуникативных, познавательных и регулятивных – с приоритетом развития ценностно-смысловой сферы и коммуникации» [17].

Пояснительная записка к курсу литературы в общеобразовательной школе, содержащаяся в одной из серий «Стандарты второго поколения» «Фундаментальное ядро содержания общего образования: проект» (2009), также акцентирует внимание на необходимости овладения «возможными алгоритмами постижения смыслов, заложенных в художественном тексте (или любом другом речевом высказывании)» [18]. Последнее сформулировано и в примерной программе по литературе в качестве одной из целей изучения предмета «Литература» [19].

При создании инвариантной модели методической системы развития ценностно-смысловой сферы личности школьника в новых программах по литературе считаем необходимым учесть замечания И.В. Сосновской: «Однако пристальный анализ программ убеждает нас, что при существующей в целом «картине» формирования ценностного мира подростка увидеть динамически построенную от класса к классу «ценностную ось», которая просматривалась бы через отбор и структурирование литературного материала, практически невозможно. В каждом классе выделяются определенные ценностные понятия, к которым потом уже автор не возвращается. Трудно увидеть и логику в подборе тех или иных понятий. ...Может быть, в таком подходе есть своя логика, хотя, нам кажется, лучше возвращаться к одним и тем же ценностям, рассматривая их с разных ипостасей или включая их в антиномичную пару. В этом случае художественные произведения не будут следовать одно за другим без учета их значимых ценностных доминант, а это, в свою очередь, поможет учителю предста-

вить приобщение ребенка к ценностным категориям системно с учетом расширения и углубления их понимания на каждой возрастной ступени развития [20].

Таким образом, результаты анализа современных научных трудов позволяют прийти к следующим выводам:

1. Система развития читательского сознания и самосознания школьников, система формирования мировоззрения школьников, система развития ценностно-смысловой сферы личности школьников являются новыми структурными составляющими процесса литературного развития школьников в методике преподавания литературы 2000-х годов;

2. Функционирование и дальнейшее формирование системы развития читательского сознания и самосознания школьников, системы формирования мировоззрения школьников, системы развития ценностно-смысловой сферы личности школьников зависят от их соотношения со структурными составляющими как процесса литературного развития школьников, представленными выше, так и условий для его протекания:

- система связи классных и внеклассных занятий по литературе;
- система использования форм классной и внеклассной работы по литературе;
- система формирования читательских умений школьников;
- система методов и приемов литературного развития школьников;
- преемственность этапов литературного развития школьников;
- система школьного анализа литературного произведения;
- система реализации межпредметных связей на уроках литературы;

■ система творческих заданий и упражнений по литературе;

■ система критериев литературного развития школьников;

■ система методов исследования литературного развития школьников;

■ система реализации связи литературы с другими видами искусства;

■ система творческих работ по литературе;

■ система реализации интеграционных связей на уроках литературы;

■ система реализации внутрипредметных связей на уроках литературы;

3. Программа и УМК по литературе являются показателем действенности инвариантной модели

■ системы развития читательского сознания и самосознания школьников,

■ системы формирования мировоззрения школьников,

■ системы развития ценностно-смысловой сферы личности школьников.

4. Уровень литературного развития школьников является показателем реализации инвариантной модели

■ системы развития читательского сознания и самосознания школьников,

■ системы формирования мировоззрения школьников,

■ системы развития ценностно-смысловой сферы личности школьников.

Ж.А. МАЙДАНГАЛИЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Карсалова Е.В. Методические основы руководства читательской деятельностью школьников на уроках литературы в средних и старших классах. Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1991. – С. 30-31.

2. Троицкий В.Ю. Словесность в школе: Книга для преподавателей русской филологии. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – С. 68.
 3. Филология и школа. Труды Всероссийских научно-практических конференций «Филология и школа». Вып. II./Отв. ред. В.Ю. Троицкий. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 299.
 4. Филология и школа. Труды Всероссийских научно-практических конференций «Филология и школа». Вып. I./Отв. ред. В.Ю. Троицкий. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 26.
 5. Филология и школа. Труды Всероссийских научно-практических конференций «Филология и школа». Вып. II./Отв. ред. В.Ю. Троицкий. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 103.
 6. Там же. – С. 298.
 7. Попова Е.В. Ценностный подход в изучении литературы. – Литература в школе. – 1997. – №7. – С. 91.
 8. Беленький Г.И. Приобщение к искусству слова: (Раздумья о преподавании литературы в школе). – М.: Просвещение, 1990. – С. 174.
 9. Халфин Ю.А. Ортодоксальные ежики. – Литература. – 2009. – 22 (685).
 10. Соловьева Ф.Е. Диалогическое обучение как средство формирования гуманистического мировоззрения учащихся на первом этапе литературного образования//Известия Смоленского государственного университета. – 2008. – №1. – С. 239.
 11. Тучина О.Р. Читательская деятельность как способ развития самопонимания. Автореф. дис. ... психол. пед. наук. – Краснодар, 2005. – С. 20.
 12. Мосунова Л.А. Структура и психологические условия развития смыслового понимания художественных текстов. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2006. – С. 10.
 13. Проблемы современного филологического образования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2./Под ред. С.А. Леонова. – Москва-Ярославль: МГПУ-РЕМДЕР, 2002. – С. 32.
 14. Сосновская И.В. Литературное развитие учащихся в процессе анализа художественного произведения. Дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2005. – С. 182.
 15. Троицкий В.Ю. Словесность в школе: Книга для преподавателей русской филологии. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – С. 73-74.
 16. Там же. – С. 69, 95.
 17. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя/А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.; под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Просвещение, 2008. – С. 135.
 18. Фундаментальное ядро содержания общего образования: проект/Под ред. В.В. Козлова, А.М. Кондакова. – М.: Просвещение, 2009. – С. 14.
 19. Примерные программы основного общего образования. Литература. – М.: Просвещение, 2010. – 176с. (Стандарты второго поколения). – С. 5-6.
 20. Сосновская И.В. Литературное развитие учащихся в процессе анализа художественного произведения. Дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2005. – С. 56-58.
-
-

СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ В СЕМЬЕ

Славянский народ сохранил любовь к родине через семейные традиции, которые становятся неотъемлемой частью любого человека. Славянские традиции зарождались на основе веры в «близкое и родное» и способности человека защитить «родной очаг» от «злых духов». Со временем возникает все больше традиций как символа народного опыта.

Из поколения в поколение передавалась любовь к родным и близким, к отчужденному, к родным просторам и Отчизне. Таким образом, патриотизм как личностное, моральное качество присуще славянам и их традициям.

Современной задачей воспитания подрастающего поколения как в рамках образовательных учреждений, так и в семье является формирование творческой личности с передачей опыта национальных традиций, культурного наследия и бережного отношения к природным богатствам.

Патриотическое воспитание начинается в семье. Семья как первая и специфическая среда является для ребенка микромоделью общества, в которой и посредством которой он осваивает историю, духовную культуру, боевые и трудовые традиции народа, свою родословную, здесь формируется отношение детей к труду, моральным, духовным ценностям. Среди этих ценностей на первом месте стоят те, которые отражают отношение сына или дочери к своей семье, родословной, нации, Отечеству, человечеству.

Семья является благоприятной средой для воспитания патриотического сознания, чувств и убеждений у детей.

Это обусловлено, во-первых, тем, что она представляет собой своеобразный социально-психологический микроколлектив, который основывается на самых близких, доверительно-интимных отношениях между супругами, между родителями и детьми.

Уже в первый период жизни ребенка семья имеет большие потенциальные возможности социального воздействия на его сознание и чувственную сферу. Возможности эти заключены и в общности запросов, стремлений, интересов членов семьи, и в их взаимной зависимости, ответственности, помощи, и в глубочайших чувствах супружеской и родительской любви.

Во-вторых, в семейной среде Родина для родившегося ребенка начинается с матери и отца, бабушки и бабушки. С ними у детей связываются понятия о своем доме, родных местах, крае. Патриотическое воспитание в кругу семьи начинается с рассказов о родственниках, их жизненном пути, о тех, кто воевал на полях сражений.

Становление ребенка как патриота своей Родины в огромной степени зависит от того, как с ним общаются в раннем детстве, что ему рассказывают, показывают, поют. Колыбельная песня матери - это для ребенка окошко в природу, в окружающий мир, в жизнь. С ее помощью он прикасается к культуре своего народа, слышит звучание родного языка, сопереживает родным, близким людям.

В-третьих, в семейной среде ни на минуту не прекращается процесс внутри-семейного общения между старшими и

младшими поколениями. Это общение способствует не только простому обмену информацией, но и передаче детям, внукам богатейшего духовного опыта и героики прошлых лет, формированию патриотического сознания, чувств и убеждений, мотивов, установок и поступков.

Наконец, в-четвертых, в семье есть возможность подметить и выявить зарождение и формирование важнейших качеств личности ребенка как патриота на различных возрастных этапах (дошкольный, младший, средний и старший школьный), особенности их формирования с помощью специфических для определенного возраста форм, методов, средств.

Важным средством патриотического воспитания является пример родителей. Пример - наглядный образ действий родителей, который служит образцом подражания. Сила примера отца и матери для юношей и девушек зависит от родительского авторитета. Чем старше становятся дети, тем внимательнее, придирчивее, принципиальнее относятся они к родителям. Фундаментом авторитета родителей становится их добросовестный труд на благо семьи и во имя Родины, высокие моральные качества гражданина Отечества, человеческие качества отца и матери - первых воспитателей своих детей. Нередко родители содействуют в выборе маршрута, проводят беседы о своих друзьях, отличившихся в боях и труде, дарят священные реликвии (письма, дневники, фотографии и др.), а также сами отправляются с классом, в котором учатся их дети, по фронтовым и партизанским дорогам, по дорогам трудовой славы наших людей. Они помогают школьникам в организации и проведении поездок и

походов по родной стране, где подростки непосредственно знакомятся с Родиной, ее народом, жизнью в прошлом и настоящем, культурой и языком. Таким образом, родители являются равноправными субъектами патриотического воспитания.

В патриотическом воспитании детей в семье неопределима роль произведений литературы и искусства. Например, чтение сказок помогает детям в доступной и увлекательной форме познакомиться с социальными нормами и правилами, приобрести навыки культурного поведения, усвоить основы экологической культуры, осознать единство человека с природой, раскрыть нравственный смысл поступков людей, сравнить свои предпочтения и оценки с мнением окружающих, лучше понимать друг друга и самих себя, узнать основные правила безопасного поведения, получить информацию об основных видах искусств, испытать национальную гордость, уважение к истории и традициям своей Родины, приобрести представления о времени и измеряющих его величинах.

Семейные традиции как зеркало отражают культуру семейного воспитания и народную мудрость, составляющую основу этнопедагогике, которая запечатлела ценности семейной жизни в языке, в пословицах и поговорках, о которых еще в 1874 году собиратель и исследователь фольклора И.И. Носович писал: «Можно положительно сказать, что они составляют для простого народа нравственно-практическую философию. Все факты, все поступки, как хорошие, так и дурные, и всякое даже суждение о чем-либо люди подводят под мерило пословиц своих. В них дошли до наших дней радость и красота любви, брака, родительства и детства».

Свое отношение к проблемам создания семьи славянский народ наиболее ёмко раскрыл в пословицах и поговорках. Народ выступает против раннего брака (Жениться, как и умирать, не спеши; Жену на отцовские плечи не сади; Сначала на хлеб заработай, а потом жену бери; Жену бери не на год, а на век; Женился на скорую руку – на долгую муку; Жену выбирай и глазами, и ушами), учит: сначала надо встать на ноги, а потом думать о женитьбе (Жену на отцовские плечи не сади; Сначала на хлеб заработай, а потом жену бери), не торопись создавать семью (Жену бери не на год, а на век; Женился на скорую руку – на долгую муку), прислушаться к общественному мнению (Жену выбирай и глазами, и ушами), главное внимание обращать на личностные качества избранника (На хорошего смотреть хорошо, а с умным жить легко; Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто на дело гош; Не ищи красоты, а ищи доброты). Семейная жизнь – это труд (Замуж выйти – надо знать: поздно лечь и рано встать; Живи с одной, да честно). Семья должна

быть построена на взаимном уважении и чести (Живи с одной, да честно). Народная мудрость учит быть хорошим семьянином (Зачем клад, если в семье лад), избегать недоразумений и в любой ситуации сохранять свое достоинство (Людей слушай, а свой ум имей и жену не бей), не разрушать семью наспех (Думать надо, как жениться, а в пять раз больше, как разжениться), в первую очередь думать о детях (Муж жену найдет, жена мужа найдет, а дети отца не найдут).

Таким образом, семья как специфический микроколлектив имеет неоценимые потенциальные возможности в воспитании у детей патриотических чувств и убеждений. Но системная целенаправленная работа различных образовательных и социальных учреждений, интегрирующая ценностный воспитательный потенциал семьи и учреждений, закладывает основы патриотического становления подрастающего поколения – будущего нашей страны.

М.И. БОЛОТОВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РУССКИХ ПРИМЕТ И СУЕВЕРИЙ

Приметы относятся к старейшему жанру фольклора и представляют собой сокровищницу многовекового человеческого опыта и знаний. Само слово примета – это производное от глагола *примечать*, то есть *улавливать зачастую неясную, скрытую и даже тайную сакральную (т.е.) связь между явлениями*

и событиями как человеческой жизни, так и жизни растений, животных и всего окружающего нас в целом. Такая этимология, по нашему мнению, довольно убедительна.

Известно, что возникшие еще в глубокие дохристианские времена приметы вобрали в себя многочисленные мифоло-

гические и магические понятия о мире и человеке в нем и сегодня являются осколками некогда существовавшей целостной картины мира. По представлению древних любой заурядный предмет наделялся необыкновенными свойствами и вел наряду с обычной жизнью и необычную. Это нашло отражение и в приметах. По определенному поведению простых вещей (*ложка, нож упали, скрипнула дверь, подол завернулся и др.*) можно было предугадывать те или иные события (приход гостя, дальнюю дорогу, болезнь и т.д.), предсказывать погоду и даже судьбу (замужество, смерть, рождение ребенка) Причем все предметы, живые и неживые, делились на чистые и нечистые, несущие человеку зло, что отчасти отразилось и в приметах. Некоторые предметы и явления могут быть хорошими или плохими в зависимости от ситуаций и действий человека в них. Другие предметы несут чисто информативную функцию, предсказывают будущую погоду или будущие события.

К сожалению, в науке пока еще нет удовлетворительного определения народной приметы. В толковых словарях примета рассматривается как синоним суеверия. Так, В.И. Даль в своем исследовании «Пословицы русского народа» в статье-предисловии, характеризуя составляющие исследования, дает определения *пословицам, пословичным изречениям, поговоркам, приговоркам и пустоговоркам, присловьям, скороговоркам, загадкам, прибауткам, пустобайкам*, но определение приметы не дает.

С.И. Ожегов в своем «Словаре русского языка» дает следующее определение примете: *1. Примета – отличительное свойство, по которому можно узнать кого-*

нибудь, что-нибудь. 2. В суеверных представлениях – предвестие чего-нибудь [1].

В паремииологии принято определять *примету как клишированное изречение с доминантной прогностической функцией, суть которой – в предсказании будущего* [2].

На наш взгляд, при таком подходе к примете из рассмотрения исключается целый ряд текстов, направленных не на предсказание будущего, а на предоставление человеку информации об уже свершившихся событиях, например: *На могилах праведников и жертв несчастной любви вырастают березы. Учитывая такой подход, мы определяем примету и как истолкование некой ситуации (реальной или увиденной во сне), которое используется носителями традиции для построения своего поведения*. Иными словами, *примета есть некий знак, символ, образ, интерпретация которого моделирует поведение человека*. На адекватность такого понимания указывает и народная терминология: слова, которыми называются приметы, имеют значения *знак, ориентир* [3]. В примете действует тенденция, свойственная любому фольклорному тексту, к закреплению обобщенной характеристической семантики, отражающей представления о человеке как социально детерминированной личности. Символика примет обусловлена их семантической организацией: примета охватывает грани мира действительного, должного, возможного, желаемого.

Постоянно соприкасаясь в своей обычной жизни с необычными проявлениями предметов и явлений, человек создал систему запретов на определенные действия, могущие пробудить и притянуть к себе негативную, «нечистую» и потому опасную суть предмета.

Долгое время приметы были под запретом, в забвении. Этот жанр был заклеямен как суеверие и религиозный пережиток, унижающий достоинство образованных людей.

Но в последнее двадцатилетие приметы вновь стали изучать, они стали предметом наблюдений известных ученых. Это связано с именами таких ученых, как В.Н. Топоров, К.С. Нечаенко, В.А. Маслова, Н.Н. Коновалова и др. Несмотря на то, что стали появляться отдельные исследования, все-таки до сих пор единого свода примет не создано. О приметах даже умалчивается в учебниках по фольклору.

Анализ примет в лингвокультурологическом ключе позволяет обозначить их как сверхфразовые единства или, по мнению Н.Н. Коноваловой, как *сакральные тексты однофразовой и двухчастной структуры, обладающие суггестивным эффектом* и в силу этого моделирующие поведение человека (социума) на основе символической интерпретации информации о типизированных ситуациях, практически значимых для адресата [4].

Поскольку мы рассматриваем приметы как проявление лингвокультурного феномена, т.е. формулу, фиксирующую стереотипы сознания человека, которые, как и пословицы и поговорки, определяют национально-культурные эталоны поведенческой реакции.

По справедливому замечанию Н. Н. Коноваловой, приметы, как и другие устойчивые фразы, необходимо анализировать, учитывая их специфику, с точки зрения описания семантики, синтагматики и прагматики. Мы убеждены, что эти единицы представляют собой средства выражения суггестивного эффекта.

Анализ семантического содержания примет позволяет выделить их основные семантические признаки. Приметы связаны с наблюдениями над внешностью человека и его поведенческими реакциями, с традиционными обрядами и ритуалами, с народным календарем природы, с повседневным бытом, с различными видами хозяйственной деятельности, социальных отношений и т.п. [5].

Большинство примет и суеверий, по нашим наблюдениям, относятся к единицам мистическим, связанным с ритуалами и обрядами. В этих случаях содержательную основу приметы составляют многовековые опыт и знания, типизированные в аксиологической системе духовной культуры в виде некоторых регламентаций, например: *Кто не крестится во время зевоты, у того перекосит рот; Отрыжка – душа с Богом беседует; Если, завязывая волосы, оставишь ненароком локон или прядь не завязанными, то это предвещает дорогу; Если волосок из ресниц выпадает, то его нужно положить за пазуху, тогда будет подарок.*

По нашему мнению, часть примет основана на опосредованных ассоциативных связях, более удаленных от исходного образа, вследствие чего декодирование их смысла возможно лишь при учете комплекса факторов: языковой идиоматики, лексического фона, различных этнокультурных пресуппозиций и т.п. Например: *Заусеницы – злой человек замышляет что-то против тебя. Ср. ассоциативную связь: заусеницы – зацепка, задоринка, задрвшаяся кожа под ногтем; острый край; зацеплять – задевать, трогать, задирачь кого-либо; зацепка – задира, задора, привязчивый человек; зацепка -придирика* [6].

Для семантики некоторых примет характерен синкретизм, свойственный русской традиционной духовной культуре, которая сохраняет «преемственность, идущую из глубины веков, в ее обиходе «явно и полнокровно» проявляется и языческая, и православная культура русского народа». Ср. серию примет, связанных с благочестием, некоторыми действиями человека, его духовностью: *Кто в пост скоромное ест, у того рябая невеста будет; Кто в пятницу перед Вознесением постится, тот от утопления сохранится; Кто передднем Козьмы и Демьяна постится, тот от смертного греха сохранится; Кто перед Успением Пресвятой Богородицы постится, тот от покушения лукавого сохранится.*

Семантика народной приметы характеризуется разными уровнями глубины осмысления зафиксированного в примете опыта освоения действительности, который может представлять сведения, с одной стороны, как обыденную бытовую ситуацию, с другой – как символическую, вписанную в систему архаической народной культуры. На этом основании и формируется стереотипный образ, который актуализируется всякий раз при использовании (употреблении, произнесении) приметы: *При высаживании капустной рассады ни в коем случае нельзя смеяться, потому что капустные листья станут морщиться и не будут гладкими.* Текст, конечно же, содержит символику народной традиции, серьезного отношения, как к живым существам. В несколько трансформированном виде это магиго-ритуальное действие вошло в состав многих народных праздников и обрядов, хотя его символическая основа не всегда осознается участниками соответствующих действий.

Языковой стереотип, по нашему наблюдению, вслед за Н.Н. Коноваловой, проявляется в приметах в разных репрезентативных формах: *постоянных эпитетах, устойчивых сочетаниях, традиционных сравнениях* и т.п. Однако это лишь внешний уровень стереотипа. Глубинный же (внутренний) уровень находит выражение в смысловых ассоциациях (сближении слов, обозначающих понятия смежных ассоциативных полей), а также в сквозных мотивах, объединяющих целые серии примет.

Семантика приметы включает и разнообразные формы выражения смыслов, направленных на нейтрализацию возможных неприятностей и бед. Ср., например, вариант известной приметы, в которой содержится развернутое объяснение причины запрета и «рецепт» действия-оберега. Рассмотрим следующий пример: *Весной и осенью нужно воздерживаться от сна при солнечном закате, так как в этот момент, скорее всего, в человека входит лихорадка и пристает какая-нибудь иная внутренняя болезнь; часто бывает, что, не успев почему-то войти в сонного, лихорадка спешит сделать это при пробуждении, и проснувшийся тогда ясно слышит, что его зовут по имени, хотя и не видит зовущего, это зовет лихорадка; как только человек откликнется, лихорадка завладеет им, поэтому предусмотрительный человек не должен отзываться, не убедившись, что его зовет не призрак, а человек.*

Такие пояснения нетипичны для традиционных устойчивых примет и отмечаются, как правило, в разговорном употреблении в определенной речевой ситуации.

Таким образом, анализ основных семантических сфер, отмеченных в текстах примет, подтверждает статус последних

как средства обобщения и типизации. Суггестивный эффект приметы тем сильнее, чем более точно подмечено и представлено в примете какое-либо типичное и значимое для социума явление, а также чем более удачна языковая форма, в которой воплощена соответствующая информация.

Организация содержания приметы во многом определяется типизированными сочетаниями знаков в тексте, которые могут отражать логические, предметно-понятийные, ассоциативные, системно-языковые и т.п. основания их комбинирования в тексте приметы.

Рассмотрим некоторые из соотношений «знак – знак», представляющиеся нам наиболее существенными для анализа конструкции приметы.

Сопоставление однородных предметов, понятий и явлений объективной действительности:

Если (капельники) сосульки долгие, то весна длинная. Прилагательные долгий и длинный в говорах становятся синонимами в обоих значениях время и размер на основе семы протяженности, а в данном случае они выступают в ассоциативной связке причинно-следственного типа, что является одним из традиционных приемов житейского умозаключения.

Сопоставление неоднородных предметов, понятий и явлений объективной действительности:

Если после работы не снимают кос с косников (орудия косьбы), куры нестись не будут. Магическая формула выражается здесь соотношением двух известных символов: *коса – символ смерти, конца, яйцо – символ зарождения, начала.*

Если первый гром прогремит, когда еще не растает лед на реках и озерах, то после холодной весны наступит грозное лето, но в то же время очень урожайное будет. Эта примета, казалось бы, отражает практические наблюдения над явлениями природы и не несет таинственного смысла. Однако при обращении к мотивировке прогноза можно выявить «мифические приемы мысли», которые, воплощаясь во внутренней образной форме слова, создают ту нерасчлененность образа и значения, которая составляет специфику мифа.

Сопоставление явлений реальной и нереальной действительности на основе какого-либо условного признака, не отражающего (или весьма опосредованно отражающего) сущностные свойства объектов сопоставления:

Иголки, булавки невесты найти в доме – к скорой свадьбе, кто найдет (к хорошему). Хотя острые предметы, в том числе иголки, – атрибут колдовских манипуляций, а действия от них могут быть положительные, желаемые, или наоборот, вред, несчастье. Тем самым данная примета представляет собой экспликацию прецедента, связанного с магико-ритуальной ситуацией колдовства. Есть и другие примеры. Считалось, например, что можно сглазить человека посредством прокалывания иглками его изображения, разрезания предметов его одежды, листа бумаги с написанным на нем именем объекта магических манипуляций и т.п. Таким образом, первый тип структурирования информации в примете демонстрирует наличие объективного соответствия между сопоставляемыми явлениями, это соответствие рационально, логически

объяснимо или выводимо из ситуативного контекста. Такое освоение реального бытия через призму интеллектуального опыта характерно для метеорологических примет и примет хозяйственно-бытового назначения.

В случае установления соответствия между неоднородными предметами реальное бытие осваивается через призму чувственного и/или мистического опыта, что является базовой когнитивной стратегией структурирования текстов примет календарной и обрядовой тематики.

И, наконец, третий тип демонстрирует освоение магического (реже – реального) бытия через призму мистического опыта. Сопоставление, сближение явлений здесь условно, символично, суггестивно, иррационально, поэтому является одним из ведущих способов формирования и выражения сакрального содержания в примете.

Так, например, разные типы примет могут базироваться на игровой когнитивной стратегии, становясь в большей или меньшей степени игровыми текстами и не выходя при этом за рамки жанровой отнесенности. В этом случае можно говорить об утрате изначальной связи приметы с ритуалом и магией, что ведет к функциональному сдвигу в предположение цели текста: если исконная функция приметы эзотерическая, то при игровой интенции усиливаются ее развлекательная, эвристическая и эстетическая функции. Ведущей в этом случае становится магия знака, магия символа, в то время как магия семантики выступает лишь фоном. Именно поэтому в игровых приметах часты различные формальные сближения, основанные на внешнем сходстве слов, выявляющем

условно устанавливаемую между ними семантическую связь. Иначе говоря, при игровой целеустановке логика сближения фактов уступает место логике сближения формы, которая подвергается подчеркнутой актуализации. Само содержание игрового высказывания как будто бы детерминировано формальным сходством сближаемых компонентов правой и левой частей приметы. Ср., например: *Видеть во сне, что что-либо горит – к горю; Темна морошка – на морозко; Дождь на Акулину (20 апреля) – хороша калина; Не хочешь лиха – сей в хороший день гречиху.*

Такие приметы явно распадаются на две группы с точки зрения формирующих их сведений, одна группа игровых примет основана на ассоциативно выводимой практике: например, гореть – (в данном случае – о пожаре) – к горю (т.е. несчастью, убытку и т.п.). Здесь могут актуализироваться и исходные этимологические связи слов, и связи, основанные на ложной этимологической мотивации. Вторая группа примет с использованием приемов языковой игры основана на реальных наблюдениях носителей традиционной крестьянской культуры за природными явлениями, поведением некоторых животных. В этих случаях можно говорить о соотношении народной мудрости, опыта, наблюдения, знаний и народного творчества, ориентированного на культурные традиции русского этноса. Например, домашнее животное кошка, которая ближе всех живет с человеком. Достаточно привести пример довольно известной приметы.

Когда кошка умывается, надо взять ее за лапку: если лапка теплая, то к приезду родных; для того, чтобы узнать, какого

пола приедет родственник, надо взять кошку, три раза потолкать мордочкой в дверь и опустить на пол: если кошка хвост поднимает – мужчина будет, опустит – женщина; Кошка потягивается в сторону человека – к обнове.

Таким образом, исследование приметы формируется представлением о наличии реальных или возможных ситуаций, как правило, приводящих к ограниченному кругу результатов, оцениваемых как благоприятные/неблагоприятные для участников ситуации при условии выполнения/ невыполнения ими определенных действий в определенное время в определенном месте. Варианты оформления прогноза сводятся к общей положительной оценке: *к добру, к удаче, к благополучию и т.п.*, или отрицательной оценке: *плохо, к худу, к несчастью*. Эта оценка может конкретизироваться не только в серии примет одной темы, но даже и в одном тексте, например, *Если на верхушке вербы густые барашки, то первый посев даст хороший урожай, а если внизу вербы густые барашки, то последний посев будет лучше первого; Кто вербу посадит, тот сам на себя заступ готовит* (то есть умрет, когда верба вырастет настолько, что из нее можно будет вытесать лопату); *Если вишни хорошо цветут, то в наступающее лето следует ожидать обильного урожая грибов.*

Прагматичность жанра приметы базируется на таких ее составляющих, как апелляция к типовым ситуациям, жизненно важным для любого носителя данной лингвокультуры; проецирование обобщенного прогноза, значимого для гарантированного жизненного благополучия социума, на пространство конкретных притязаний

индивида, что придает примете особую суггестивную убедительность. Приметы, как и другие тексты, в рамках гадательных тактик – форма рефлексивной деятельности человека. Традиция их создания заключается в выражении стереотипа сознания в стереотипной устойчивой форме. В этой связи можно отметить тенденцию отражения (закрепления) в примете этнокультурных стереотипов, связанных чаще всего с отрицательной оценкой обозначаемого. Эта особенность русского менталитета связана с ориентацией на положительное как на норму.

Смысловая организация текста приметы осуществляется в ходе соотнесения элементов текста с элементами ситуации, поэтому лишь соотнесение всех типов знаков, выражающих значимую для пользователя культурную информацию, имеет смысл при декодировании содержания приметы.

Л.С. ПАНИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1972. – С. 546.
2. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремииологического фонда//Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В.Я. Проппа. – М., 1975. – С. 256.
3. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб., 1994. – С. 12-15.
4. Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Автореф. ...дис. докт. фил. наук. – М., 2007. – С. 34.
5. Там же. – С. 35.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1984. – Т. 1. – С. 662.

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ В РОССИИ

Народная медицина зародилась на заре человечества более 2 миллионов лет тому назад и до настоящего времени является неисчерпаемым источником медицинских знаний. В течение всего периода существования человечества были выработаны правила и приемы врачевания, изначально выявляемые эмпирически через наблюдение и эффективное сравнение, а затем закрепленные во многих поколениях. Это были прежде всего навыки восстановления сил для труда (охота, сельское хозяйство, животноводство и т.д.), защиты от неблагоприятных условий внешней среды обитания, оказания помощи при родах, болезнях, травмах. Знания о том, что вредит здоровью человека и что его сохраняет, накапливались на протяжении всей истории его существования.

Сложность изучения возникновения и развития элементов медицинских знаний в дописьменную эру существования человечества, да и на более поздних этапах в известной степени связана с недостатком и недоступностью источников, пробелами в конкретных сведениях, носящих скорее косвенный, а не прямой характер. Вместе с тем еще академик И.П. Павлов подчеркивал, что деятельность врача – «ровесница первого человека... было бы несправедливо считать историю медицины с письменного ее периода» [1].

Основными письменными источниками изучения опыта народной медицины являются дошедшие до нашего времени «лечебники» и «травники» (не более 300 экземпляров), «вертограды», «писцовые книги», записи в летописях и др. [2].

Однако задолго до появления письменности существовало устное народное творчество – фольклор: совокупность обычаев, обрядов, пословиц, поговорок, заговоров. Многие из них содержат сведения, касающиеся народной медицины.

Материалом для настоящего исследования послужили пословицы, поговорки, заговоры, собранные В.И. Далем, в том числе во время его пребывания в Оренбургском крае. В.И. Даль, завершивший свой труд в 1835 году, утверждал, что «пословицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти» [3]. В разделе «Здоровье и хворь» собраны около 300 пословиц, поговорок, заговоров, имеющих большое значение и ценность для изучения приемов и методов народной медицины.

Прежде всего следует отметить, что в народе высоко ценилось здоровье – как оптимальное состояние организма. «Здоровью цены нет. Здоровье не купишь» – в тех или иных вариантах повторяют пословицы и поговорки: *Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье всего дороже.*

Понимая, что здоровый человек – это прежде всего хороший работник, глава семьи в ряде поколений, основа благополучия и процветания рода, народная мудрость утверждает: *Здоровье – всему голова; Здоров буди денег добуду; Береги платье снову, а здоровье смолоду*. Одновременно в фольклоре даются рекомендации, как сохранить здоровье: *Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживешь век до полна; Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле*.

Напротив, болезнь оценивается авторами пословиц и поговорок как неблагоприятное состояние организма: Болезнь человека не красит; Болезнь и скотину не красит. Интересно отметить, что описания больного человека в пословицах и поговорках приближаются по сути к тем наблюдениям, которые сделал в III-IV вв. до н.э. великий греческий врач и философ Гиппократ. Знаменитая «маска Гиппократа» – лицо умирающего человека близка характеристикам фольклора: *На ладан дышит; Краше в гроб кладут; По синел, как на льду посидел; Еле-еле душа в теле и др.*

Опыт врачевания еще на этапе становления первобытно-общинного строя (2 млн. – 40 тысяч лет тому назад) был связан с использованием растений. Эмпирическим путем отбирались те, которые обладали лечебным действием, знания о них содержатся и в народном фольклоре: *Хрен да редька, лук да капуста – лихого не попустят; И собака знает, что травой лечает; Противное зелье лучше болезни; На всякую болезнь зелье вырастает*. Многочисленные пословицы и поговорки содержат сведения о благоприятном воздействии на орга-

низм человека сна: *Сон лучше всякого лекарства; Сон дороже лекаря; Ляг да усни; встань да будь здоров!; Выспишься – помолодеешь*.

Издавна неотъемлемой частью врачевательства и гигиены быта Древней Руси была русская паровая баня. О ней писал еще древнегреческий философ Геродот (ок. 484-425 гг. до н.э.), посетивший территории, где проживали скифы [4]. Русский фольклор содержит много сведений о целебных свойствах бани и их использовании: *Баня – мать вторая; Кости попаришь, все тело направишь; Наешься луку, ступай в баню, натришь хреном, да запей квасом*. В банях лечили простудные заболевания, вправляли вывихи, принимали роды, проводили общее оздоровление организма. Позднее (XVIII в.) русский врач Н.М. Максимович-Амбодик писал: «Русская баня до сих пор считается незаменимым средством от многих болезней. Во врачебной науке нет такого лекарства, которое равнялось бы силую... бане» [5].

Наконец, было проведено научное исследование влияния русской бани на организм человека в конце XIX в. в клиниках Военно-медицинской академии под руководством доктора С.П. Боткина [6]. Было установлено, что физиологическая «встряска» (по современной терминологии «стресс»), вызванная высокой температурой, паром, горячей водой, своеобразным массажем с использованием веника, влияют на обмен веществ, улучшают самочувствие, повышают естественную резистентность организма. *Баня парит, баня правит. Баня все поправит; Когда б не баня, все б мы пропали* – утверждает народная мудрость.

Медицина, являясь важной составной частью культуры русского народа, нашла свое отражение в народном фольклоре. Пословицы и поговорки, как об этом свидетельствуют приведенные выше материалы, – богатый и ценный источник изучения медицинского и гигиенического опыта на Руси. Практическое значение сведений об обрядах и обычаях, пришедших из глубины веков и сохранных народной мудростью, важно для понимания этапов становления народной медицины и ее связей с медицинской наукой.

Представленный материал свидетельствует о том, что пословицы и поговорки содержат богатый и разносторонний материал, отражающий опытный взгляд на здоровье и болезнь, и имеют значение по сей день, так как содержание

их разумно, заключения целесообразны и не противоречат выводам современной научной медицины.

**И.Э. ЛЯШЕНКО,
В.И. ЖЕЛТОВА**

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. – М., 1951. – Т. 2. – Кн. 1. – С. 246.
2. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – С. 558.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: «ЭКМО-Пресс», 2000. – С. 248-253.
4. Думка Н.С. О медицине скифов. – Киев, 1960. – С. 21.
5. Максимович-Амбодик Н. Врачебное веществование. – СПб., 1783.
6. Боткин С.П. Курс клиники внутренних болезней. – М.: Медгиз, 1950.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. ДАЛЯ

Интерес к фольклору вдохновил не только Даля-лексикографа при создании «Толкового словаря живого великорусского языка», Даля-собиравателя («Пословицы русского народа») и Даля-этнографа («О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа»), но и Даля-писателя. Кажется, почти нет жанров русского (и не только) фольклора, к которым бы Даль в своей литературной практике не обратился в большей или меньшей степени: это и пословично-поговорочные паремии, и предания, и былички, и притчи, и анекдоты, и, конечно, сказки. Возможно, лишь народный театр остался за пределами его авторского внимания.

И это не столько специфическая черта литературного метода Даля, сколько следование гоголевскому открытию, явленному еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Е.Н. Купреянова отмечает, что повествование в гоголевском цикле «буквально соткано из мотивов украинского фольклора, почерпнутых из самых разных его жанров – героико-исторических «дум», лирических и обрядовых песен, сказок, анекдотов, вертепных комедий» [5, с. 537]. Но поразительно, как по-разному фольклорные мотивы вплетаются в сказ Гоголя и сказ Даля.

Обращаясь к фольклору, Гоголь поднимает события «Вечеров...» до романтического мифа, реконструирующего не быт, но бытие народа, его онтологические основания. Время, пространство, система персонажей – все выводит события, происходящие в Диканьке, на иной, надповседневный уровень. И позже Гоголь сотворит не только украинский сказочный миф, но и петербургский («Петербургские повести»), и провинциально-российский («Ревизор»), и, наконец, в «Мертвых душах» вся Россия предстанет перед нами как вечный миф: «...Вся Русь явится в нем», – писал Гоголь Жуковскому в письме от 31 октября (12 ноября) 1836 года. [6, с. 156]

Мифотворчество Гоголя анализирует множество авторов, начиная от символистской критики Д.С. Мережковского («Гоголь и чорт») и заканчивая такими современными исследователями, как М. Вайскопф («Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст»). Но практически никто из литературоведов не говорит о том, что так называемое гоголевское направление, натуральная школа, к основателям которой принадлежит и В.И. Даль, не поднимается до собственно гоголевских высот обобщения. Влияние Гоголя на натуральную школу ограничивается выбором сюжета и отчасти отношением к герою. Из «Петербургских повестей» авторы «физиологий» вынесли не страшный гоголевский гротеск, не фантастическую реальность «Носа» или «Шинели», а лишь бытовую подробность, внимание к детали и типизацию героев, хотя у Гоголя никогда герой не исчерпывается типом «майора», «коллежского ассессора» или «художника». Только те авторы, гений которых выведет их за пределы физиологического направ-

ления (в первую очередь Гончаров и Достоевский), вновь представят бытие русского человека уже на новом уровне художественной и онтологической глубины.

Даль же странным образом стоит и у истоков натуральной школы, и будто за ее пределами, что дает возможность С.В. Путилиной, например, говорить о «лингвоцентризме» Даля как писателя, этнографа и лексикографа. Исследовательница приходит к выводу, что «изначальные основания художественного мира Даля и большинства представителей натуральной школы имели больше различий, чем общего. Общность выражалась прежде всего в интересе к народному быту, народному языку. Однако для Даля все это было связано с основной для него идеей пути к идеальному русскому языку, в то время как для большинства писателей натуральной школы интерес к народу локализовался в области социологии» [7, с. 57].

Каковы же особенности использования фольклора в собственно литературном творчестве Даля?

Во-первых, это изобилие малых фольклорных форм в сказках. Целые абзацы представляют собою нанизывание паремий: «Но плетью обуха не перешибешь – когда посылают, так идти; не положить же им, здорово живешь, голову на плаху; смерть не свой брат, хоть жить и тошно, а умирать тошнее; ретивый парень лучше пойдет проведать счастья молодецкого на чужбине, чем ему умирать бесславно на родине!» [4, с. 373]. Причем сам автор подчеркивает сознательность такого приема в названии своего первого сказочного сборника: «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому

приноровленные и поговорками ходячими разукрашенными казаком Владимиром Луганским. Пяток первый» (выделено мною). Ради своей цели – показать богатство русского слова – Даль сознательно нарушает фольклорные нормы употребления пословиц, приводит их целыми гнездами, тогда как в народных сказках пословицы обычно выполняют функцию морального вывода из сюжетного эпизода или всего произведения, употребляются в виде одного изречения к определенному случаю.

Во-вторых, Даль часто использует пословицу как основу сюжета: словесная формула разрастается до притчи или сказки. Так, «Притча о дубовой бочке» представляет собой сюжетное подтверждение изначально заявленных пословиц: *«Дружно не грузно, а врознь хоть брось; две головы и в чистом поле дымятся, а одна и на шестке гаснет»* [3, с. 112]. Эта притча, как и многие другие произведения Даля подобного жанра, начинается не с одной, а сразу с нескольких пословиц.

В-третьих, Даль обращается и к жанрам несказочной фольклорной прозы, в частности к преданию. Подзаголовок «Уральское предание» имеет, например, «Полуночник» – рассказ об измене Кизылбашева, казака персидского происхождения, перешедшего на сторону киргизов и со времен Пугачева бродящего привидением по степи. Даль не только сохраняет установку на достоверность, истинность предания как фольклорного жанра, соотнесенного с историческим линейным временем и историческими персонажами («Лет тому – да много, еще когда дедушка внуком был, никак вскоре после пугачевщины...») [2, с. 147],

но и наделяет повествование точными этнографическими деталями, например, детальным описанием казацкой одежды. Он не удерживается в рамках фольклорного предания подобно тому, как не удерживается в рамках фольклорной сказки. Тому, как в структуру сказки Даль вводит восточную повесть и элементы переводного романа XVIII века, нами посвящена отдельная статья [9].

Известно, что русская народная сказка, сочетая в себе эпическое и поэтическое начала, стремится к экономии, в том числе и постоянные эпитеты, характеризующие героев и пейзаж, «единообразие композиции» (В.Я. Пропп). Сказка избавляется от подробностей, которые неизбежно утрачиваются при устном бытовании, она тяготеет к лаконичной конкретике. Даль сознательно нарушает законы поэтики народной сказки. Его бытописательский талант стремится показать все: особенности национальной кухни (*«закусили муромским калачом, ростовским каплуном и нежинским свежепросольным огурчиком»*) [4, с. 373], выправку военных (*«держал мерный шаг, руки по шву, фуражку снял на приличном расстоянии»*), народные гулянья (*«скоморохи, выписные и доморощенные, игрища многообразные, горы, пляски, салазки и сказки, кулачные бои увеселяли народ»*) [4, с. 380]) и т.д. Знания рассказчика так велики, что выливаются за пределы собственно сказки, находят себе место в авторских примечаниях, чего и представить себе не могла народная сказка. Русский сказочный эпос повествует о том, что и без того известно каждому, в своем предельном обобщении он рассчитывает на слушателя, которому знакомы все реалии быта. Даль же под-

ходит к переделке сказок как ученый, как лингвист и этнограф: он открывает просвещенному читателю мир русской народной культуры, быт и речь народа, подобно тому, как в первой своей повести он открывал молдавских цыган, а позже в Оренбурге откроет европейцам киргиз-кайсаков. Вот почему выверенную формульность народной сказки сменяют у него красочные описания, толкования слов, изобилие пословиц и поговорок. И сам автор это осознает, делает творческой установкой: «Не сказки сами по себе были ему (автору) важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода – и сказка послужила предлогом. Писатель задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком, с говором, которому открывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке» [1, с. 424]. Даль подчеркивает, что он не ставил своей целью издать собрание русских сказок, что его творения не являются образцом слога и языка, более того – он «хочет только показать небольшой образчик запасов, о которых мы мало или вовсе не заботились...» [1, с. 425]. Это осознают и современники: «... Но пора сказать о тех писателях, которые возделывали народную устную стихию в русском языке... Пальма первенства в этом деле из всех повествователей русских принадлежит несомненно Даю-Луганскому. Все до него пользовавшиеся этим языком употребляли оный не столько в своем собственном слоге, сколько в разговоре простонародных лиц, выводимых ими... Даль-Луганский чувствовал большую симпатию к этому языку, а вме-

сте с тем видел и невозможность ввести его помимо всех обычаев прямо в язык литературный. Ему не оставалось другого средства, как притвориться русским сказочником и дать нам новый образец этого забытого, живого, устного нашего языка сначала в художественной оправе нашей народной сказки» [8, с. 245]. Сказки стремятся к главной линии его творчества – к очерковости, к созданию максимально объективной и по возможности полной картины быта и нравов. Поэтому сюжет, имеющий в народной сказке первостепенное значение, у Даля заслоняется деталями крестьянского и солдатского быта, богатством малых фольклорных форм, вошедших в повествование. «Родной дух и родной язык» – вот формула, необходимая, по мнению Даля, отечественной словесности.

Н.С. СЕРБИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Даль В.И. Полтора слова о нынешнем русском языке//В.И. Даль. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство. – 2001.
2. Даль В.И. Полуночник (Уральское предание)//Даль В.И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя...
3. Даль В.И. Притча о дубовой бочке//Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского): В 10 т. – 1 посмерт. полн. изд., доп., сверен. и вновь просмотр. по рукописям.: – СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1897-1898. – Т. 6.
4. Даль В.И. Сказка о Иване Молодом Сержанте, Удалой голове, без роду, без племени, спроста без прозвища//Даль В.И. Избранные произведения. – М.: Правда. – 1987.
5. Купреянова Е.Н. Н.В. Гоголь//История рус-

- ской литературы: В 4 т. – Л., 1981. Т. 2.
6. Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. – М., 1988. Т. 1.
7. Путилина С.В. В.И. Даль как литератор. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
8. Шевырев С. Цит. по: Гофман В. Фольклорный сказ Даля//Русская проза. – Л.: ACADEMIA. – 1928.
9. Федорова Н.С. Фольклорные и литературные

традиции в сказке В.И. Даля «О прекрасной царевне Милонеге-белоручке, по прозванию Васильковый глазок, и о трехстах тридцати трех затыжных волокитах и поклонниках ее»// Актуальные проблемы гуманитарных наук и методики преподавания в вузе и школе: сборник научных статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ. – 2005.

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЕ ПРАЗДНИКИ СЛАВЯН

«Праздник – есть первичная форма человеческой культуры».

М.М. Бахтин

На протяжении всей истории жизни народа праздникам отводилась особая роль. Они сопровождали наиболее значимые существенные моменты и периоды природных циклов и жизни коллектива, будь то государство, народ, религиозная община или семья. Как социальное и культурное явление, в котором соединены две тенденции: возврата, неподвижности и обновления, динамики – праздник одновременно ориентирован на прошлое и устремлен в будущее. Он исконно связан с традицией, всегда опирается на апробированное, устоявшееся, стремится к возрождению и актуализации традиционного. Поэтому праздник в значительной степени ритуализирован, обряден, но никогда не сводится к ритуалу или обряду, оставляя место новому, непредусмотренному.

В фольклорном осмыслении праздник – это время, когда обнажаются общие идеалы, чтобы проявиться, подтвердиться, закрепиться, это день и час солидарности со «своими». Здесь общими усилиями вос-

создается утрачиваемая в обычные дни гармония мира, происходит единение не только живых, но и ушедших в мир иной и еще не рожденных. Так человек в празднике оказывается точкой пересечения будущего и прошлого, средоточием опыта и мудрости праотцов и той жизненной энергии, которая является причиной рождения потомков. В атмосфере праздника человек наиболее остро ощущает себя одновременно личностью и членом коллектива, внутри праздника осуществляется контакт и свободное общение.

Исторически сложилось так, что крупные события и даты традиционного праздничного календаря отмечались как бы в трех измерениях. Люди собирались дома в кругу семьи, демонстрируя сплоченность рода, подчеркивая родство по крови. Обязательно посещали храм, акцентируя родство по вере, приобщение к серьезной и высокой духовности. А также выходили на улицу, «в народ», что подчеркивало единство социума, давало возможность

проявления естественного, природного в человеке в рамках смеховой культуры. Все три части направлены были на осуществление древнейшей философии праздника – объединение в общем устремлении, преображение себя и мира, приобщение к непреходящим ценностям.

Существует достаточно сложная система праздников, складывавшаяся столетиями и поддерживаемая практически ежегодно. Можно выделить праздники общегосударственные, общенациональные и местные; великие и скромные; государственные и церковные; календарные, семейные; разовые (юбилеи) и постоянные, празднуемые из года в год; преимущественно женские или мужские, детские, молодежные, профессиональные и т.д. В этом ряду особое место занимают календарно-обрядовые праздники.

Календарно-обрядовыми или традиционно-календарными принято называть земледельческие праздники. Они таят в себе большое количество обрядов, художественных форм, традиций, которые до настоящего времени составляют сердцевину народной культуры и фольклора славян.

В основе земледельческого праздничного календаря заложены наблюдения за Солнцем, четыре его положения стали опорными для определения праздничных дат:

1. 25 декабря – зимний солнцеворот, прибавление светового дня (праздник Рождество Коляды бога Солнца).

2. 22 – 24 июня – летний солнцеворот, убавление светового дня (праздник Ивана Купалы).

3. 21 марта – день весеннего равноденствия.

4. 23 сентября – день осеннего равноденствия.

Последние две даты – 21 марта и 23 сентября – изначально были основополагающими при определении Нового года. Для восточнославянских народов характерно наличие нескольких вариантов отсчета Нового года:

■ до принятия христианства славянские племена считали Новым годом день сева;

■ после принятия христианства Новый год стали отмечать по Византийскому образцу 1 марта (с X по XV вв., 1492 год);

■ с 1492 года Новый год по настоянию церкви был перенесен на 1 сентября и отменился до указа Петра 1 (1699 год);

■ с 1700 года Новый год в России принято отмечать 1 января.

В поисках логики календаря, его годового круговорота исследователи брали за основу различные точки отсчета, учитывая функциональную направленность или утилитарно-прикладную закономерность традиционного обрядового календаря. Снегирев И.М., Сахаров И.П., Аничков Е.В. делили весь праздничный календарь на четыре цикла по временам года: осенний, зимний, весенний, летний. Другая группа ученых – Афанасьев А.Н., Буслаев Ф.И., Потенба А.А. – исходили из реальных забот земледельцев о будущем урожае и подразделяли праздники на два цикла: зимний и летний; первый предшествовал успешной работе, второй ее заканчивал. В свою очередь Чичеров В.И., Пропп В.Я. и их последователи предложили деление праздничного календаря на три цикла, тесно связанных с характером деятельности человека:

1) подготовка к будущим трудовым действиям; 2) реальная практическая работа (пахота, сев, уход); 3) сбор урожая.

1. Первый цикл – зимне-весенний, посвящен культуре Солнца:

▣ Встреча зимы – Кузьминки – 1.11(14.11) – 3.11 (17.11)

▣ Зимний солнцеворот – Колядки (святки) – 25.12 – 6.01

▣ Проводы зимы – Масленица – за 50 дней до Пасхи.

2. Второй цикл – весенне-летний, посвящен культуре Земли:

▣ Встреча весны – Герасим Грачевник – 4.03

▣ Расцвет весны – Вербич – за 7 дней до Пасхи

▣ Родительские дни – Радоница – 8 – 9 день от Пасхи

▣ Русская березка – Зеленые святки – 50-й день от Пасхи

▣ Летний солнцеворот – Ивана Купала – 22.06 – 24.06

▣ Проводы весны – Ярила, Кострома – 29.06

3. Третий цикл – осенний, посвящен культу Урожая:

▣ Зажинки – «Сноп – матка», «Сноп – невеста» – начало уборки урожая

▣ Дожинки – Оспожинки, Госпожинки («завивание бороды козлу и жнивный обряд») – конец уборки урожая

▣ Ярмарки – конец осеннего цикла. С октября начинаются посиделки до самых Колядок.

Начало и конец каждого цикла отмечались ритуалами «встреч» и «проводов – похорон» (зимы, весны, лета и осени). Встреча оформлялась как призыв, приглашение, которое в поэтической форме чаще всего произносилось детьми или

молодежью, либо как изготовление символа, которым могли служить хлеб, печенье – жаворонки, украшенное дерево, чучело, большой костер и др.

Кулики, кулики куликали,

Весну красную закликали:

– Весна красна, на чем пришла?

*– На сохе, бороне, на кривой кочерге,
на жердочке, на бороздочке,*

На ржаном колоску,

На пшеничном пирожку!

Проводы или изгнание также сопровождалось соответствующими словами, песнями, уничтожением символов – их разрывали на части, разбивали, сжигали, топили, хоронили.

Прощай, Масленица,

Пересемшница.

Тырь, Тырь, монастырь!

Ты лежи, лежи старуха,

На осиновых дровах,

Три полена в головах.

Вся жизнь людей проходила в соответствии с народным календарем, который представлял собой систему членения, счета и регламентации годового времени. Он организовывал всю хозяйственную и бытовую деятельность, определял чередование будней и праздников. Постепенно христианские праздники вытесняют языческие. Народный календарь теперь называется Святцы, в которых каждый день посвящается одному или нескольким святым. Святцы определяли время христианских праздников, постов и мясоедов. Однако содержательная сторона народного календаря, интерпретация праздников, сопровождающие их обряды, различного рода предписания, запреты, приметы, поверья были обусловлены не столько

христианским вероучением, сколько представлениями, характерными для славянского язычества.

Народные (языческие) праздники вби-
рали в себя или подчинялись церковным,
поскольку и те и другие были проникнуты
двойственным мироощущением. Тема
жизни и смерти, постоянный переход из
одного состояния в другое, возрождение
и воскресение через смерть, гибель, со-
жжение, зарывание – главенствующие
темы церковной и народной культуры.
Церковные праздники относительно лег-
ко поддавались бытовому и трудовому
осмыслению, так как большинство из них
имели языческое происхождение.

Церковь на протяжении веков боро-
лась с язычеством, обрушиваясь прежде
всего на обряды, праздники и игрища –
как наиболее красноречивые и массовые
проявления языческого начала. Однако ни
гонения, ни устрашающие проповеди, ни
указы государя, ни попытки приурочить
к древним традиционным праздникам
церковные и тем самым искоренить
язычество, не дали результатов. Язы-
чество было необходимо земледельцу,
оно соответствовало его практическим
и духовным потребностям и потому не
исчезло под тяжестью и достоинствами
новой религии, а, растворившись в ней,
одновременно погасило ее, образовав
нечто новое – бытовое крестьянское
православие со своими святыми, празд-
никами, трудовым ритмом и собственной
эстетикой. Так, все названия церковных
праздников в народном календаре по-
лучили свою интерпретацию, например,
День св. Евдокии получил название Дня
Авдотьи Плющихи, День св. Афанасия –
Афанасий Ломонос, береги уши и нос;

крещенский сочельник – голодная кутья,
праздник Рождества Иоанна Предтечи –
Иван Купала и т.д.

В православных праздниках легко об-
наруживаются тематические и временные
параллели двух культур – народной и цер-
ковной. Так, Рождество Христово «совпало»
с Колядой, Вход Господень в Иерусалим
– с Вербичем, Троица – с Зелеными свят-
ками и т.д. Народная и церковная культура,
взаимодействуя и взаимопроникая друг в
друга, в конце концов, образует новый
органичный сплав культурно-праздничного
феномена. Традиции и обряды «общего
характера», такие как вербальная магия,
коллективная трапеза, подарки, ряженье,
театрально-игровой «ход», освящение вер-
бы, березки, еды (хлеб, соль, вино и пр.) и
многие другие легко «приживаются» в обе-
их группах праздников, меняются местами,
взаимодействуют, создавая интересный
симбиоз двоеверия.

Мифологическое содержание всех
календарных обрядов было единым. Пре-
жде всего, с их помощью люди стремились
стимулировать природные явления: насту-
пление тепла и холода, выпадение и тая-
ние снега, появление и увядание зелени,
прилет птиц, восстановление плодородия
земли после жатвы и т.п. Кроме того люди
в обрядовой форме обращались к тем си-
лам, от которых, как считалось, зависело
их жизненное благополучие.

Пришла Коляда на кануне

Рождества!

*Пусть к вам счастье в дом придет,
урожая принесет!*

Святки или Колядки – период времени,
приуроченный к зимнему солнцевороту,
который открывал народный солнечный год.
Святки длились 12 дней (по числу месяцев в

году), с Рождества Христова до Крещения Господня. Святочный цикл воспринимался как пограничный между старым и новым солнечным годом, как «плохое время», своего рода безвременье. Старый год уходил, а новый только начинался, будущее казалось темным и непонятным. Верили, что в это время на земле появлялись души умерших, а нечисть становилась особенно опасной, так как в период безвременья граница между миром людей и враждебным им миром нечистой силы была размыта. Представления о «плохом» времени нашли отражение в названии «страшная неделя» применительно ко второй половине святок; первая половина святок называлась «святой неделей». Языческие представления тесно соединились в этом празднике с христианскими: в легендах рассказывалось, что Бог открыл врата ада, чтобы бесы и черти тоже могли попроздновать Рождество.

Святки были насыщены различного рода обрядами, магическими действиями, запретами, гаданиями. С их помощью старались обеспечить благополучие на весь год, выяснить свою судьбу, задобрить «родителей» – умерших предков, обезопасить себя от нечистой силы. Так, например, в надежде на увеличение плодovitости скота в сочельник – канун Рождества – выпекали из теста «козульки» («коровки») – печенье в виде животных и птиц. В надежде на будущую счастливую жизнь ставили снопы в красный угол избы, разбрасывали солому по полу, кормили кутьей куриц, обвязывали цветными лентами фруктовые деревья.

Самым ярким обрядовым действием, с которого начинались святки, был обряд колядования, представлявший собой театрализованное зрелище, сопровождавшееся пением песен – пожеланий, величаний хозяевам.

*Уж как наша коляда не велика,
не мала.*

*Она в двери не влезет,
через улицу метет, через тын падет!*

*Хозяюшка добренька,
подай пирожка сдобненько!*

*Подай, хозяйюшка, хлеба ломтину
или денег с полтину!*

*Или курочку с хохлом, петушка
с гребешком!*

*Не подашь пирожок, мы корову
за рожок!*

*Свинку за шерстинку, быка
за хребтинку.*

Затем следовали пожелания хозяевам:

*Желаем тебе, хозяйюшка, сидеть
на перине, считать полтины!*

Нивку узенькую, а жито густенько!

*Чтобы колос с бревно,
а зерно с ведро!*

Колядование – древнейший славянский обряд. Приход колядующих в древности воспринимался как приход из иного мира умерших предков к домам потомков, а одаривание их – как жертвоприношение в надежде на помощь и защиту в наступающем году. С приходом христианства, сохранив свою форму, обряд приобрел совсем иное значение: теперь колядовщики – это «непростые гости», они приносят в дом хозяину радостную весть о том, что родился Иисус Христос. Наряду с другой атрибутикой теперь они носят с собой звезду, как символ и знак, по которому волхвы узнали благовест о рождении Христа.

Праздник Масленица, в отличие от Коляды, до сегодняшнего дня остается в большей степени языческим. Этот праздник восходит к весенним аграрным

обрядам до христианской эпохи жизни славян, когда масленица приурочивалась ко дню весеннего равноденствия – рубежу, отделяющему зиму от весны. Обрядовые действия были направлены на то, чтобы зимние тяготы закончились, и наступила весна, а за ней теплое лето с хорошим урожаем. В XIX – начале XX в. в праздновании масленицы на первый план выходят элементы развлекательного характера: катание с гор, катание на санях, кулачные бои, игрища.

Традиционно масленица празднуется семь дней. Последний день масленицы – проводы Масленицы – в церковном календаре отмечен как Прощенное воскресенье. В этот день люди должны были думать о греховности и суете мира, в котором они живут, и прощать друг другу грехи. Необходимость всепрощения перед вступлением в пост объяснялась словами Евангелия от Матфея: *«Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших»* (Мф. 6:14 – 15).

Православный обычай просить в воскресенье перед великим постом прощения за все вольные и невольные обиды и огорчения, причиненные друг другу, нашел широкий отклик в душе славянского народа. Прощенное воскресенье совпадало так же с прощанием перед Великим постом, во время которого запрещались прием гостей, общие гулянья, развлечения, свадьбы. Прощения друг у друга просили родители и дети, муж и жена, близкие и дальние родственники, соседи. Из соседних деревень к отцу приезжали замужние дочери с детьми, собирались сыновья для

прощения и прощания перед наступавшим постом. Уезжая вечером домой, они становились перед отцом и матерью на колени и говорили: «Прости меня, пожалуйста, буде в чем виноват перед тобою». Те же слова говорили родители взрослым детям. Прощение заканчивалось низким поклоном и поцелуем. Во многих деревнях в этот день прощались не только с живыми, но и с умершими – «родителями». Утром все шли на кладбище к могилам усопших родственников или, если было много снега, подходили к ограде кладбища, кланялись и просили у них прощения.

В то же время в Прощенное воскресенье совершалось много других обрядов, не имеющих отношения к православной традиции, самый яркий из них: проводы Масленицы.

Обряд проводов Масленицы проходил по всей России и за ее пределами. Масленицу ритуально сжигали или хоронили, вкладывая в это действие особый сакральный смысл. Обычай сжигать Масленицу на костре очень древний. Костер символизировал солнце, его старались сделать как можно выше, чтобы свет от него был виден во всех окрестных деревнях. В некоторых деревнях масленичный костер представлял собой горящее колесо, которое спускали с горы или поднимали на высоком шесте.

Иначе проходили похороны Масленицы: Чучело водружали на старые сани, парни запрягались в них, и втаскивали их на самое высокое место в селе, или тащили за околицу деревни на ржаное поле. На проводы, или «похороны» Масленицы собирался весь деревенский люд. Процессию возглавлял парень в рогоже, избравший попа. В руках у него был лапоть

– «кадило», которым он размахивал, выкрикивая: «Аллилуйя! Аллилуйя!» Прибыв на место толпа набрасывалась на чучело, разрывала его на части и разбрасывала по ржаному полю или сжигала.

Похороны Масленицы в далеком прошлом имели глубокий смысл. Провожая Масленицу, люди изгоняли злое и враждебное человеку и природе – зиму и смерть. Свой страх перед изгоняемой смертью они старались побороть глумлением над чучелом, шумом, криком, а радость выразить плясками, смехом, который символизировал жизнь и возрождение.

Таким образом, параллели и переплетения христианского и языческого мировосприятия можно найти практически во всех праздниках славян, в одних праздниках сохраняются обряды, приобретая иное смысловое значение, в других, напротив, одно обрядовое действие вытесняется и заменяется другим. Важно отметить, что праздник остается все так же значим, являясь результатом осмысления человечеством самого себя в рамках реального бытия, он создает портрет человечества каждой эпохи. Он отражает всю систему эстетических, нравственных, этических, религиозных критериев общества, накопленных в историческом движении времени. Традиционная народная праздничная культура за века своего существования сумела выработать немало различных эффективных способов и приемов передачи мировоззренческих знаний и социо-культурных навыков от старших членов общества к младшим. И не смотря на то, что некогда тесно связанные с жизнью и благополучием каждого

отдельного человека, на сегодняшний день календарно-обрядовые праздники постепенно утрачивают актуальность и свой первоначальный смысл. Потенциал народных праздников в вопросах сохранения связи человека с природой, воспитания подрастающего поколения огромен. Важно научиться четко видеть, выявлять и изучать традиционные механизмы и направлять их на позитивное общекультурное воспитание молодежи, на формирование у молодого человека, вступающего во взрослую жизнь, положительных социо-культурных ориентиров, основанных на традиционном мировоззрении, а не на искусственных, полностью оторванных от национально-культурной почвы образцах западной массовой поп-культуры, которая не несет ничего, кроме падения нравов и крушения веками существовавшей системы ценностей. Возврат общества на путь Традиции – есть реальный выход из возникшего культурного кризиса.

Е. Б. ЛИТОВКА

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лазарева Л. Н. История и теория праздников. – Челябинск, 2003.
2. Лазарева Л. Н. Календарно-обрядовые праздники Урала. – Челябинск, 2007.
3. Некрылова А. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. – СПб, 2004.
4. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. – Л., 1963.
5. Традиция // Сб. статей под ред. И. Черкасова. – М., 1999.
6. Шангина И. Русские праздники. От Святков до Святков. – СПб, 2004.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОРЕНБУРГСКИХ ПОЭТОВ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

В начале XIX в. культурная жизнь в Оренбургском крае только начала устанавливаться. В 1820-е годы были открыты первые училища – уездное, Неплюевское военное. В конце 1830-х годов стала выходить первая оренбургская газета «Оренбургские губернские ведомости».

В этот период в крае проявились и первые литературные таланты: поэты П.М. Кудряшев (1797-1827), А.П. Крюков (1803-1833), О.П. Крюкова (1815-1885). Известность приходит к ним в основном в 1820-30-е годы. Творчество этих поэтов относится к периоду, часто называемому «пушкинской порой».

А.С. Пушкин был их современником, и многие темы, волновавшие Пушкина, были важны и для оренбургских поэтов. Это прежде всего «вечные» темы – философские проблемы, вопросы любви, дружбы и т.п.: «Любовь», «Песня», «Русская песня» П.М. Кудряшева; «Жажда любви», «Каратай» А.П. Крюкова; «Донец» О.П. Крюковой.

Как и Пушкин, размышляли они о значимости поэзии, роли ее и поэта в социальной жизни.

П.М. Кудряшев в дружеском послании «К Размахнину» (подзаголовок: «при посылке повести «Пугачев») пишет о том, что считает достойным предметом для описания в стихах:

...Но, впрочем, знай,

что твой певец

*В войне одно злодейство видит,
Душой и сердцем ненавидит
Железо, порох и свинец!*

*Я не пленяюсь шумной славой,
Я не хочу ее искать.*

И ужасы войны кровавой

Я не желаю прославлять.

*Я петь люблю златые нивы,
Красу родительских холмов,*

Ручей блистающий, игривый,

И вид Уральских берегов,

Я петь люблю приют смиренный,

Где радость, счастье вкушал,

Где дружества огонь священный

Мне сердце, душу согревал;

Люблю, люблю я петь — простую

Беседу молодых друзей,

Непринужденность золотую,

И чашу дедов круговую

И нектар виноградный

в ней [1, с. 48].

А.П. Крюков в стихотворении «Подражатель» ставит проблему поэта-гения и подражателя ему:

Но – подражанье – не порок!

Кто вдохновенные творенья

От громких бредней отличит...

Это стихотворение – своеобразный ответ на обвинения критиков, в частности Кюхельбекера, в подражательстве

Пушкину. Крюков предлагает различать подражание и следование за великими образцами:

*Кто не судом науки холодной,
Но пылким сердцем, но душой –
Душой молодой, восторга жадной,
Поэт! Постигнет гений твой, –
Тот подражай!*

Подражатель, 1828 [2, с. 61].

Удивительно, но через ряд лет Пушкин последует за Крюковым: повесть А. Крюкова «Рассказ моей бабушки» станет сюжетным источником для «Капитанской дочки». Исследователь творчества А.П. Крюкова В.Э. Вацура так комментирует этот литературный факт: «Проза его входила в литературный шедевр на правах художественно-документального источника, подсказывая сюжетные ситуации, обогащая частными наблюдениями, деталями незнакомого быта и даже характерологическими черточками. Она преображалась рукой великого мастера, но питала его создание, как питают ручейки величественную полноводную реку». [3, с. 258].

И еще один факт: Крюкову, известному современникам своими эпиграммами, приписывалась эпиграмма Пушкина на М.А. Дондукова-Корсакова.

Особенностью стихов А. Крюкова является ироничность, она пронизывает даже автобиографические стихи поэта, его воспоминания о родине:

*...Я рос в кругу твоих глупцов!
Меня, младенца, веселили
Их страсти, важность, суеты,
И занимательные были
Их безрассудные мечты.
Любил я жаркие их споры
О гончих, зайцах и полях,
И оглушающие хоры,*

*И рюмок звон на их пирах.
Но мне забавнее казались
Беседы важных их супругов,
Когда они, составя круг,
Горячим чаем упивались.
Какой был шум! Какой был звон!
Одна рассказывала сон,
Другая жизнь своей наседки...*

Воспоминания о родине.

1828 [1, с. 52-53].

Тема малой родины, родных мест звучит и в поэзии О.П. Крюковой, родившейся, как и А.П. Крюков, в Илецкой Защите. Крюковой созданы стихотворные повести «Донец», «Илецкий казак», рассказывающие о жизни, быте, нравах илецких казаков.

*...Там, цепию холмов сокрыта
И неприметная вдали
Стоит Илецкая Защита,
Забывтый уголок земли.
В ней так же все однообразно,
Как неизменен вид полей;
Нет наслажденья лени праздной;
Чужда беспечность для людей.*

Илецкий казак [4, с. 303].

Патриотические стихи П.М. Кудряшева, в которых улавливаются еще черты классицизма, прославляют участников войны 1812 года, «башкирских богатырей»:

*Питомцы быстрого Урала,
Башкирские богатыри!..
Мы в поле бранном отличились:
Усердьем к родине горя...*

*Песня башкирца
после сражения* [2, с. 49]

Для этого поэта характерно обращение к жанру песни, которые у него то близки к одам, то написаны в духе сентиментализма:

*Как цветочек от засухи
Увядает,
Так и сердце без подруги
Унывает.*

Песня [2, с. 47]

Возможно, на выбор жанров П.М. Кудряшевым повлияло то, что он был не только поэтом, но и переводчиком (он перевел народную песню о сподвижнике Пугачева Салавате Юлаеве), и в своем творчестве он часто обращался к фольклору, как к русскому, так и башкирскому, казахскому.

В стихотворении «Сетование киргиз-кайсацкого пленника» Кудряшев предлагает нам своеобразный плач пленника:

*Где милый край,
Урала брег,
Мой светлый рай,
Страна утех?
Где мать, отец,
Родных семья
Кумир сердец,
Адель моя? [1, с. 49]*

Родной край, место их жительства, безусловно, влияет на тематику произведений поэтов. Географическое расположение Оренбуржья – граница Европы и Азии – определяет у поэтов «восточные» темы. О.П. Крюкову привлекает тема уральского казачества, быт и нравы илецких казаков П.М. Кудряшев рассказывает об историческом прошлом башкирского народа, А.П. Крюков пишет о киргизах, о киргизском набеге на Илецкую Защиту, где добывалась соль.

Мотивы плена, связанные с набегами на русские земли кочевников – киргиз-кайсаков, присутствуют в творчестве у всех оренбургских поэтов этого времени. О.П. Крюкова – автор повести в стихах «Донец», относящейся к ряду многочисленных под-

ражений «Кавказскому пленнику» и южным поэмам А.С. Пушкина. Издатель «Дамского журнала» П.И. Шаликов, напечатавший это произведение в своем журнале, назвал О. Крюкову «Пушкиным своего пола».

П.М. Кудряшев написал в 1826 году прозаическое произведение «Киргизский пленник», но у него есть и уже упоминавшиеся стихи о киргиз-кайсацком пленнике:

*Я пленник твой,
Злодей кайсак!
Спеши, герой,
Спеши, казак!
В глухую степь
Врагов карать
И плена цепь
С меня сорвать.*

Сетование киргиз-кайсацкого пленника [1, с. 49]

Тема плена привлекла внимание и А. Крюкова, напечатавшего в 1825 году в «Вестнике Европы» элегическую поэму-балладу «Каратай», в которой ученые видят попытку байронической интерпретации казахских фольклорных и этнографических мотивов. Поэт предлагает читателю такой поворот раскрытия темы, когда главный герой баллады Каратай попадает в «любовный плен» к своей пленнице – «деве русской», сулит ей все награбленные богатства, готов добиться ханского сана, покорить Туркестан, и сам удивляется своему перерождению:

*Шум сражений, а не славу
Прежде сердцем я любил,
И ужасную забаву
В грозных сечах находил;
Но теперь, когда тобою
Пленена душа моя,
Славой чистою, святою
Буду в битвах движим я! [2, с. 58]*

Будучи отвергнут, Каратай отпускает свою пленницу: «Так лети ж в свой край далекий, здесь покинь меня страдать!..»

Таким образом, поэзия оренбургских поэтов начала XIX в. отличалась многообразием – тематическим и жанровым, своеобразие же ее часто определялось местным колоритом.

А.Г. ПРОКОФЬЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Прокофьева А.Г., Пузанова Т.Н. Оренбургский край в произведениях русских писателей. – Оренбург, 1991.
2. Вечный берег: Два века поэзии Оренбуржья. – Калуга, 1994.
3. Вацуро В.Э. Александр Крюков и его стихи. – Прометей. – № 14. – 1987.
4. Оренбургский край в русской литературе и фольклоре. Хрестоматия по литературному краеведению. 5-8 классы/Прокофьева А.Г., Прокофьева В.Ю. – Оренбург, 2003.

ОБРАЗ РОССИИ В ПОЭЗИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Россия – вечный, неисчерпаемый источник вдохновения для русской поэзии. В данной статье мы предприняли попытку проанализировать образ России в поэзии Южного Урала. Материалом для нашего исследования мы выбрали стихи таких известных южноуральских поэтов, как Ю. Орябинский, Г. Красников, А. Иванов, Н. Кондакова, О. Волошина, Н. Пашков, М. Ольховик, И. Лысцов. Нами было исследовано около 100 фрагментов поэтических текстов, анализ которых позволил разделить их на две основные группы: 1) тексты, в которых лексическая экспликация локуса Россия выявляет его антропоморфное представление; 2) тексты, выявляющие неантропоморфное представление исследуемого локуса.

Россия в поэзии Южного Урала представлена большим количеством антропоморфных образов. В первую очередь это, конечно, традиционный для русской литературы образ России-

матери, матушки, создаваемый, как правило, с помощью развернутых олицетворений:

Занесет Россию-матушку

До певучих проводов

И осыплется мне на душу

Синим инеем годов [1, с. 112]

Необходимо отметить при этом трагическое восприятие образа: Россия – мать – либо вдова, либо мать, оплакивающая погибших детей, либо мать-пьяница, предательница:

Блестит каемкой синей

Блюдо-сирота.

Ох, матушка Россия –

Беспечная вдова.

(А. Иванов) [2, с. 133]

Судьба их целовала в макушку,

А после вылез – кто попало...

Но ты всегда, Россия-матушка,

Своих поэтов предавала.

(Н. Кондакова) [2, с. 176]

*Матушка-Россия
Дорвалась до пива,
Пьет его на улице
Прямо из горла.*

(Ю. Орябинский) [3, с. 69]

Образ России-матери создается и употреблением слов следующей тематической группы: «колыбель», «сыновья», «материнство»:

*Над моей колыбелью Россия
военная пела.*

*И тогда, в малолетстве,
писать научившись едва,
Я поклялся себе совершить
неподъемное дело –*

*О ее материнстве сказать
золотые слова.*
(Ю. Орябинский.

Россия золотая) [4, с. 5]

*По той причине помнить
нам не худо:*

*К Москве любовь огромна у России
Еще и потому, что мы оттуда,
Из глубины – сыны ее родные!...*

(Г. Красников. Провинция) [5, с. 19]

Широко в поэзии Южного Урала представлены образы *России-жены и невесты*. Лексическая экспликация данных образов достаточно широка: это и прямые дефиниции:

Славься, Русь! О, сестра богатырская,

Богатырская мать и жена!

(О. Волошина. Славься!),

и метафоры, отсылающие к обряду бракосочетания:

*Знает только одна Россия,
что давно я обвенчан с ней.*

(Ю. Орябинский.
Венчанье) [1, с. 6]

Единичными являются образы *России-старухи*:

Забыто, заброшено, глухо...

И дум не прогнать из ума,

Что нищая эта старуха

Не ты ли – Россия сама?

(Ю. Орябинский.

У церкви Николы) [3, с. 92]

России – прекрасной женщины, отдавшей злодею:

*Сквозь кривую хмельную слезу,
Ты хоть помнишь, склероз пересилил,
Ты хоть знаешь, какую красу
Отдала тебе*

в лапы Россия? [5, с. 37],

России– крестьянки:

*Я пою тебя праздной и будничной,
Радость гордую не затая,
Гей, ты Русь, Василиса Микулична!
Золотая держава моя.*

*Что такая ты есть крепкокостная,
Не измерить силищу твою,*

Скольких ты принимала, как крестная,

В благодатном пшеничном краю.

(О. Волошина. Славься!) [6: 53],

как правило, эксплицируемые с помощью развернутых метафор.

К антропоморфным гештальтам отсылают эпитеты: «на Руси радушной» (Н. Пашков), «след потерявшую Русь» (Ю. Орябинский), предикативные конструкции: «Россия смотрит виновато», «Россия опять доверчиво глядит» (Г. Красников), «тонет Россия в снегу» (Ю. Орябинский), прямые обращения: «помнишь, Русь, эти силы неравные...» (Г. Красников).

Анализируя антропоморфную реализацию локуса «Россия», следует отметить, что наряду с традиционным прочтением образа Руси-матери, как некоего высокого

начала, в поэзии Южного Урала, особенно 90-х годов XX века, появляются и весьма неожиданные трактовки.

Неантропоморфное представление локуса «Россия» в южноуральской поэзии прежде всего дано через соотношение «Россия – некая субстанция»: огонь, вода (роса, река, океан), пыль, грязь, снег. Данное соотношение реализуется с помощью различного рода сравнений: «моя оренбургская Русь пылью степной затерялась (Ю. Орябинский), «Плеснулась синяя Россия, как океан, под крутизной» (Н. Гаврилин), метафор: «Россия согреет душу мне своим теплом» (М. Ольховик), «высохнет Россия» (И. Лысцов), «По зернышку, по камушку, по капле тысячелетье собирали Русь» (Ю. Орябинский). Характерное для 90-х годов XX века ощущение краха, всеобщей катастрофы приводит к тому, что в поэзии упомянутое выше соотношение перерастает в соотношение «Россия – пустота»:

*За десять лет ударного безделья
Профукали Россию до нуля* [3, с. 64].

Достаточно частотно в южноуральской поэзии и соотношение «Россия – некая абстракция, ощущение», чаще всего реализуемое путем прямых дефиниций: «Так и Россию – мира совесть – / Не одолеть ее врагам!» (И. Лысцов), «Бережь Россию не устану, / Она – прозрение мое...» (В. Сорокин) либо употреблением рядом со словом Россия слов следующей тематической группы: «тоска», «сострадание», «жалость», «нерасчетливость».

Анализ второй группы фрагментов приводит нас и к вечным в русской поэзии соотношениям «Россия – пространство» и «Россия – время». Первое соотношение

реализуется в стихах южноуральских поэтов, главным образом, следующей тематической группой: «огромная Россия», «русские просторы» (В. Демурин), «Длинна же ты, матушка Русь!» (Ю. Орябинский), «ширь» (Г. Красников), а также сравнительными:

*Ну что еще с такой веселой силой
Обманет сердце? Хочешь, так налей
Себе вина и выпей за Россию,
Раз в ней дорог не меньше, чем полей!*

(В. Демурин. Карусель) [2, с. 219].

и описательными конструкциями:

*Вся Россия – моя!
Все мои и моря!
От Курил до Прибалтики
Вся отчизна – моя.*

(М. Львов) [6: 113].

Весьма распространенным является и соотношение «Россия – время», причем, как правило, южноуральские поэты склонны подчеркивать «вечность» России как проявление ее мощи и высокого предназначения:

*«Куда бредет Россия?» –
Спросил я мужика.
Он указал на небо,
Где плыли облака.*

*Те облака качали
Свинцовые бока
И очень точно знали:
Россия – на века.*

(В. Курушкин) [7: 198]

*Пусть яростно звонят колокола!
Во все концы летит святое слово!
Россия есть! Россия не «была»!
Ей не впервые сбрасывать оковы!*

(А. Кириллова) [2: 56]

Анализ неантропоморфной реализации локуса «Россия» в поэзии Южного Урала привел к констатации существования двух взаимоисключающих соотношений: «Россия – нищая страна» и «Россия – страна-победительница».

Первое очень близко купюманутому выше соотношению «Россия – пустота». Реализуется данное соотношение в большинстве анализируемых фрагментов поэтических текстов посредством употребления эпитетов: «на Руси обездоленной», «Русь, катившуюся к яру» (Ю. Орябинский), «Россию, погруженную во мглу» (А. Решетов) и метафор:

*Вся страна лежит в руинах
От бездельных выходных.
Тут бы взять, как раньше, миром
И России подсобить,
Залатать хотя бы дыры,
Чтобы срамом не светить [4: 78]*

*Потом растерзают Россию,
Союз продадут с молотка.
Взыграет нечистая сила,
Не дрогнет в измене рука. [4: 19]*

В данном случае, как правило, употребляется сниженная оценочная, просторечная, жаргонная лексика: «руины», «профукали», «подсобить», «срам», «в дупель», «бардак», «Рус капут».

Одновременно с упомянутым выше в анализируемых текстах возникает и иное видение России, и, соответственно, соотношение «Россия – страна-победительница», реализуемое преимущественно употреблением высокой лексики, характерной для одической традиции:

*Пусть яростно звонят колокола!
Во все концы летит святое слово!
Россия есть! Россия не «была»!
Ей не впервые сбрасывать оковы!*

*В часовне стены кровью испишу
Забывшими глаголами молитвы.
О, время, торопись! Я так спешу
Триумф России зреть
в кровавой битве!
(А. Кириллова) [2, с. 308]*

*Не молись ты тельцу золотому,
Помни свято заветы отцов,
Не спеши из родимого дома
И не слушай чужих мудрецов!*

*Их советы коварны и лживы,
Только нас не обманешь теперь.
Мы назло им останемся живы,
И Россия воспрянет, поверь!
(Е. Трапезникова) [2, с. 350]*

Проведенный нами анализ образа России в поэзии Южного Урала позволяет нам прийти к следующим выводам.

■ Антропоморфный ряд локуса «Россия» в анализируемых поэтических фрагментах представлен как традиционными гештальтами, так и гештальтами, характерными только для поэзии Южного Урала конца XX века.

■ Антропоморфные образы Россия даны преимущественно через прямые дефиниции, эпитеты, метафоры.

■ Неантропоморфная экспликация локуса «Россия» представлена следующими соотношениями: «Россия – некая субстанция», «Россия – пустота», «Россия – некая абстракция, ощущение», «Россия – странство», «Россия – время», «Россия – нищая страна», «Россия – победительница».

■ Реализуются неантропоморфные гештальты, как правило, с помощью метафор и экспрессивно окрашенной лексики.

Ю. В. ЧЕРЕНКОВА

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Орябинский Ю. К родному тянется душа: стихотворения и поэмы. – Калуга: Золотая аллея, 2000.
2. Внуки вещего Бояна: Антология Оренбургского областного литературного объединения им. В.И.Даля. Том 3. – Калуга: Золотая аллея, 2008.
3. Орябинский Ю. Опорные столбы. – Оренбург:

ФГУП «ИПК «Южный Урал», 2004.

4. Орябинский Ю. Луговой лук: Стихотворения и поэмы. – Бузулук, 2002.
5. Красников Г.Н. «Кто с любовью придет...»: Стихотворения/ Сост., авт. вступит. ст. Л.С. Каляжная. – М.: Молодая гвардия, 2005.
6. Мы из России XX века. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2007.
7. «Москва». – 2009. – №10.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР В ОСМЫСЛЕНИИ А.С. ПУШКИНА

(на примере вариативного подхода
к изучению «Сказки о мертвой царевне
и о семи богатырях» в 5 классе)

Не все современники принимали сказки А.С. Пушкина, считали, что это подражание народным сказкам и что это умаляет талант известного поэта. Но время показало другое: сказки Пушкина были и остаются любимым чтением многих поколений детей и взрослых.

Пушкинские сказки издавна интересовали методистов. Мы можем познакомиться с анализом «Сказки о рыбаке и рыбке» в книге Ф. Буслаева «О преподавании отечественного языка», им же рекомендовано включение сказок в «План и программу обучения языкам и литературе» (1886, 1890).

Пушкинский текст «У лукоморья дуб зеленый» – знаменитый пролог к «Руслану и Людмиле» – мы встречаем в «Хрестоматии к руководству для теоретического изучения литературы» В.Я. Стоюнина

(1877). Виктор Острогорский в книге «Русские писатели как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми и для чтения народу» рекомендует для изучения «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о царе Салтане». Ученый подчеркивает, что «гуманность Пушкина в самом широком значении этого слова должна быть прочувствована и детьми, и народом и играть роль в образовании души их очень важную» [1, с. 4]. Поэтому эта сказка включена во многие программы по литературе.

Нами проведен сравнительный анализ изучения «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях», представленной во всех современных программах по литературе, авторы которых обращают внимание на вопросы, тесно соприкасающиеся с ха-

рактерными мотивами устного народного творчества, и вместе с тем акцентируют внимание на поэтическом мастерстве Пушкина, творческом подходе его как автора к фольклорным сюжетам: «Фольклорные основы сказки (сравнение со сказкой «Белоснежка»). Фантастика и реальность в сказке. Способы изображения положительных и отрицательных персонажей. Образ мачехи, ее сопоставление с царевной. Роль зеркала в сказке. Пушкинское представление о внешней и внутренней красоте человека. Образы Елисея и семи богатырей. Образы природы и природных сил в сказке. Поэтическое мастерство А.С. Пушкина; – таково содержание программы под редакцией М.Б. Ладыгина по изучению сказки Пушкина [3, с. 303]; «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» – ее истоки (сопоставление с русскими народными сказками, сказкой Жуковского, «Спящая царевна», со сказками братьев Гримм; «бродячие сюжеты»). Противостояние добрых и злых сил в сказке. Царица и царевна, мачеха и падчерица. Помощники царевны. Елисей и богатыри. Соколко. Сходство и различие литературной пушкинской сказки и сказки народной. Народная мораль, нравственность – красота внешняя и внутренняя, победа добра над злом, гармоничность положительных героев. Поэтичность, музыкальность пушкинской сказки – в программе под редакцией В.Я. Коровиной [2, с. 15]; «Детство Пушкина. Влияние на него народной русской традиции и европейской культуры. Запись народной сказки о мертвой царевне и сюжет Пушкина. Родственность сказки Пушкина мифу об Амуре и Психее (Апулей «Метаморфозы») – в программе под редакцией В.Г. Маранцмана [4, с. 20].

В.Г. Маранцман пишет, что радостное изумление от чтения пролога и поэмы «Руслан и Людмила» можно сохранить, используя словесное иллюстрирование эпизодов сказки. Советует словесное иллюстрирование предварить рассмотрением картины И. Крамского «У лукоморья дуб зеленый». Все это воскрешает мир народных сказок. Далее идет чтение сказки, ее сопоставление с народной сказкой. Такой первый урок готовит учащихся к размышлению. В.Г. Маранцман считает, что «наслаждение чтением должно непременно отозваться эхом беспокойной мысли» [5, с. 45]. Второй урок методист предлагает посвятить выяснению читательских впечатлений, перечитыванию в классе полюбившихся мест сказки, нахождению ведущих вопросов предстоящего анализа.

В.Г. Маранцман обращает внимание на то, что «вопросы на осмысление содержания не должны быть слишком частными и ориентированными только на пересказ отдельного эпизода. Эти вопросы могут сразу носить проблемный характер» [5, 49] Предложить учащимся следующие вопросы: «Почему мачеха не смогла погубить царевну?», «Кто в сказке спасает царевну и кто вредит ей?», «Какое участие в судьбе царевны принимают зеркальце, Чернавка, Соколко, лесные братья, Елисей?», «Почему сказка называется «О мертвой царевне и о семи богатырях»?». Далее следуют вопросы, проверяющие работу творческого воображения: «что в тексте дано как намек: по детали восстановить целое; какой вы видите царевну, когда она просит Чернавку не губить ее, вопросы о художественной детали: почему о царевне сказано: «тихо-молком расцветая»? и т.д.

Строя анализ на сопоставлении царевны и мачехи, необходимо отвечать на проблемные вопросы, которые активизируют работу учащихся, помогают осмыслить композицию произведения и понять, что «добро нуждается в защите, оно не всесильно» [5, с. 53]. Необходимо анализ эпизодов дополнять стилистической работой, сравнением вариантов пушкинского текста. Завершить работу по изучению сказки В.Г. Маранцман советует составлением киносценария и пишет, что «активное сотворчество, пересоздание, «претворение» литературного текста по законам другого искусства усиливает эпизоды, прямо подводящие к концепции анализа» [5, с. 61]. Данные предложения и рекомендации автора программы способствуют творческому подходу к изучению сказки.

В.Я. Коровина после вопросов на восприятие текста сказки советует сразу начать работу над отдельными эпизодами: обсуждение содержания, наблюдения над лексикой, интонацией, ритмом и работа над выразительным чтением.

Если проанализировать предложенные методические рекомендации, то следует отметить, что главное и определяющее в них – нацеленность на выявление народных истоков пушкинской сказки, звучащий в ней гимн добру и справедливости.

Не случайно С.Я. Маршак заметил, что «пушкинская сказка – прямая наследница сказки народной [Цит. по: 1, 1].

А. Слонимский в работе «Мастерство Пушкина» писал, что «точность и яркость сопоставлений – краткость и меткость фраз, в которых нет ни одного лишнего слова, свежесть и ясность образов – все это черты народных пословиц, песен,

сказок, угаданные поэтом и возведенные им до высшей степени художественного совершенства», отличая сказочную фантастику, явившуюся у Пушкина в реалистических очертаниях, простоту и реальность изображения в «в духе моральных понятий, народных симпатий и антипатий, со всей искренностью и серьезностью усвоенных поэтом», «ярко обрисованные, психологически оправданные русские характеры, реальные нравы «простонародной старины», живой народный быт» [Цит. по: 1, 14, 16].

Учителю, приступая к анализу пушкинской сказки по рекомендациям методистов, следует обратить внимание учащихся на то, что «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» является апофеозом добрых народных нравов деревенской стихии. Царевна из сказки представляет собой воплощение милой женственности в русском народном вкусе. Она кроткая, терпеливая; богатыри называют ее «ласковой сестрою». Она заботливая хозяйка. Попав в терем богатырей, она первым делом «все порядком убрала», «засветила богу свечку, затопила жарко печку». Она скромная и благовоспитанная. Когда ее угощают, она отрекается от зеленого вина: «пирожок лишь разломила, да кусочек прикусила» Она верна своему слову:

*Всех я вас люблю сердечно,
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей.*

Хозяйственность царевны (то, что она первым делом «все порядком убрала») вполне соответствует песенному идеалу жены-работницы. В песне о выборе невесты сын жалуется матери:

*Родимая матушка,
Неженат хожу
Ой, люли, люли, люли
Неженат хожу.*

Мать предлагает ему выбрать себе в хороводе «девушку самую лучшую». Он отвергает «дочь дворянскую», «дочь купеческую» и выбирает «дочь крестьянскую», которая низко кланяется ему и говорит:

*Я тебе, молодец,
В доме работница,
Твоим ручушкам
Я заменушка.*

Привлечение народной песни на уроке даст возможность учащимся почувствовать прямую связь пушкинской сказки с фольклорной, народной основой.

Полной противоположностью скромной и трудолюбивой царевны является мачеха-царица, которая только и занята своей красотой и желает быть всех красивее. Она тщеславна, «горда», «ломлива» (в песнях изображается свашенька ломливая).

Обе героини сказки характеризуются и речами и мимикой. Сравнивая высказывания царевны и мачехи, ученики заметят, что речь – одно из выразительных и точных средств характеристики человека. Речь царевны – ласковая, чистосердечная, скромная. Это живая и бойкая речь простодушной крестьянской девушки.

*«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, –
Им царевна говорит:
– Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? Ведь я невеста».*

А вот речь гневной, своенравной царицы:

*«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне назло.*

*Как тягаться ей со мной?
Я в ней дурь-то успокою...»*

Во всем поведении царевны – крестьянская благовоспитанность, скромная деревенская грация, какая-то милая обрядовая церемонность:

*И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась,
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была...*

Изображая царицу, Пушкин использует ее самовлюбленность, гордыню:

*И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться, подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.*

Смысл сказки – в противопоставлении «лица» и «души», красоты внешней и красоты душевной. Именно эту антитезу имел в виду Пушкин, когда задумывал свою сказку. Не случайно в методических рекомендациях учителю акцентируется внимание на авторской идее.

Обстоятельная и кропотливая работа по усвоению содержания сказки и характеристики центральных образов, на наш взгляд, представлена в системе уроков, предложенной О.Б. Белометных, М.С. Корнеевой, И.В. Золотаревой [6], которые предлагают проводить ее в следующей последовательности:

1. Беседа, которая начинается с вопросов, обращенных к содержанию, композиции, первым впечатлениям о героях сказки:

– Есть ли в «Сказке о мертвой царевне...» традиционная присказка?

– О каких событиях мы узнаем в завязке к сказочной истории?

– Какой предстает перед нами родная мать царевны? Какие слова помогают составить ее характеристику?

(Пятиклассники находят слова, подчеркивающие верность царицы, ее любовь к мужу).

2. Далее ученики собирают материал о царице-мачехе, в чем им активную помощь оказывают вопросы и задания учителя:

– Кто такая мачеха? В каких народных сказках мы встречаем историю падчерицы, которую хотела бы извести мачеха?

– Как царица-мачеха описана Пушкиным? Что в описании царицы вызывает восхищение, но почему эта красота не радует окружающих?

В данных методических рекомендациях выстроена система работы не только над сюжетом, композиционной структурой сказки, авторской идеей, образами, но и над поэтикой пушкинской сказки как прямой наследницы сказки народной. Учащимся предлагается найти глаголы, которые у Пушкина выполняют важную функцию в создании образа царицы, рассказать об общении ее с зеркальцем. Возможен другой вариант: прочитать выразительно или по ролям два диалога, когда зеркальце «хвалит» царицу и когда говорит ей правду. Ребята отметят, что мачеха груба, сварлива и завистлива, к тому же у нее нет настоящих друзей, и даже зеркалу, с которым «одним была добродушна и мила», она не прощает истины.

– Как отомстила царица-мачеха царевне? Что подтолкнуло ее к этому? – этот вопрос заставит пятиклассников задуматься над пагубными последствиями проявления таких отрицательных человеческих

качеств, как зависть, жестокость, жажда мести. Следует комментарий сочетания «черная зависть». Ребята замечают, что мачеха не только завистлива, но и жестока. Не случайно Пушкин называет злую царевну «баба гневная».

3. Размышляя над финалом истории злобной мачехи, ища ответ на вопрос учителя «За что она оказалось наказанной?», вполне уместно вспомнить, что такое сравнение и антитеза, отметить, что сравнивать можно понятия не только противопоставленные, но и имеющие черты сходства.

– Можно ли сравнить царицу-мачеху и царевну-падчерицу? (Да, они внешне обе красивы, но царевна, как убедимся позже, еще и красива внутренне.) Выполненная вместе с учащимися работа над характеристикой царицы-мачехи поможет ученикам составить план, по которому они смогут подготовить связный рассказ о царевне. В работе над планом помощь ребятам оказывает учитель, обращая их к тексту, напоминая, что, составляя мнение о герое, важно учитывать не только его портрет, но и поступки, отношение к другим героям, их к нему, речь и прочие немаловажные качества, в которых и проявляется характер. Методисты предлагают один из возможных вариантов плана, который может быть составлен вместе с учениками и записан на доске.

План рассказа о царевне.

1. Описание внешности царевны и ее внутренних качеств.

2. Отношение к ней других персонажей сказки:

- а) Чернавки;
- б) пса Соколки;
- в) семи богатырей;
- г) королевича Елисея.

3. Поведение царевны:

- а) в тереме богатырей;
- б) по отношению к окружающим ее людям.

4. Отношение автора к героине.

С любовью присматриваясь к героине, Пушкин показывает как ее внешнюю («белолица, черноброва»), так и внутреннюю красоту («нраву кроткого такого», «красавица-душа»), подчеркивает трудолюбие, внутреннее достоинство, деликатность, терпение, покладистость, искренность и верность, внутреннюю бесхитрость и доброту. Не случайно для поэта она «царевна молодая», «моя душа».

Однако часть урока, посвященную работе над характеристикой царевны, можно построить по-другому. Тогда учитель, называя ее отличительные качества, может предложить подтвердить их примерами из текста. Например, на вопрос, какие поступки говорят о трудолюбии царевны, дети отвечают словами текста:

*Дом царевна обошла,
Все порядком убрала...*

– В чем проявилась ее *благовоспитанность, сдержанность?*

*От зеленого вина
Отрекалась она;*

*Пирожок лишь разломила
Да кусочек откусила...*

– В чем выразилось ее чувство верности жениху?

Дети зачитывают ответ царевны братьям и т.д.

4. Итогом сравнительной характеристики героини может быть составление таблицы. Таким видом работы учителю не следует пренебрегать, ведь составление таблицы помогает структурировать

наблюдения, тем более сравнительного характера, наглядно видеть отличие или сходство персонажей. Один из возможных вариантов предложен в пособии.

Царица	Царевна
Царского происхождения, умны, красивы	
злая	добрая
завистливая	бескорыстная
гордая	скромная
своенравная	кроткая
ленивая	трудолюбивая
грубая	вежливая
надменная	простая
жестокосердная	добродетельная

6. На уроке по изучению сказки вполне уместно предложить поработать как с иллюстрациями, представленными в учебнике-хрестоматии, так и желающим самим выразить свое представление о героях через собственную иллюстрацию или нарисовать наиболее интересный эпизод сказки. Интерпретация произведения литературы в другом виде искусства пробуждает воображение, помогает прояснить свое представление о герое.

7. На заключительном этапе урока вполне уместен вопрос: «Чему научила нас эта сказка?». В других методических изданиях учащимся предлагается письменно поразмышлять над тем, какой же «добрым молодцам урок» можно извлечь из сказки Пушкина.

На наш взгляд, как еще один возможный вариант завершающего этапа работы над «Сказкой о мертвой царевне и о семи богатырях» может стать сравнительный анализ ее со сказкой «Белоснежка и семь гномов» из сборника братьев Гримм, или с мифом об Амуре и Психее, предложенный В.Г. Маранцманом [5].

Вариативный подход к изучению сказки А.С.Пушкина позволяет понять учащимся русский характер героев, гуманизм писателя. «...Реализм и гуманизм, эстетика и этика сливаются у Пушкина в одно. Сказки его еще раз убеждают в том, что правда и добрые чувства не существуют друг без друга. Всей своей мудрой наивностью они утверждают и отстаивают то, что мы сегодня называем человеческими ценностями», – писал В. Непомнящий в работе «О сказках Пушкина» [1, с. 45].

Такой подход к изучению «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» позволяет учащимся глубоко войти в пространство пушкинского творения, увидеть подлинную народность, человечность и готовит учащихся к дальнейшему осмыслению творчества Пушкина в последующих классах.

В.А. ВАГАПОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сказки Пушкина в школе: Сборник статей/ Сост. В.Я. Коровина. – М.: Просвещение, 1972.
2. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5-11 классы (Базовый уровень)/Под ред. В.Я. Коровиной.– М.: Просвещение, 2005.
3. Литература: программы для общеобразовательных учреждений. 5-11 классы/Сост. Г.Г. Полубинская. – М.: Дрофа, 2008.
4. Литература: 5 кл.: метод. рекомендации (В.Г. Маранцман, Е.К. Маранцман, Е.Р. Ядровская и др.)/Под ред. В.Г. Маранцмана. – М.: Просвещение, 2008.
5. Маранцман В.Г. Изучение творчества А.С. Пушкина в школе. На пути к А.С. Пушкину: пособие для учителя и учащихся: в 2 ч. – М.: Гуманит. Изуч. Центр. ВЛАДОС, 1999.
6. Белометных О.Б., Корнеева М.С., Золотарева И.В. Поурочные разработки по литературе. 5 класс. – М.: ВАКО, 2002.

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОНИМАХ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

При освоении окружающей действительности человек формирует представление об окружающих объектах, определяющих сущность картины мира. Анализ имен собственных позволяет реконструировать утраченные фрагменты не засвидетельствованного письменными памятниками языкового сознания, отражает те фрагменты картины мира, которые не всегда восстанавливаются из письменных источников.

Язык через имена, даваемые простым людям и зафиксированные древнерусскими текстами, выражает особенности

ментальности живущих в определенную эпоху людей.

Антропонимы, встречающиеся в «Повести временных лет», можно разделить на три лексико-семантические группы: 1) имена из иноязычных или переводных письменных источников; 2) имена как восточнославянских, так и иностранных князей (половецких, печенежских); 3) имена княжеских слуг.

С точки зрения языковой принадлежности в «Повести временных лет» выделяются антропонимы, относящиеся

к языкам семито-хамитской языковой группы, и антропонимы греческого происхождения, пришедшие с христианством. Эти имена хорошо известны. Гораздо более интересными для анализа картины мира средневекового человека являются имена князей, образованные сложением основ, и имена племенных вождей, покоренных потомками Рюрика, а также имена дружинников, находящихся на княжеской службе, используемые в восточнославянской среде. Общеизвестные древнегерманские по происхождению имена Рюрик (Хререкр), Игорь (Ингвар Хререксон), Олег (Хельги), Ольга (Хельга), Рогволод, Рогнеда, Аскольд подверглись фонетической адаптации и отличаются от своих скандинавских двойников. Среди княжеских имен, выбираемых для княжеских наследников, они не пользовались популярностью: можно предположить, что из дипломатических соображений правители восточнославянских земель вынуждены были выбирать имена, похожие на славянские. В более позднюю эпоху эти имена не были востребованы потому, что считались языческими. А. Членов сделал любопытные наблюдения, касающиеся имени Рюрик: «По-варяжски оно звучит «Хререкр» и переводится как «Могучий славой» [14, с. 111]. Имена Хельги и Хельга переводятся, как это следует из антропонимических словарей, как «освященный», «освященная». Толкование значения имени *Игорь* А. Членовым отличается от общепринятых толкований, повторяющихся во многих антропонимических словарях: «Имя Ингвар по-варяжски «посвященный богу *Инги*» [14, с. 117]. Далее А. Членов пишет: «Первое славянское имя появилось только в 940 году: Ингвар Хререксон дал

своему наследнику имя «Святослав». Нередко в этом видели признаки ославянивания династии. Но дело обстоит гораздо сложнее: зная скандинавское значение имен Рюрика и Олега, сразу убеждаешься, что в переводе с варяжского на русский «Святослав» означает «Олего-Рюрик» [14, с. 117]. Для исследователей той эпохи имя Святослав означало имя с «двойным дном». Имя выглядело манифестом с великокняжеского трона: отныне сын Рюрика обещает народу вести славянскую, а не варяжскую политику» [14, с. 118]. И хотя А. Членов не лингвист, но с его предположениями трудно не согласиться: вызывает возражения одна неточность – варяжского языка не было и нет. А. Членов сам отмечает, что слово «варяг» – «собираемый этноним со значением «скандинав»; варягами в восточнославянских землях называли выходцев Скандинавского полуострова, говорящих на диалектах, относящихся к северогерманской языковой группе. Большинство княжеских имен после князя Игоря образованы сложением двух основ, в отличие от большинства имен простых людей. Но сложением основ образованы имена предводителей и у других народов. А.В. Суперанская пишет: «С древнейших времен у многих народов сложилась традиция прославления людей специально созданными именами. Она получила название имяславие, которое было особенно распространено в поэтической речи. Примеры имяславия встречаются «Илиаде» Гомера и, очевидно, восходят к еще более глубокой древности. Наиболее распространенным способом имяславия было создание двусловных имен. С древнейших времен они представлены в греческом, индийских, иранских, славян-

ских, германских и ряде других индоевропейских языков, при этом образуются в каждом из названных языков аналогичным способом, что может свидетельствовать об общности их происхождения и глубокой первоначальной идее имяславия» [10, с. 18-19]. Далее А.В. Суперанская отмечает: «Параллельность двусловных имен у разных народов проявляется не только в сходных способах их образования, но и в аналогичности используемых основ... Можно отметить параллельность многих славянских и германских имен. Так, немецкое имя Вальдемар включает основы «владеть» и «слава». Те же основы встречаются в славянском имени Владислав. Русское имя Владимир оказывается своеобразной переделкой имени Вальдемар. В древности писалось Владимир и Володимер, что сближает вторую основу имени с германским – мар. С течением времени под влиянием частотной славянской основы *мир* написание имени изменилось на Владимир» [10, с. 20]. А. Членов приводит следующие доводы: «Ни в коем случае не следует думать, будто имя означало «владеющий миром» в смысле претензий на мировое господство. Значение имени совсем иное: современник Владимира, немецкий хронист Титмар Мерзенбургский, знает его в значении «владыка примирения, миролюбия» [14, с. 222]. А. Членов видел в имени Владимир «старинное значение со смыслом «слава». И нетрудно усмотреть, что «славный могуществом», «славный владычеством» есть близкий русский перевод «могучего славою», то есть варяжского имени Рюрика [14, с. 223]. Имена на *слав* и на *мир* встречаются во всех славянских языках и во всех славянских странах как

в древности, так и в наши дни. Но все славянские народы, за исключением восточнославянских, жили в большей близости и с германскими, и с романскими народами, и у этих славянских народов гораздо ранее, чем у восточнославянских, зафиксировано употребление двусловных имен, в частности, на *слав* и на *мир*. В Великой Моравии, соседствующей с народами, говорящими на языках, относящихся к западногерманской языковой группе, известны имена князей *Моймира*, *Ростислава*, *Святополка*, одного из учеников Мефодия – Славомира. На территории Чешского княжества, входившего какое-то время в состав Великой Моравии, известны имена князей *Болеслава*, *Бржетислава*, *Вратислава*, *Вацлава*. Древняя история сербов и хорватов, известная из сочинений Константина Багрянородного, который называет князя Властимира, объединившего сербские племена в середине IX в. Сын Властимира – Мутимир, его братья *Строимир* и *Гойник*. Известны имена сербских правителей *Часлава*, *Клонимира*, *Воислава*, *Бодина*. У хорватов имена правителей – *Борна*, *Трпимир*, *Томислав*, *Петр II Кресимир*. Приведенные имена показывают, что двусложные имена свойственны всем славянским народам, но имена эти были именно именами вождей, образованными по образцу имен, используемых у соседних народов, уже имеющих опыт создания государственного объединения. На территории Болгарии и Польши, находящихся в большей близости к восточнославянским землям, двусложные имена в период создания государственных объединений, вероятно, не использовались. Объяснить это можно тем, что Болгария испытывала сильное

влияние христианской Византии, находясь от нее в непосредственной близости, поэтому и использовались имена, пришедшие с христианством: *Борис, Симеон, Петр, Асений*. На территории Польши в период становления государства из сложных имен известно только имя Болеслав: древнейшая история Польши изложена в «Хронике и деянии князей или правителей польских», написанной на латинском языке Галлом Анонимом в начале XII века. В «Хронике» сообщается о происхождении княжеской династии от простых крестьян, видимо, поэтому и имена первых польских князей образованы от аппеллятивов: *Мешко, Пяст, Котышко, жена Репка, Попель, Земовит*, дочь чешского князя *Болеслава Дубрава*. А уже сын первого польского правителя Мешко назван двусложным именем Болеслав.

У восточных славян самым известным из дошедших до нас княжеских имен было имя князя *Мала*. Показательны имена поляков и древлян: *Мешко, Пяст, Котышко и Мал, Малуша, Добрыня* – чем восточнее от народов, входивших в сферу влияния Византии или Рима, жили славяне, тем чаще использовались имена, образованные от нарицательных слов. Имена на слав и мир появляются гораздо позже, в период укрепления государственной власти. Таким образом, на наш взгляд, двусложные имена – это общеиндоевропейские имена, созданные по одной формуле для правителей.

Проанализируем не княжеские имена, встречающиеся в «Повести временных лет». Помимо *Кия, Щека, Хорива и Лыбеди*, упоминаемых в легенде об основании Киева, в событиях под 6453 (945) годом упоминается *Мстиша* (Ольга же

была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд – отец Мстиши [9, с. 142]. В именах *Асмуд* и *Свенельд* явно выявляется иноязычная скандинавская (германская) основа, а вот имя *Мстиша*, восходящее к славянскому слову мстить, безусловно, было понятно: славянский облик имен сыновей варяжского воеводы *Мстиша, Лют* подтверждает правильность рассуждений о понимании необходимости адаптации завоевателей с коренным населением, чтобы хотя бы имена не вызывали отторжение и настороженность: дипломатия требовала того, чтобы варяги своим детям давали славянские имена или чтобы имена выглядели славянскими.

Славянские дохристианские и до-скандинавские имена образовывались от нарицательных слов и кажутся довольно прозрачными с этимологической точки зрения, но лексическое значение слов, от которых образовывались имена, с течением времени могли меняться. Анализ лексического значения основ, от которых эти имена образовывались, раскрывают мировидение и мироощущение средневекового славянина. В основе имени *Мстиша* выделяется слово *мечь* с понятным для всех говорящих на славянских языках значением «оплата злом за зло» [12, с. 526]. Имя *Лют* встречается в «Повести временных лет» несколько раз (Однажды Свенельдич, именемъ Лютъ, вышелъ из Киева на охоту и гнать зверя въ лесу [9, с. 153]. «Толковом словаре» В.И. Даля приводятся следующие значения слова *лютый* – «свирепый, зверский, кровожадный, неукротимый, безмерно злобный, злодейский» [2]. У М. Фасмера слово *лютый* восходит к значению слова *зверь*, во всех

славянских языках имеет значение «неистовый», возможно, восходит к слову *волк, волчье бешенство* [3]. Очень любопытно, что этимологически слова *любый* и *лютый* были близкими по значению. Н.М. Шанский отмечает: «...первоначальное значение – возбуждающий неодолимое желание, страсть, любовь, буквально «возбужденный» [13, с. 250].

Можно предположить, что имя *Лют*, имя сына варяжского воеводы Свенельда, было именем-пожеланием, возможно, калькой с древнегерманского имени; но то, что имя сына варяга имело славянскую огласовку, говорит о желании и необходимости представителей правящего класса быть адекватными той национальной среде, в которой приходилось жить и влиять на политику. Славянские имена, данные отцом-варягом, носили явно воинствующий характер в отличие от остальных славянских имен, которые легко восстановимы, если анализировать современные восточнославянские фамилии, образованные от древнерусских прозвищ, в которые перешли древнерусские имена после того, как были вытеснены христианскими, пришедшими из Византии: *Бык, Корова, Козел, Третьяк, Лонцак, Собота*, раскрывающих только сельскохозяйственную, миролюбивую сущность мироощущения средневекового славянина.

Этимология имени *Позвизд*, на первый взгляд, связана с церковнославянским словом *позвиздати* – посмеять, посмеяние [6, с. 230], в церковнославянский язык оно в этом случае должно было войти из старославянского, но в «Словаре старославянского языка» это слово не зафиксировано. Но *Позвизд*, а также *Посвист, Похвист* – знакомые средневековому славянину

слова: в древнерусской языческой мифологии это бог ветров, бурь и непогод. Неподалеку от Киева существовал его идол. По представлениям язычников этот бог имел свирепый вид, всклоченные волосы и бороду, крылатые распахнутые одеяния. Жил высоко в горах, откуда и приносил неприятности людям. По мнению некоторых исследователей, язычники праздновали Позвизд в день 1 марта. После Крещения Руси культ Позвизда был вытеснен памятью св. Евдокии, которой стали приписывать некоторые свойства языческого божества [1]. Можно предположить, что, сопротивляясь христианским именам, средневековый славянин искал защиты у старых богов и называл в отдельных случаях своих детей их именами: *Позвизд* был сыном князя Владимира [11, с. 310]. В словаре Н.М. Тупикова зафиксированы имена *Мокша, Волос* (Волос Блудкинич, 1230 г.; Волос, игумен Антоньевского монастыря в Новгороде, 1187 г. и др.).

В событиях 6576 (1068) года в «Повести» упоминаются два других имени: *Туки* и его брат *Чудин* (Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказала Туки, братъ Чудина, Изяславу... [9, с. 188]. В имени *Туки* угадывается славянское тук – «сало, жир». Имена и *Сало*, и *Жир*, перешедшие в прозвища и зафиксированные в современных фамилиях, образованных от прозвищ, были широко распространены. В древности имя *Туки* могло характеризовать упитанного, «плотного», физически крепкого человека.

В событиях, описываемых в 6586 (1078) году упоминается *Иван Жирславич*. Рядом с христианским именем отчество, образованное от языческого имени, примечательно, что слово *жир* имеет

значение «богатство», на наш взгляд, одно из немногих славянских дохристианских имен с оптимистическим значением, к тому же оформленное вторым корнем «слав», участвующим в образовании княжеских имен.

В событиях, описываемых в 6594 (1086) году, упоминается имя *Нерадец* (Ярополк, не дойдя до города (Звенигорода), пронзен был проклятым Нерадцем. бежал Нерадец треклятый в Перемышль, к Рюрику) [9, с. 199]. В имени *Нерадец* выделяется суффикс «ец», участвующий в образовании существительных с обозначением лица и несущий в себе определенную характеристику (молодец, удалец, умелец, а также в наименовании лиц – Муромец, немец и др.). Корень же с отрицательной частицей указывает, по классификации А.М. Селищева, на обстоятельства рождения, возможно, имя выполняло охранную функцию: злой дух не должен позариться на человека, не приносящего радость. Подтверждением правильности наших рассуждений является имя *Радко* с противоположным значением, также упоминаемое в «Повести». *Радко* был «отроком» князя Ярополка. Еще одним «отроком» Ярополка был *Вонкина*. Об имени *Вонкина*, к сожалению, нам нечего сказать, кроме того, что оно, возможно, образовано от сокращенных корней *вон*, наречия места со значением «там, вдали», и имеющее в говорах форму не только *вон*, но и *вона*, *воной*, *вонойко*, *воноичко*, *вонде*, *воноди* [2], и части слова от глагола *кинет*

В записях, относящихся к 6603 (1095) году, упоминается имя отрока князя Владимира Бяндюка (И прислал Владимир отрока соего Бяндюка за Итларевой ча-

дью [9, с. 206]. Здесь же называется имя *Ратибор* (...а Итларь в ту же ночь лежал у Ратибора на дворе с дружиною своею и не знал, что делали с Кытаном [9, с. 206]; *Ольбер Ратиборович*, судя по контексту, сын Ратибора, *Славята* (В то же время пришел Славята из Киева [9, с. 205]; ...и в ту же ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками между небольшой дружиной и с торками между валов) [9, с. 206]. Имя Славята говорит о том, что в неоднородной в национальном отношении стране было четкое понимание, кто есть кто: Славята происходил, по всей видимости, из славян, возможно, из новгородских словен, имя образовано от этнонима. Но на службе у князя были выходцы из Скандинавии и их потомки: Ратибор, на первый взгляд, кажется славянским именем, но в отличие от имен «бытовой направленности» имя Ратибор кажется именем воина. В записях, относящихся к 6604 (1096) году, упоминаются имена *Боняк*, *Куря*, *Гюрята Рогович*, *Добрыня Рагуилович*, *Сновид Изечевич*, конюх Святополков, *Дмитр*, конюх *Давыдов*, торчин, именем *Берендий*. *Куря*, возможно образовано от апеллатива *кур*, в диалектах обозначающего «петух», а возможно, от той же основы, что и гидроним, лежащий в основе названия древнерусского города Курска, образованного от народного гидрографического термина *курья*, обозначающего «речной залив, узкий проток реки, заводь», название города могло быть образовано от старонорвежского слова, произношением похожего на славянское слово *кур*, обозначающее «поселение», поскольку Курск возник на месте перехода «из варяг в греки». Эта версия не кажется такой уж неподходящей, так как топонимические данные показывают, что куда бы не

пришли восточные славяне, если имеются старые названия, они все сохраняются: новые названия возникают только на новых территориях, в пустых местах.

В записях о событиях 6605 (1097) года упоминается имя *Володарь*. В справочной литературе, в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона сказано о Володаре как о князе Перемышльском, сыне Тмутараканского князя Ростислава Владимировича. Имя Володарь образовано от *волод* – др.-русс. *володети* (владеть) и суффикса «арь», участвующего в образовании названий лиц по профессии – *пономарь*, *бондарь* [4]. Но, думается, что и с этим именем не все так просто. Существительные со значением лица оформляют и другие суффиксы: в этом же имени *Володарь* можно увидеть и двусложное имя, второй частью которого является слово *дар*, таким образом, значение имени уточняется – «владей тем, что дано в дар». Возможно, что эта версия толкования становится более предпочтительной, так как в княжеские имена славянского происхождения вкладывается понятие власти как управления территорией и народом, скорее народами, населяющими эту территорию.

Любопытно отметить, что в «Повести временных лет» присутствует очень большое количество иноязычных имен, причем не только имена печенежских и половецких князей и воинов (Тугоркан, Боняк, Алтунопа, Урусоба, Кчий, Арсланап, Китаноп, Куман, Асуп, Куртк, Ченегреп, Сурьбарь, Белдюзь, Шарукан, Таз, Сугра), но и имена не славянского происхождения, которые использовались в славянских семьях: об этом же говорит большое количество фамилий, образованных от про-

звищ, среди которых прозвища тюркского происхождения, в семьях, не имеющих тюркского предка: Мурза (Мурзин), Половец, Мамай и др. Некоторые половецкие имена, пройдя ступень прозвища, превратились в современные фамилии. Например, в современной фамилии Уланов смешались две фамилии различного происхождения: *улан* – не только кавалерист особых уланских полков, но и тюркское имя, нарицательное значение которого – «красный», а также «молодой человек, юноша»; имя *Улан* встречается не только в «Повести временных лет», но и в «Ипатьевской летописи» (1097 г.) упоминается Улан, отрок, дружинник киевского князя Святослава [7].

Таким образом, являясь не только лингвистическими, но и экстралингвистическими единицами, антропонимы «Повести временных лет» содержат в своей семантике различную культурно-историческую информацию, связанную с материальной и духовной жизнью восточных славян. Личные имена средневекового восточного славянина отражают мирно-созидательное восприятие окружающей действительности, остерегающегося внешнего негативного воздействия на свою жизнь. Основной причиной при именовании является мотивация, отражающая своеобразие народного самосознания и ценностные ориентиры. Личные имена проявляют себя как знаки-характеристики ментальности средневекового русича.

О.М. МЫСЕНКО

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Энциклопедия «Русская цивилизация»// <http://dic.academic.ru>.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка <http://dic.academic.ru>
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // <http://dic.academic.ru>
4. Словарь личных имен // <http://dic.academic.ru>
5. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона // <http://dic.academic.ru>
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. М.: «Русский язык», 1981.
7. Веди́на Т.Ф. «Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения» // <http://dic.academic.ru>
8. Лихачев Д.С. Избранные труды в 2-х томах. – Л.: Наука. 1985.
9. Повесть временных лет. В кн.: Повести Древней Руси XI-XII веков. – Л. Лениздат, 1983. – 574 с.
10. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. – М.: Эксмо, 2004. – 543 с.
11. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – М.: Русский путь, 2004. – 904 с.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3 изд. – М.: Русский язык, 1999.
13. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
14. Членов А.М. По следам Добрыни. – М.: Физкультура и спорт, 1986. – 287 с.

РУССКИЙ МЕСЯЦЕСЛОВ В ПОЭЗИИ ОРЕНБУРГСКИХ АВТОРОВ

Поэтов всех народов и всех времен всегда интересовала тема природы, в том числе – времена года, а в них – месяцы разных периодов.

Цель статьи – рассмотреть отношение поэтов Оренбуржья к названной теме: что их привлекает или, напротив, не привлекает в каждом месяце, с каких сторон охарактеризованы эти месяцы и др.

Нами было отмечено около 500 контекстов с упоминанием интересующего нас объекта.

Прежде всего надо отметить, что у многих поэтов имеются стихотворения, озаглавленные названиями месяцев, например: «Год 1826. Январь» – у И. Елина; «Январь 1945-го» – у В. Кузнецова; «Февралем» – у С. Бархатовой; «Апрель» – у Н. Федяева и А. Фурсова; «Холодный май» – у А. Тепляшина; «Июнь» – у Е. Курдакова;

«Июль» – у Ю. Безуса и М. Бородина; «Август» – у В. Рябова; «Сентябрь» – у И. Елина и В. Нестерова; «Октябрь» – у Д. Даминова и В. Курушкина; «Ноябрь» – у С. Бычкова; «Декабрь» – у Н. Кожевниковой и О. Маловой. У П. Рыкова есть даже цикл стихотворений, который назван «Месяцеслов».

Можно отметить неодинаковую степень внимания поэтов к месяцам: если весенние упомянуты в наших материалах почти 160 раз, то остальные – примерно поровну; зимние – около 100, летние и осенние – около 90.

Среди весенних чаще всего фигурирует май (чуть больше 70 контекстов), что можно объяснить, на наш взгляд, несколькими причинами: и пышным, буйным цветением природы в это время, и пробуждением чувств в человеке, и знаковыми деталями – 1 мая и 9 мая.

Меньше всех привлекает авторов поэтических текстов ноябрь (около 20 контекстов); также нечасто (около 30 раз) обращаются авторы к февралю, июлю и августу.

Остальные месяцы упоминаются в среднем от 40 до 50 раз.

Таково распределение интереса поэтов к месяцам.

Поскольку месяцы являются персонажами именно в поэтических произведениях, следует, разумеется, ожидать в их характеристиках, в отношениях наличие специфического – художественного, образного, экспрессивного, авторского.

Так, несомненным является одушевление месяцев, их олицетворение. Активно живущими представляются месяцы как действующие лица стихотворений – прежде всего благодаря тем глаголам-сказуемым, которые поэты соединяют с ними.

Семантическая классификация таких глаголов весьма разнообразна, как разнообразны поступки людей, которым авторы уподобляют месяцы:

1) **движение** (Февраль прошел, и март мелькнет, как поезд, / Составом дней из солнечных ветров – В. Арефьев; И март пришел. И снег прошел последний / И первый дождь своей минуты ждет – А. Карнаухов; Июнь идет, / Июнь идет, / Спать садоводам не дает – В. Нестеров; Уходит август / Теплый воздух чист. / Еще не осень, но уже не лето – А. Карнаухов). Дайте надышаться теплым ветерком,.. / Пока может август бегать босиком – В. Бакулин);

2) **различные физические действия** (...январь / Свет выталкивал из круга, / Что очерчивал фонарь – О. Максимова;

Май встrepенулcя, дождями шурша – Е. Курдаков; Июль дождинками играет, / теряя запахи свои – Л. Долгих; Кусочек лета нам август бросит / И вот уже уходит в дней водоем – В. Мальгин; ...октябрь, взмахнувши руками, / Желтых листьев последнее пламя / Нам под ноги бросал и бросал – П. Рыков; Декабрь что-то серое сыпал / И в кучи сгребал во дворе – Ю. Селиверстов);

3) **состояния** (Ледяная весна, ледяная.../ Март задумался где-то и сник – Е. Курдаков; От сирени.../ Синел июнь на белых стенах – Т. Белозерова; Рябиновый август в лесах догорает, / В тревоге зеленое алым дробя – Е. Курдаков; ...все еще осень, сентябрь золотится... – А. Ильина; дышит октябрь / Заунывной тоскою... – И. Весенняя);

4) **действия органов чувств** (Февраль шумит ветрами снежных вьюг – Е. Курдаков; В окно снаружи / Глядел февраль – А. Фурсов; Март.../ Будет заполночь шуметь / Поземкою потом – Н. Акисова; Что прошло, не повторится вновь.../ Отшумит апрель, отполоводит – Ю. Селиверстов; ...Май звенел / Синкопами в ударе – В. Филатов; Май встrepенулcя, дождями шурша – Е. Курдаков; Октябрь... / Шумит на дождевом ветру – Д. Даминов; Декабрь наблюдал, не меняясь в лице, / Как я задыхалась во вьюжном кольце – О. Мялова).

Отмечены и одиночные характеристики действий месяцев.

Воздействие образа усиливается, если поэт использует метафорический или окказиональный глагол, ср.: На дворе неистовый январь / Разморозил все и разметелил – В. Трефилов; Опять февраль температуры, / Во рту смерзаются слова... – Н. Резник; На всех живых одну – / Вна-

чале еле зримую, / Всегда неповторимую / Нам дарит март весну – П. Ключников; От теплого солнца немея, / Зажмурился ласковый март – Р. Левит; Без пирамид и колесниц / Отцарствовал июль – Е. Тарасенко; Так тепло и бесприечно / За окном листва горит... / Не мое ли это счастье / Прожигают сентябри?! – О. Волошина.

Обращают на себя внимание те тексты, в которых месяцы «производят» много действий – самых различных, например: Рдеется август рябиною, / Катится яблоком в дом, / Просится песней старинной / В память о детстве моем – Л. Чернова; Октябрь... / Горит, трепещет и пылает, / Огнем своим глаза слепя, / В веселом пламени сгорает – / Ему ничуть не жаль себя – Д. Даминов; Ноябрь... / Под вечер заснежит, завет, запоет, / Как полотна наткет / И по кустам развесит, / И по краинам наставит лед, / А утром встанешь – вот: / Все заячи плутни, / Как на ладони, он являет нам... – П. Рыков.

Рассматривая глагольное окружение месяцев, следует, на наш взгляд, отметить стремление поэтов передать действия с помощью фразеологизмов, например: Вы не сердитесь на январь ненастный, / На самый главный месяц холодов: / Чтоб было все по зимнему прекрасно, / Он много приложил своих трудов – С. Пометова; Уже недолго до весны, / Февраль слабину дал – / И польхает у реки / Бордовый краснотал – Н. Акисова; ...март еще возьмет свое: / Покроет ветки льдом / И будет полночь шуметь / Поземкою потом – Н. Акисова; Ноябрь свой показывает норы, / На землю осыпая Млечный путь – А. Журбенко; Декабрь поставит на свои места / Мороз и снег – А. Цирлинсон.

Таково глагольное, процессуальное окружение месяцев.

Образность, экспрессивность очень убедительно, очень ярко также проявляется в тех прилагательных-эпитетах, которыми поэты награждают персонажей, ср.: январь – разгулявшийся – у О. Максимовой; суровый, снежный, ненастный – у С. Пометовой; неистовый – у В. Трефилова; лютый – у Г. Хомутова;

февраль – голодноватый – у П. Данилова; по-весеннему светел, но по-зимнему жгуч и румян – у Л. Черновой;

март – ласковый – у Р. Левит; грустный – у Т. Немковой; всегда веселый – у А. Цирлинсона;

апрель – солнечный – у Е. Вовка; черен в поле – в лесу еще бел – у А. Иванова-Огарыша; ликующий – у Н. Карташева; злой – у Т. Немковой; безропотен, стареющий – у Ж. Румянцева;

май – доверчивый – у С. Бурдыгина; слепящий – у В. Кузнецова; зеленый – у А. Тепляшина; веселый – у Л. Черновой;

июнь – всегда волшебный – у Т. Асабиной; изумрудный – у Т. Басковой;

июль – пылающий – у В. Кузнецова;

август – пронзительный – у А. Иванова-Огарыша; осенний, холодный, ненастный – у А. Кирилловой; горестный – у А. Крюковой; рябиновый – у Е. Курдакова; летне-осенний – у В. Шабрина;

сентябрь – несговорчивый – у И. Елина; хмельной – у А. Костенко;

октябрь – сырой – у В. Демурина; огневой – у И. Лысцова; багровый, весенне-влажный, стоветровый – у В. Нестерова; праздничный, флагиносный, многообразный, акварельно-прозрачный – у П. Рыкова; солнечный и теплый – у Г. Шиндяева;

ноябрь – промокший, неприятный – у В. Одноралова; безжалостный, хмурый, грубый, злой – у Ю. Селиверстова;

декабрь – родной, хоть и студёный – у Н. Бриш; печальный – у В. Одноралова.

Практически все эти эпитеты – и описательные, и метафорические отражают авторское видение каждого месяца, а также – теснейшую связь человека и природы.

Еще ярче характер месяца проявляется в тех определениях-приложениях, которыми поэты представляют своих персонажей:

январь – обещанье счастья, потому что верится в исполнение всех надежд – у О. Вишневской; мальчуган, потому что озоровать горазд, потому что смеется, что наморозил жемчуга на ворот старого колодца, потому что щиплет за нос – просто жуть, потому что ветлы изукрасил сканью – у П. Рыкова;

февраль – грубиян, невежда, потому что своими ветрами он развеял надежды и зимний разрушил храм – у Е. Пудовкиной;

март – равнодушный слепец, потому что за окнами хищно крадется – разлучая с любимой – у В. Бакулина; гулеван и растратчик, потому что он все, что зима припасла, исподволь, глазом лаская, жаркие речи журча, блудным подружкам раздарит – у П. Рыкова;

апрель – снеговержец – у А. Иванова-Огарыша; скворцом проклюнулся и норovit запеть, потому что метет последняя метель – у С. Ольшанского; красавец, который вступает в свои права, но острожно – у А. Цирлинсона;

май – художник, музыкант, поэт, потому что город наш совсем переиначил – у А. Кирилловой;

июнь – мужик что надо, потому что с ума сведет, ромашкой приласкает, крапивой обожжет, дурман-травой опоит, в полон возьмет – у Р. Клюевой; птичий

дядька и волшебство голубое быстротечных ликующих гроз, когда от зноя – по коже мороз – у Е. Курдакова;

июль – макушка лета, вся озаренная роскошным долгим светом – у О. Вишневской;

август – трудяга-парень, который полями мчится – может, он просто в ударе, вот и летит, как птица – у Н. Пашкова;

сентябрь – призрак, который бродит по комнатам – у С. Бычкова;

октябрь – печальный правнук лета, который шумит на дождевом ветру – у Д. Даминова;

ноябрь – осени последняя страница, первый лист зимы календаря – у В. Гаева; сон травы, деревьев и созвездий – у П. Рыкова;

декабрь – хозяин белых волчиц, диких простуженных зверей, которые к утру с головы до ног осеребрят на засовы запертые двери – у Д. Даминова.

Поражает высокая степень образности названных характеристик-приложений; это является еще одним доказательством неразрывной связи человека с природой, проявлением антропоморфизма.

Также выразительно «оживление» реализуется в тех строчках, в которых есть обращение к месяцам – риторическое по своей сути, ср.:

Свирепствуй, тринадцатый (! – Л.И.)
месяц – январь, / Врывайся мне в душу, метелица злая! / Бессмысленно врет отрывной календарь: / Ни весен, ни зим у любви не бывает! – В. Бакулин; ...брызжут звонкие капли /, как будто слезы февраля... / Но что же значат эти слезы? / Чего нам в днях прошедших жаль? / Неужто вьюги и морозы / Так привлекательны, февраль? – А. Тепляшин; Снег отяжелел, налился водой – / Ох, не

стань же, март, для меня бедой! – Н. Акисова; апрель – снеговержец, / Лета двери отверзи! – А. Иванов-Огарыш; Справляй, апрель, свое рождение, / Круши, сжигай снега и льды! – Н. Карташев; Слепящий май, не обмани, пройлей / Своих берез хмелеющий напиток, / Коснись листвою всех своих детей, / Перенеси в них солнечный избыток! – В. Кузнецов; Росы лесной серебряные бусы / Надень, июнь, и в свой курай подуй – Д. Даминов; ...нагрянет капризная осень, / ...горечью душу польет... / Пока же минуты счастья / Все силится в память впаять... / Ай, август, тебя не понять! – Е. Дронова; Мой август, алый окоем / До звона натяни! – Е. Тарасенко; Пора мгновенных просветлений – Октябрь, приветствую тебя! / Не угасанье ты, не тленье – / Горишь, ликуя и скорбя! – Д. Даминов; Октябрь мой огневой! Не трогай неопавший / Последний лист, не жги прекрасный лик! – И. Лысцов.

В большом количестве контекстов каждый месяц освещается поэтами с точки зрения тех природных признаков, которые свойственны месяцу.

Закончить статью хочется строчками И. Бехтерева, объясняющими убедительно и наш выбор темы, и интерес оренбургских авторов к этой теме:

Пора забыть месяцеслов: / Николу, Троицу, Покров – / И километр не звать верстою, / Смотреть наверх церковных куполов, / Не стариной гордиться – / Новизною... / Но я над чувствами не волен, / Когда опять снега на поле, / Когда, косноязычные в мороз, / Вдруг чьи-то пальцы вспыхнут на баяне... / И я шепчу, юродствуя от слез: / «Расея... Мать моя... Славяне...».

Л.В. ИВАНОВА

НОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОРЕНБУРГСКИХ АВТОРОВ

Проблема исследования авторских новообразований (окказиональных слов) в художественном тексте – это проблема междисциплинарная, общелингвистическая, имеющая самое непосредственное отношение к лексикологии, лексикографии, словообразованию, морфологии, синтаксису и стилистике.

Окказионализм возникает в контексте, формируется им и в то же время сам зачастую является текстообразующей единицей. Поэтому анализировать ок-

казиональное образование любого типа следует только в его контекстной позиции, с учетом его контекстных связей.

Высокохудожественные, эстетически ценные окказионализмы являются важным текстообразующим средством, отличаются исключительной семантической емкостью.

Парк иль нефть? – истории весы. / *Златочерную* выпачкают кожу... /Желтый дьявол смотрит на часы [1].

И тогда там /Вступит в силу /*Жизнебытия* Закон [2].

Был бы я крутой волшебник, /Белой магии знаток, /Подарил бы вам учебник «Счастьеведение урок»! [3].

К чертовой матери их выгнать, лындают, *легкожители*, добрые люди... [4].

Поэтический текст бузулукской поэтессы Л. Григорьевой носит окказиональное название – «*Пухопад*», в нем есть такие строки: Пушкинки с тополей летят./ И кто-то крикнул: «*Пухопад!*» /Но пух не радует народ – /Он лезет в нос, глаза и рот [5].

Также стихотворения В. Толоконникова «*Дерьмократке*» и В. Моисеева «*Шелкограммы*», «*Светописатели*»: Фотоперекресток, фотовзгляд./ Фотовспышка двадцать раз подряд./ В фоташопе купим фоторамки, /Выстроим чудесный фоторяд [6].

Для русского языка характерны процессы, приводящие к расширению языковых средств, они зреют и постепенно выкристаллизовываются в окказионализмах. Примером тому могут служить имена существительные и прилагательные. Наибольший интерес представляют для нас так называемые «цветовые» имена прилагательные. В тексте романа В. Правдухина нам встретились слова: *мутно-стеклянный, стеклянно-желтый, рыжеарый*.

В лингвистических работах, посвященных цветообозначению в русском языке, уже накоплен большой материал об использовании «цветовой» лексики, прежде всего имен прилагательных, в произведениях художественной литературы.

Соответствующее прилагательное воспринимается как слово с цветовым значением только на фоне словосочетания, без него оно двусмысленно, а иногда понимание его как цветообозначения

невозможно. Да и о самих цветах можно сказать словами поэта: Сегодня перемены в моде: /Вводя поклонников в экстаз, /Один цвет царствует в природе – /Болотно-изумрудных глаз [7].

В тексте романа В. Правдухина нам встретились сложные прилагательные: *узкорылый, легкобортный, поднебесно-высокий* и т.п.

Поэтические тексты не менее богаты подобными прилагательными: Плывут холмы *туманно-сизой* цепью – /Не удержать их горизонт живой! Прищурь глаза – /и пограничной степью /Проскачет вдруг дозор сторожевой... [8].

Возможные изменения эмоционально-оценочной характеристики хорошо иллюстрирует следующий пример из романа И. Пьянкова: Подрежь, подрежь жердины, Иван... /И угораздило кого. /Право, *жидкастей* не нашли [9].

Таким образом, окказиональные образования создаются оренбургскими писателями, такими, как И. Пьянкова, П. Краснова, В. Толоконникова, И. Моисеева. Под пером хорошего писателя окказиональное слово – это средство создания свежего, нестандартного, оригинального словесного образа. Писатель – конструктор слова. «Мне фабрика слова в управленье дана», – писал В. Маяковский. Этому же принципу следуют и оренбургские писатели.

Причины, побуждающие художников слова к созданию индивидуально-авторских образований, таковы: а) необходимость точно выразить мысль (узультных слов для этого может быть недостаточно); б) стремление автора кратко выразить мысль (новообразование может заменить словосочетание и даже предложение); в) потребность подчеркнуть свое отношение

Т. А. Служай

к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку; г) стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику, деавтоматизировать восприятие; д) потребность избежать тавтологии; е) необходимость сохранить ритм стиха, обеспечить рифму, добиться нужной инструментовки.

Т.В. СТРЕЛЬЦОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Филатов В. Бузулукский бор. // Родники. Бузулук. 2001. – С. 8.
2. Жилин В.М. «В моем доме...» // Снегири. Стихи. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2004. – С. 10.
3. Жилин В.М. Новогоднее // Снегири. Стихи –

Оренбург: Изд-во ОГУ, 2004. – С. 32.

4. Краснов П. Н. Поденки ночи: Повести и рассказы. – Калуга: «Золотая аллея». 1993. – С. 221.
5. Григорьева Л. Пухопад. // Российские истоки: Сборник стихотворений бузулукских поэтов. – М.: Новый центр, 2002. – С. 34.
6. Моисеев В. Светописатели // Тропы свободы Оренбург.: ОГАУ, 2002. – С. 16.
7. Мелешко А. «Опоен не был зельем приворотным ...» // Тихий вечер: Книга стихов. – Калуга: Золотая аллея, 1995 – С. 24.
8. Кузнецов В. Степь. // Свет величавый. – М.: Современник, 1986. – С. 9.
9. Пьянков И.Г. На линии. Из жизни оренбургских казаков: Роман. – М.: Современник, 1989. – С. 151.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ» В ИСКОННОМ И ПРЕОБРАЗОВАННОМ ВИДЕ

Журналисты обращаются к фразеологическим богатствам родного языка как к неисчерпаемому источнику речевой экспрессии. Выразительна их речь благодаря частому обращению к собственно фразеологизмам, крылатым фразам, перифразам, пословицам и поговоркам. В газетных статьях фразеологизмы часто употребляются в их обычной языковой форме с присущим им значением, как правило, из-за стремления журналистов усилить экспрессивную окраску и при-

влечь внимание читателей к самой статье, а также в измененном, индивидуально-авторском виде.

Введение в текст фразеологизмов обусловлено стремлением авторов усилить экспрессивную окраску речи. Например: *Куда ни плюнь, все либо заслуженные, либо народные.* [1, с. 48], *Я еще могу понять, когда государство «вбрасывает» деньги в автопром – иначе десятки тысяч рабочих, которые наши несчастные машины собирают, просто*

по миру пойдут [1, с. 42]. Присущая фразеологизмам образность оживляет повествование, придает ему ироническую окраску.

Особенно часто журналисты используют разговорную, стилистически сниженную фразеологию, прибегая нередко к смешению стилей для создания комического эффекта. Например: *Молодые россияне не позволяют **оставить себя без штанов*** [2, с. 3]. *Затрагивался вопрос о не вписывающейся в рамки здравого смысла программе по литературе, допускающей, например, изучение произведений, описывающих неприглядное поведение советских людей в годы Великой Отечественной войны (в этот раз «**под раздачу**» попал солдат Иван Чонкин)* [3, с. 20].

Яркий стилистический эффект создает пародийное использование книжных фразеологизмов, употребляемых нередко в сочетании с лексико-фразеологическими средствами. Например: *Комиссия призвала **дать по рукам добытчикам черного золота**, распоясались добытчики зеленого* [4, с. 15].

Важно подчеркнуть, что во всех этих случаях фразеологизмы употреблены в их традиционной языковой форме с присущим им хорошо всем известным значением.

Так при помощи своих стилистических свойств фразеологизмы, используемые журналистами в своих корреспонденциях, придают тексту более яркую эмоциональную окраску. Фразеологизмы, умело и точно подобранные автором статьи, делают обычный текст более интересным и запоминающимся читателям, образы становятся более яркими и впечатляющими. Например: *Тешили себя тем, что*

*вот-вот догоним и перегоним Америку и **покажем всему миру кузькину мать*** [4, с. 6]. *А школам и садам, видимо, снова придется «**кинуть шапку**» с призывом родителям дать кто сколько сможет в фонды классов, чтобы хоть как-то организовать там посильный ремонт* [1, с. 2].

Таким образом, фразеологизмы на страницах печати выполняют функцию экспрессивной окраски не только предложений, включающих в себя фразеологический оборот, но и всего текста корреспонденции.

Анализ фразеологических единиц в газетных изданиях показал, что они – необходимый строительный материал для создания экспрессивной, оценочной и образной программы текста. Эти программы обязательны для газетных текстов политической тематики, так как основная цель этих текстов состоит в том, чтобы прокомментировать сообщения и факты, в частности, международной жизни.

Фразеологизмы преимущественно функционируют в рассмотренных текстах как лаконичные микрообразы. Роль их в этом случае определяется типом текста, а именно его функционально-смысловой принадлежностью. В результате исследования можно сделать вывод, что чаще всего фразеологизмы включаются в рассуждения, где они помогают глубже раскрыть позицию автора, усилить его аргументацию, дать оценку смысловым явлениям. Например: *Работая в госструктурах, такие деятели выступают как безразличная к обществу каста. Но как только они оказываются в свободном плавании, выясняется, что **ни в грош не ставили** свою страну* [5, с. 4].

В повествовании фразеологизмы проявляют свои изобразительные свойства. Они образно передают ситуацию, делая ее наглядной и представимой. Например: *Иначе вести бизнес, не наращивая **гулливеровскими масштабами** издержки, многие застройщики просто не способны* [2, с. 12].

Попадая в описание, фразеологизмы максимально реализуют свои качества: здесь они способны создать образные зарисовки, служащие иллюстративным материалом и рассуждениями журналиста. Например: *Жаль малышку стало: **глаза горят**, видно, что с характером, только сам и шага сделать не может* [1, с. 33].

*Следствие не смогло доказать и **львиной доли** выдвинутых обвинений, более того – не доказан сам факт корыстного интереса районного главы* [5, с. 3].

Фразеологизмы в газетных текстах могут выполнить не только функции образных и экспрессивных характеристик, но и одновременно использоваться как композиционно-стилистические средства. Возможности фразеологизмов в этом плане будут зависеть от такого фактора, как позиция их в тексте и особенности структуры самого текста.

Фразеологизмы могут занимать в тексте самые различные позиции. В композиционно-стилистическом отношении для фразеологизмов важными будут следующие: абсолютное начало текста (заголовок), первый абзац текста, где обычно фразеологические единицы совмещают свои характеризующие и экспрессивные функции с текстовыми.

Первый абзац – это сильная позиция газетного текста независимо от его композиционного назначения и размера. Он

начинает текст, выполняя проспективную функцию, и от его построения во многом будет зависеть восприятие дальнейшей информации.

Как показал анализ, вводя в начальный образ фразеологическую единицу, журналист преследует цель в образной форме дать оценку обсуждаемым проблемам, «проспективно» задать тон всей публикации. Приведем пример: *«**Выметать сор из избы**» стало очень модно. Причем семейные ссоры оборачиваются скандалами политическими и международными, супруги делят детей, не пренебрегая похищениями* [5, с. 3].

Кто из родителей не знает, что домашний компьютер частенько становится «яблоком раздора» между вами и родным чадом [6, с. 23].

*И вот, кажется, «**лед тронулся**»: в Башкирии в деревне Чандар найдена объемная карта, созданная 50 млн. лет назад* [6, с. 29].

*Когда начинаешь сравнивать наши замеры народного счастья с теми, которые делаются специалистами, **бросаются в глаза** серьезные разночтения* [3, с. 6].

*Их фамилии знают лишь специалисты. Они всегда **оставались в тени** и никогда не были в космосе, а неземные условия в ходе экспериментов им создавали в Москве, неподалеку от стадиона «Динамо»* [7, с. 30].

Любой текст должен иметь логическое завершение, и, если следовать литературной традиции, то таким композиционным завершением является развязка. В работах по журналистике существует мнение, что в отличие от «художественного произведения журналистская публикация принципиально не завершена», поскольку

ее рабочая идея должна реализоваться в общественной практике читателя». Концовка газетного текста (его выводы и итоги) – это своеобразная свертка рабочей идеи текста, которая должна носить ассоциативный характер, т.е. активизировать, будить сознание читателей, призывать их к действию после прочтения публикации.

Соответственно этому концовки газетных материалов носят специфический характер. Выделяют следующие типы концовок: концовка-итог, концовка-обобщение, концовка-убеждение, концовка-перспектива.

Оформление концовок корреспонденций при помощи фразеологизмов способствует формированию образного представления, содержащего оценку рабочей идеи текста. Оценка в таких концовках утверждает позицию автора, делает ее скрытной.

Рассмотрим это на конкретном материале. Типичным для наших текстов является прием, когда журналист с помощью фразеологизма оформляет резюме своих рассуждений. Возьмем такой пример:

Допущенные в качестве «вольных слушателей» врачи областного центра и студенты оренбургской медакадемии, услышавшие из «первых уст» об открытиях и достижениях ведущих морфологов страны, не только получили новые знания, но и информацию для размышлений, стимул к занятиям научной работой, дальнейшему развитию отечественной медицины [6, с. 15].

Если лежать на печке, тебя точно не зауважают только за то, что ты такой большой и имеешь нефть [6, с. 3].

С помощью фразеологической единицы может быть оформлена концовка-гипотеза. Например: *Даже в самых высоких кабинетах не решаются говорить откровенно. Или говорят те, кто не считает нужным что-то скрывать, или те, кто уверен, что им все сойдет с рук [6, с. 9].*

Как бы в порыве благородного рвения не перегнуть палку. У наших соседей, в Екатеринбурге, детский омбудсмен запретил любой труд в школе [5, с. 1].

Очень часто употребление фразеологических единиц в финале корреспонденции служит для отрицательной характеристики тех, кто является предметом обличения. Например: *Получается, что пугалки про дефицит молока на руку лишь торговцам, лишенным заработка на привозе в страну сухого молока из Беларуси [4, с. 11].*

А это значит, что до начала апреля лекарства еще подорожают: торговцы постараются «взять свое» за оставшиеся месяцы [2, с. 3].

Итак, фразеологические единицы в финалах, как правило, вписываются в образный контекст и служат цели выразить оценку автора. Изобразительность образных фразеологизмов в финалах отчасти снимается за счет контекста, их функция здесь – оценочно-характеризующая.

Заголовки, в том числе и заголовки – фразеологические единицы, на газетной полосе выполняют несколько функций. Обычно выделяют две главные функции: номинативно-информативную (назывную) – заголовок должен сообщать о каком-либо факте или событии и функцию рекламы – заголовок должен привлекать внимание читателя, заставить его ознакомиться с корреспонденцией. Кроме этого

заголовок призван выполнять графически-выделенную функцию, т.е. отделять один текст от другого и т.д.

Принято считать, что специфика заголовков – фразеологических единиц состоит в том, что они, как правило, актуализируют основной замысел, дают образную характеристику и оценку публикуемому материалу, при этом не раскрывая его содержания.

Ряд корреспонденций, озаглавленных фразеологизмами, не имеет соотносительности конкретно с этой же единицей в тексте. Необходимо отметить, что это явление достаточно редкое, обычно, как показывает анализ, журналисты стремятся вернуться к фразеологизму в тексте, обыграть его и тем самым повысить его экспрессивно-оценочную программу. В этой публикации материал в целом раскрывает смысл оценки заголовка, подкрепление ее будет осуществляться в основном за счет нейтральной или экспрессивно-окрашенной лексики. Например, в публикации под названием «**Око за око или милость к падшим?**» [1, с. 8] присутствует отрицательная оценка, выраженная в самом заголовке.

Око за око, зуб за зуб – отмщая обиды, отплачивая за причиненное зло той же мерой. В статье речь идет о том, какую меру наказания стоит применять к людям, совершившим тяжкое преступление.

Таким образом, фразеологизм семантизируется в тексте конкретным высказыванием: «Цель смертной казни в другом – в возмездии. Умерщвлять стоит только тех, кто своими деяниями сам исключил себя из списка живых».

Журналисты по-разному строят материал, озаглавленный фразеологическими единицами, но все это подчинено

одному: раскрыть сущность описываемого факта, подтвердив оценку, данную в заголовке.

Необходимо отметить тот факт, что журналисты, используя в заголовках фразеологизмы, не «прикрепленные» к определенной политической ситуации, как правило, внизу (после заголовка) дают подстрочник, указывающий на содержание материала. Например, в статье под названием «**Хватит плыть по течению**» [4, с. 2-4] речь шла о том, что, несмотря на то, что прошлый год принес стране немало положительных результатов, останавливаться на достигнутом не стоит.

Плыть по течению – жить, действовать, поступать так, как складываются обстоятельства, пассивно подчиняться им.

Группа текстов, где заголовочная фразеологическая единица обыгрывается в финале текста, является самой представительной в количественном отношении. Это закономерно для публицистических текстов, т.к., во-первых, переключка заключения с заголовком обычно придает стройность всему материалу, делает его завершенным в композиционно-структурном отношении, во-вторых, оценочность, заложенная в фразеологизме-заголовке, который настраивает читателя на определенное восприятие материала, при таком построении получает свое подтверждение в форме вывода, а это служит средством усиления, укрепления позиции автора в отношении к описываемым фактам и явлениям. Возьмем для анализа конкретный материал. В большинстве текстов этой группы финальная фразеологическая единица употреблена в той же форме, что и заголовочная, без ее изменения. Она

дает оценку той информации, которая заложена в тексте. Например в статье под названием «**Альфа и Омега строительства**» [1, с. 8] в конце автор подводит итог всему вышесказанному словами: «В конечном счете, именно от проектировщиков зависят эксплуатационные качества будущих зданий и сооружений, их прочность и долговечность. Не даром именно проектирование называют **Альфой и Омегой строительства**». А статья «Время проклятий прошло, пора размышлять и работать над ошибками» [8, с. 3] имеет подзаголовок «**Последняя точка отсчета**», в конце которого автор, подводя итог, говорит: «К сожалению, и церковь сегодня не в состоянии собрать это еще недавно глубоко атеистическое общество. Поэтому все останавливаются возле смерти, начинают озирается: что происходит со мной, со страной, с людьми? Смерть стала последней **точкой отсчета**».

Образность фразеологизма на протяжении всего текста поддерживается экспрессивными средствами, усиливающими оценку, данную в заголовке, и иронию в зачине: избытие оценочной лексики, политических клише, разговорной лексики, пословиц и др. Текст завершается образно, как и начинается, все это создает единый комплекс средств, без которого содержание текста не только бы обеднилось, а вообще исказилось.

Таким образом, фразеологизмы способны взаимодействовать с темой и идеей текста, причем обыгрываться может как семантика фразеологизма, так и ее внутренняя форма. Также фразеологические единицы могут функционировать на отдельных участках текста, а могут и про-

низывать весь текст. В этих случаях фразеологизм выступает как композиционно-стилистическое средство: он является тем стержнем, который организует всю структуру текста.

Особая роль отводится устойчивым единицам, претерпевшим индивидуально-авторские преобразования.

Фразеологизмы в газетной речи являются важным источником экспрессии, необходимой для воздействия на читателя. Одним из существенных свойств фразеологизмов является устойчивость компонентов и воспроизводимость их в готовом виде. Отличием употребления фразеологизмов в газете отмечена, напротив, тенденция к тому или иному изменению их семантики или обновлению структуры. Журналисты, добиваясь большей выразительности, прибегают к изменению внешней структуры фразеологизма, выделяя и расширяя тонкие внутренние оттенки значения, объединяя разностилевые элементы. Выразительность фразеологизмов усиливается в результате разнообразных мотивированных отступлений от общелитературной нормы их употребления.

Такие индивидуально-авторские изменения фразеологизмов характерны для современного газетного словоупотребления.

Рассмотрим данные приемы фразеологического новаторства на основе авторских изменений фразеологизмов, употребляемых на страницах газеты «Аргументы и факты», опираясь на классификацию, предложенную Н.М. Шанским в работе «Фразеология современного русского языка», в которой он выделил восемь приемов авторского изменения фразеологических единиц.

1) Нередко наблюдается наполнение фразеологических единиц новым смысловым содержанием при сохранении его лексико-грамматической цельности. Например, в политическом анекдоте «Олигарх подходит к Путину на приеме в Кремле: – Владимир Владимирович, я все налоги заплатил. В политику не рвусь. С прокуратурой не ссорюсь. счета в Россию перевел... можно я теперь за границу съезжу? – Конечно можно. Но есть такая традиция – **посидеть на дорожку...**» [8, с. 9] фразеологизм, не изменяя своей формы, приобретает новое значение «сесть в тюрьму».

2) Частым является обновление лексико-грамматической стороны фразеологической единицы при сохранении его семантики и основных черт структуры. Например: *И в национальном составе РФ теперь «эльф ногу сломит»* [1, с. 10] – здесь сохраняется семантика и структура фразеологизма *черт ногу сломит* (ничего не поймешь, не разберешь) на основе, которого он был образован.

Или увольняйся, или езжай в коммерческом режиме и сам объясняй разгневанным пенсионерам, почему теперь их проездные – филькины бумажки [1, с. 12] – как фразеологизм «филькина грамота».

Почему у милиционеров съезжает фуражка? [5, с. 8] – как фразеологизм *съезжает крыша*.

3) Очень эффективным представляется прием использования фразеологических единиц одновременно и как фразеологического, и как свободного сочетания слов. Такой стилистический прием использования фразеологических единиц часто связан и с использованием их значения и грамматических свойств.

Например: *Потом, держа нож у горла Яны, он попытался сорвать с нее одежду* [1, с. 8] – здесь используется фразеологизм *приставить нож к горлу*.

Неизвестно, сколько бы еще просидел на 25-метровой высоте человек-дерево, требующий запретить вырубку елок, если бы в переговоры с ним не вмешался губернатор Архангельской области Илья Михальчук, уговоривший его спуститься на землю [9, с. 6] – здесь используется фразеологизм *спуститься с небес на землю*.

4) Не менее выразительным приемом использования фразеологических единиц является образование по модели фразеологизмов, существующих в общелитературном языке, новых, индивидуально-авторских оборотов.

Например: подзаголовок *Ни тени раскаяния* [1, с. 8] образован по модели фразеологизма – *ни тени сомнения*.

Это вам не свинья начихала [4, с. 5] образован по модели фразеологизма *кот наплакал*.

5) Оригинальным и ярким приемом использования фразеологических единиц для создания определенного стилистического эффекта является употребление фразеологических единиц, которые надо понимать одновременно и как фразеологическое, и как свободное сочетание слов. Например, в статье под названием *Кто лузгал семечки в тронном зале?* [1, с. 12] данное сочетание слов употребляется как в прямом значении – «разгрызая и освобождая от лузги, шелухи», так и в значении фразеологизма – «бездельничать, ничего не делать».

6) Наиболее часто встречающимся приемом является употребление с целью особой выразительности не фразеоло-

гизма как такового, а его общего образа и содержания. Фразеологической единицы как целостной единицы в контексте уже нет, однако для правильного понимания контекста и восприятия его эстетических качеств необходимо знать и иметь в виду и фразеологизм как таковой, т.е. в том виде, в каком он употребляется в языковой системе. Например: *Мы об этой угрозе предупреждали еще полгода назад, но все понадеялись на русский авось*. [1, с. 7] – здесь используется фразеологизм авось повезет в значении «выражение надежды говорящего на успех».

7) Встречается также (правда, значительно реже, нежели отмеченные выше приемы) смешение двух фразеологических единиц. Например: *И сколько он еще из страны, сделавшей его популярным во всем мире, денег с корпоративов вывезет – даже Барак Обама в его черных от зависти снах не снилось* [4, с. 5]. В данном примере происходит слияние двух фразеологизмов – почернеть от зависти и даже во сне не снится.

8) Довольно свободно авторы для создания определенного эффекта используют рядом с фразеологизмом одно из образующих его слов (естественно уже в качестве лексической единицы свободного употребления)

Например: *Отечественная марка – не золото, а «черное серебро»: в ней больше серы, из нее получается меньше бензина* [1, с. 19].

В современной печати часто встречаются заголовки, где фразеологические единицы подвержены трансформации. Например:

«Как каста в горле». – Как кость в горле [7, с. 6].

«Не в банане счастье!» – Не в деньгах счастье [6, с. 26].

«Счастье луковое» – Горе луковое [9, с. 10].

«Зри в герб» – Зри в корень [9, с. 32].

«Депутатов по осени считают» – Цыплят по осени считают [10, с. 8].

Таким образом, возможности применения устойчивых единиц на страницах газет значительно шире, чем простое воспроизведение их в речи. Фразеологические богатства языка оживают под пером публицистов и становятся источником новых художественных образов, шуток, неожиданных каламбуров. В результате фразеологического новаторства писателей, публицистов возникают оригинальные словесные образы, в основе которых «обыгранные» устойчивые выражения. Творческая обработка фразеологизмов придает им новую экспрессивную функцию. При этом измененные фразеологизмы сохраняют художественные достоинства общенародных, исконных единиц – образность, афористичность, ритмико-мелодическую упорядоченность.

Т.А. СЛУХАЙ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. АиФ, №46, 11-17 ноября, 2009 г.
2. АиФ, №2, 13-19 января 2010 г.
3. АиФ, №49, 2-8 декабря 2009 г.
4. АиФ, №1, 30 декабря 2009 г.-12 января 2010 г.
5. АиФ, № 45, 4-10 ноября, 2009 г.
6. АиФ, №44, 28 октября-3 ноября, 2009 г.
7. АиФ, №7, 17-23 февраля 2010 г.
8. АиФ, №51, 16-22 декабря, 2009 г.
9. АиФ, №52, 23-29 декабря, 2009 г.
10. АиФ, №48, 25 ноября – 1 декабря, 2009 г.

ПОВТОР КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ БЫЛИННОГО ТЕКСТА

Среди бесконечно-разнообразных произведений русского народного творчества одно из самых видных и почетных мест принадлежит старинным эпическим песням, называемым крестьянскими сказителями «старинами», или «старинками», а в науке известных под именем «былин» [3, с. 223]. Былины уникальны в своем роде, а также востребованы современной действительностью. Все чаще в средствах массовой информации слышишь тему былин. Совсем недавно стали снимать мультипликационные фильмы, правда, богатыри в современной интерпретации выставлены в комедийном образе, наверное, так легче принимать информацию о том, что так необходимо нам, людям XXI века. Однако вернемся к истокам и посмотрим на то, как устроен текст, не теряющий своей значимости и в наши дни.

Самым ранним собранием былин является Сборник Кирши Данилова, который был записан на Урале в середине XVIII в. Записи осуществлены с удивительной точностью и приложением нот мелодий напевов былин. Вплоть до 60-х годов XIX в. представление о былинах основывалось почти исключительно на собрании Кирши Данилова, которое до сих пор является научно востребованным материалом изучения былинного творчества.

В 1861-1867 годах появились «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым». Павел Николаевич Рыбников (1831-1885), сослан-

ный в Петрозаводск, записал в Олонецком крае былины и другие эпические произведения, а самое главное – для науки открыл имена замечательных северных певцов Т.Г. Рябинина, А.Е. Чукова, К.И. Романова, А.П. Сорокина, Н.Ф. Дутикова (Федотова), В.П. Щеголенка и др. Записи П.Н. Рыбникова вошли в золотой фонд эпического фольклора, а без «Заметок собирателя», живого рассказа об обстоятельствах знакомства с былинами и певцами, было бы трудно составить представление о жизни эпоса среди народа» [1, с. 289].

Почин П.Н. Рыбникова поддержал другой собиратель – ученый-славист Александр Федорович Гильфердинг. В сборнике собранных им в Олонецкой губернии «народных рапсод» имеются точные записи былин с соблюдением всех важнейших особенностей местного говора и характера исполнения.

Именно этим определяется выбор сборника А.Ф. Гильфердинга «Онежские былины» для предлагаемого исследования. Среди всех сказителей, которые пели для и П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга, особо выделяется Трофим Григорьевич Рябинин, крестьянин 78 лет. Рыбников записал с его слов 23 былины (в том числе и отрывки, так как сказитель уже стал забывать некоторые тексты), а А.Ф. Гильфердинг – 18. Что весьма важно – все былины были записаны «с голоса» сказителя [2, с. 5]. Пребывание Рябинина

в Петербурге, куда он прибыл по приглашению Отделения этнографии Русского географического общества, дало случай вновь проверить прежние записи. Среди былин, пропетых Рябиным, для анализа была выбрана одна из нераспространенных былин самого известного цикла об Илье Муромце, а именно «Илья Муромец и дочь его».

Объектом исследования явилась одна из особенностей былин – повторы. Известная народная мудрость гласит: «Повторение – мать учения». Повтор является универсальной составляющей народного текста, рассчитанного на слушателей и позволяющего лучше воспринимать информацию. Нужно отметить, что текст анализируемой былины буквально соткан из повторов. С первых строк мы сталкиваемся с повтором, где меняются только предлоги:

А й **на** славной московской
на заставы
Стояло двенадцать богатырей
их святорусских,
А по ней **по** славной **по** московской
по заставы...

Повторы чаще всего представлены в единоначатии:

Ай же, братьица мои крестовыи,
Ай богатыря вы святорусьскийи,
Ай вы славная дружинишка
хоробрая!...

Возможно соединение анафорических повторов с другими типами повторов:

Да спустил ен поляницу
на сыру земля,
Да ступил ен поляницы
на праву **ногу**,
Да он дернул поляницу за леву **ногу**
Да садился-то Илья да
на добра коня,

Да он рыл-то ты кусочки
по чисту полю...

Реже анафорического повтора встречается эпифорический повтор, позволяющий «удержать» рифму и ритмику былинного текста:

А й приеду я во **славный стольний**
Киев град,
Разорю-то **славный стольний**
Киев град...

Нередко повтор располагается в конце и в начале строки, в результате чего не только акцентируется внимание на каком-то важном моменте, но и достигается разнообразие словесных рядов текста, располагающихся в форме хиазма:

Едет **поляничца удалая**,
А й **удала поляничца великая**...

Не спущу этой посмешки
на святую Русь,
На святую Русь да и на белый свет.

Сквозь всю былинку сказителя Рябинина проходит целый ряд одинаковых контекстов, чаще всего расположенных рядом и повторяемых трижды – числовым показателем гармонии мира. В частности, испытание трех былинных героев – Олешенки Григорьевича, Добрынюшки Микитинца и Ильи Муромца – описывается в одних и тех же словесных рядах, ср.:

Говорил-то тут Олешенька
Григорьевич:
– Я поеду во раздольицо чисто поле,
Посмотрю на поляницу на удалую.

Говорил-то тут молоденький
Добрынюшка:
– Я поеду во раздольицо чисто поле,
Посмотрю на поляницу на удалую.

*Да не смел он к полянице той
подъехати,
Да й не мог у ней он силушки
отведати.*

*Так не смел он к полянищицу
подъехати,
Да не мог у ней он силушки отведати.*

*Хоть-то был я во роздольице
чистом поли,
Да й не смел я к полянищицу
подъехати,
А й не мог я у ней силушки отведати.*

Изменения текстового стереотипа происходит только в отношении Ильи Муромца, который, как и другие богатыри, высказал желание посмотреть на поляницу в чистом поле, посмотрел, но в третьем аспекте действия «То он ехал по роздолью по чисту полю, й он наехал поляницу во чистом поли». Битва Ильи Муромца с поляницей удалой происходит «по славну по роздольнищу чисту полю», что неоднократно повторяется, несмотря на описание деталей битвы, где все действия главных героев удваиваются, так как действия Ильи Муромца и поляницы зеркально отражают друг друга, ср.:

*Заносила-то свою да руку правую,
Заносила руку выше головы,
Опустить хотела ниже пояса.*

*Заносил-то он свою да ручку правую,
Заздынул он руку выше головы,
Опустить хотит ю ниже пояса...*

Постоянное упоминание в тексте слов *белы груди, рогатина звериная, булатный нож, копыя муржамецкии, бой рукопашный* передает длительность, как бы замед-

ленность боя равных по силе богатырей, длившегося целый день. «Раскадровка» битвы достигается именно за счет постоянно повторяющихся фрагментов, в которых тем не менее есть изменения словесных рядов, вносящих разнообразие в былинный текст. Вследствие этого текст становится узнаваемым, слушатель хорошо запоминает его, но при этом не теряет способности удивляться новым событиям, которые начинают все четче просматриваться через уже знакомые, но постепенно изменяемые повторы и сменяющие друг друга, «колеблющиеся» в своем постоянстве и изменчивости уже известные эпические формулы. Все это также подчеркивается наличием постоянных эпитетов, пронизывающих весь текст былины, например: *чисто поле, святая Русь, белый свет, добрый конь да богатырский, матушка сыра земля, гуди белые, богатырь святоруський, резвы ноженьки, серый волк, черный ворон и пр.* На них нанизываются наиболее востребованные в данной былине эпитеты: *поляница удалая, бел шатер, рогатина звериная, земля тальянская* и др. Сплетение фрагментов текста с указанными формулами укрепляет весь текст, например:

*У меня есть **родна матушка**
честна вдова,
Да **честна вдова** она **колачница**,
Колачи пекла да тым меня
воспитала...*

*Ен скоренько соскочил да
с **белой груди**,*

*Брал-то **ю за ручушки за белы**,
Брал за перстни **за** злаченны,
Он здыхнул-то со **матушки**
сырой земли,*

Становил-то он ю на резвы ножки,
На резвы он ножки становил
супротив себя,
Целовал ю во уста ён во сахарнии...

Трагический конец былины, когда битва двух богатырей казалась бы на исходе, и Илья Муромец узнает в полянице свою дочь, неизбежен. Родная дочь в порыве гнева мстит за поруганную, как ей кажется, честь матери, но на самом деле за свою проигранную битву. Вероломные действия поляницы направлены на спящего богатыря, чему нет прощения, и Илья Муромец, которого от неминуемой гибели спасает нательный крест, убивает уже не дочь, а врага. Именно поэтому в этой части текста наблюдается концентрация повторов:

Да пустил ен поляницу
на сыру земля,
Да ступил ен поляницу на праву ногу,
Да он дернул поляницу
за ен леву ногу..
Да садился-то Илья да
на добра коня,
Да он рыл-то ты кусочки
по чисту полю,

Да он перву половинку-то
кормил серым волкам,
А другую черным воронам.
А й тут поляници ён славу поют,
Славу поют век по веку.

Анализ текста «Илья Муромец и дочь его» в исполнении Рябинина убедительно показывает одну из важнейших универсальных особенностей построения устного народного поэтического текста, вытканного из многочисленных повторов – звуков, слогов, морфем, слов, словосочетаний и фрагментов, сплетение которых позволяет сказителю неспешно подготовить слушателя к восприятию нового через чеканные формулы повторов и постоянных эпитетов.

Е.А. ШАПИЛОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Аникин В.П., Круглов Ю. Г. Русское народное поэтическое творчество: пособ. для студ. – Л., 1987.
2. Гильфердинг А.Ф. Онежские былины. – Т. 2. – М.; Л., 1938.
3. Соколов Ю. М. Русский фольклор. – М., 1941.

СУДЬБА СЛОВ С ЮЖНОСЛАВЯНСКИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Вопрос о старославянском языке – общем литературном языке славянства, его эволюции, его локальных типах и их взаимодействии с народным языковым субстратом на различных исторических этапах, как отмечают виднейшие ру-

систы, принадлежит к одним из существенных вопросов славистики.

В своем первоначальном виде старославянский язык есть язык, созданный деятельностью Кирилла и Мефодия во второй половине IX в. на южнославянской

основе. Но в дальнейшем употреблении состав этого языка изменялся. Некоторые его элементы входили в общее русское употребление, не только письменное, но и устное, и тем самым переставали быть принадлежностью только старославянского языка. Старославянский язык в процессе своего функционирования «пропитывался» элементами живой русской речи, и такое его видоизменение принято называть церковнославянским языком. На протяжении многих веков в русской письменности «происходил сложный процесс взаимодействия русской и славянской языковых стихий» [4, с. 406].

Особенно важен для исследования XVIII век, период сложения национального русского языка, когда русская стихия была осознана как ведущая, лежащая в основе национального литературного языка. Существование церковнославянской и исконно русской стихий в языковой системе в этот период не могло более удовлетворять потребности общенационального языкового выражения, поэтому происходит интенсивное слияние их в единый русский литературный язык.

Язык XVIII в. чрезвычайно динамичен: на протяжении века происходят многочисленные перемены в словарном составе языка (исчезновение старых слов, появление новых слов и значений), в распределении слов по разным функциональным сферам, в их стилистической тональности.

Уникальную возможность проследить изменения в объеме и структуре слов, содержащих южнославянские элементы, предоставляет «Словарь русского языка XVIII в.» под редакцией Л.Л. Кутиной, О.Е. Березиной, А.А. Алексеева и Ю.С. Соро-

кина [2]. «Словарь русского языка XVIII в.» является описанием русской лексики на протяжении века, составляющего очень важный этап в развитии русского языка.

Судя по анализу словарного материала, славянизмы в XVIII в. сокращают свою употребительность или совсем выходят из употребления. Как правило, слова с южнославянскими элементами сопровождаются стилистической пометой «славянское», которая указывает на обособление русского литературного языка от церковнославянского. «Славянизмы» отделяются от нейтральной или иной лексики и становятся одним из стилистических пластов русского литературного языка.

Славянские по происхождению слова обычны в XVIII в. в произведениях высокого слога, они вносят в текст экспрессивную оценку возвышенности, торжественности. Например: *безсердечный, безскверный, безсоветие, богоблаженный, браннолюбец, веледушие, вещелюбие* и др. К этой группе принадлежит также большой пласт слов с начальным комплексом благо-, типа *благовидный, благовосприятъ, благодать, благозрачность, благолюбивый, благосердие, блаотишие, благоязычие* и др. Опираясь на данные «Словаря русского языка XVIII в.», нами было выявлено, что из всех лексем с южнославянскими приметами стилистическую помету «славянское» имеют 218 слов (70% отобранного материала).

Однако, несмотря на сохранение высокого стилистического статуса большинства таких слов, идет процесс нейтрализации, некоторые славянизмы становятся нейтральным пластом лексики. В «Словаре русского языка XVIII в.» такие лексеммы сопровождаются пометой

«Слав. → нейтр.» – 27 слов (8%). К таким словам относятся *благоволение, благодетель, благонадежный, блаженство, время, ведомый, возгласить, воздаяние* и т.д.

Ряд слов с южнославянскими по происхождению рефлексам функционировал в текстах Священного Писания и употреблялся либо в прямых цитатах из этих книг, либо как очевидные реминисценции их стиля. В «Словаре русского языка XVIII в.» помету «церковнославянское» имеют 33 слова (10,6%), это такие лексемы как *богоблагодатный, богоборец, боголюбец, богоневеста, богочеловек, бодростный* и под.

Книжно-славянская лексика широко употребляется в книжно-славянском типе языка первых трех десятилетий XVIII в., а позднее выходит из употребления или встречается эпизодически в архаизированных текстах. Помету «книжно-славянское» имеют 32 слова (10,3%), например, *благокрасный, благомудрие, благоохотный, бледый, взыскатель, возбеситися, возвлекати* и др.

Следовательно, при сохранении лексем с южнославянскими приметами своей высокой «церковнославянской» ауры (70%), ряд исследуемых слов (8%) подвергается нейтрализации.

Однако более показательны данные функциональной характеристики. Функционально-стилевое расслоение русской лексики определяет соответствующие пометы в «Словаре русского языка XVIII в». Из интересующих нас лексем (126) из употребления выходят 58 слов (46%) и сокращает употребительность 51 слово (40%). И только одно слово (*благотворный*) характеризуется нарастанием употребительности. Следует отметить, что входят в употребление только 15 слов

(12%). Новацией века, которая в течение XVIII в. тем не менее выходит из употребления, является одно слово – *благоусердие*. Таким образом, самыми распространенными процессами, происходящими со славянизмами в XVIII в., являются сокращение употребительности и выход слов из употребления.

В конце XVIII в. (в предпушкинский период) «стилистическая категория славянизмов трансформируется в новые категории: пиитизмы, поэтизмы, историзмы, канцеляризмы, иронизмы» [1, с. 123].

Большая часть анализируемого лексического материала «Словаря русского языка XVIII в.» (76,5%), судя по данным Толкового словаря русского языка [3], в современном русском литературном языке выбыла из употребления – 238 слов с южнославянскими по происхождению рефлексам. Остальные слова (12,8%) сохранились и имеют стилистические пометы «высокое», «книжное», «устаревшее», даже «ироничное» (*благодетель, велеречивый*). Полностью адаптировались в современном русском литературном языке только 10,6% слов, употребляющихся без каких-либо стилистических помет

Стилистическая категория «славянизм» в современной русской лексикографии не отмечается, в словарях она заменяется на стилистические пометы «высокое», «книжное», «устаревшее» и др. Те слова, которые не сопровождаются стилистическими пометами, полностью ассимилированы современным русским литературным языком и не воспринимаются его носителями как нечто чуждое, несвойственное языку.

М.А. МЕЛИХОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. – Л., 1975.
2. Словарь русского языка XVIII в. – Л., 1984-2007. Вып. 1-17 (издание продолжается).

3. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
4. Филин Ф.П. Исконное и заимствованное в современном русском литературном языке// Славянское языкознание: Доклады советской делегации/VIII Международный съезд славистов. – М., 1978.

ВКЛАД ОРЕНБУРГСКОЙ ПРОЗЫ В РАЗРАБОТКУ ПУГАЧЕВСКОЙ ТЕМЫ (о романе Н. Корсунова «Лобное место»)

В конце 2008 года вышел последний роман Николая Федоровича Корсунова «Лобное место», который продолжает пугачевскую тему в русской прозе.

«Лобное место» – название оригинальное, ведь очень трудно назвать роман о Пугачеве после пушкинской «Истории Пугачева» и шишковского «Емельяна Пугачева». Оригинальное и глубоко философское. Вот как определяет это словосочетание словарь Брокгауза и Ефрона:

Лобное место – памятник древнерусской архитектуры, находящийся в Москве, на Красной площади. Представляет собой трибуну, окруженную каменной оградой.

По поводу этимологии названия существуют самые различные версии. По одним из них, например, утверждается, что название Лобного места возникло оттого, что на этом месте «рубилы лбы» или «складывали лбы». В других источниках утверждается, что «Лобное место» является славянским переводом с греческого – «Краниево место» или с еврейского – «Голгофа» (такое название холм Голгофа получил из-за того, что верхняя его часть представляла собой голую скалу, отдален-

но напоминавшую человеческий череп). На самом деле слово «лобное» означает всего лишь расположение: Васильевский спуск, в начале которого находится Лобное место, в Средние века назывался «лбом» (распространенное название крутых спусков к реке в средневековой России).

Также распространено ошибочное мнение, что Лобное место являлось местом публичной казни в XIV-XIX веках. Однако казни на самом Лобном месте никогда не производились, ибо оно почиталось святым. Это было место для оглашения царских указов и других торжественных публичных мероприятий. Вопреки легендам Лобное место не являлось обычным местом казни (казнили обычно на Болоте). 11 июля 1682 г. на нем отсекли голову раскольнику Никите Пустосвяту, указом от 5 февраля 1685 г. на Лобном месте было повелено и впредь совершать казни, но свидетелем казней оно стало только в 1698 г. при подавлении стрелецкого бунта. Для казней воздвигался специальный деревянный эшафот рядом с каменным помостом. Тем не менее, в переносном

значении словосочетание «лобное место» (с маленькой буквы, так как имеется в виду не имя собственное) все-таки иногда употребляется как синоним места казни, без географической привязки к какому-либо городу.

В художественном освоении темы Пугачевского восстания давно сложилась определенная традиция, и прежде чем говорить о «Лобном месте», необходим экскурс в прошлое этой темы.

Многие факты нашей культуры свидетельствуют о том, что ряд исторических событий известен русскому человеку прежде всего по литературным произведениям. К таким событиям из истории России относится Пугачевское восстание, ставшее предметом художественного исследования многих русских писателей XIX и XX вв. Можно смело утверждать, что об этом событии русские люди скорее знают по «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, чем по учебнику истории.

Писатели, обращавшиеся к этой теме, обычно следовали пушкинским традициям [1], и каждая эпоха по-своему прочитывала произведение Пушкина, одновременно усваивая находки «Капитанской дочки» и выдвигая иное понимание романа.

Одним из первых, кто обратился к теме пугачевского восстания в XX в., был В.Г. Короленко, задумавший написать роман «Набеглый царь». Как и Пушкин, писатель тщательно изучал архивные документы, для знакомства с которыми он совершил в 1900 году поездку в Уральск. Одинаковой была и цель поездок писателей в Оренбургскую губернию. И Пушкин, и Короленко побывали во многих казачьих станицах, беседовали с казаками, записывали устные предания. Следует отметить,

что современные ученые считают Пушкина не только основоположником собирания фольклора о «пугачевщине», но и первым его исследователем.

Судя по рукописям, Короленко в оценке Пугачева отталкивался от произведений Пушкина, ибо считал, что пушкинский плутоватый и ловкий казак – настоящее живое лицо, полное жизни и художественной правды.

В работе над оренбургскими материалами писателей сближал интерес к определенным географическим местам. Так, и Пушкин, и Короленко побывали в Илеке, где Пугачева впервые признали «царем» и встретили «хлебом-солью». Оба писателя интересовались знаменитым Таловым уметом, откуда началось Пугачевское восстание. Привлекала Короленко и такая пушкинская традиция, как изображение истории «домашним образом», через частную жизнь человека. По мнению Короленко, Пугачев так и остался загадкой, а художественная литература после Пушкина сделала даже шаг назад в понимании исторической личности Пугачева. Свой же замысел исторического романа о Пугачевском восстании Короленко так и не осуществил, хотя образ Пугачева волновал его воображение на протяжении более 20 лет. Существуют различные предположения о том, почему Короленко не написал роман «Набеглый царь». Возможно, в данном случае мы имеем дело с традицией как помехой, тормозом: очевидно, гений Пушкина не только помогал Короленко, но и в чем-то сдерживал его.

В первой трети XX в. к теме Пугачевского восстания обращались и поэты. В 1910 году в Оренбурге вышла в свет стихотворная повесть «Пугачевщина» орен-

бургского поэта Л.В. Исакова, написанная в пушкинских традициях. В произведении, состоящем из 25 главок-стихотворений, представлена биография Пугачева начиная с детства и заканчивая его казнью попеременно с рассказом о ходе Пугачевского восстания. Исаков, как и Пушкин, выбирает в рассказчики свидетеля событий, выступающего в роли летописца, ведущего своеобразный протокол всего происходящего. Подобно пушкинскому Гриневу, герой Исакова – дворянин, осуждающий пугачевщину, не принимающий ее. Осуждение русского бунта – «бессмысленного и беспощадного» – чувствуется на протяжении всего произведения и как вывод звучит в конце книги:

*Окончился бунт, но с позорною
славой*

*И гибелью буйных казачьих голов;
Он актом служил той эпохи кровавой,
Великим уроком для поздних веков.*

Создавая произведения о «буйственной Руси», обратился к теме Пугачевского восстания и С.А. Есенин – им написана в 1921 году драматическая поэма «Пугачев». Поэт попытался по-новому нарисовать вождя восстания Пугачева, его сподвижников и крестьянскую Русь.

Но вернемся к прозаическому осмыслению темы. В 1946 году Сталинская премия в области литературы присуждается роману-эпопее «Емельян Пугачев», его автор, Вячеслав Шишков, умер весной 1945-го, и роман этот был последним крупным произведением известного писателя. В романе – два центральных образа, противопоставленных друг другу: Екатерина II и Пугачев. Оба – умные, талантливые политические деятели, первая обладает «широким государственным

зрением», второй – «русским охватистым разумом», но императрица существует в замкнутом пространстве дворцов, Пугачев же – разомкнутом пространстве природного мира. Своеобразие романа прежде всего в широком использовании автором фольклорного материала: для передачи отношения народа к восстанию, для создания образов героев, пейзажа и т.д. В русле пушкинских традиций писатель обращается к преданиям, песням, пословицам, поговоркам, даже сказу.

В 1970-х годах в журнале «Октябрь» был опубликован роман еще одного оренбургского прозаика и драматурга В.И. Пистоленко «Сказание о сотнике Тимофее Подурове», посвященный одному из сподвижников Пугачева. В отличие от Шишкова Пистоленко в раскрытии темы пошел не вширь, а вглубь, взяв один аспект – изображение деятельности исторического лица, казацкого сотника, депутата собранной Екатериной II Уложенной Комиссии, к которому обратились казаки за советом, ибо Подуров видел Петра III и мог определить, истинный ли царь Пугачев. И этот роман основан на хорошем знании архивных материалов и исторического прошлого Оренбургского края.

Многое найдено, традиции заложены, что же делать вновь прикасающемуся к этой теме художнику? Использовать найденное и отталкиваться от него. В результате найти свое. Примерно так в двух словах можно сказать о «Лобном месте». Теперь подробно.

Главный герой не только Пугачев, точнее – не столько. Их трое, и два других угла этого отнюдь не любовного треугольника – жены: «номинальная», «царева» Екатерина II и реальная, казачья Устинья Кузнецова.

Глазами этих реальных людей видим мы события, заглядываем в их души, читаем мысли, видим сны... Пушкинская традиция показа событий через жизненные коллизии втянутой в колесо истории вымышленной простой семьи автором нарушается: почти все герои романа – персонажи реальные. Противопоставление двух центральных личностей усложняется показом их внутреннего мира, их раздумий о своих действиях, сомнений в правильности выбора. Оба не просто умные политики и исторические персонажи (известные нам по книгам характеристики сложатся позже, показывается не прошлое, а настоящее), а живые люди, которым (в отличие от нас) не дано знать, как сложится их следующий день. Отсюда – и точки соприкосновения и параллели. Даже в таком нюансе, как возраст: «Самозванцу 33 года от роду. Возраст Христа. Спаситель? Екатерина тоже в 33 приняла престол...».

Вот Устинья думает о муже: «Не корону надел на себя ее супруг, нет, напялил на себя власяницу, которая, похоже, раздрает ему и тело и душу». И спрашивает: «Плохо тебе, царь мой?». Пугачев отвечает: «Как в крапиве без порток... Только дурак может считать, что царь – царствует, в меду весь. А ить он завсегда на виду, первому и честь и охулка». И тут же ка-закам: «Чем быть шесть дней мерином, лучше один день – жеребцом!».

И Екатерина честолюбива, но «она совершенно точно знает: зачастую имена дурные пишутся на граните, а славные – на песке. Наверное, искривленная временем память и есть тот песок, в который, как вода, бесследно уходит все лучшее, накопленное человеческой цивилизацией. В духовном развитии почти каждое новое

поколение начинает если не с нуля, то и не с десятки». У императрицы тоже важная задача: «Прежде чем одеваться в светлые одежды, хорошенько вымой шею. Екатерина этим и занимается – отмывает Россию». Но симпатии автора романа явно не на ее стороне: «Честнейший историк Василий Ключевский обронит кляксу: «Екатерина – заезжая цыганка в Российской империи...». Он же мазнет сажей по белому: «Чтобы защитить отечество от врагов, Петр опустошил его больше всякого врага». Опять же и опять, милостивые государи, все зависит не столько от дел твоих, сколько от того, кто пишет твою биографию: Плутарх или Иуда. Великих людей рождают не женщины, а писатели».

И вот тут становится понятным и вектор романа и то иное, что отклоняется от принятой в русской литературе традиции представления пугачевской темы, – сочетание объективного описания и субъективного взгляда повествователя. Писатель, историк и публицист объединяются в автора, чья фигура не устраняется из ткани произведения (как это делается обычно в историческом романе, как это делалось в «Высшей мере»), а наоборот, всячески проявляет свою точку зрения на историю в виде многочисленных комментариев, органично входящих в текст. Вот думы Пугачева дополняются авторским мнением: «В цари идти – крови бояться? Конечно, гожей на печи лежать... Заварил кашу, Емеля, так не дрожи теперя. Ладно, ежели каша получится, а не блин комом, да ведь все равно съедят не кашу, а заварившего ее. Так было со Степаном Разиным, с Кондратием Булавиным. Надо ль всех перечислять!.. Снявши штаны и присевши, хочешь сходить не надуться? Когда мы

тащим из воды человека за волосы, то не для того чтобы ему больно сделать, а для того чтобы спасти, пусть хоть обкричится. Так и с народом, который ты поднял: без крови и без воплей не обойтись. Камень, брошенный в болото, не вызывает кругов. Ты бросил глыбу. В море, соленое от крови и слез. И круги пошли. Огромными волнами...». И чуть дальше: «Разин, Болотников, Булавин, Некрасов... Казаки. Мы ничего не забываем, но, похоже, ничему не научаемся. Может, Пугачев научит чему-то разумному?».

И вот уже пошли темы философские, словно те круги от брошенной глыбы, имя коей Пугачев: «Говорят, в бане все нагишом и все равны. Не-ет, равны раньше, при рождении. Все голенькие и все оружие. Это потом становятся чернью, дворянами, попами, министрами, царями, разбойниками, Разинными, Пугачевыми. И уж будто не только перед людьми неравны, но и перед Богом». Человек и власть, человек и история, колесо которой подминает под себя судьбы, жизни... Выбор между тихой, спокойной жизнью и быстрым сгоранием у мира на виду... Да и был ли выбор? У Екатерины, Пугачева, Устиньи... Вот Пугачев наблюдает результаты своих походов: «...туда, к вогнутой подошве яра, где меж зарослей тальника, на ледяном припае навалены обиндивелые трупы людей, в смерти своей не познавших милосердия и равных в бесстыдстве наготы... Раздевали их, по-видимому, не только повстанцы, но и местные жители. Подумалось: у мертвых нет непристойных поз, хотя некоторые просто ужасны, непристойными их делают живые – стреляющие, рубящие, колющие, вешающие, растерзывающие живьем. Недавно видел, как башкирин с жидкой, ручейком, бородкой, стащил с

какого-то дебелого, связанного помещика сапоги и чулки, обметнул его босые ступни волосяным арканом и привязал к хвосту гнедого жеребчика, с которого, весело скалясь, оглядывался молодой одноплеменник в корсачем малахае. «Кет! Пошел!» – крикнул нижний. Конь сразу же рванул в галоп, волоча за собой вопящего помещика, его голова подскакивала и билась о мерзлую кочковатую землю. Вопль вскоре оборвался, но в ушах у Пугачева он еще долго колотился, как не исчезал и обезумевший взгляд помещика, устремленный на него, царя мужицкого». И тут же – будто себе в оправдание – о помещиках: «на лапу любимой борзой нечаянно наступил шестилетний крестьянский мальчик. Разгневанный помещик повелел раздеть его донага и пустить бежать в поле, после чего натравил вдогон собак. Собаки оказались «человечнее»: догнав, лишь обнюхали ребенка и вернулись. А потрясенная мать мальчика сошла с ума. Жалеть такого? Таких? Он не щадил, молча взмахивал платком, и казнь совершалась». И авторский комментарий: «А может, и прав этот дерзкий казак, изображающий из себя народного царя, подняв чернь и против своих, и набежавших отовсюду наглых и насыщенных тварей, видящих в русских лишь бессловесное рабочее быдло?».

Три главных персонажа повествования выписаны по-разному, и это еще одно достоинство романа и доказательство таланта автора. Екатерина дана в романе с большой долей издевки и сарказма: немолодая женщина, стремящаяся быть одновременно олицетворением власти и объектом любви, а потому опасается придворных и сомневается в любимых, именно о ней сказано: «ум разбегается по дуростям». Пугачев для нее скорее помеха в дворцовых развлечениях

и неприятное напоминание о прошлом, а ведь «однажды безмятежный Гришенька Орлов посоветовал ей: не слишком копайся в себе, а то докопаешься до навоза, противно будет». Пугачев – это то, что ей противно и потому должно быть уничтожено, а «если нельзя переступить закон (имеется в виду указ Елизаветы Петровны об отмене смертной казни – В.П.), то надо его обойти. Впрочем, Гриша говорит: «Не так страшны законы, как их толкователи». Что ж, она истолкует неудобье так, как за сто лет до ее царствования поучал герцог Ришелье: «Дайте мне шесть строчек, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них что-нибудь, за что его можно повесить!». И закон благополучно обходится.

Устинья Кузнецова – образ нежный, будто не словом, а акварелью написанный. Грусть и сочувствие вложены в этот образ юной казачки, выданной замуж в 17 лет, два года ждавшей своего «царя» из походов и прожившей остальную жизнь в изгнании вместе с первой семьей Емельяна. Ярким штрихом представляет нам Устю влюбленный в нее сосед Ванька: «Щеки звон как пылают, хоть, – Ванька поискал подходящее определение, нашел образовано, – хоть пеленки суши!»

Но вся любовь автора отдана Пугачеву, не до конца осознающему, во что втянут был да еще главное место занял... Ему подарены мысли о засилье иностранных названий: «Хочу тебя, француз, еще вот о чем спросить: какая такая нечистая сила тянет вас, чужеземцев, в Россию? Што вы тут забыли? Кто вас тут ждет? Я, внук Петра Великого, беззаконно свергнутый с трона подлюкой женой, немкой, вдосталь наскитался по разным чужим странам, однако нигде я не встре-

чал города, который бы назывался Ивановград, Сидоровград, Петровград. Вы же, являясь к нам, врываете свои столбы: Екатеринбург, Оренбург, Петербург... Ни в Пруссии, ни в Туретчине, ни в Египте не встретились мне губернаторы, городские головы Иванов, Сидоров, Петров... Почему вы так несправедливы, почему вы так презираете нас? За то, что добры, гостеприимны, терпимы?».

Пугачев наделен даром философских обобщений, вот, например, что он, уже плененный, говорит Суворову по пути в столицу: «Привыкли Бога всеу поминать, всяк к Нему со своим прыщом, словно в лавку с последней полушкой... Когда Господь увидел, каким сотворил мир, Он горько заплакал и убежал далеко-далеко. Поэтому его никто не видит. А Он не слышит никого. Правда, Александр Васильевич, старше Бога, на нее и б молиться. Но она мало кому нужна, с сего ее на задворках держат. Я потребовал, отпер ворота, выпустил – она ж, обрадованная, и затоптала меня. – Сказал и опять устоялся на огонь, в котором ветки хрустели, словно кости на зубах собаки».

Предательство – еще одна тема, возникающая в финале романа. О сподвижниках Пугачева говорится: «Сами выбрали в цари, сами подбросили высоко и – разбежались. А он – задом о землю». Тема вечна и облачается в афоризмы: «Где цезари – там и бруды», «Иудиному роду нет переводу», «Время такое: тузы начинают, а шестерки выигрывают», «У людей всегда так: сначала берут за душу, за сердце, а потом – за горло».

Казнь Пугачева в романе отнюдь не натуралистична, она запоминается не отрубанием конечностей и потоками крови, а гениальным обобщением: «Может, дорога

в небо рухнула, и Господу не по чему было спуститься к святому грешнику, перенять вскинутый топор?».

Пугачевская тема в русской литературе отличается особым отношением к языку эпохи. В романе Н. Корсунова использование языковых средств – тема отдельного исследования, которое, думается, не заставит себя ждать. Отметим чрезвычайную образность и мастерское воссоздание казачьей речи. Вот описание толпы: «Толпа струнулась с тишины, вроде как медленно закипать начала: то слева, то справа, то бабье, то мужское, то глухое, из-за воротника или шали, углом рта, то хлесткое, как кнутом, то – мягкое, как сажей...». А вот диалог казака и казачки, который с удовольствием перечитываешь раз за разом:

– Кака красавя! Почем титьки, гожая? Оптом возьму!

Краснощекая молодка пудов осьми или более резво выворачивается перед ним, воткнув кулаки в бока:

– Чтoб тебе оптом сто один чиряк на язык вспрыгнул!

– Их он-н-на! – в радостном изумлении мотает головой Дмитрий. – А ежели плетью, чтoб чешуя посыпалась?

– М-ба, прямо вся испужалась. Вот ежель носом каку избу заденешь – завалишь! Нос черт семерым нес, да споткнулся, похоже, тебе одному достался!

В несколько емких фраз укладывается объяснение бунту, данное казаком Кузнецовым, отцом Устины, на допросе Потемкину: «Как вздумаешь назад, так вся середка заколебатца: вольгота была. Старики сказывали: живи, детки, доколь Москва не прознала. Отжили, стало быть. Узнала. Ну и порешили выбрать себе государя, дескать, на одном обухе сидим, пропадать, дак всем миром...

Жизня, ваше превосходительство, сказка, смерть – развязка, гроб – коляска, укатится человек – ни шатко, ни тряско».

По страницам романа рассыпаны самоцветами афоризмы, которые просятся в отдельный список для отдельного чтения:

О Пугачеве: *вся его жизнь сну подобна.*

Если мужчина хочет возвыситься в глазах женщины, он должен встать перед ней на колени.

Как высоко ни взбирайся обезьяна, голая задница все равно видна.

Прежде чем управлять миром, наведи порядок в собственной юрте.

На то и власть, чтобы красть да пожить всласть.

Никто, ничто, никогда не усмирят дух сего народа. Сей народ можно только уничтожить.

Много ль чести – пачкаться кровью своего народа?

О Панине: *лень вперед него родилась. Не всем же на умных да богатых жеваться, кому-то же должны доставаться и красивые.*

Чужая жизнь – тьфу, а свою и поганенькую не тронь.

Оскорбленный народ и во сне кует мечи.

Ложь неутомима, а правда, к сожалению, очень часто присаживается отдохнуть.

Мы, двуногие, удивительные животные: каждое мнит себя Богом раньше, чем становится человеком.

Они не только о том времени и не столько... Да и книга-то не о прошедшем, не случаен ведь постоянный комментарий **автора**, проводящий вектор из прошлого в настоящее. И уже не Пугачев становится

загадочной фигурой истории, а Россия. Об этом говорят и многочисленные поэтические эпитеты к главам, один из которых, к соответствующей главе, становится квинтэссенцией всего произведения:

*...В Москве казнен не Пугачев,
На Лобном месте вся Россия
Распята черным палачом.*

Евгений Букин.

А.Г. ПРОКОФЬЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Но и сам Пушкин, создавая свое произведение, творил не на голом месте: учитывал архивные документы, многие сведения, сохранившиеся в народной памяти, культуре, опирался на некоторые художественные произведения, появившиеся к тому времени в литературе. Известно, что одним из источников пушкинского романа является повесть оренбургского писателя А.П. Крюкова «Рассказ моей бабушки».

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА САМООПИСАНИЯ В РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

(на материале лирики М. Цветаевой)

Самописание – это рассказ о себе, опирающийся на то, как мы себя представляем. В связи с этим возникает три аспекта рассмотрения этой проблемы: что «я» на самом деле такое; каким «я» кажусь сам себе; каким «я» хочу показаться другим (философский, психологический и социальный соответственно).

Первый аспект является философским, так как однозначно невозможно сказать, что такое «человек», тем более что представляет собой индивидуальное «я». Далее следует психологический момент – самообраз складывается за счет мнения о тебе других, соответствия общепринятым нормам, ценностям, идеалам (внешний вид, социальный статус и пр.), собственным ориентирам, сформированным воспитанием, образованием и т.д.

Формирование своего образа в глазах окружающих – это социальная задача, которая в социальной психологии носит название *самопрезентация*.

Самопрезентация может быть вербальной и невербальной, вербальная связана с понятием *языковая личность*, так как здесь человек являет себя посредством языка. Но *самопрезентация* не является в нашем случае подходящим понятием, так как оно подразумевает под собой ситуацию подачи себя в наиболее выгодном свете, ситуацию, приводящую исключительно к *коммуникативной удаче* (А.В. Курьянович) [1].

Так как объектом нашего исследования является творчество поэта, которое носит исповедальный характер, в данном случае более приемлемо понятие *самописание*.

Следующая проблема, которая возникает в ходе рассуждения, – способен ли язык, не искажая, явить нам внутреннее ощущение «Я», насколько самопонимание тождественно самоописанию. Ответ на этот вопрос дает М. Цветаева: «Равенство дара души и глагола – вот поэт» [2, с. 243].

Таким образом, самописание является наиболее адекватным, отражающим саму суть внутреннего мира только у человека, обладающего даром Слова.

Рассмотрим, как осуществляется самописание в лирике. Для этого необходимо определить, кто «самописывается», чьи изображаются внешность, действия, мысли, состояния лирического героя. Но лирика не изображает, а выражает, и детали портрета выполняют исключительно психологическую функцию, служат формой косвенного выражения эмоционального состояния. Л.Н. Толстой по этому поводу говорил: «Что бы ни изображал художник... мы ищем и видим только душу художника» [3]. Для лирики это наиболее характерно – запечатлеть Душу.

Таким образом, описывается Душа, познавая себя через Слово.

Рассмотрим, что представляет собой самописание на примере поэта, для которого творчество действительно акт самоопределения, – М. Цветаевой. Каждое лирическое произведение Цветаевой – репрезентация себя, проявление образа «Я» в тех или иных ипостасях. «На-себя направленность» лирики Цветаевой очевидна. Стремление к самоподаче, самораскрытию, выраженное различными способами, позволяет нам составить целостный образ.

Вот что пишет по этому поводу сама М. Цветаева: «Что такое «я» поэта? По видимости – это «я» человеческое, выражен-

ное в строе речи. Но только по видимости, ибо стихи часто являют нам нечто скрытое, приглушенное и даже заглушенное, чего и сам человек в себе не знал и не узнал бы, если бы не стихотворный дар. Действие сил, неведомых тому, кто действует и кто осознает их лишь в самый момент действия. (...) То, что в тебе скрыто и закопано, а в стихах открыто и выражено, – и есть твое поэтическое «я»...» [2, с. 616].

Следовательно, поэт описывает то, что является его сущностью, то, о чем он сам не догадывается, пока не родятся стихи. Наверное, можно сказать, что такая цель творчества – самопознание, поиск того, что «скрыто и закопано» в себе – характерна именно для женщины. Мужчины не наблюдают себя, не хранят, не держат свои сильные эмоции, не совершают усилий, чтобы запомнить и найти им место. Их волнуют более глобальные проблемы – на уровне мироздания. Оценка, переоценка, рефлексия, сознательная фиксация собственных переживаний, мироощущения – исконные качества женского развития. Женщины смотрят внутрь себя, всматриваются в свою природу.

Цветаева пишет: «Вы говорите: женщина. Да, есть во мне и это. Мало – слабо – налетами – отражением – отображением» [2, с. 616]. Но ее лирика говорит об обратном. «Не поэтесса (слово для меня полупочетное) – а поэт...» [2, с. 558]. Может быть, не поэтесса, если это слово имеет коннотации, оскорбляющие Цветаеву, но, безусловно, женщина!

Нет сомнений, что ее лирика гендерно маркирована. В этом случае актуальным становится выявление (с опорой на гендерные архетипы сознания) скрытых кодов, связанных с женским авторским

началом и реализуемых в тексте на уровне авторского самоописания. «Субстанция женского» (И.Л. Корчагина) очевидна в картине мира поэта, включая языковую составляющую.

*Кто создан из камня, кто создан
из глины, –*

А я серебрюсь и сверкаю!

Мне дело – измена, мне имя –

Марина,

Я – бrenная пена морская.

Н.Н.В.

Что же мне делать, ребром

и промыслом

Певчей! – как провод! загар! Сибирь!

Поэты

– Возлюбленный! –

Ужель не узнаешь?

Я ласточка твоя – Психея!

*«Не самозванка –
я пришла домой...»*

Таким образом, «внутренняя» женщина получает множество имен, и это делается не только для того, чтобы охватить множество аспектов ее природы, но и для того, чтобы удержать ее сущность.

Марина Цветаева решает глубокие, важные для женщины вопросы: об архетипическом, интуитивном, циклическом, о возрастах женщины, о ее образе действий и принципах понимания, о ее творческом пламени. Она вслушивается в шепот собственного сердца, замечает звоны своих внутренних ритмов. Цветаева больше язычница, чем христианка. Она дает прорваться голосу, который старше, чем камни. О чем говорит этот голос? Он говорит о сокровенной жизни женщины, которая находится между рациональным

миром и миром мифа. Эту ось, на которой вращаются оба эти мира, непостижимое место, постоянно ускользающее и меняющее облик, Цветаева удерживает с помощью поэзии.

Рассмотрим, как проявляется архетипическая сущность поэта на лексическом уровне.

Кто создан из камня, кто создан

из глины, –

А я серебрюсь и сверкаю!

Мне дело – измена, мне имя –

Марина,

Я – бrenная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан

из плоти –

Тем гроб и надгробные плиты...

– В купели морской крещена –

и в полете

Своем – непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце,

сквозь каждые сети

Пробьется мое своеволие.

Меня – видишь кудри

беспутные эти? –

Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,

Я с каждой волной – воскресаю!

Да здравствует пена –

веселая пена –

Высокая пена морская!

Н.Н.В.

Мифопоэтическая картина мира соотносит воду с женским началом. Вода – первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса, материал для построения мира, символ плодородия, зачатия и рождения. Вода –

стихия спонтанного формообразования. Обладая исключительной чувствительностью, она мгновенно реагирует на любые воздействия других стихий подвижными формами (мне дело – *измена*; я – *бренная пена морская*; в полете своем – *непрестанно разбита; дробясь* о гранитные ваши колена). Ее тонкие качества проявляются в человеке как искренность чувств, эмоций и желаний. Находясь в постоянном движении, она всюду совершает работу, объединяя, устанавливая связи и оживляя (я с каждой волной – *воскресаю*). С мотивом воды как первоначала соотносится значение воды для акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте. Ритуальное омовение – как бы второе рождение, новый выход из материнской утробы (я с каждой волной – *воскресаю*).

Вода стремится пропитать собой все на своем пути (*Ненасытностью своею // Перекармливаю всех! (Волк); С этой безмерностью // В мире мер?! (Поэты); Что мне, ни в чем не знавшей меры*). Это стихия, не видящая преград и пределов.

Жидкость нередко уравнивается с речью (речь течет).

*Я тебя отвоюю у всех земель,
у всех небес.*

*Оттого что **лес моя колыбель,**
и могила – лес,*

*Оттого что я на земле стою –
лишь одной ногой,*

*Оттого что я тебе спою –
как никто другой...*

*«Я тебя отвоюю у всех земель,
у всех небес...»*

Лес олицетворяет душу и женский принцип, переход; секреты природы, в которые человек должен проникнуть,

чтобы понять их смысл. Уход в лес – это символическая смерть перед возрождением. Сложная символика леса связана на всех уровнях с символикой женского начала или Великой матери. Лес – место изобилия растительной жизни, свободной от всякого контроля и воздействия. Так как женское начало принято отождествлять с бессознательным в человеке, лес также рассматривается как символ бессознательного. В снах присутствие «темного леса» свидетельствует о погружении в сферу бессознательного, в которую сознательный человек может вступать лишь после долгих колебаний. Лес – воплощение многотрудных путей человеческого познания.

*Там, на земле, мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
– Возлюбленный! –*

Ужель не узнаешь?

Я ласточка твоя – Психея!

*«Не самозванка –
я пришла домой...»*

Душа ассоциируется у М. Цветаевой с птицей.

*Не свой любовный произвол
Пою – своей отчизны рану...*

«Так, Господи! И мой обол...»

*О бродяга, родства не помнящий –
Юность! – Помню: метель мела,
Сердце **пело**. – Из нежной комнаты
Я в метель тебя увела.*

Але

Петь – это значит использовать голос души. Это значит на одном дыхании высказать истину собственной силы и собственной души, вдохнуть душу в то, что болит или требует возрождения.

*Чтоб под камнем что-то дрогнуло,
Мне ж – призвание как плеть –
Мне стенания надгробного
Долг повелевает – **петь**.*

«Есть счастливицы
и счастливицы...»

Нравственный долг означает необходимость переживать то, что воспринято, где бы оно ни встретилось – в любом месте, где вдохновение пропадает. Задача заключается в том, чтобы показать, что это вдохновение было: продемонстрировать это, отдать, спеть, прожить в верхнем мире то, что получено во внезапном прозрении от души, от всевозможных снов и странствий.

Когда мы говорим о женской сути, мы в действительности говорим о женской душе. На вопрос «Кто я емь?» Цветаева отвечает «Душа».

Таким образом, описывая себя, Цветаева описывает свою душу, познание которой считает смыслом человеческого существования. Здесь мифы становятся источниками понимания. Они обостряют

наше зрение до такой степени, что мы можем увидеть путь, оставленный первоизданной природой и запечатленный в гениальных творениях.

Так мы рассмотрели сложную внутреннюю жизнь поэта, цветаевский взгляд на мир, ее мироощущение – то, как она мифологизировала конкретную действительность и то, как мифологизированная женская сущность являла себя в творчестве Цветаевой, преображая «правду» в «поэзию».

Е.С. ПАСТУХОВА

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Курьянович А.В. Когнитивная сущность речевого жанра самопрезентации в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой // Вестник ТГПУ. – 2006. – Выпуск 5(56). Серия: Гуманитарные науки (филология). – С. 147.
2. Цветаева М.И. Сочинения: В 7 т. – Т. 6.: Письма. – М., 1995.
3. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в двадцати томах. – Т. 15. – М., 1964. – С. 264.

ОТРАЖЕНИЕ АКАНЬЯ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ ЮЖНОРУССКОГО НАРЕЧИЯ XVII ВЕКА

(на материале отказных книг)

Звуковая система русского языка на протяжении своей истории пережила многие изменения, однако во всех этих изменениях прослеживается основное направление ее развития – от системы, в которой определяющую роль играл во-

кализм, русский язык перешел к системе, в которой такую определяющую роль выполняет консонантизм. Поэтому можно говорить, что в фонетическом отношении русский язык имеет ярко выраженный консонантный характер. Все явления в

истории русского языка вели язык по пути основного развития его фонетической системы к складыванию тех особенностей, которые характеризуют ее современное состояние, в частности литературный язык. В этом же русле лежит такой процесс, как аканье.

Известно, что историческая фонетика изучает фонетические процессы на основе материала памятников письменности и диалектов. Однако письменность, по мнению ученых, отстает от развития живого языка на 100-150 лет, поэтому при изучении живых языковых явлений следует реконструировать древнейшее состояние русского языка.

Особый интерес в этом плане представляет проблема отражения аканья в русской орфографии XVII столетия. Источником изучения являлись памятники южнорусского наречия, такие как Отказные книги, которые имеют хорошую сохранность. Произведений старой южнорусской письменности сохранилось много. Среди них особо показательны данные памятников Отказных книг, так как строгая локализация и датировка, а также принадлежность Отказных книг перу уроженцев местного края позволяет уверенно квалифицировать их как памятник живой локальной речи. Отказные книги составлялись из так называемых отказов – документов, в которых уездные власти оформляли отводы, или отказы земельных владений помещикам за несение ими государевой службы. Приказная схема отказа, его конструктивный остов наполнялся конкретным содержанием. Обычный объем таких книг – от нескольких сот листов до тысячи и более. Важно отметить, что в публикации Отказных книг за

текстами следует список писцов с указанием в каждом случае книги и ее листов, принадлежащих руке писца.

В предлагаемой работе мы использовали материал, взятый только из Белгородской отказной книги, содержащей в себе 30 текстов. На основе языкового материала этой книги были выявлены и проанализированы следы проявления и отражения аканья.

Аканье в широком смысле слова – это совпадение гласных *a*, *o*, *e* (гласных неверхнего подъема) в безударном положении в одном звуке, то есть всякая редукция безударных гласных может быть названа аканьем. Аканью противопоставляется оканье, то есть различие указанных гласных. В современном языке редукция безударных гласных после мягких согласных имеет разнообразные проявления по диалектам. Это может быть яканье, еканье, ёканье, эканье, иканье. В нашу задачу исследование этих явлений не входило, так как анализу подвергалось аканье только в узком смысле, хотя в Отказных книгах такие фонетические явления отражаются на письме.

Под аканьем в узком смысле слова понимают изменение безударных гласных неверхнего подъема после твердых согласных, характерное для современного русского литературного языка, южнорусских и части среднерусских говоров.

Среди перечня написаний, отражающих аканье, были выбраны следующие написания, которые показывают определенную частотность языковых явлений:

1) [a] на месте [o] – 58 языковых единиц: 44 безударных и 10 ударных;

2) [o] на месте [a] – 24 языковые единицы: 14 безударных и 7 ударных;

3) [а] на месте [е] – 6 языковых единиц: 6 безударных;

4) [е] на месте [а] – 6 языковых единиц: 4 безударных и 2 ударных.

Наиболее часто встречающимся случаем отражения аканья является написание а на месте о в безударных позициях. Из 95 выбранных случаев 58 соответствуют этому типу написания, так как это наиболее естественная передача аканья, например: на *БольшАди калОdez* [1, л. 702, с. 28] – в слове *большАди* в ударном окончании на месте буквы о стоит а, в слове *калОdez* в 1 предударном на месте о стоит а; *Что ани дети бояр/ския* [л. 702 об. с. 29] – в слове *ани* в 1 предударном на месте о стоит а; в *длину по асмИдесят сажен* [л. 702, с. 28] – в слове *асмИдесят* в 1 предударном на месте о – а; *Над Оseрам* – во 2 заударном в безударном окончании стоит а.

Имеются случаи написание о на месте а. В частности, *Кокава ему донА выпис* [л. 199, с. 15] – в слове *кокава* во 2 предударном слоге на месте исконной буквы а стоит о, в слове *донА* в 1 предударном слоге на месте исконной а – о; *К семь книгОм* – в слове *книгОм* в безударном окончании на месте а – о; *По грОни чернаслоботцев* – в слове *грОни* в ударном слоге на месте исконной буквы а стоит о; *И по нокАзу воеводы* [л. 122] – в слове *нокАзу* в 1 предударном на месте а стоит о.

В памятниках также фиксируются написание а на месте е и е на месте а. Это наиболее редко встречающийся случай написания в исследуемых текстах. На каждый вариант написания по 6 примеров: *вышА усад мианцов*, *Что вышАл ис подсьЕзжаи сторожи* – да *МесяЕдовскова*

рубе/жа, и *обаих вОсмьдесет четвертеі, сентебрЯ, вместа прихожЕнина своего* (прихожанин) и под.

Анализируемый материал позволяет установить закономерность довольно частого написания а вместо о и о вместо а, что является косвенным отражением различия [а] и [о] в безударном положении. Косвенное отражение аканья в подобных написаниях заключается в том, что о вместо этимологического а объясняется влиянием акающего произношения: как при произношении [вадА], [нагА] писец привыкает писать на месте безударного [а] букву о, так он начинает писать такое о и на месте этимологического [а] в словах [далА], [талАнт].

С XVI и особенно с XVII столетия употребление в неударенном положении а вместо о, а также е вместо я или и вместо е в рукописных памятниках южнорусского происхождения встречается все чаще и чаще. В значительной степени это объясняется расширением контингента пишущих людей и некоторым снижением норм грамотности или, лучше сказать, невыработанностью и неустойчивостью новых норм, сменяющих старые нормы складывающейся орфографии.

Редко встречающиеся случаи написания а на месте е и е на месте а объясняется тем, что шипящие отвердели, если бы они продолжали оставаться мягкими, то написание а было бы невозможно.

Таким образом, Отказные книги позволяют рассмотреть один из этапов становления русской орфографии – этап вариантных написаний, колебаний, через которые шла русская орфография к морфологическому принципу.

И.С. АНДРЕЕНКО

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. БОК – Белгородская отказная книга, см.: Котков С.И., Коткова Н.С. Памятники южнорусского наречия. Отказные книги. – М.: Наука, 1977.
2. Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка. – М. 1963.
3. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981.
4. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1990.
5. Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. – М.: Высшая школа, 1980.
6. Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М.: Наука, 1980.

УВАЖАЕМЫЙ ИЛИ РЕСПЕКТАБЕЛЬНЫЙ?

Кроме духа, постоянных правил, у языка есть еще и прихоти, которым смешно противиться... употребление иноязычных слов имеет права, совершенно равные с грамматикой, и нередко побеждает ее вопреки всякой разумной очевидности.

В. Г. Белинский

Исключительная особенность русского литературного языка заключается в его постоянном совершенствовании путем внешнего включения в систему все новых и новых элементов. Язык претерпевает социальные, психологические и структурные изменения, что сказывается на его семантике. Заимствование многочисленных слов является проблемой современного русского языка. Разрушение норм и дискредитация классических текстов-образцов может привести в конечном счете к истреблению символических слов и образных понятий национальной ментальности, которые сохраняют нацию во времени и пространстве [2, с. 28].

Принятие огромного количества заимствованных слов как своего рода эталонного стандарта привело к созданию сложной сети однозначно неопределенных терминов, которые постепенно вытесняют

традиционные слова, например, *положение – ситуация; честь – престиж*. Проанализируем более подробно такую пару слов как *уважаемый – respectable*.

Судя по «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово *уважаемый* возникло на базе древнерусского *важити*, что означало ‘взвешивать’, которое в свою очередь было заимствовано из польского *uwazac* ‘соображать, наблюдать’, связанного с древнемецким *wage* – ‘весы’ [6, с. 144]. «Историко-этимологический словарь» П.Я. Черных позволяет нам выстроить словообразовательную цепочку этого слова: *уважаемый – уважать – уважить – важить (важити) – вага*. Слово *вага* обозначает ‘тягость’. Как указывает П.Я. Черных, впервые слово *уважать* появилось в стихах Г.Р. Державина «Модное остроумие» в 1776 году: ‘не уважать отцом’ (т.е. не дорожить). В словаре же это слово появилось только в 1789 году [7].

Словари дают разное определение слова уважаемый. В частности, в «Толковом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой и в «Малом академическом словаре» *уважаемый* имеет следующие значения: 1. *‘относиться с уважением к кому-чему-нибудь’, ‘достойный уважения’* (Уважаемый человек); 2. *‘считаться с кем-чем-нибудь’, ‘принимать во внимание’* (Уважать свой труд); 3. *‘любить, иметь пристрастие к чему-нибудь’* (Селедочку уважаю) [5, с. 1014].

Наряду со словом уважаемый появился его синоним – *респектабельный*. В частности, в «Словаре русских синонимов» *уважаемый* имеет ряд следующих синонимов: *многоуважаемый, глубокоуважаемый, почтенный, почтеннейший, достопочтенный, достоуважаемый, досточтимый, высокоуважаемый, любимый, достойный, почитаемый, обожаемый, от всех почтен и уважен, высокочтимый, в почете, пользующийся уважением, жалуемый, respectable, честной, ценный, признаваемый, премногоуважаемый*.

Рассмотрим слово *респектабельный*. Словари дают разное определение этого слова. В «Толковом словаре русского языка» определяется значение слова *респектабельный* так: *‘почтенный, вызывающий уважение, солидный’* (респектабельная фирма), произошло от фр. *respectable* < *respect* *‘почтение, уважение’* [5, с. 1014]. В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньева *респектабельный* – это *‘отвечающий всем правилам приличия, почтенный, солидный человек’* или *‘имеющий положительную репутацию’* («Стоун жил в пригороде, на холмах, в наиболее respectable районе города» Д.А. Гранин «Церковь в Овере») [4, с. 709].

Слова *уважаемый* и *респектабельный* имеют похожее лексическое значение – *‘вызывающий уважение’*, однако слово *уважаемый* многозначное, что позволяет употреблять его в разных языковых ситуациях.

В настоящее время происходят многочисленные процессы преобразования в лексико-семантической системе русского языка: она сжимается и упрощается, становится структурно простой, тогда как функции ее единиц расширяются. Появление пар типа *уважаемый – respectable* есть своего рода показатель расширения семантических границ русского литературного языка.

Наряду с этими двумя словами появились их сленговые формы – *уважуха – respect*. Нередко в речи молодежи мы слышим такую фразу: *‘Respect тебе и уважуха’*. Многие люди даже не задумываются, что обозначает это выражение.

Некоторые определяют пару *respect и уважуха* как мем, то есть краткую запоминающуюся словесную формулу, оставшуюся после события, состоящую из мнимой тавтологии (*respect* по-английски и есть «уважение») и содержащую сложное одобрение, иногда с оттенком иронии или самоиронии говорящего [3]. Данным мемом молодежь пользуется до тех пор, пока помнит источник, и с удовольствием использует в устном, письменном и виртуальном общении. Таким образом, происходит не только изменение структуры слова, но и его семантики.

Как явление молодежной субкультуры слово *уважуха* используется со значением сниженной лексики. Это существительное имеет наречно-междометную функцию со значением *‘весьма похвально’, ‘никто и не ожидал, а вон как здорово!’*. Принадлежит к старинному семейству слов с суффиксом

-ух-, слово *уважуха* становится в одном ряду с такими словами как *старуха* – пренебрежительно о старой женщине или ласкательно о старинной спутнице или подруге; *чернуха* – табуизированные общественные язвы, лишения свободы, ложь, донос и клевета; *непруха* – ‘неожиданная для говорящего высокая степень неудачи’; *заказуха* – ‘низкий вид деятельности или ничтожный продукт, не заслуживающий профессиональных усилий’.

Слово *респект* является устаревшей формой, этому факту мы находим подтверждение в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой. *Респект* (*решпект*) – устар. 1. ‘почтение’, ‘уважение’ («Он вынуждал к невольному *решпекту* – Торжественность в осанке и в лице» Н. Некрасов); 2. ‘заставлять уважать, бояться себя’, ‘держаться в *решпекте*’ («Его дом, выстроенный на пригорке, господствовал над селом и держал в *решпекте* живущих в нем» М.Е. Салтыков-Щедрин «Пошехонская старина») [4, с. 709].

Таким образом, мы видим, что слово *респект* употреблялось уже в XVIII в. и представляло собой один из вариантов адаптации иностранного слова. Сейчас же это слово является сленговым, представляя собой очередную ипостась функционирования иностранного слова в русском языке, но уже на базе англицизма.

Исходя из того, что указывают эти слова, маркированные молодежью, мы провели социальный опрос. Объектом своего исследования мы целенаправленно выбрали представителей подрастающего поколения, т.к. они являются самыми молодыми носителями литературного языка, осваивающими богатство русского языка, в том числе и его жаргонную раз-

новидность. Учащимся «Губернаторского многопрофильного лицея-интерната для одаренных детей Оренбуржья» была предложена анкета, включающая пять вопросов, ответы на которые позволили нам определить статус указанных пар в речи молодых носителей русского языка.

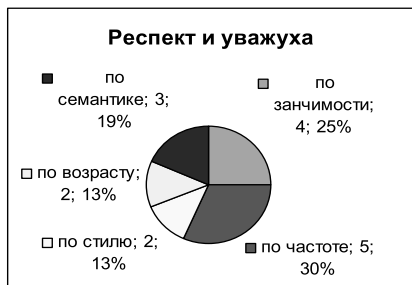
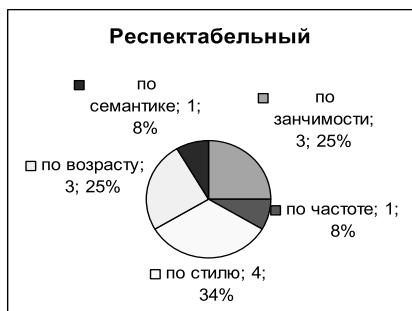
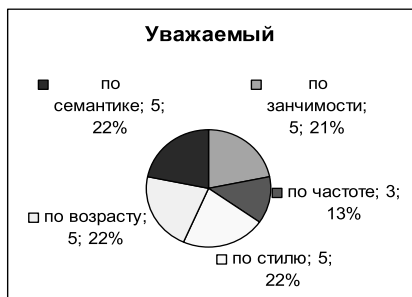
1. При определении значения слова большинство респондентов (из 60 -45) ответили так: *уважаемый* – ‘пользующийся уважением, авторитетный человек’; *респектабельный* – ‘достойный чего-либо’, синоним слова уважение; *уважуха* – краткая форма слова *уважаемый*, обозначает ‘благодарность’; *респект* – краткая форма слова *респектабельный*, обозначает ‘уважение’.

2. Определяя особенность функционирования указанных слов, респонденты распределили их так: *уважаемый* – выражая благодарность, в официальных случаях; *респектабельный* – при разговоре о человеке (большинство ответили, что употребляют это слово редко). Пятьдесят опрошенных сказали, что употребляют слова *уважуха* и *респект* вместе, т.е. они относят данные слова к синтаксически неделимому словосочетанию. Учащиеся используют данное словосочетание при пожеланиях или выражении благодарности.

3. Тридцать опрошенных ответили, что чаще всего в своей речи они используют слово *уважаемый*, т.к. его можно употреблять в разных случаях; двадцать пять – *респект* и *уважуха*; пять – *респектабельный*.

4. Распределение слов по шкале от 1 до 5 в зависимости от категории показало следующее: а) по значимости в жизни человека: *уважаемый* – 5; *респектабельный* – 3; *респект* и *уважуха* – 4; б) по частотности употребления: *уважаемый* – 3; *респектабельный* – 1; *респект* и *уважуха* – 5; в) по

стилю (1 – низкий, 5 – высокий): *уважаемый* – 5; *респектабельный* – 4; *респект* и *уважуха* – 2; г) по возрасту говорящих эти слова (1 – 15-18 лет, 5 – 50-70 лет): *уважаемый* – 5, *респектабельный* – 3, *респект* и *уважуха* – 1; д) по семантике (какое слово обладает большими семантическими возможностями): *уважаемый* – 5, *респектабельный* – 1, *респект* и *уважуха* – 3. Графически данные опроса по ряду критериев можно выстроить в виде диаграмм:

5. В связи с тем, что в данной группе анализируемых слов использовались заимствованные слова, учащимся нужно было также ответить на вопрос о необходимости иностранных слов в современном русском языке. Двадцать восемь опрошенных ответили – нет, двадцать – да, двенадцать – не знают, как ответить на этот вопрос.

Проведение социального опроса помогло в определенной степени подтвердить мнение ведущих лингвистов о том, что сущность языка определяет необходимость преобразований. Чтобы сохранять практическую полезность, язык должен избирать единственный нужный и верный вариант (норма). Чтобы сохранять красоту своих форм – он обязан умело пользоваться обилием вариантов, например, *уважаемый* – *респектабельный*. Внедрение заимствованных слов (особенно через речь молодежи) нередко приводит к вытеснению коренных русских слов, а вместе с ними и снятию важных национальных образов мира, традиционно присущих русской ментальности и сохраняемых внутренней формой славянского слова [2, с. 12, 205]. Функциональное расслоение подобных пар не должно лишить потомков символической глубины русского слова.

И.А. ЛАВКОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1999.
2. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. – СПб.: «Златоуст», 1999. – 368.
3. Лента.ру. Словарь. – <http://x.lenta.ru/abc/>

4. Словарь русского языка в 4 т./Под ред. А.П. Евгеньевой, Г.А. Разумникова. – М.: Изд-во «Русский язык», 1984. – Т. 4. – 792.

5. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов/Под ред. Н.Ю. Шведовой, Л.В. Куркина, Л.П. Крысина. –

М.: Изд. центр «Азбуковик», 2008. – 1175.

6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. (4 Т). – М: Астрель: АСТ, 2007. – 860.

7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. (2 Т). – М.: РЯ. – Медиа, 2006.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЛАБИАЛИЗАЦИИ [Е] В МОСКОВСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА

Историческая фонетика – это наука о развитии фонетической системы данного языка по ее внутренним законам. Историческая фонетика занимается изучением фонетических процессов, условий их протекания, определяет хронологические рамки.

В качестве источников изучения историческая фонетика привлекает памятники древнерусской письменности, топонимы и диалекты с целью извлечения из них данных об истории живого русского языка прошлых эпох.

Одним из процессов изменения системы русского языка является переход [е] в [о], протекавший в период с XII по XV в. Однако в письменных источниках он фиксируется позже, в связи с чем определенный интерес представляет проявление лабиализации [е] в орфографии в памятниках московской письменности XVII в. Материалом исследования послужило издание памятников русского народно-разговорного языка XVII столетия, которые приоткрывают перед нами обширную и малоизученную область вотчинных архивов, являющихся неистощимым источником материала о состоянии языка того перио-

да. Памятник состоит из трех разделов: письма к А.И. Безобразову; фрагменты писем; письма О. Щербацкого. Издание памятников сопровождается приложениями, представляющими собой фотографии ряда писем XVII столетия. Книга состоит в основном из грамот делового содержания, написанных от лица Безобразовых или адресованных им.

Задачей исследования явились анализ проявления лабиализации [е] и выявление основных закономерностей данного фонетического процесса.

Для обозначения лабиализации звука [е], то есть буквы *о* после мягкого согласного в учебной и научной литературе выделяют следующие написания: *ео, ъо, о, ию, ію*. В нашем материале встретился только один из этих способов передачи нового звука [о] – это буква *о*, например: *прикажи смолот пшонки* [1, № 140], *слух было гсдрь прошол про Микифора Тинкова* [1, № 56], *толка водну жонку вдаву* [1, № 5], *крстьян поставил во Ржове* [1, № 37] и др.

В наше исследование мы также включили имена собственные (фамилии) и топонимы. Сплошная выборка

материала дала 106 употреблений, отражающих 56 слов с проявлением лабиализации [e].

Таким образом, другие графические написания лабиализованного [o] к XVII в. уже изжили себя и не употреблялись активно. Следовательно, время является одним из решающих факторов стабилизации написания [e]. Это подтверждается различными способами классификации выбранного материала (собственная лексика или нарицательная; по частям речи; внутри частей речи – по морфеме: корневая или аффиксальная; наличие вариантов написания), который свидетельствует о том, что ни один из указанных критериев не является определяющим в фиксации исследуемого фонетического процесса.

Подробный анализ, казалось бы, однотипных написаний, был нами предпринят в том числе и с целью проверки гипотезы А.А. Шахматова, с которым не согласны многие ученые (В.И. Борковский, К.В. Горшкова, В.В. Иванов, В.В. Колесов и др.) [2; 3; 4; 5; 6]. По гипотезе А.А. Шахматова, в процессе лабиализации выделяется два этапа: 1 этап – [e] изменился в [o] после исконно смягченных согласных, то есть после [ш, ж] и аффрикаты [ц];

2 этап – более поздний, возникший после образования вторичносмягченных согласных.

Рядом современных ученых эта теория не поддерживается, так как они считают,

что процесс состоит из одного этапа, то есть переход [e] в [o] происходит одновременно после любого мягкого согласного, но отразить этот процесс не после шипящих было сложно. Наш материал XVII века также подтверждает данную точку зрения.

Однако в анализируемых нами текстах нет случаев отражения процесса лабиализации [e] после вторичносмягченных согласных. Это еще раз доказывает, что передать новый звук [o] после мягких согласных было крайне трудно, несмотря на то, что существовал целый ряд способов передачи этого явления. Так было вплоть до появления буквы «Ё».

И.Н. ЛОБАНОВА

ЛИТЕРАТУРА:

1. ПРНРЯ – Котков С.И., Тарабасова Н.И. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. – М.: Наука, 1965.
2. Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка. – М. 1963.
3. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981.
4. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1990.
5. Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. – М.: Высшая школа, 1980.
6. Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М.: Наука, 1980.

СИМБИОЗ РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО В ПОСЛАНИИ ИВАНА ГРОЗНОГО В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Послание в Кирилло-Белозерский монастырь было написано Иваном Грозным в 1573 году, когда его опричина залила кровью всю стану, Новгород и Псков оцепенели от душегубства и Русь опустела от голода, мора и тиранства. Однако «ни Судьба, ни тиран еще не насытились жертвами» [2, с. 69].

Описывая самые страшные страницы государства Российского, Н.М. Карамзин поражен двуличностью царя – душегубца и неутомимого политического деятеля. Чрезвычайно образованный, знающий Священное писание и русскую литературу на «крае языка», устроивший первый в России дом книгопечатания, Иван IV отличался особым религиозным фанатизмом, сочетающимся с необыкновенным злодейством, в том числе и по отношению к служителям церкви. Губитель патриархов и простых монахов, любитель играть роль игумена своего особого «монастыря» из опричников, Иван Грозный, по-видимому, сочетал свои посты, молитвы, ночные и дневные бдения со специфической верой в Бога, искренне полагая, что жестокие казни виновных и невинных – увенчанных славой в борьбе с временами стариков, младенцев, монахов – есть своеобразное исполнение своего предназначения на Руси. Болезненная подозрительность Ивана Грозного в определенной

степени имела под собой почву – владыки монастырей, не вступая в открытую «прю» с царем, всегда были готовы его предать. Не терпя изменников – в его грозное время скрытных, – Иван IV не мог выносить и тех священников, которые терзали его нечистую совесть, пытаясь ценою своей жизни удержать жестокость царя и уберечь Русь от гибели.

Разрываемый противоречиями – ненавистью к слабым и уважением к сильным, он не терпел совместников, равных себе, сильных духом, славных в народе и в результате уничтожал их физически, а себя окружал хитрыми и готовыми на все ради наживы.

Именно в такой период укрепления отдельных монастырей – и прежде всего Кирилло-Белозерского – Иван Грозный пишет свое послание [1]. Он обеспокоен самостоятельностью монастырей и их финансовой независимостью от него, наместника Бога на Руси, в результате «бегства капиталов» тех бояр, которые боялись опричнины и, скрываясь от нее, постриглись в монахи.

Начинается послание в традиционных формах челобитной, где указывается челобитчик – царь и великий князь, что уже само по себе является оксюмороном, – и возвышенный в наименовании «наставник и вож и руководитель» преподобный игумен Козма с братиею.

Зачинатель публицистического стиля в русском языке, Иван Грозный все свое послание выстраивает на контрастах, которые должны были внушить читателю правоту царя, а обращение к игумену Козме было лишь поводом провозгласить свою позицию на всю Русь, и именно поэтому его послания разошлись в большом количестве списков.

За «реквизитами» в послании следует ряд унижений автора, свойственных книжникам, приступающим к жизнеописанию святых: «грешный, окаянный, скверный, недостойный» – вот лишь часть эпитетов, приписываемых Грозным самому себе пред «стопами честных ног иноков-ангелов, свету мирянам». Одна из самых сильных инвектив Средневековья – «песмердящий» в отношении автора послания лишь подчеркивает невозможность учения и наказания Грозного по отношению к своим государям – монахам. Признаваясь в «повсегдашнем пьянстве, блуде, прелюбодействе, убийстве, граблении, хищении, ненависти и всяком злодействе», Иоанн смиренно просит насельников Кирилло-Белозерского монастыря в «сем многмятежном и жестоком времени» стать его наставниками, учителями и просветителями, простив его за дерзость обращения к святым.

Пересыпая свое послание цитатами из священного писания, обращаясь к святому чудотворцу Кириллу, основавшему монастырь в начале XV в., ко всей «пречистой обители Пречистой Богоматери», Иоанн высказывает желание постричься в монахи именно в этом святом месте – «и мне мнится, окаянному, яко исполу (наполовину) есмь чернец». Именно это причисление к братии дает основание

царю вмешаться в жизнь монастыря, где все идет не по уставу. Многочисленные примеры из жития святых определяют главную мысль Ивана Грозного – святые страдали из-за самых малых дел, поэтому славный своими устоями монастырь не должен предавать заветов чудотворца Кирилла ни ради серебра как Иуда, ни ради своих прихотей.

И тут же великий князь называет виновников растления монастырского устава – Анну и Кайафу, то есть Шереметева и Хабарова. Сравнение бывших бояр, а теперь иноков монастыря с иудейскими первосвященниками, погубившими Иисуса Христа, становится поворотным моментом всего послания. Роли меняются – три четверти объема текста теперь посвящены скрупулезному перечислению слабостей, метаний и упадка всего монастырского устава от двух бояр, победивших иноческое житие своими «распутными уставами» – «не они у вас постриглися – вы у них постриглися». Иоанн подчеркивает, что такой «добрый устав» мирян побеждает во всех крупнейших обителях Руси, о твердости веры которых можно теперь прочитать только в житиях их святых.

Как Анна и Кайафа погубили Христа, так и Шереметев и Хабаров всколебали и губят русскую церковь. Риторический вопрос Ивана Грозного – «что я им, отец духовный или начальник» – дает ему возможность сыграть новую роль – спасителя церкви, долженствующего прекратить «смуты, суету, мятеж, распри, нашептывания и празднословия» из-за трех бояр. Сбросив языковую маску челобитчика, смиренного и грешного, великий князь клеймит их со всем светским размахом – «бесов сын Шереметев, дурак и упырь

Хабаров» не могут зваться отцами в святой обители, благочинность которой погибает, как пал Царьград под турками.

Истребление благочестия – это уже дело государево. Изощренная риторика Грозного с многочисленными библейскими метафорами через усиление ужасов грешной жизни, через образы страшного суда приводит к тому, что царь, подобно Богородице, Христу и двенадцати апостолам, судит всю русскую церковь. И здесь уже можно «плюнуть и браниться», потому что «надокучило – иноческое житие – не игрушка», а о «разорителях церковных царь не желает безлепицы читать, нет до того дела».

Безупречная логика послания, подкрепленная сакральными примерами и доводами, переросшая в чеканную отпо-

ведь великого князя докучливым людям, погрязшим в мирской суете, ругающим церковные святыни, несомненно, стала причиной появления в народном сознании противоречивого портрета Иоанна Грозного – жестокого, но справедливого царя, образа, который так свойственен русскому менталитету, где преклонение перед важностью государственных замыслов соткано из противостояния сакрального и мирского.

Е.А. ЛЯХТА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. – Калуга, 1993.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛАХВЕРДИЕВА

Лидия Кириковна –

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
для иностранцев Ростовской РАГС
(Ростов-на-Дону)

АМЕЛИН

Веналий Владимирович –

заместитель министра –
начальник управления по связям
с общественными, национальными
и религиозными организациями
Министерства культуры,
общественных и внешних связей,
доктор исторических наук, профессор

АНДРЕЕНКО Ирина Сергеевна –

студентка IV курса филологического
факультета Оренбургского
государственного педагогического
университета

БАЙМУРАТОВА

Ульяна Сергеевна –

соискатель кафедры русской
филологии и методики преподавания
русского языка Оренбургского
государственного университета

БЕКАСОВА Елена Николаевна –

доктор филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и методики преподавания русского
языка, декан филологического
факультета Оренбургского
государственного педагогического
университета

БЕНЬКОВСКАЯ

Татьяна Екимовна –

доктор педагогических наук,
профессор кафедры русской
классической литературы и методики
преподавания литературы
Оренбургского государственного
педагогического университета

БОЛОТОВА Марина Ивановна –

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики
дополнительного образования
Оренбургского государственного
педагогического университета

ВАГАПОВА Васима Абдуловна –

аспирант Оренбургского
государственного педагогического
университета, учитель русского языка
и литературы школы №72 г. Оренбурга

ДОЛИН Юрий Трофимович –

кандидат филологических наук,
доцент факультета журналистики
Оренбургского государственного
университета, член Союза
журналистов Российской Федерации

ДУБЦОВА

Евгения Константиновна –

кандидат педагогических наук,
доцент, заведующая кафедрой теории
и методики профессионального
обучения филиала Российского
государственного
профессионально-педагогического
университета в г. Оренбурге

ДУСПУЛОВА Азиза Марфелевна –

студентка факультета механизации сельского хозяйства Оренбургского государственного аграрного университета

ДЮСУПОВА**Любовь Владимировна –**

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета

ЕРОФЕЕВ Константин Сергеевич –

студент филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

ЖЕЛТОВА Валентина Ивановна –

кандидат медицинских наук, доцент кафедры отечественной истории с курсом истории медицины Оренбургской государственной медицинской академии

ИВАНОВА Людмила Владимировна –

кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

КАРЕЛЬСКАЯ**Екатерина Николаевна –**

аспирантка филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

КИЛЬДЯШОВ**Михаил Александрович –**

аспирант филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

КОКШАРОВ**Александр Дмитриевич –**

старший преподаватель кафедры отечественной истории, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

ЛАВКОВА Ирина Владимировна –

студентка V курса Оренбургского государственного педагогического университета

ЛЕГОСТАЕВ**Александр Сергеевич –**

преподаватель кафедры отечественной истории Оренбургского государственного университета

ЛИТОВКА Евгения Борисовна –

аспирантка кафедры русской классической литературы и методики литературы Оренбургского государственного педагогического университета

ЛОБАНОВА**Ирина Николаевна –**

студентка IV курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета

ЛЯШЕНКО Ирина Эдуардовна –

кандидат медицинских наук,
доцент кафедры медицинской
микробиологии Оренбургской
государственной медицинской
академии

ЛЯХТА Елена Анатольевна –

студентка III курса филологического
факультета Оренбургского
государственного педагогического
университета

МАЙДАНГАЛИЕВА

Жумагуль Алдияровна –

аспирант кафедры русской
классической литературы
и методики преподавания литературы
Оренбургского государственного
педагогического университета

МАТВИЕВСКАЯ

Галина Павловна –

доктор физ.-мат. наук, профессор
кафедры алгебры и истории
математики Оренбургского
государственного педагогического
университета

МЕЛИХОВА Мария Александровна –

студентка V курса Оренбургского
государственного педагогического
университета

МЫСЕНКО Ольга Михайловна –

кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и методики преподавания русского
языка Оренбургского
государственного педагогического
университета

НЕСТЕРОВ

Александр Климентьевич –

кандидат педагогических наук,
преподаватель Оренбургского
государственного педагогического
университета

ПАНИНА Лидия Сергеевна –

кандидат филологических наук,
доцент кафедры современного
русского языка, риторики
и культуры речи Оренбургского
государственного педагогического
университета

ПАНИНА Татьяна Сергеевна –

заместитель директора
Государственного учреждения
«Центр документации новейшей
истории Оренбургской области»

ПАСТУХОВА Елена Сергеевна –

аспирант Оренбургского
государственного педагогического
университета

ПРОКОФЬЕВА

Алла Георгиевна –

доктор педагогических наук,
профессор кафедры русской
литературы и методики
преподавания литературы
Оренбургского государственного
педагогического университета

СЕМЕНОВ

Владимир Геннадьевич –

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Отечества
Оренбургского государственного
педагогического университета

СЕРБИНА Наталья Сергеевна –

старший преподаватель
Оренбургского государственного
педагогического университета

СКОКОВА**Татьяна Александровна** –

преподаватель кафедры истории
Отечества Оренбургского
государственного аграрного
университета

СЛУХАЙ Татьяна Алексеевна –

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры современного
русского языка, риторики и культуры
речи Оренбургского государственного
педагогического университета

СОБХИ Абдель-Монем**Абдель-Гавад Юнис** –

преподаватель университета г. Танта
(Арабская Республика Египет)

СТРЕЛЬЦОВА**Тамара Васильевна** –

кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и методики преподавания
Оренбургского государственного
педагогического университета

СУДОРГИНА**Татьяна Владимировна** –

главный специалист комитета
по делам архивов Оренбургской
области

ТОЛСТОШЕЕВА**Людмила Юрьевна** –

аспирантка РГПУ им. А.И. Герцена

ТУГАЙ Татьяна Ивановна –

старший преподаватель кафедры
«Всеобщая история»,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
истории и этнографии
Южного Урала Оренбургского
государственного университета

ФИЛИМОНОВА Ирина Юрьевна –

кандидат географических наук,
доцент кафедры географии
и регионоведения, заместитель
декана геолого-географического
факультета Оренбургского
государственного университета

ФОМИНА Лариса Сергеевна –

студентка филологического
факультета Оренбургского
государственного педагогического
университета

ЧЕРЕНКОВА**Юлия Владимировна** –

аспирант Оренбургского
государственного педагогического
университета

ШАПИЛОВА**Екатерина Анатольевна** –

аспирант Оренбургского
государственного педагогического
университета

ЮГАН Наталья Леонидовна –

кандидат филологических наук,
доцент кафедры всемирной литературы
Луганского национального
университета имени Тараса Шевченко
(Украина, Луганск)

СОДЕРЖАНИЕ

Амелин В.В.

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ И ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ОРЕНБУРЖЬЯ** _____ **3**

«ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО ...»

межрегиональная научно-практическая конференция

Прокофьева А.Г.

РУССКИЙ ГОРОД В ИЗОБРАЖЕНИИ В.И. ДАЛЯ _____ **8**

Судоргина Т.В.

**ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В ОРЕНБУРГЕ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.**
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ) _____ **13**

Панина Л.С.

ЧИН, ЧИНОВНИКИ, И ЧИНОПОЧИТАНИЕ В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК РУССКОГО НАРОДА) _____ **17**

Долин Ю.Т.

ШАГ ВПЕРЕД ИЛИ НАЗАД?
(ОБ ОДНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ «ЭВОЛЮЦИИ»
В АКАДЕМИЧЕСКИХ ГРАМАТИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА) _____ **25**

Аллахвердиева Л.К., Собхи Абдель-Монем Абдель-Гавад Юнис

ПРИКАСАЯСЯ К ИСТОРИИ ЯЗЫКА РУССКОГО НАРОДА ... _____ **28**

Юган Н.Л.

В.И. ДАЛЬ В ЖУРНАЛЕ «МОСКВИТЯНИН» 1840-х гг. _____ **31**

Баймуратова У.С.

**ОБЛАЧЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА КАК НЕВЕРБАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА**
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ) _____ **41**

Беньковская Т.Е.

**ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ШКОЛЕ КАК СПОСОБ ПОСТИЖЕНИЯ УЧАЩИМИСЯ
СЛОВЕСНОГО ИСКУССТВА** _____ **46**

Скокова Т.А.
**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА
ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ В РОМАНЕ «МЕДЕЯ И ЕЕ ДЕТИ»** _____ **52**

Дубцова Е.К.
**ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ
ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ** _____ **58**

Кильдяшов М.А.
**ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ОДНОГО СЛОВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В ТВОРЧЕСТВЕ П.А. ФЛОРЕНСКОГО** _____ **62**

Толстошеева Л.Ю.
**КАТЕГОРИИ НУМЕРОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ:
ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ** _____ **65**

Карельская Е.Н.
**СЛОВА, ПОСТРОЕННЫЕ ПО МОДЕЛИ «СЛОВО + СЛОВО»,
В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ** _____ **68**

Фомина Л.С.
**ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В СБОРНИКЕ В.В. КАРПОВА
«СЕ ЛЯ ВИ... ТАКОВА ЖИЗНЬ»** _____ **70**

Дуспулова А.М.
**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РУССКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА
С ТВОРЧЕСКИМ МЕТОДОМ А. ЧЕХОВА** _____ **73**

Ерофеев К.Г.
КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ _____ **78**

**«СЛАВЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА»
межрегиональная научно-практическая конференция**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Бекасова Е.Н.
**НАСТАВНИКИ И УЧИТЕЛЯ СЛАВЯНСКОГО НАРОДА
(СЦЕНАРИЙ ДЛЯ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМПОЗИЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЯМ СЛАВЯНСКОГО НАРОДА СВЯТЫМ
РАВНОАПОСТОЛЬНЫМ КИРИЛЛУ И МЕФОДИЮ)** _____ **82**

Семенов В.Г.
ОРЕНБУРГСКИЕ КАЗАКИ В ГАЛИЦИЙСКОМ СРАЖЕНИИ 1914 ГОДА _____ **86**

Ланина Т.С.
**ИСТОРИЯ УКРАИНСКИХ СЕЛ САКМАРСКОГО РАЙОНА
ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В ОЧЕРКЕ КРАЕВЕДА Д.Н. МАЙБОРОДЫ** _____ **94**

Этнокультурное развитие и духовные традиции славянских народов Южного Урала
Беньковская Т.Е.

УРОКИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
(О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ ПО ДОКУМЕНТАМ ФОНДОВ ГАОО) _____ **100**

Матвиевская Г.П.
**О ПРЕПОДАВАНИИ МАТЕМАТИКИ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
ОРЕНБУРГА В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.** _____ **105**

Тугай Т.И.
**КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.Я. СТРУМИНСКОГО
И «ЧАСТУШКИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ» (1921 г.)** _____ **107**

Филимонова И.Ю.
**ИСТОРИКО-ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОСТОЧНЫХ СЛAVЯН
ОРЕНБУРГСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА** _____ **115**

Легостаев А.С.
**РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ БЫТИЯ
В ХРИСТОВЩИНЕ И СКОПЧЕСТВЕ** _____ **121**

Кокшаров А.Д.
**ПРИМЕРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ
СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА
И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИХ АКТУАЛИЗАЦИИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ** _____ **128**

Нестеров А.К.
**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СЛАВЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ** _____ **133**

Дюсупова Л.В.
**ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
В АСПЕКТЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И РЕЛИГИИ** _____ **137**

Майдангалиева Ж.А.

**О СТАНОВЛЕНИИ НОВЫХ СТРУКТУРНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ
ПРОЦЕССА ЛИТЕРАТУРНОГО РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНИКОВ
В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИЧЕСКОЙ НАУКЕ** _____ **141**

Болотова М.И.

СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ В СЕМЬЕ _____ **149**

*Русский язык и литература
в координатах славянской духовности*

Панина Л.С.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ РУССКИХ ПРИМЕТ И СУЕВЕРИЙ** _____ **151**

Ляшенко И.Э., Желтова В.И.

**РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
МЕДИЦИНЫ В РОССИИ** _____ **158**

Сербина Н.С.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. ДАЛЯ _____ **160**

Литовка Е.Б.

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЕ ПРАЗДНИКИ СЛАВЯН _____ **164**

Прокофьева А.Г.

**ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ОРЕНБУРГСКИХ ПОЭТОВ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ** _____ **171**

Черенкова Ю.В.

ОБРАЗ РОССИИ В ПОЭЗИИ ЮЖНОГО УРАЛА _____ **174**

Вагапова В.А.

**РУССКИЙ ХАРАКТЕР В ОСМЫСЛЕНИИ А.С. ПУШКИНА
(НА ПРИМЕРЕ ВАРИАТИВНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ
«СКАЗКИ О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ» В 5 КЛАССЕ)** _____ **178**

Мысенко О.М.

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОНИМАХ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» _____ **184**

Иванова Л.В.

РУССКИЙ МЕСЯЦЕСЛОВ В ПОЭЗИИ ОРЕНБУРГСКИХ АВТОРОВ _____ **191**

<i>Стрельцова Т.В.</i> НОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОРЕНБУРГСКИХ АВТОРОВ	195
<i>Слухай Т.А.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ» В ИСКОННОМ И ПРЕОБРАЗОВАННОМ ВИДЕ	197
<i>Шапилова Е.А.</i> ПОВТОР КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ БЫЛИННОГО ТЕКСТА	205
<i>Мелихова М.А.</i> СУДЬБА СЛОВ С ЮЖНОСЛАВЯНСКИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА	208
<i>Прокофьева А.Г.</i> ВКЛАД ОРЕНБУРГСКОЙ ПРОЗЫ В РАЗРАБОТКУ ПУГАЧЕВСКОЙ ТЕМЫ (О РОМАНЕ Н.КОРСУНОВА «ЛОБНОЕ МЕСТО»)	211
<i>Пастухова Е.С.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА САМООПИСАНИЯ В РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ М. ЦВЕТАЕВОЙ)	218
<i>Андреев И.С.</i> ОТРАЖЕНИЕ АКАНЬЯ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ ЮЖНОРУССКОГО НАРЕЧИЯ XVII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ОТКАЗНЫХ КНИГ)	222
<i>Лавкова И.А.</i> УВАЖАЕМЫЙ ИЛИ РЕСПЕКТАБЕЛЬНЫЙ?	225
<i>Лобанова И.Н.</i> ПРОЯВЛЕНИЕ ЛАБИАЛИЗАЦИИ [Е] В МОСКОВСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА	229
<i>Ляхта Е. А.</i> СИМБИОЗ РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО В ПОСЛАНИИ ИВАНА ГРОЗНОГО В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ	231